Молодая гвардия

12 • 1986

Георгий Константинович ЖУКОВ

К 90-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● ПОЭЗИЯ

Владимир ДАГУРОВ. **Понимая долю сыновью...** Стихи 3

● ПРОЗА

Андрей БЛИНОВ. **След на земле.** Рассказ 9

● ПОЭЗИЯ

Геннадий ГОЦ. **Мир и хлеб.** Поэма 40

● ПРОЗА

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ. **Заблудившийся крик.** Роман. Окончание 51

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» 129

Н. ВАСИЛЬЕВ. **Полководец Жуков.** К 90-летию со дня рождения Г. К. Жукова 130

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Стратегия ускорения: поиск, качество, человеческий фактор

Виталий ПАНОВ. **Елагинские миллионы** 186

«Молодая гвардия» на шефской вахте

Николай ТКАЧЕНКО. **Город одного хозяина** 197

К 45-летию разгрома фашистских войск под Москвой

А. П. БЕЛОБОРОДОВ, генерал армии. **Память сердца** 213

● ИСКУССТВО

К 45-летию разгрома фашистских войск под Москвой

Юрий ТЮРИН. **И клятву верности сдержали...** 220

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ирина ШЕВЕЛЕВА. **Необходимость выбора.** Заметки о журнальной прозе 229

К 10-летию постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью»

Н. БУХАНЦОВ. **Книги и судьбы молодых** 248

К 90-летию со дня рождения Н. С. Тихонова

Татьяна ШАРОЕВА. **Жизнь — деяние** 256

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

В. ФИРСОВ. **Под оком вселенной.** Б. СУПОНЕВ. **В поисках истины.** Игорь ЖЕГЛОВ. **«...Силой правды и любви...»** 259

● КРУГ ЧТЕНИЯ 271

Роман о мужестве русских моряков. Обзор писем читателей 278

Содержание журнала «Молодая гвардия» за 1986 год 284

«Молодая гвардия», 1986, № 12, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55, отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

© «Молодая гвардия», 1986 г.

ПОЭЗИЯ

Владимир ДАГУРОВ

ПОНИМАЯ ДОЛЮ СЫНОВЬЮ...

* * *

У детства каждого — деревня
у белой рощи на краю,
где вековечные деревья
судьбу напутствуют твою,

где учат лошадь и корова
земному вечному добру,
и на земле не будет крова
тому, кто здесь не ко двору...

У каждой юности есть город,
который должен стать своим,
где счастья сладостного голод
не утолить вовек двоим,

где над тайгою звезды пляшут,
как будто искры от костра,
и под гитару кто-то плачет,
и спать не может до утра...

Я горизонтов новых жаждал
в своей размашистой стране.
Огромный город, он однажды
вдруг показался тесным мне.

Но если пристальнее вдуматься,
то в этом жизнь отражена:
деревня детства,
город юности
и позже —
взрослости страна!

УРОК ИСТОРИИ В 1947 ГОДУ

За хлебом выстроилась очередь,
и в этом медленном строю
я в ватнике,
под ветром скорченный,
с пяти часов утра стою...
Сейчас учительница строгая
урок истории ведет...
Но что походы мне крестовые,
когда буханку мама ждет?
Я мушкетерам в шляпах фетровых
про папин подвиг расскажу
и на ладони фиолетовый
трехзначный номер покажу.
Для нас тогда урок истории
был не в преданьях старины —
в очередях больших, которые
берут начало от войны.
Там в разговорах —
правда с вымыслом,
там люди падали без чувств.
Страна
войну какую
вынесла,
я слышал там
из первых уст.
Когда ж к прилавку подходила
к обеду очередь моя,
я знал:
не хлебом жить единым
на белом свете буду я!

РОДОСЛОВНАЯ

Отец — с Байкала,
мама — из-под Тулы.
От их любви — и облик, и язык:
бурятские размашистые скулы
и разговор славянский напрямик.

Я вспоминаю Сенькин луг у Плавска,
и мост Грачев, и церковь на холме,
под тульскую гармонь девчонок пляску —
и сердце бьется русско во мне.

А вспомню ледяной огонь Байкала
и с серебристым светом небеса, —
каким шаманом сердце приковало
к тебе, улус отцовский Тараса̀?

Втяну ноздрями запах ая-ганги,
на ехоре* в вечерней тишине
увижу я красавицу в хубхайнхи **,
и вспыхнет кровь бурятская во мне.

Из Тарасы в Иркутск иду и вижу
тот самый Александровский централ,
где декабрист санкт-петербургский ближе,
чем лама и шаман, буряту стал.

И понимаю долю я сыновью
как верность сердца, а не зов крови.
В мир явленный родительской любовью,
всегда достоин буду их любви!

МЕЧТА

Как светло и щемяще я в юности грезил:
удеру из комфорта, накинув рюкзак, —
жизнь начну от нуля,
чтоб сибирские ГРЭСы
электросваркой пылали в глазах.

---

* Ехор — бурятский национальный танец.
** Хубхайнхи — женская нарядная одежда.

Чтобы чаем пахучим,
крутым да покрепче,
после смены с друзьями я грелся в ночи,
чтоб впервые постиг выразительность речи,
когда сам бригадир
на тебя накричит!

Чтоб дрова мы рубили на звонком морозе,
чтобы утром купались в парной полынье,
чтоб проспекты в тайге начинались от просек,
чтобы пела душа в лад гитарной струне,
чтобы телом и сердцем
сумел бы я вжиться
в металлический мир кружевных арматур,
чтоб такой я роман закрутил с крановщицей —
никакой бы не смог отразить драматург!
Моя совесть чиста,
но мечта о Сибири
не сбылась, и нет-нет — мое сердце кольнет...
Так бывает,
когда я гляжу из квартиры,
как летит высоко в небесах самолет...

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Мама с душевной тревогой в очах.
Бабушка в фартуке там, где очаг.
Папа с суровым молчаньем в лице:
Грудь в орденах
и немного в свинце.
Рядом три парня — сыновний триптих,
Как подобрать непохожих таких?
Снимок любительский, чем же он плох?
Быт повседневный застигнут врасплох.
Все мы — живые,
такие, как есть.
Каждому столько пришлось перенесть...
Гляну на фото —
и страшен же я!
Все же счастливая наша семья!

ПОРТ НАХОДКА

Магеллан океан-океанище
Тихим в шутку, должно быть, назвал...
Трое суток нет судну пристанища.
Трое суток свирепствует шквал.
Шторм клокочет,
безумствуют ветры,
хлябь небесную режет гроза,
и матросы на реях корвета
смотрят
собственной смерти в глаза.
Вдруг на вахте —
луженая глотка! —
заорал что есть силы матрос:
«Вижу тихую бухту!
Находка!»
И глазами к биноклю прирос.
Словно чудо
лежала та бухта —
форт моряцкий,
и небыль, и быль,
и такой —
шторма не было будто —
в ней царил упоительный штиль!..
Ты, Находка,
и вправду находка:
гляну с сопки —
суда да суда.
Не пропащая кабы погодка —
привела бы другая судьба.
Ты надела рабочую робу
и торгуешь со всеми равно,
и, как Питер когда-то —
в Европу,
ты нам в Азию рубишь окно!

НЕВЕСТА

Вздрогнет море,
вспыхнут горы,
громом грянут небеса,
и обрушится на город

грандиозная гроза!
Упадет звезда с зенита,
и возникнет предо мной
неземная Аэлита
в ситуации земной...
Но какую, право, тайну
можно было бы найти
в тихой девочке, случайно
повстречавшейся в пути?
Легкомысленная с виду,
счастье хрупкое храня,
превращается в планиду
и невесту для меня.
И, ведя единоборство
с той далекой, неземной,
победительно и просто
обращается со мной.
Улыбаются лукаво
ее серые глаза —
и смиряются вулканы,
и сияют небеса!

* * *

Путь от Домодедова до дома
мне трудней дается, чем в тайге.
Я предстану наподобье грома
в ясный день с багульником в руке.

Открывай же двери мне немедля.
Восклицай беспомощное «ах!».
Тают километры и недели
на соприкоснувшихся губах.

Рис. Ю. Макарова

Андрей БЛИНОВ

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Рассказ

1

Они сегодня прощались, отец и сын Семилуковы. Не совсем обычное это было прощание. Ни тот ни другой не хотел такого. Но все сложилось так, что иначе не могло и быть.

Отец, как всегда, рано уходил на работу, и сын заторопился проводить его — время до самолета еще оставалось. Как они могли знать, что это их последняя дорога вместе?

А утро начиналось смутное, непривычное здесь, в горах, где за ночь воздух обычно холодал, очищался, делался прозрачным, резковато пахнул озоном. Где-то на севере горели леса, тлели толщи торфяников, и едкий дым стлался по Великой Русской равнине до самых гор, застилая небо, мутя и тревожа души.

Вот из-за гребня гор выкатилось солнце, красное и уже с утра усталое, белая громада Эльбруса, всегда такая сахаристо-чистая, стушевалась, казалось, ее вдруг запорошило каким-то неземным пеплом.

— Что же, и на аэродром не проводишь? — спросил сын, и в его ожидающем взгляде возникла надежда и в то же время досада. Он еще надеялся, что отец поймет его и они вместе поедут в аэропорт. Но тот лишь скосил в его сторону тоскующие глаза, потом вновь перевел взгляд на далекого, призрачного двугорбого великана.

— Трудно сегодня, — ответил отец, и сын увидел за скупостью слов и скрытостью внешних эмоций всего его, предельно деловитого и сжатого, как пружина. Но понимая, что минута сейчас была вовсе не простая, отец счел нужным объяснить:

— Черт бы их побрал, где-то застрял вагон взрывчатки. Вчера сорвались взрывные работы. Так что с утра придется горячо.

Но чувствуя, что сын примет это за отговорку: подумаешь, какой-то час, что станет с его карьером, отец повернулся, взглянул на расстроенное лицо Ильи:

— Лучше уж ты проводи меня. До трамвая.

И вот они шли рядом, спускаясь по узкому крутому переулку, а справа и слева, уступами вздымаясь вверх, кряжились новые здания санаториев. Курортный пояс — гордость и сама жизнь города.

Они оба множество раз вместе и порознь спускались по этой дорожке, мимо рынка, шумного и разноцветного своей неповторимой южной пестротой, к остановке трамвая, что храбро взбирался на кручи и с великой осторожностью мчался вниз. Трамвай, чуть ли не самый первый в России, был так же неотделим от города, как горы и санатории. И вот они шли к остановке, у которой им было суждено окончательно разойтись. Но как же они были

схожи. Оба статные, красивые, рослые. Старший красив своей крепостью, лицом горбоносым и смуглым, с жесткими мужскими чертами. Война, а потом долгое лихолетье разрухи прочертили на нем несмываемые меты времени — волю и твердость. И еще отличала его непонятная скованность, что бывает у тех, кого подводит слух (а отец был контужен на фронте). Из-под кепки с коротким козырьком, что назывались тут лермонтовками, кружком вытекали седые волосы. Бывает седина синеватая, серая, даже голубоватая, а у него была белая как снег, без оттенков. Плечи его округлые, покатые, казалось, могли принять на себя большие земные тяготы; строгая рабочая блуза с накладными карманами и брюки с простроченной стрелкой делали его похожим на рабочего человека, имеющего дело с тяжестями. Вот только руки, вернее, их кисти, а еще точнее — пальцы, они, как у часовщика, тонкие и чуткие.

В голубом спортивном костюме с белыми лишиями отворочки сын как бы повторял отца в юности, похожий на него и статью и лицом, и плечи его уже прямились, готовые выбрать по себе ношу. И вот лицо... Под юношеской мягкостью черт уже чувствовалась воля, а в сине-серых отцовских глазах с теплым добрым светом сторожко держались твердость и определенность. Видно, что на смену старшему шел новый человек с более подвижными чувствами.

В короткой дороге мало что можно было сказать в продолжение их прошлых бесед, и потому ни один, ни другой не хотели возвращаться к тому, что обговорено, решено каждым по-своему, каждый не хотел ничем поступиться. Шли, обмениваясь незначительными словами, а то и молчали. Отца многие знали в городе, и на остановке он, кажется, даже обрадовался, когда, приветствуя его, знакомые пытались завести разговор: «Никак сынок? Вот вымахал!», «В чужом доме, известно, дети растут незаметно...», «К тебе, на гору, или...» Было в этих суждениях и вопросах на ходу нечто простовато-провинциальное, не берущее в счет те сложные связи, которые ткет современная жизнь. Но что поделаешь с людьми, они-то говорят и предполагают от чистого сердца. Отец сказал:

— Ну, пока, Илья. Трудно станет, не забывай, что у тебя есть отец. — И протянул ему руку. Тут подошел трамвай, и, отпустив руку сына, как бы легко оттолкнув ее, отец прыгнул в вагон и не оглянулся. А что стоило

ему пропустить этот трамвай, побыть вместе еще десяток минут. Не торопиться как на пожар, ну, хотя бы рукой махнуть. Не сошлись во взглядах — так ведь родные же. Но не личное встало между ними, нет. И не в характерах дело, а совсем, совсем в другом...

...И вот сын поднялся в дом. Сидя у стола, плакала мать. Когда она плакала, то делалась такой беспомощной, что смотреть на нее было сплошной мукой. Красивая и в свои пятьдесят лет — с крутыми черными бровями, белой, будто нарисованной, прядью в темно-русых волосах, с добрыми грустноватыми глазами — она была самым дорогим для Ильи человеком. Отец, конечно, делал все, чтобы из него, единственного сына, вышел со временем настоящий мужчина, а мать научила удивляться солнечному лучу, первому весеннему цветку, синице, нечаянно заглянувшей в окно и стуком клювика о стекло напоминающей о себе. И было это с первых дней, как он запомнил, и до сегодняшней поры. Может, потому было, что мать для всех, кого она учила, оставалась наставницей, и ее ученики, уже ставшие бородачами, все еще казались ей несмышленышами, не видящими, что в мире так много удивительного.

— Ну, конец раздору или нет? — спросила она, взглянув на сына. Ему невыносимо было видеть ее плачуще-ожидающие глаза, и он готов был бы сделать все, чтобы она не плакала, но не знал как.

— Мама, это не раздор. Это совсем другое... Мы разошлись во взглядах.

— Из-за горы-то, Илюша. Из-за камня...

— Мама, ты же понимаешь, что это не так.

Она помолчала, вытерла платком глаза, сложила на столе безвольные руки.

— Хочу понять. Стараюсь. Одно тебе скажу, сынок, отец-то у тебя — таких поискать. Честный он, совестливый. А работник? Вон какое хозяйство на голом месте соорудил. Люди к нему с какой лаской, слыхал, поди? Митрофаныч да Митрофаныч. Хотя и не прост и строг ведь, строг...

Она видела — как не видеть, — сын с утра такой беспокойный, в глазах то виноватость, то решительность.

«Двоится, поди, душа, — предугадывала мать. — Родные ведь. И всю жизнь привязаны друг к другу, страсть как привязаны... А тут разошлись».

2

Когда трамвай хлопнул дверьми и тронулся, у Василия Митрофановича вроде закостенела шея, и он не мог повернуть головы, сидел прямо, уставившись в переднее стекло. Но вот мелькнул голубой блик на стекле с отражением сына, и голова отца невольно повернулась туда, где остался стоять Илья. А его уже не было. «Зачем же я его так? Обида? Не могу осилить». Непонятная боль вдруг зажала сердце, будто чья-то рука взяла его и начала сдавливать. Такого с ним еще не случалось. Он сунул руку под блузу, ладонью потер грудь, придвинулся к окну, глубоко вдохнул рвущийся навстречу воздух и скованно затих. И хотя воздух был горек и не освежал, однако боль в груди стала проходить. Он вспомнил: врач не раз наказывал иметь при себе таблетки, — но он не принимал этого всерьез и теперь вот, как только боль отступила, снова дал волю мыслям. А мысли все тянулись к сыну, кружились вокруг него. Кто спорит, Илья взрослый, волен сам решать, где ему жить и работать. Ну, не захотел у отца, на карьере, романтика потянула в дальние земли. Но рано или поздно придет зрелое понимание жизни, придет. Известное дело, в Сибири пряниками тоже зазря не кормят. Покуролесит, покуражится, придет к отцу с поклоном. Ну а если не придет — экое дело. Учись плавать сам, коль захотел...

Сын прилетал ранним московским рейсом, и они с матерью загодя приехали на аэродром. Утро мглистое, душное. Предгорная степь не успела остыть за ночь, дышала пыльным теплом. Позади редким разбросом темнели горы. Со стороны солнца они, залитые утренним светом, сияли свежо, радостно. Отсюда же, с теневой стороны, обращенной к аэродрому, горы казались огромными черными рваными дырами, торопливо и небрежно вырезанными в хрупкой синеве неба.

Вот и его самолет... Подрулил почти что к самому аэровокзалу, будто карету подали к подъезду. К белому лайнеру подогнали трапы, и люди поначалу несмело, а потом все напористее стали выталкиваться в овальные выходы. Первые уже достигли земли, когда на площадке мать увидела сына.

— Вон Илья, гляди, отец...

Тут увидел сына и Семилуков. Его русый чуб трепал

ветер. С верхней ступени Илья оглядел площадку между зданиями и увидел их за высокой оградой, улыбнулся, помахал рукой и не спеша стал спускаться, высокий и стройный. Он был близок родителям и любим, и они, наблюдая, как он шел к ним, размахивая портфелем, волновались и радовались ему. Подошел к ограде. Мать потянулась к нему лицом между толстыми железными прутьями, и он поцеловал ее, чмокнув неловко, смущенно, а с отцом легонько стукнулись лоб в лоб, будто пободались.

И вот он рядом с ними.

— Поехали! Хочу домой...

Мать в мгновенной растерянности взглянула вначале на отца, потом на сына, спросила:

— Сынок, а вещи? Давай подождем, и тогда уж сразу...

Сын неопределенно махнул рукой, а мать и отец, еще раз переглянувшись, не зная, как все это понимать, оставили на совести сына: чай, не маленький...

Они с матерью истомились этой весной, ожидаючи его после защиты диплома. Ну хоть бы весточку подал. Хитрое ли дело телеграмму отбить или поднять трубку телефона. О чем только они вдвоем не передумали? Вдруг завалился на защите диплома? Нет, не могло этого быть. Тема верная, редкая, сын практиковался под надзором отца, на его карьере. Он с детства его знал, как свой дом. Редкая фактура привалила ему, в пору кандидатскую писать: бери только да шевели мозгами. Может, так и случилось бы, имей он голову на плечах. Да и на карьер, где ждала его интересная работа технолога, двери нараспашку открыты: берись за дело по-взрослому, зрело осмысли тот же самый материал. Если бы...

Ох это если бы! Василий Митрофанович не любил эту условную форму, его военная специальность сапера не позволяла надеяться на «если бы»... «Если бы знал...», «Если бы ведал...» В минном деле это всегда худо.

Но вот ведь счастье. Наконец-то они дождались сына. Радость глупая, вроде не стариковская еще, просто родительская... И все это вдруг «село», как здание без надежного фундамента. Столько лет возводили его, а тут все перекосилось: сын-то приехал всего-навсего на трехдневную побывку, а не на работу к отцу на карьер, куда его

распределили по всем правилам и по его желанию. Ну и это, подумаешь, пережилось бы. А он как себя повел? Вспомянешь — мороз по коже. Уж у него-то, Семилукова, бывшего сапера, да мороз... Сколько за войну он разгадал и обезвредил хитрых минных устройств. Да и сейчас еще о нем вспоминают, когда потребуется. Армейским командирам откуда-то известен его телефон: «Василий Митрофанович, не взглянете ли опытным глазом? Эхо войны в горах обнаружили». Не раз ехал, в штатском, на одной скамейке с саперами, шел к поржавевшей смерти. И сейчас у него не было условности «если бы да кабы...». Шел с уверенностью и побеждал.

А что у сына, у его сына появилось нечто схожее с замедленным взрывным устройством, он и мысли не допускал. И устройство тем более опасное, что самодельное, а значит, кустарное, какие попадаются один раз в жизни.

С особым чувством, близким к нежности, оглядел Семилуков снизу просторную площадку карьера у подножия горы Ящерка. Имечко кто-то придумал, ничего не скажешь — ласковое. За ним вроде и ничего серьезного: так себе, горушка. А она — ого! Не один десяток лет назад карьер, названный «Великаном», колупает ее, колупает, а ей хоть бы что. Сколько же еще годиков сражаться с ней «Великану»? Ее соседка гора Штык уже приказала долго жить. Имени на земле не оставила, а людям добром послужила. В послевоенные годы камень требовался для строек.

От шоссе до карьера рукой подать, и Семилуков всегда ходил тут пешком. И сегодня пошагал. Эта короткая дорога давала возможность сосредоточиться, настраивала на дело. Ко всему он тут привык, никогда бы не променял ни на что другое. Почти вся его жизнь в послевоенные годы — это его противоборство с Ящеркой.

Семилуков приостановился, чтобы перевести дыхание. Перед ним Ящерка закрывала половину горизонта, справа, где степи споткнулись о плоскогорье, стлалось летное поле аэродрома. Белые сигары самолетов одиноко терялись в дымном мареве. «Все же похудела малость Ящерка», — подумал Семилуков, с удовольствием отмечая, как вправо расширился горизонт и лучше теперь виделись строения аэропорта. Вдруг сердце его опять нехорошо сжалось — аэропорт и самолеты напомнили о неизбежном — сын улетает... Но вот он увидел четко прорисованную на смутном небе силовую опору и тотчас

вспомнил, как вертолет ставил ее чуть не на самой макушке Ящерки. Когда подали туда ток, стали вести разработку по его проекту, сверху отпала нужда вывозить камень. Он сам катился вниз по впадинам, будто по лоткам. Лес и кустарники рубить не пришлось, их сносили камнепады. Построили дробильный цех, вдвое увеличили объем работ. «Великан» действительно сделался великаном. И Ящерка щедро отдавала себя, а у подножия других гор росли и росли белые города...

На третьем от вершины уступе раз за разом короткими молниями завспыхивал свет. В дымном воздухе, не то что под горным ясным солнцем, он был ярок и резок. Вверху громыхнуло, под облаками родился шум, и вот нарастающий грохот понесся к земле — это камнепад. А под шнеками дробилки уже ожидали погрузки железнодорожные платформы. График сломался, это заботило Семилукова, и он, увлекшись работой, временами забывал, что сегодня улетает сын. Трудно верилось в то, что случилось. И невольно взглядывал он на короткую дорогу от шоссе к «Великану»...

3

— Выпей на дорожку чаю, — предложила мать, глядя на сына заплаканными, грустными глазами.

Они пили чай и говорили о чем угодно, только не о скором расставании, будто оба забыли об этом.

И вдруг мать увидела, как Илья, взглянув на часы, заволновался:

— Мама, мама, засиделись-то мы как!

— Я-то радуюсь: посидели еще!

— Это верно, мама. Посидели. Когда еще придется? — И он заторопился, схватил чемодан. — Ну, прощай, дорогая моя. Верю, ты не в обиде на меня?

Он обнял ее, слабевшую, прильнувшую к нему, бессильно повисшую у него на руках.

— Все, значит? — переспросила тихим, срывающимся голосом. — Разошлись?

— Зачем, мама, так? Отец, он ведь опомнится... — Он снова хотел прощально обнять ее, но она твердо проговорила:

— Я провожу.

— Да, да, мама, проводи, — с радостью согласился он. — Изловим такси — и бегом. Да не переодевайся, не

надо, — остановил он ее, пытавшуюся скинуть вязаную голубую кофту. — Она тебе идет, да и на аэродроме всегда ветрено.

Они вышли. Скоро поймали такси, уселись, от волнения едва переведя дыхание. Машина выскочила за город, и дорога, дугой огибая Ящерку, побежала сквозь зеленые сады и поля, мимо стоящих у подножия горы обсыпанных белой пылью цехов «Великана». Высоко на уступе маячила железная опора, ниже, в забоях, что-то беззвучно посверкивало. Блестели под солнцем скальные сколы, а кое-где в яминах старой ветошью висели остатки прежних зеленых одежд Ящерки. Илья отвернулся, тягостный вид горы судорогой сжал сердце.

— Мама, — сказал он наконец. — Погляди, какой разор. Чем его восполнить? Ничем никому и не суметь. Видишь, стоит она, одинокая, гордая и горестная. Да она же похожа на женщину, изуродованную насилием, раздетую прилюдно.

— Да ты говоришь о ней как о живой...

— А разве она для тебя не живая? Помнишь, в сказке: «И прибежала тогда юркая ящерка, подняла голову, принюхиваясь, откуда дует злой ветер, и на глазах людей стала расти, расти, пока не загородила дорогу жарким струям. И чтобы показать свою силу и постоянство, окаменела». Такая она в сознании людей, может, тысячи лет. Надругаться над ней, не значит ли что-то разрушить в душе человека?

— Что же, по-твоему?

— Веру в свою порядочность. Природа — это же наш общий дом. Если мы начнем его рушить своими руками...

Мать молчала. Перед ними слева медленно поворачивалась Ящерка, подставляя взору свои изуродованные бока. Щемящая тоска захлестнула сына, когда он увидел, как спокойна была мать. «И она не понимает... Как же так?» — растерянно подумал он. Но вот она повернулась к нему и остановила свой взгляд на его лице, таком родном и таком несчастном. «Как ему тяжело, если он об этом все время думает?» Ей было как-то неловко перед сыном, которого с малолетства учила любить природу. В то же время она сейчас не могла усомниться в верности того, что делает ее Митрофаныч.

— Эх, Илюша, разве люди так уж только и думают, красивая она или нет, наша Ящерка? — спросила она, почти точно зная, что ранит этим сына.

— Ну уж это ты сама знаешь, мама. Люди, если и не думают, то чувствуют. Ведь красивое лечит, а безобразное...

— Да-а-а... — Она задумалась, крутые брови ее выпрямились. — Это вас и поссорило с отцом?

— Ссора — пустяк, мама. Если дело серьезное — это уже вражда.

— И что же, отец делает не то?

— Он не понимает, что рушит ландшафт. Ты же географ, мама, знаешь, как дороги людям и Байкал, и Женевское озеро, и Ниагарский водопад, и горы — красивейшие горы Кавказа. Если бы он это понял, он ушел бы с Ящерки, но он заблуждается. Именно заблуждается, как и ты. Я верю, что он честный. Даже слишком.

— А это что, худо? Что ты говоришь, Илья? — Она возмутилась искренне, и брови ее выгнулись в дуги. — Он же, он... Такое дело у него...

Сын ответил не сразу, ей показалось, что он и сам попал в тупик. Но Илья заговорил снова:

— Пожалуй, мне трудно объяснить. Боюсь обидеть его за глаза, да и тебя. Вот ищу слово. Да, слишком честный — не то. А вот слепо честный — это точнее. — Сын замолчал, взглянул на нее: она сидела насупленная, брови ее построжели.— Понимаешь, если человек так старается, что готов лоб разбить, ему, конечно, некогда оглянуться... А надо, пора оглядываться.

Мать покачала головой: нет, он все-таки ничего не объяснил. И с горечью подумала, что их сын, а таких ведь, наверно, много, не будет стараться так, как всю жизнь старался отец.

— На что же ему оглядываться, скажи? Тебе всегда там нравилось, неужто неправда? — опять удивилась она.

— Все правда, мама. Лучшего я не видел. Как отец все сделал. Технология, порядок, экономика — все на месте.— Он махнул рукой.— А потом я не мог смотреть, не мог радоваться, видя его рационализм: больше, больше!

— Ох какое наваждение! — Она истово возмутилась.— Да что это такое на тебя нашло, почему?

Шофер лихо подрулил к аэропорту, где несусветная сутолока захлестнула подступы к аэровокзалу. Вот сдан багаж, еще осталось время, и они поднялись на второй этаж, в высокий зал с окнами во всю стену. Илья купил мороженого, и они пристроились за круглым мраморным

столиком. Развертывая брикет, поглядывал в окно, где к самолетам тянулись цепочки людей; мать глядела на него, думала, что вот он улетит и забудет про нее, у многих это бывает, и вспомнила про мужа, с которым ей так легко жить. Он — цельный характером, порядочный, любящий и ее, и дом свой... Сам видный и на виду у всех. Ей хотелось, чтобы и сын был таким, и та женщина, которая с ним будет, тоже не осталась бы с кургузым счастьем в руках. Потом Илья отвернулся от окна, и она увидела в его глазах непроходящую боль. Прикрыла своей ладонью его руку, попросила:

— Ешь, ты ведь не разлюбил мороженого, когда стал взрослым?

— Что ты, мама. Я как маленький. В Москве, бывало, за будку где-нибудь спрячусь и ем — стыдоба!

«Он впрямь совсем еще маленький...» И снова заговорила:

— Так что же такое на тебя нашло? Почему? — вспомнила свой вопрос к нему и не оконченный в такси разговор.

— Зачем тебе, мама? Лучше не знать... У нас ведь мужское дело.

— Вот-вот, мужики, тоже мне... — Брови ее дрогнули. — Отец то же заладил... И ни слова, о чем думает, вернувшись с работы. Ты ведь там у него бывал? Спорили вы? Да что я спрашиваю, конечно, спорили.

— Все было, мама. Еще бы... Каково ему перенести мой отказ! И я, конечно, выгляжу перед ним свинья свиньей...

— Вот ведь сам понимаешь...

— Понимаю, мама, все понимаю... Но не хочу, чтобы и мне вслед бросали камни, как будут бросать ему вслед... Выходит, мой камень первый, когда еще ему ничего вроде не грозит...

— А что ему будет грозить?

— Как что? Не верю, что ты, мама, не знаешь, не чувствуешь. Ты любишь красоту и нам внушала... Это же достояние людей. А то, что ее рушит, разве спасибо ему кто скажет? А если вся его работа изменит природный режим, то степные ветры задымят наши курорты, как ты это уже чувствуешь, изменится водный режим и пропадут врачующие минеральные воды. Как ты думаешь, погладят его по головке, вспомнят добром? Если нет, то за-

чем же он строит санатории, если тут же под корень рубит их?

— Никто ему камень вслед не бросит, ты это зря, Илюша. За такие красивые города, удобные санатории — кто его похулит? — сказала уже как-то менее уверенно, вроде отделяя эти города от самой природы. Она уже видела, что так не бывает, что в ее словах есть что-то такое, чего она еще не понимает, очевидно, не понимал этого и отец, но она все стояла на своем, не давая его в обиду. Сын, наверно, что-то еще имел в виду, не мог же он так элементарно говорить с отцом, который и без него это знает... Но что может сделать отец? Сам закрыть карьер, что ли? Ну уйдет он, придет другой, что изменится?

Она сказала об этом сыну, а он будто того и ждал, обрадовался, что она понимает это, и сказал с облегчением:

— Да, мама, да. Важнее всего жизненная позиция человека...

Но она не понимала этого, так и сказала:

— Не понимаю я, Илья. И никогда не пойму, наверно. А ты это понял? И когда?

— Понял. Но когда, не знаю, мама... Я ведь так любил отцов карьер. Помню, как в детстве в войну там с мальчишками играли. Где-нибудь прячемся за скалой, ждем, когда «рванет». А когда «рвануло», бежим на врага и кричим «ура!» во всю глотку. Я это еще тогда знал, что камень — основа основ строительства. А после, в институте, стал понимать, что не всякий камень, нет, и что города и горы не враги — друзья.

Илья замолчал, с глубокой грустью в глазах смотрел на Ящерку.

— Да, мама, пожалуй, есть время отсчета,— заговорил он, — есть. Однажды видел... В Москве пробивали улицу — по живому. Людей, естественно, переселили, дали новые квартиры. Мы ходили по пустому ничейному жилью. Старые особняки... Роспись, изразцы. Лепнина. Окошки, окошечки, оконца... Лестницы — мрамор как снег белый. Кое-что уже растащено... И знаешь, утром чуть свет нацелились бульдозеры...

— И что же?

— Простояли так полсмены, ушли. Бригада отказалась рушить чудо.

— Остались дома? — В голосе матери невольно просочилась надежда.

— Прислали других бульдозеристов...— ответил сын.

— Объявляется посадка...— раздалось под сводами зала. Рейс был его, Ильи.

— Ну все, мама...

— Так что с теми домами?.. Ой, Илья, так ты взаправду улетаешь? — с растерянностью спросила его, забыв про свой вопрос.

— Да, мама. «Взаправду» — хорошее слово...

— Илюша, не верю, что наша Ящерка, растерзанная, как ты говоришь, каменная, гонит тебя из дому. Может, живая у тебя Ящерка есть, она и тянет туда. Ну, невеста, жена?.. Ты ни слова о ней не сказал, а спрашивать — уместно ли? Скажи — и полегчает мне. Ты уедешь, а мы-то с Митрофанычем останемся.

Сын схватил сумку, улыбнулся. Улыбка его такая мягкая, открытая: вот чем он не похож на отца с его суровым горбоносым лицом.

— Есть, мама, Ящерка, чего мне таиться? Не жена еще и даже не невеста. Не она тянет меня в Сибирь, а сама едет за мной...

— Хороша ли?

— Красивая. Умница. Понимает меня.

— Любишь?

— Люблю.

— Чего не привез?

— Поехала к отцу с матерью. Свои у них дела, может, не легче наших.

Они спускались по лестнице. Сын не торопился, не бежал по-сумасшедшему, как другие. Спустившись, оглядел толпу. «Не отца ли хочет увидеть?» Обнял ее, и она почувствовала, как он вздрогнул всем телом. «И у него душа болит. Бедный мальчик, с таких пор сам по себе».

Сын ушел. Ей снова пришлось подняться на второй этаж, чтобы через окно еще раз увидеть его. Вот и он шагает не торопясь, будто и спешить ему некуда, оглянулся, поискал ее взглядом внизу, на первом этаже. Она махала ему рукой сверху, махала и звала. Не догадалась побыстрее выбежать на улицу и хотя бы взглядом проводить его самолет, а когда опомнилась, от самолета и следа не осталось — растаял в серой мути дымного неба. И как-то вдруг пусто стало в душе. И еще гуще показался смрадный воздух аэродрома, от него спирало грудь, давило под горлом. Загорелые, оживленные, еще не ус-

певшие отрешиться от праздной курортной жизни, люди суетливо мельтешили перед глазами.

«А есть ли смысл в том, что мы живем, что-то делаем, страдаем и радуемся, оставляя после себя землю ничуть не лучше, а, может, еще хуже, чем она была?» — думала Евдокия Федотовна, стоя у высокой железной решетки и наблюдая, как взлетали и садились самолеты, и вспоминая Митрофаныча. И вдруг ей показалось, что садился и взлетал один, все тот же один самолет, не знающий, куда и как улететь. Странная раздвоенность мучила ее. Кто же прав? Отец или сын? Она расстраивалась, бессильная выбрать между тем, что делает и как думает ее муж, и тем, как хочет жить и думать ее сын, еще не знающий, почем фунт лиха. И вот надо же: вознамерился что-то сломать и что-то построить свое. Но разве это плохо? Да нет, а как же иначе? И те, кто уходит, и те, кто приходит, не могут думать одинаково. В это она верила, была убеждена, что это так. Но вот то, что жизнь на пути к истине разделила отца и сына, и ни тот ни другой не хочет уступать — ни умом, ни сердцем принять не могла. «Да как же это так? Отец так много работает. И работа его добром оборачивается. А сын не может понять?»

Обратная дорога на электричке вокруг обдерганной, раздетой Ящерки оказалась для нее куда тягостнее, чем проводы сына. Да, сын прав, мы действительно миримся с тем, что наносим урон и обиды Земле. Но тут же возражала: как можно обидеть мертвое? И ведь получается, что можно. А обидели, разрушили, обезобразили гору, значит, можем разрушить и душу человеческую? Нет, нет, это все разное. И сын не вправе судить отца за то, что тот законно делает для людей добро, поступаясь одним и платя другим.

Ну кто не помнит, когда тут по скатам круглой горы, напротив Ящерки, лепились убогие мазанки под потемневшими папахами соломенных крыш. А теперь-то вон не дома, а домища. Значит, человек, переустраивая жизнь, должен рушить одно, а другое возводить. А как же иначе?

Железно постукивали колеса электрички. Перед окнами медленно поворачивалась Ящерка, показывая блестевшие сколами бока. Колюче-лучистыми звездочками вспыхивали на высоте огоньки. И тут ей вспомнился теперь уже далекий день, когда вовсю дышал «Великан». Муж позвонил с работы — такая радость — и просил ее по-

слушать местную радиопередачу. И она вся испереживалась, поджидая, когда же подкатит вечер. Чего она только не передумала! И уж никак не ожидала, что за восстановление и развитие курортов Василия Митрофановича, двух рабочих и одного начальника участка с его карьера наградят правительственными наградами. Это была первая послевоенная его награда.

Вручали награды на общем собрании работников карьера. Евдокия Федотовна глядела на мужа, строгого, как всегда, умеющего крепко держать себя в руках, и вдруг увидела, что он заметно волнуется. «Я уточню, — сказал он в своем ответном слове. — Эти награды не только нам, четверым с карьера, но и всем камнедобытчикам... И ей, горе Ящерке. Щедрость ее неоценима». Так что же, он равнял ее с собой? Не отдавая себе отчета, он тогда смотрел на вещи, как через много лет взглянул на них сын? Значит, горы, как люди, живут и умирают или зазря, или оставляют память, добрую или худую. Это уже другое дело. Или он делился с Ящеркой наградой за ее тихую, не героическую смерть?

Верхний рынок еще галдел, но продавцов уже поубавилось, и заметно опустели прилавки. Евдокия Федотовна все же набрала свежей зелени — укропа, петрушки, сельдерея, луку. И чему особенно обрадовалась, так это синеньким — так тут многие называют баклажаны. Дома, пока не вернулся с работы муж, успела сделать салат, на сковородке жарились синенькие, фаршированные морковью и луком. Муж любил это блюдо, и она была довольна, что подгадала приготовить их именно на этот день, чтобы хоть чем-то скрасить его.

Василий Митрофанович прошел на кухню, как всегда, скользяще-осторожными шагами, будто боялся кого-то разбудить, из-под кустистых седых бровей устремил на жену вопрошающий взгляд. Был он спокоен, но сильно утомлен, и она поняла это, на миг оторвав взгляд от плиты.

— Знаю, проводила. Скучаешь? Ну, ничего, ничего. Все к лучшему. — И с нарочитым усердием стал принюхиваться. — Вот это да, синенькие. Угодила!

Руки ее опустились, и она, умоляюще взглянув на него, проговорила:

— Тебе все просто, Василий, а мне один день полжизни стоит. Ждала, надеялась: детский писк-крик услышу у нас в доме. Кто им там, вдалеке, поможет, если дети народятся?

— Он что, женился? А мне ничего не говорил...

Она рассказала ему о признании сына, о том, как провожала его, как после маялась разными думами. Он выслушал ее молча, ни о чем не спрашивая. Самому-то ему легче, что ли?

— Успокойся, Дуся, я бы тоже маялся, да запарка перебивала думы. С одной стороны, обидно, что так вышло. Как подумаю, что я не сумел, на наставил, так хоть кричи. Но с другой... Сколько у нас тут по улицам шляется бескрылых маленьких молодых человечков, тех, что родители при себе держат. Они кто? Пуговицы от отцовских дубленок.

— Да наш Илья — нет, не пуговица. И никогда таким не будет...

Василий Митрофанович задумался. «Можно ли было иначе? Сын-то чья плоть? Твоя, твоя, Василий. Что теперь? Проклинать себя? А что толку?» Они снова и снова возвращались к отъезду сына. Вспоминали, как попрощались да о чем говорили.

Перед тем как сесть ужинать на кухне, муж спросил:

— А что, Дуся, давай переселимся обратно, а?

Речь шла о комнате сына. В ней он родился, вырос. В ней готовил уроки, пока учился в средней школе. А когда жил в Москве, из его комнаты родители сделали нечто вроде столовой. И вот, после трех дней его гостевания, комната снова осталась без хозяина.

— Подождем, — сказала она, подавая ему исходящие горьким ароматом синенькие.

Он не стал спорить.

— И то верно. Может быть, вечная мерзлота отрезвит.

— Ты думаешь, он вернется?

— Ты не об этом подумала?

— Нет, не об этом. Я хочу чувствовать, что он с нами. Просто чувствовать.

«Ох эти женские штучки», — подумал он и чуть было не укорил ее в сентиментальности, но, спохватившись, что и ей не сладко от всей этой истории, сказал:

— И я бы хотел. Может, больше, чем ты. Но не просто чувствовать — видеть рядом. В деле. Понимаешь? В де-

ле! А он сам не захотел... Свобода действия — вот что прежде всего их заботит.

— Кого их? — спросила жена. Готовя ужин, она всего напробовалась и теперь сидела за столом, безучастная к еде.

— Ну нынешнюю молодежь. А ты думала, Илью волнуют настоящие идеи? Ерунда! Побоялся, что тяжко ему станет под отцовской рукой. Я ведь спуску никому не даю.

Она не могла вспомнить, чтобы сын намекал на это, и возразила напористо:

— Ну, отец, зачем ты о нем так? Если уж в Сибирь не боится... Обиделся ты. Чувствую. А из-за чего? Все секретничали. Зачем его уводил на карьер, как не затем, чтобы уберечься от моих ушей.

— Не выдумывай, Дуся... Просто я не мог оставить дело. И еще была мыслишка снова увлечь его.

— Не увлек... Я догадывалась, о чем он тебе говорил... Ландшафт... Опасность изменения климата и оскудения минеральных источников...

— А, чепуха, детский лепет. Ученые все осмотрели, тут комар носа не подточит. — Он сокрушенно покачал головой: — Я думал, Илья ума-разума понабрался. Или хотя бы усвоил, что человек обязан ставить природу себе на службу. А как же иначе, Дуся?

— А скажи, Митрофаныч, что такое жизненная позиция? — спросила она, вспомнив слова сына. Ей было обидно, что получалось, будто у Митрофаныча нет настоящей жизненной позиции. По крайней мере, она почувствовала в словах сына какой-то намек.

Отец отмахнулся.

— А, и тебя втянул, как вижу...

Она пожала плечами. Василий Митрофанович задумался. Да, сын что-то ей рассказал... Но что? И как она восприняла несусветную путаницу его мыслей?

— Ладно, ничего не говори, не надо. — В ее голосе послышалось бесконечное сожаление.

Она не хотела спора, точно не зная, что же все-таки их развело и к какой стороне ей приложиться. Как она обвинит в чем-то мужа, когда всю жизнь он был верен долгу и никогда не позволял себе расслабиться. Да, это так. Расслабленность для него смерти подобна. На фронте он не только знал, но и не раз видел, как расслабленность приводила к ошибке, а сапер, как известно, дваж-

ды ошибиться не мог. Здесь, на горе, он тоже знал, что всякая расслабленность ведет к безответственности, а это — неизбежный срыв дела.

Конечно, то, что отец не нашел общего языка с сыном, вовсе не говорило в пользу первого, а, наоборот, обнаруживало в нем слабость. И то, что он не мог или не хотел раскрыть ей существа их расхождений, значило, что он вовсе не стал от этого сильнее. Где же та его сила духа и характера, во что она без оглядки верила? Это огорчало и настораживало ее. О сыне мысли ее были куда легче и просторней. Он был открытей, безбоязненней, выходит, крепче верил в свою правоту. Жаль, не успел рассказать ей, что же случилось с теми сказочными домами-игрушками на старых улицах Москвы. Может, поэтому она не поняла связи тех домиков с горой Ящеркой. Может быть, тут что-то скрывалось...

4

Лето — пора невообразимой спешки на стройках. И дни незаметно летели в жаркой работе на горе. От Ящерки все больше и больше брали камня. Порой Семилуков уставал от гонки, но преодолевал слабость, и, чувствуя себя словно в развороте боя, старался не подвести смежников. Но хуже работы изматывал бесконечный заочный спор с сыном. Евдокия Федотовна замечала, как все глубже прорезались морщины вокруг его синевато-стальных глаз, как непривычно горбился он, умоляюще просила взять отпуск, отдохнуть, полечиться в санатории, но он удивленно и строго взглядывал на нее: «Да ты что? Серьезно? В такую-то пору?» Но однажды вечером, придя домой особенно усталым, он признался: «Измучился я, Дуся. И не думай, что работа замучила, а Илья. Не договорили мы с ним тогда, не доспорили. Не предвидел, что это так меня заденет». Что она могла ему на это ответить? Успокоить, что рано или поздно все обойдется? Или посоветовать, мол, пересиль себя, напиши ему? Но куда писать? Пока что сын прислал лишь телеграмму: «Долетели благополучно, устраиваемся». Как же они там без пригляду, без догляду? Странное чувство обделенности, какого она никогда не переживала ранее, овладевало ею. Материнское сердце требовало, чтобы у нее на каждый день хватало заботы о тех, кто продолжит их жизнь. Знать, прошло времечко, когда еще думалось для себя по-

жить. Да и было ли оно? Школа, мужнин «Великан» — разве оставляли ей хотя бы час для себя? Правда, сама она не имела привычки лезть в дела мужа, но мысли-то о них не спрашивают дозволения. А теперь и подавно, когда такая размолвка. Этот бесконечный и ненужный его спор с сыном мучительно пугал ее. Она понимала, что отец должен разобраться во всем сам, а не искать ответов на стороне. Чего он хочет? Переубедить сына? Но ведь Илья же упрямец, как и отец. И что тут сделаешь? Главное же, что ее больше всего тревожило, так это то, что не могла до конца понять сути их размолвки. И на этот раз, не выдержав, попросила:

— Ну, скажи наконец вразумительно, в чем вы не согласны друг с другом? И кому нужен этот бестолковый спор заглазно?

— Бестолковый, говоришь? Нет, чем больше думаю, тем он кажется мне обидней. Я-то искал громоотвод: спишу все на его незрелость и успокою душу. Ан нет, не получается. Послушай только, что он сказал: «Ты зря, отец, думаешь, что не подсуден времени. Ничто тебе не зачтется: ни война, ни сто процентов плана, ни ордена, ни белые санатории». Это как же понимать, Дуся? По-твоему, я преступник? Значит, сам поставил тут карьер, а доход кладу себе в карман? Так, что ли?

— Что ты, отец? Не мог он так сказать. Он же в здравом уме.

— Значит, я не в здравом?

Евдокия Федотовна замолчала в полной растерянности.

— Василий, дорогой мой, — произнесла она наконец. — Да остынь ты от всего этого. Не мог он так. Он наверняка говорил: «нам», а не «тебе». Ну вспомни, вспомни...

Он стал вспоминать и действительно засомневался...

....Какой он смешной, когда вот так призадумывался. Она и не помнит, чтобы когда-нибудь он был таким растерянным.

Кажется, Илья действительно напророчил: пришел день, когда над «Великаном» раскатился первый гром.

«Гремят взрывы у курортов»... — так была названа заметка в центральной газете. В ней говорилось о горе

Ящерке и о «Великане», разрушающем ее. Заметка заканчивалась призывом: взрывы не должны греметь!

— Это черт знает что! — возмущался Семилуков. — Как бумага может стерпеть такое? Как могло прийти кому-то в голову — прихлопнуть «Великана»? Недомыслие? Да, вернее всего. И мода к тому же, пошли кричать: гу́бите природу! Леса, верно, их надо растить, они живые да и очищают воздух. А мертвые горы? Скажите спасибо, что они на человека работают...

В тот день взыграло в душе Семилукова защитительное упрямство. Он писал в газету: «Покуда жив строитель, потребуется камень. К счастью, его не надо сеять. Сама жизнь за нас: вот они, курорты, их построили из камня Ящерки! — Лицо Семилукова, когда он писал эти строчки, ожесточилось, глаза сузились. — Меня радуют эти взрывы. Да, да! Я, бывший сапер, о них мечтал. Они — мирные...» Под его письмом поставили свои подписи те, кто с ним начинал работу на карьере. Вот только Сирота отказался...

Сирота Иван Дмитриевич — его надежный друг и помощник, с которым вместе прошли войну, в свое время первым откликнулся на зов Семилукова, когда тому поручили открыть карьер на горе Ящерке. Все эти годы не за страх, а за совесть работал главным инженером «Великана». Он-то и придумал карьеру название. А тут, надо же — не подписал протестующего письма Василия Митрофановича.

Непривычно напряженный вернулся домой в тот вечер Семилуков. Евдокия Федотовна сразу же заметила: не в себе. Как всегда, сели за стол, но он не сразу взялся за вилку, пытаясь начать какой-то разговор, однако непривычно спотыкался на каждом слове, будто не уверенный, что жена поймет его.

— Да что же такое с тобой? — вскинулась Евдокия Федотовна. — Сам мучаешься и меня в тоску вгоняешь.

Василию Митрофановичу ничего не оставалось, как рассказать о заметке в газете и о письме, которое он написал в ответ. Но главное... Как обидел его, оскорбил их дружбу, боевую и трудовую, главный инженер Иван Сирота.

— Чего он добился этим? Природу, так сказать, спас? Ерунда! Не закрывать же наш карьер? Кто позволит? — возмущался Митрофаныч. — Послушай, Дуся... Да он же трус, жалкий, мелкий — тьфу! Он думает смутить

меня. Сбить с толку. Не-ет! Я не запаникую, не брошу дело. Грудью, своей грудью... — Он не мог говорить, задыхался от ярости и обиды.

«А сын говорит, у него нет жизненной позиции», — подумала жена, жалея и боясь за него, верила, что муж ее прав. Уж когда-когда, а теперь-то надо было держаться вместе.

Семилуков замолчал, заново переживая измену друга.

— А что ты думаешь, — спросил он осторожно. — Радуется там Илья нашей беде или нет?

— Да читал ли он эту заметку? — отговорилась она, не в состоянии представить, как же мог сын отнестись к заварухе вокруг Ящерки.

Лето подходило к концу. Разведрилось. Из походов по Кавказу, Черноморью, Каспию возвращались отряды школьников. С завистью слушала Евдокия Федотовна рассказы ребят, сожалея, что прошло то время, когда она сама водила школьников в горы. Илья тоже хаживал с ней. Вернувшись из школы, где отбирала гербарий, слайды, образцы горных пород, принесенные из походов учениками, она нашла в почтовом ящике письмо. От Ильи. Сын писал на ее имя, и это кольнуло ее в сердце. Почему не отцу? «Хочу до конца разобраться в том, что произошло между нами. Но не могу сосредоточиться, все спорю и спорю сам с собой. На беду и здесь творится такое же надругательство над природой, как и у нас, если даже не хуже...»

Василий Митрофанович как забрал письмо Ильи, так его и не вернул. О чем он написал сыну, не стала спрашивать, но в том, что письмо все-таки отправил, сам ей признался.

А тут снова нагрянули трудные времена.

Как-то на карьере появились кинооператоры. Бегали со своими аппаратами в руках, будто с автоматами. И вообще напоминали парашютный десант. Карьер к этому времени после полосы хулы и всяких наскоков вновь приободрился — в республиканском соревновании видное место занял. Премию получил. Семилуков принял «десант» за поддержку и даже от камеры не отворачивался, радуясь, что снова все сгладилось и работа пошла без нервов. Но однажды...

Евдокия Федотовна в тот вечер пришла из школы необычно взволнованная. К ужину не прикоснулась. Спать легла в комнате сына, на диване. На расспросы мужа,

не больна ли, ничего не ответила, молча отвернулась. Сник Семилуков. Сам ужин сготовил. Ночью маялся, пытаясь понять, что же произошло? Утром позвонил Иван Сирота: «Сходи в кино, на себя полюбуйся». Из любопытства пошел Семилуков в кино. И ужаснулся: в «Фитиле» давался сюжет про карьер и про него самого. Вся боль и жалость к нему вырвалась у нее стоном:

— Как они надругались над тобой, Василий? И за что?

Не прошла и ей его оплошность даром. Жену ученики в классах извели глупыми вопросами.

А Иван Сирота звонил уже не из карьера, а с бетонного завода, веселый — умыл, что называется, руки. Семилуков распрощался с главным инженером вроде бы легко, без сожаления, и уже успокоился было, но тут ненависть к бывшему другу снова распалила его: как он терпел рядом с собой трусливого зайца?

Не прошло и месяца, как Семилуков прочитал в газете ответ главка на критику. Читал и глазам не верил: принято решение закрыть карьер «Великан». Вот так... Об этом и подумать-то немыслимо, а тут черным по белому. Глупость, глупость-то какая. Семилуков не раздумывая сочинил злое письмо в главк. Начал его просто, но требовательно: «Прошу дать объяснение мне и коллективу...»

Дорого досталось ему это письмо — утром Евдокии Федотовне пришлось вызывать врача. Оказалось, всю ночь Василия Митрофановича мучила боль в сердце.

Большелобый, с белым пушком на голове, врач без труда определил приступ стенокардии, выписал больничный лист, лекарства, строго велел не вставать с постели, а как появится возможность — обследоваться.

Домик Семилуковых стоял на склоне Круглой горы в конце улицы. Он как бы парил над городом и снизу казался небольшой подвесной люлькой. Здесь было тихо, не то что внизу, где сновали автобусы, грохотали колесами трамваи, гудели пестрые праздные толпы, осаждая водные ванны, потоками заливая улицы.

Первые дни, напуганный нежданной болезнью, он невольно прислушивался к себе, остерегаясь новых болей в сердце. Маленькая веранда, доселе пустовавшая, Василию Митрофановичу пришлась кстати. В доме ему было хуже, не хватало воздуха. Здесь же, на веранде, он чувствовал себя лучше и, всматриваясь отсюда в даль, будто впервые заметил, как красивы окрестные места. Там,

где на склонах обосновался клен, зелень была еще темной и густой. Островки посветлее обозначали заросли кудрявой акации с ее серебристой листвой. Причудливо пятнистый лес широкой плотной шкурой скатывался вниз, к городу, где уже золотились тополя. По утрам сахарно блестели под солнцем две видимые отсюда белые вершины Эльбруса. К вечеру Семилуков надевал теплый, из козьей шерсти, свитер, связанный женой, и усаживался в плетеное кресло. Иной раз и засыпал тут, чувствуя легкую пустоту в теле. Да, здоровье он, видимо, поистрепал. Но ничто не заставило бы его сидеть дома, если бы не боязнь стать ненужным. Для человека, который всю жизнь чувствовал, что без него не могут обходиться, это непереносимо.

А он всегда был нужен. Про фронт нечего и говорить... И потом война еще долго не отпускала его от себя. В селениях, на дорогах, в полях и лесах всюду еще таились мины. Кому, как не саперу, уберегать людей от беды. Он снова проходил сквозь смерть, оставляя после себя короткие, но утешительные слова на фанерных щитах: «Мин нет!» И одинокие фанерные же обелиски.

На пятый день он заметил, что перестал прислушиваться к себе, а потом позвонил на карьер и вдруг взъелся: почему нет сводок? И с той поры каждое утро, как только его жена уходила на работу, из-под горы являлся маленький бородатый мужичок с портфелем — «карьеровский госплан», — и они просиживали на веранде чуть ли не до полудня.

И вот однажды «госплан» вместе с портфелем под мышкой принес наиважнейшее известие. Обреченный было на закрытие карьер получал полное задание на четвертый квартал. Новость Семилуков принял как должное: значит, сработало его письмо. Он лишь буркнул, будто про себя: «Ничего, праведное дело завсегда выстоит».

— Тебе Илья не пишет? — спросил он вечером Евдокию Федотовну, когда они пошли прогуляться в соседний лес. Вопрос был странен и обиден: что, у них с сыном тайны от него? Когда это было, чтобы она секретничала? Но сдержалась: не надо его волновать, нужен покой. На этом особенно настаивал врач-кардиолог.

— Нет, от Ильи ничего не получала, — сказала она. — Но мне больше хочется, чтобы написала невестка. От нее

хоть узнаешь, как они живут. А что Илья? Весь в тебя, кроме работы, ничего.

«За столько лет впервые вместе гуляем. Не было бы счастья, да несчастье...» — подумала Евдокия Федотовна. И еще о том подумалось, что и как может написать отцу Илья. Нет, сын не будет разводить дипломатию, а это наверняка доконает отца! Что же делать в таком случае? Попридержать письмо? Эх, Илья, Илья...

Так думала она, а говорила о том, как собирается поехать на край света в гости к сыну. Тем более что всю жизнь мечтала попасть за Полярный круг. А то ведь по книжкам преподавала географию. Но что видела сама? Это развеселило Василия Митрофановича. «Ха-ха, что ты разглядишь из самолетного иллюминатора? Если еще тучи над землей...» — «Тучи? — смеялась она в ответ. — Да в Якутии больше солнечных дней, чем в Сочи». — «Ну и ну! Почему же тогда с севера люди мчатся на юг, а не наоборот?»

Но вечерние их походы по горе, под крепким нестихающим ветром, который хозяйничал тут, когда заходило солнце и остывающий воздух устремлялся вниз, снова рождали у нее вопросы: как быть дальше? У него же этих вопросов и сомнений не возникало. Она жалела его, думая, что станет с ним, когда однажды утром ему не придется идти на карьер. Вспоминала, как одна лечившаяся на курорте старушка из Великого Устюга сказала ей: «Погляжу на раздетую гору, что тут, возле нас, верите ли, все хорошее настроение проходит». Но как об этом скажешь мужу? Ему и без того горько. И само собой получалось, что она все чаще в мыслях своих возвращалась к сыну. Илья ведь, отстаивая свое, не уступит. Нет, нет, сын всегда был предупредительным, так любил их, так что же случилось? Но, может, так и должно быть? Поколения не могут походить одно на другое. Да, конечно. Но чтобы не понимать друг друга?

Она вспомнила, как однажды в день ее рождения Илья, приехавший на каникулы, резко спорил с ее подругами, учителями, у которых, между прочим, сам учился. С биологом Верой Павловной, например. И что его «завело»? Словосочетание «покорение природы»... Раньше кого оно могло покоробить? А тут он этак встал в позу: «Да, вы учили нас этому. Но так мыслить было уместно тогда, когда человек мало знал о природе и боялся ее». — «Но как же Мичурин? «Не надо ждать ми-

лостей от природы...» Ведь, помнишь, Илья?» — вскипятилась Вера Павловна. «Да, природа создала, что могла. Но надо не бороться, не побеждать ее, а помогать ей. Человек все больше и больше узнает, как это делать, да и средства у него есть». А когда он спел под гитару: «Клен ты мой опавший...», старая, вышедшая уже на пенсию учительница литературы Афанасья Меркурьевна тяжело вздохнула: «Нытье, Илюша, кабатчина пьяная... Так я оберегала вас...» Он отложил гитару и спросил: «Оберегали, потому что не верили в нас? Считали, что мы не сумеем разобраться в жизни, ответить на ее вопросы? А тот же Есенин помог разобраться. Своей судьбой заставил».

Вот откуда, наверно, пришла его Ящерка. Мы же, кто постарше, пожалуй, действительно «оберегали» детей. Наш разговор с ними о жизни чаще всего не шел дальше планов учебного года. На следующий — опять то же. Нет, нет, неправда, на себя наговариваю. Учеников-то я заставляла думать. И он ведь тоже был моим учеником... Худое иль хорошее — все и от меня...

5

Поздняя осень в горах, как и любое другое время года, наделена своей прелестью. Морозные ясные ночи. Никогда такой близкой не бывает по ночам луна. По утрам прозрачен и чист воздух, и глазу открываются самые дальние точки горизонта.

Евдокия Федотовна, направляясь на работу, встретила почтальона на своей узкой кривой улочке.

Почтальон, низкорослая курносая женщина в растоптанных ботинках, достала из сумки газеты, письмо и вручила Семилуковой.

— От сынка, от Илюши. Ждали?

— Еще как ждали! — подтвердила Евдокия Федотовна, пряча письмо в свою объемистую сумку с блестящей застежкой-«молнией».

Дойдя до школы, Евдокия Федотовна принялась за чтение письма. Адресовано оно было отцу, но, может, даже лучше, что она прочитает его первой. А вдруг окажется, что Василию Митрофановичу, который только-только вошел в рабочую форму, и не сразу стоит его показывать. Хотя чего бояться?

«Отец, здравствуй! — прочитала она. Да, он давно уже

забыл слово «папа». Вначале, наверно, ему хотелось казаться взрослее, теперь он на самом деле стал таким. — Много писем тебе я написал, но все они оказались в корзине. А с этим все — решил не перечитывать, иначе не послал бы и его.

Работа у нас с Марией интересная. Она — диспетчер, а я для начала — бригадир. Большое, комплексное у меня хозяйство. Народ молодой, друг друга понимаем. Вижу, как сползает с нас позолота ложной романтики, а что обнаружится под ней — увидим дальше. Во всяком случае, ребята делаются реалистами. Я же стал им давно. В этом помог мне ты сам. Ведь ты научил меня реально смотреть на самого себя, на свой труд, место в жизни. И как тебе уже говорил, поначалу я думал, что вся истина в тебе, в твоем «Великане». Потом понял и теперь все больше убеждаюсь в этом, что есть истины дня, а есть истины времени, есть истина бугорка, а есть истина вершины. Вот те люди, хозяева твоего «Великана», — они носители бугорочной истины. Им достает того, чтобы был план, были твои кубики. А план без ума — это нищего сума, извини за эти плоские слова. Когда-то я считал тебя образцовым директором, но хозяин ли ты народного дома? Прости, повторю, не хозяин. Кроме кубиков, для тебя ничего нет на свете. И для твоего главка, министерства — тоже.

Ты пишешь, что объявлено в печати о закрытии карьера, а план «спускают», и гордишься этим. А во мне все протестует. Это мой-то отец — директор подпольного предприятия. От кого же его укрывают? От народа. Значит, не чистое дело, отец, раз оно от народа в подполье. Не верю, что не думаешь об этом. Не хотел ставить тебе в укор, да так вышло. Не могу молчать о тех, кто выставляет тебя на посмешище. Мы с Марией ломаем голову: да кто же руководит вашим карьером, какие такие люди? Твоя Ящерка, отец, маленькая жертва. Но я думаю, что у таких руководителей, как ваши, тоже была какая-то своя Ящерка, которую они загубили ни за что ни про что. Не знаю, видел ли ты посреди Московского моря затопленную колокольню. Это прижизненный памятник бугорочной истине в истории и культуре. Может быть, это слишком высокие слова, я и сам остерегаюсь их произносить, но в природе и обществе, отец, всякие действия должны быть исторически оправданы, то есть их последствия не должны быть вредными. Ни сегодня, ни

завтра, ни послезавтра. А ты, отец, уже срыл гору Штык, сроешь и Ящерку — с нынешней техникой чего это стоит, а потом примешься за Круглую. И плакала, плакала красота невиданная, будто нарочно созданная для радости людей. А что без нее наши курорты? Ну что ты, отец, привязался к этим горам? Камня такого на тысячи лет в соседних ущельях. Разведано, расписано. Не может быть, чтобы ты этого не знал. Погоня за дешевизной? Страшно, отец. Но это еще не главное. А главное — и Мария со мной согласна, — что все это почему-то позволительно, простительно и совесть не болит ни у кого... Жаль, что в газетах пока что пишут об этом очень мало и мелко, хотя тут открывается вся наша нравственность, вся крепость человека как хозяина, его жизненная позиция. А она в отношении к природе, то есть и самому себе? Наши идеи впервые в истории требуют от человека быть хозяином всего, что ему дано и что создал он сам. Бездумный исполнитель, деляга не может им быть. Хозяин — это человек мысли, творчества. Он ничего никогда не сделает, не спросив себя: а как это отзовется на мне, на других, на будущем?

Вот причина расхождений наших с тобой взглядов на жизнь и на деятельность Человека на земле.

Маме передай, что я ей напишу в другой раз. Сейчас Мария сочиняет ей большое послание...

Да, я в прошлый раз, в аэропорту, не досказал ей историю с московскими домиками-красотулями, наследством прошлых веков. Спроси ее, она расскажет о начале. А конец был таков: новая бригада бульдозеристов и экскаваторщиков погрузила обломки и засыпала какой-то овраг, очистила место. И хотя они все это сделали старательно, но моя любовь не к ним, а к тем безвестным парням, которые постыдились поднять руку на свою историю.

Вот и все, отец. Вот и окончательный ответ тебе насчет кубиков, которые ты поставлял и будешь поставлять дальше, теперь уже на почти подпольном карьере...»

Мать отложила письмо. Какая страшная тишина вокруг. Оглохла она, что ли? Но вот будто из-за стены стали пробиваться звуки, голоса. Ее спрашивали учителя, что с ней? Письмо? От Ильи? Что с ним? С ним все в порядке, а вот... отец сетовал, что упустил сына...

Она еще не знала тогда, что этот день окажется для нее, пожалуй, самым сложным. В ее душе что-то безжа-

лостно ломалось. Но мысли сына были теперь ближе, яснее. Она поняла себя: жалость к мужу — вот что руководило ею. И сейчас она тоже озаботилась: отдать ли письмо ему? Ведь она должна будет высказать к их спору свое отношение. И значит, оставить мужа одного. Нет, этого нельзя делать. Сын и без нее устоит на ногах, а Василий Митрофанович — нет, не устоит.

Но неожиданно настигла другая беда...

Вечером пришла телеграмма из станицы — мать Василия Митрофановича при смерти. Он, недавно навещавший мать, вернулся тогда довольный: мать еще держится, поживет. И вот эта телеграмма. Семилуков был как потерянный, едва собрался в дорогу — все ходил, все искал чего-то. Наконец все же уехал.

Мать была еще в сознании. И будто того и ждала, когда он приедет, встретив, виновато улыбнулась: «Вот ведь, оплошала...» И какие-то еще слова сказала ему, которые он как следует не расслышал. А потом маялся от горя и от того, что бесполезно старался разгадать, что же говорила или хотела сказать ему напоследок мать. Отчетливо слышался лишь последний ее вздох — «Пошто же так?..» А до них-то, этих слов, что?

Жизнь у Семилукова пошла совсем худо, она походила на непонятную круговерть, из которой не было выхода. Каждое утро он со своими людьми по-прежнему спешил на работу. И все они, как и он сам, казалось, находились в каком-то странном забытьи.

Спустя неделю после похорон матери Василий Митрофанович спросил у жены:

— А что, разве от Ильи не было письма?

— Получила в тот день, когда ты уехал в станицу.

— Покажи, за меня не бойся. Я знаю, что он мог написать.

Да, Илья стоит на своем. И неожиданно всплыли последние слова матери, которые неизвестно из-за чего приняли вдруг осуждающий оттенок: «Пошто же так?..» Нет, мать, конечно, согласилась бы с ним. Она-то поняла бы его. «Тем более откуда она могла знать о моих делах?»

Она появилась откуда-то из света, женщина в черном платке, отчего смуглое лицо ее показалось ему куда белее, чем было на самом деле.

— Ты куда это, мать? — спросил он, силясь побороть себя и представить, сон это или бред. Горло его перехватил непробившийся вздох. — Вот не ждал встречи.

— Что, в горах уже не здоровкаются или как?

— Здравствуй, мать! Извини. Куда же ты?

— Здравствуй... Так ведь к тебе. Нет бы позвал, так молчишь все. Почуяла: худо тебе, вот и побегла. Шукала по всей горе... Сказали, гулять ушел, а по какой тропе-дороге... А ты вон где, у какого-то святого места. Птицы страшные и этот столб одинокий.

— Не столб, мать, а памятник. На этом месте был убит великий поэт России. Его кровь тут, на земле.

— Праведная земля. Помнят люди.

— Помнят. А ты садись, мать. На скамейке места хватит...

— Да уж, — неопределенно сказала она и долгим взглядом посмотрела на него, покачала головой. Трое у нее было сыновей-казаков, а с войны пришел один, старший. Упрямый сызмальства, самостоятельный. В отца, царство ему небесное. Тогда, в сорок втором, отец в отступ подался, скот в горы погнал. Сгинул вместе со стадами. — Что дышишь так тяжело? И лицо вон взопрело. Отчего?

— Болел. Одышка вцепилась, режет в груди...

— Ой как тебе тяжко... На рушник, утрись. Да вздохни крупно, с задержкой. Пройдет одышка. У меня, бывалоча...

— Не проходит пока. Ты чего ко мне? По делам? Или повидаться?

— Повидаться. Вот, думала, увезу тебя поотдыхать в станицу.

— Ах, мать! Зимой у меня отпуск, как всегда. В горы поеду. На лыжах. С Дусей... Какая-то она у меня тихая стала, грустная, не узнаю. Развеяться ей надо. Да и с сыном, Ильей, нелады у нас.

Он тяжело задышал.

— О господи! — воскликнула мать и перекрестилась. — Тяжко тебе, тяжко. Уж наслышана я. Только не верю. Да как поверишь? Сын родной отвернулся, друзья. И жена на муки обреченная. И горы эти вот...

Он вытер лицо, судорожно скомкал рушник.

— Да о чем ты? Какие горы? Наслушалась разных небылиц.

— На каждый роток не накинешь платок. Но не хочу верить, нет. Какой у тебя умысел? Ну, гору Штык сровнял, так ведь надо?

— Надо! — ответил он яростно.

— Теперь от Ящерки-горы скоро ничего не останется... Тоже надо?

— Надо, надо!

— Ушел бы, Василий, бросил все. Иль не можешь?

— Не могу! — Он тяжело погасил вздох.

— Эк, как она тебя стреножила, гора-то! — Мать развязала головной платок, открыла черные — ни сединки — волосы и вдруг сделалась неестественно похожей на девочку-подростка. — О своем имени не печешься, так мое-то пошто поганишь? Людям, вишь, памятники за дело ставят, а ты какие меты оставляешь?

Он поднял на нее удивленно-обиженные глаза, наблюдая, как под его взглядом старела мать, безвозвратно седели ее волосы, лицо снова иссекали морщины.

— Что с тобой, мать? — В голосе его неожиданно прорвался испуг.

Мать отвернулась от него. Она уже сидела, в немыслимой усталости положив на колени худенькие руки.

— Слепой крот. Пошто же так? А я-то как же слепого крота родила? Я ведь матерь людская...

Он слушал ее и, не веря ее словам, старался вспомнить, где и от кого он уже слышал это: «Пошто же так?». Но, не вспомнив, пустился объяснять ей, что все это проделки его врагов, говорил, говорил, со страхом чувствуя, как мать куда-то уходит, отдаляется. А может, это он уходит, отдаляется от нее, как уходил, отдалялся от друзей, от сына, от жены? И сейчас он, продолжая еще верить в свою правоту, не хотел, чтобы мать уходила. Если она уйдет, рухнет его вера, и он сам вместе с ней. И смотрел на нее, на родное лицо, и все старался что-то вспомнить, мучительно, с горечью и болью, и, вспомнив, наконец, вскрикнул:

— Мать, ты ведь умерла? Но откуда ты? — Воскликнул так, будто это его открытие сразу наотмашь разрубало все узлы.

— Матери не умирают, пока дети в них имеют нужду, — услышал он из пустоты. — Матери живут в детях, крепят их душу и ум. А ты... Хотел ты этого или нет, ты отринул мать. И я тебя...

— Мама!.. — закричал он, как звал ее давным-давно. Но мать ушла, растворившись в пустоте, которая вдруг стала заполняться отблесками неземного фантастического света. Густая золотистая пыль забила все пространство, и трудно стало дышать. Он проснулся, открыл глаза...

Высоко в небе, замедляя ход, двигался журавлиный клин. Он был необыкновенно многочислен, правилен, и только у самого конца, между расходящимися сторонами, беспомощно кружила нестройная стайка. Наверное, в ней были и молодые, и слабые от старости птицы, у которых не хватало сил держать строй. Но вдруг над самой Ящеркой одна сторона клина стала распадаться и сливаться с отбившейся стайкой, пока совсем не поглотила ее. Потом птицы снова выстроились в две расходящиеся клином живые нити и, увлекая за собой уставших и слабых, постепенно таяли в бледно-синем небе. Семилуков проводил их взглядом...

●

ПОЭЗИЯ

Геннадий ГОЦ

МИР И ХЛЕБ

Поэма

Судьбу свою не упрекну
И не принижу горьким словом.
А в череде
годов суровых —
Ни одного не зачеркну.

В них растворился сердца стук,
Надежды и уроки века —
В борении за человека
Не расслаблять рабочих рук.

* * *

Когда в лазурной вышине
Купалось тихо солнце детства,
Уже готовилось наследство
Нам, довоенной малышне.

Мой мир заполнен был отцом,
Его друзьями по гражданской,
Тревожной песней партизанской,
Взлетевшей над родным крыльцом.

Едва рассвет, рассеяв мрак,
Мальчишек поднимал в квартале,
Мы налегке к реке бежали,
Там на плацу «дрессировали»
Пусть непородистых собак.

Мы обнимали милых псов.
Мечтой светились наши лица:
Сам Карацупа на границу
Нас призовет — и будь здоров!

Тогда уже вели мы счет
Отважным подвигам Героя
И громко спорили порою,
Чей пес быстрее след возьмет...

В степи, вдали от городка,
Где жили мы,
завод рождался —
В рассветной дымке поднимался
И виден был издалека.

По целым дням, забыв про нас,
Отцы на стройке пропадали,
И, как мне помнится сейчас,
Мы их подолгу не видали.

Как память огневого дня
И гордой доли партизанской,
Отец любил,
хранил коня,
С ним никогда не расставался...

И вот, с работы возвратясь,
Поил коня в реке,
купался,
Любовью к детям упивался,
Всегда веселым оставался,
Чтоб с нами наиграться всласть.

Как все в ту пору,
он сполна
Могучей стройкою заряжен.
Нам было не понять,
как важен
Завод, который ждет страна.

И было с ним всегда светло.
— Иди к коню, сынок, без страха! —
Он поднимал меня и с маху
Сажал в высокое седло.

Вот он в раздумье говорит,
Как будто смотрит вдаль куда-то:
— Всегда на своего солдата,
Знай, революция глядит.

Вослед смотрела мать с крыльца,
По-женски ласково и строго,
С любовью
и такой тревогой —
То на детей,
то на отца.

...Так ярок был июньский день,
В нем все сверкало и искрилось.
А где-то,
где-то притаилась
Беды неотвратимой тень.

Мы не ценили тишину,
Покой на улицах тревожа.
— Ах, сорванцы, как наворожат
Своими играми войну...

Смотрели мудро старики,
Вздыхали грустные старухи.
В их день
надеждам вопреки
Тревожные вплетались слухи...

И пробил час
иной поры,
Иных забот настало время —
Войны безжалостное бремя —
Для нас — вчерашней детворы.

* * *

Со школой рядом — двор просторный,
Как стадион.
И каждый знал:

Здесь пункт военкомата сборный,
Он в эти дни не пустовал.

А рядом на путях — вагоны,
Под паровозные гудки
Грузились спешно в эшелоны
Еще безусые полки.

Все помним:
и восторги наши,
Прощальный плач и тишину...
Отцов своих и братьев старших
Мы провожали на войну.

Жестокой стужей,
голодухой,
Ночной тревогой,
будто тьма,
Война вползала властно, глухо
В осиротелые дома.

И в школе смех не слышен звонкий.
Уже помечены не раз
Печалью новой похоронки
И первый, и десятый класс.

И не в тетрадках — на газетах
Мы зябко пишем.
Только вот
Чернил в непроливашках нету —
Лишь синий лед.
Да черный лед.

* * *

Одет по форме. Портупея.
Ремни скрипят. Медалей звон.
А вот лицо — бинта белее:
Пришел из госпиталя он.

А всюду — круто жизнь кипела.
Отставив в сторону костыль,
Сказал в сердцах:

— Мне нужно дело...
Нельзя на фронт?
Давайте тыл!

...На нóгу крепко припадая,
Наш военрук на школьный двор
Мальчишек распаленных стаю
Повел на первый разговор.

На чистоту — мужской и строгий.
О чем? Конечно же, про жизнь...
Потом подвел в конце итоги
Командой четкой: «Подтянись!»

Он, как с паролем, с этим словом
Сквозь строй мальчишек: «По-о-одтянись!»
И чем-то важным,
Чем-то новым
Наполнил Громов нашу жизнь.

Он в каждом деле — вместе с нами,
Он нам всю душу отдает,
В момент
с закрытыми глазами
Затвор винтовки соберет.

И мы подтягивались дружно —
В строю,
за партой,
верстаком.
Грузить для школы уголь нужно?
Мы — за своим военруком!

И, желоб загрузив покатый,
Кидаем уголь сверху вниз,
А чтоб не выронить лопаты
Из рук,
есть слово «подтянись!».

За верность ли курсантской стрижке
Или за блестки седины,
За те уроки «не по книжке»,
За доброту — в него мальчишки,
Как и девчонки, влюблены.

О нем рассказывали дома,
В холодной тишине квартир,
Наш Николай Иваныч Громов —
И старший брат, и командир.

Окопы рыли, как солдаты, —
Была война, а не игра...
Вперед с саперною лопатой
Неслись мы с криками «ура!».

Потом он, перед строем стоя,
Приказ Верховного прочтет
Про рядового, что собою
Закрыл фашистский пулемет.

Везли, в шинели приодеты,
Десятиклассники с собой
Его отцовские советы
Для грозной жизни боевой.

* * *

И мы запомним это свято,
Как стали мы стране нужны,
Как нас бывалые солдаты
Учили азбуке войны.

Учили не письму и счету —
Как в обстановке боевой
Владеть винтовкой, пулеметом,
И главное — владеть собой.

...Растут мальчишки в мире новом
Здоровы, веселы, крепки.
И не могу я добрым словом
Не вспомнить вас, военруки.

* * *

Где вы, друзья мои, сейчас?
Одних война огнем достала,
Других по свету разбросала...
Где вы, друзья мои, сейчас?

Ты помнишь черный хлеб войны —
Не пропеченный, с жесткой коркой,
С картошкой, с лебедою горькой
И с непосильною уборкой
В полях воюющей страны?!

От хлебных карточек в руках
Ты чувствуешь поныне жженье.
Ты знал — что всей семьи спасенье
В тех скудных, горестных пайках.

Промозглой осени пора.
Большая очередь за хлебом...
И не под крышей, а под небом
Стоим от ночи до утра.

Бывает, вовсе не стоим,
Конечно, осенью — не летом;
Спина к спине, а то — валетом
Мы ночью греемся.
При этом
О хлебе тихо говорим.

Мороз и голод,
озверев,
Сжимали нас. Но в сорок пятом
Мы знали, что трудней солдатам.
И шли работать
не за плату —
За новый мир, беду презрев.

* * *

Не во дворе уже теперь —
В цехах деповских мы встречались.
Как будто прошлого стеснялись,
Закрыв туда навечно дверь.

В мазуте, в угольной пыли
Мы на путях дышали паром,
Колесные точили пары,
На паровозы в кочегары
Командой уличною шли.

Не покачнуться! Не упасть!
На нас «жеушные» * бушлаты,
В руках — совковые лопаты,
В глазах — весь мир, войной объятый,
И топки огненная пасть.

И ты сегодня не забудь:
Когда мы силы собирали
Да фронту хлеб и сталь давали,
На всей Сибирской магистрали
Один лишь был на запад путь.

Держалось все тогда на нем:
Что фронту слали Обь и Лена,
Кузбасс, Байкал, — все непременно
Прошло тем рельсовым путем.

Все шло в кровавый створ войны —
Полкам, бригадам пополненье.
Не дни и не часы — мгновенья
Для счастья Родины важны!

Когда жестокий снежный вал
На полотно бросали ветры,
Вели за версты бой, за метры
И днем и ночью стар и мал.

Лопатой, ломом и киркой,
Насквозь пронизанные стужей,
Мы пробивались к рельсам дружно,
Освобождая путь стальной.

Составы мимо нас, звеня,
Неслись, минуя полустанки.
А на платформах — танки, танки! —
Надежда наша и броня.

На их стволах и башнях снег
Белеет зимней маскировкой.
«На фронт!» — выстукивает ловко
Колес неудержимый бег.

---

* От ЖУ — железнодорожное училище. Эти буквы значились на эмблемах, петлицах и ремнях учащихся.

Пусть обморожен ты, мой брат,
«Ура!» кричишь теплушкам стылым.
Спешит полков сибирских сила,
Быть может, к Волге,
в Сталинград.

Средь этой армии труда
Я счастлив был
и верил свято,
Что революция всегда
На своего глядит солдата.

В победный день
не где-нибудь —
С трибуны деповской сказали,
Что мы не грузы доставляли,
Зимой не рельсы очищали,
Не просто фронту помогали —
Победе открывали путь.

* * *

В сорок пятом
Девятого мая
Солнце так полыхнуло с высот,
Что земля, будто вновь молодая,
Отошла от военных забот.

Мы в колоннах, и ветер полощет
Флаги —
хочет поднять в высоту.
Впереди привокзальная площадь,
Где в граните Ильич
на посту.

Всю войну,
к эшелонам шагая,
Здесь свой путь начинали полки.
С Иртыша,
Енисея,
Алтая
К фронту двигались сибиряки.

И казалось солдатам, что снова,
Ленин каждому, глянув в глаза,
О судьбе революции
слово
Перед боем негромко сказал.

Мы несем пионерское знамя,
Паровозов гудки — как салют,
Не идем, а летим; вместе с нами
Заводские колонны идут.

Это правда: хорошим горнистом
Называл меня наш военрук.
Как же звонко мой горн серебристый
Расплескал свою песню вокруг!

Барабаны едва поспевали
В четком ритме дробить тишину.
Нет, не улицы мы оглашали —
Всю великую нашу страну!

С той поры, презирая невзгоды,
Вспоминая про эту весну,
Я, горнист сорок пятого года,
Через всю прошагал целину.

Потому что земля в лихолетье
Шибко пахарей верных ждала.
Лучше всех она знала на свете:
Мир и хлеб —
два у жизни крыла!

* * *

Ароматом дохнули травы,
Степь зеленая без конца,
Здесь прошла партизанскою славой
Беспокойная юность отца.

Пронеслась, словно ветер по полю,
На добытом в сраженье коне
И осталась, как песня по воле,
Что в наследство завещана мне.

И я помню поныне об этом,
Чтобы жизнь не швырнула на мель,
Служит мне неизменным заветом
Пулей меченная шинель.

Той горячей и злою пулей,
Что отлили враги из свинца.
Был как жажда вопрос:
«Смогу ли
Я пройти по дорогам отца?»

По тропе, где отец с винтовкой
Пробивал себе трудный путь,
Я пришел с комсомольской путевкой,
Чтобы жизнь в этот край вдохнуть.

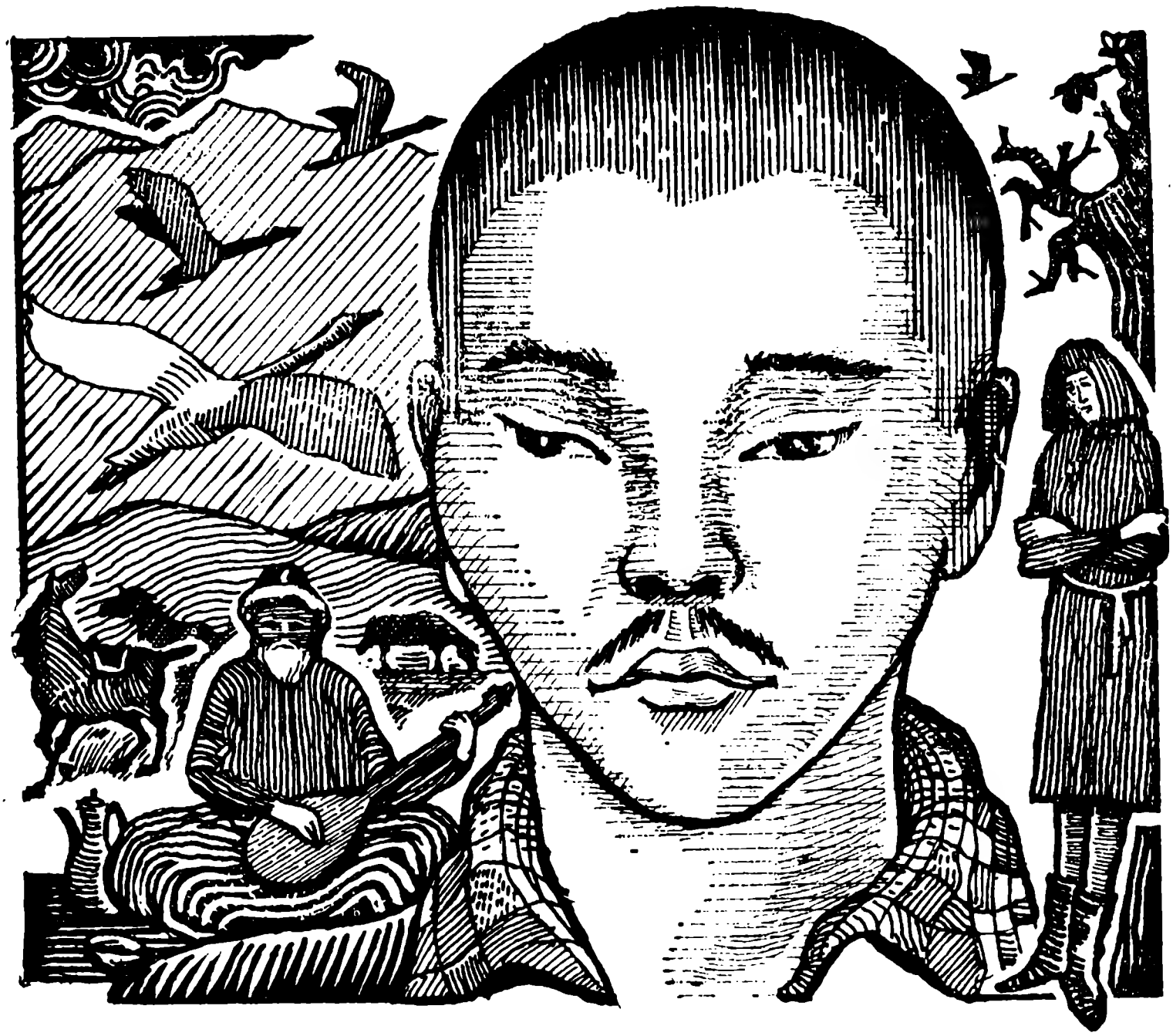
Помнит степь, как в суровой схватке
На траву упал партизан...
Мы поставили здесь палатки,
Здесь бригадный разбили стан.

Степь бушует, нарядно одета,
Хлеб лавиной встает золотой.
И мне видится памятник в этом
Тем, чья жизнь, как легенда, воспета —
Краснозвездным борцам за Советы,
Сотворенный сыновней рукой.

* * *

Судьбу свою не упрекну
И не принижу горьким словом.
А в череде
годов суровых —
Ни одного не зачеркну.

В них растворился сердца стук,
Надежды и уроки века —
В борении за человека
Не расслаблять рабочих рук.



Роллан СЕЙСЕНБАЕВ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ КРИК

Роман

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

16

Думы, тягостные и бестолковые, изнуряли Абылая, и он никак не мог освободиться от них. Чем больше рассуждал он о том, что с ним случилось, тем чаще жалел, что в какой-то момент ему изменила выдержка и он

Окончание. Начало в № 11.

очертя голову пустился в этот бессмысленный побег вместе с Юрченко. Время, счастье, любовь — все, казалось теперь, пролетало мимо. Он понимал: сделав еще какой-то крохотный, неосмотрительный шаг, он окончательно собьется с пути.

В тот раз, прочитав письмо Сауле, он поклялся, что отныне сам будет защищать себя, пусть хоть весь белый свет ополчится против него. Потому и решился на побег, но теперь, когда прошло столько времени, вдруг понял, что просто-напросто был тогда жалким рабом своего самолюбия, ибо месть, расправа, кулак — это не сила, а слабость, и жажда насилия — это отнюдь не прозрение, а душевная слепота.

Просыпаясь в поту, со смятением в душе, он в полудремоте выстраивал перед собой бесконечный караван вопросов, ответы на которые были бессмысленно краткими. И тогда он обращался к отцу, делился с ним своими мыслями, в которых горечь мешалась с ощущением вины. Отец молчал, а он все спрашивал и спрашивал...

«Не лучше ли умереть, чем жить такой жизнью, отец?.. Ты учил меня преклоняться перед правдой! Чтить старших, не быть мстительным, злопамятным, не чернить чужого и не ранить своего — словом или подозрением... Ты говорил... Но разве я не слушался тебя, отец? Как же так получилось, что теперь я страдаю из-за негодяя, который не имеет никаких представлений ни о правде, ни о чести? Ты говорил «справедливость», но где она, отец? Ты говорил «доброта», «порядочность», «мужество», «человечность», где же они? Существуют ли еще на земле такие понятия, или все, что по этому поводу говорится, — бред, обман, лукавство? Кем легче быть в этой жизни, отец? Много ли осталось таких, которые помнят о человечности, или мир нынче состоит из тех, кто разменял свою совесть и, гордясь этим, считает себя победителем, пупом земли? Если человек растратил золотые запасы своей души на деньги, вещи, тряпки, значит, нет для него ничего святого, так, отец? Или, может быть, настало время, когда угасают надежды, и человек дичает, и любовь превращается в кошмар, улыбку сатаны? Так кто же виноват во всем этом, отец? Могут ли быть счастливы люди, общество, эта земля, это загадочное небо без борьбы за правду, отец? Ты хотел, чтобы я знал только белый цвет, и я научился этому. Но жизнь показала мне

свою изнанку, и только теперь я понял, как мало ценил светлое, ибо, не ведая темноты, трудно понять, что такое свет».

И тогда в Абылае вдруг поднимается жаркая волна самолюбия, желания победить судьбу, спасти и себя, и отца, и всех, всех, всех.

И он просыпается по звонку.

В свое время Кобыланды Юрченко — Кобра занимался в автомотоклубе, был неплохим гонщиком, но Абылай узнал об этом лишь тогда, когда их после побега отправили в другое исправительно-трудовое учреждение. Когда Кобыланды стало известно, что в новом месте заключения есть цех по ремонту автомобилей, он обрадовался и решил добиться, чтобы его направили работать именно туда. С этой целью, изменив своим застарелым привычкам, он пришел в кабинет начальника их нового отряда, лейтенанта Атантаева, и, побледнев от волнения, уставившись в пол, высказал свою просьбу.

Плотный темнолицый Атантаев, прищурившись, посмотрел на просителя, неопределенно хмыкнул и снова уткнулся в бумаги.

— Гражданин начальник, для меня нет ничего дороже машины, — вырвалось у Кобыланды.

— Понятно...

— Не веришь?

— Почему? Верю...

— Не веришь...

Лейтенант улыбнулся. Его лицо было не слишком выразительным, но сдержанная, почти стеснительная улыбка мгновенно придала ему милое, теплое выражение. Даже его огромная тяжелая фигура вдруг стала казаться легкой и изящной от такой улыбки.

— Хорошо улыбаешься, начальник, сделай доброе дело, — грубовато сказал Кобыланды.

Атантаев не придал особого значения его почти вызывающему тону.

— Скажи, ты кто по национальности? — вдруг спросил он.

— У тебя в деле все записано, начальник. — Кобыланды помрачнел и опустил глаза, из чего лейтенант вывел, что его вопрос чем-то неприятен парню.

— Кобыланды Юрченко! — раздельно произнес он. —

Ты казах? Ведь у русских или украинцев нет такого имени?

— Я — отпрыск турецкого хана, взявшего в полон Украину, — дерзко ответил осужденный.

— Чего ершишься? Ведь мы только что говорили о доверии, и ты первым начал разговор, не так ли? — упрекнул его Атантаев.

— Так. Но ты первым сказал «верю», и если ты силен, не отказывайся от своего слова.

Полные губы лейтенанта дрогнули в улыбке. Он задумчиво посмотрел на взъерошенного и покрасневшего Юрченко.

— А я не отказываюсь. Нет ничего постыдного в преклонении перед справедливым словом. Я верю тебе. А ты мне веришь?

Юрченко недоуменно задумался, и лейтенант отошел к окну. Он видел, что его вопрос поставил парня в тупик, и теперь тот не знает, как и куда ему отступать, ибо настала его очередь произнести «верю», а сделать это было, по-видимому, выше его сил.

Юрченко искоса глянул на лейтенанта. Он отметил, что спина у Атантаева широкая, шея крепкая. «Теплыми словами и змею из дупла можно выманить, ишь нацелился, — подумал он. — Как же так, неужели я влип, неужели попался в твои сети? Чудеса, да и только! Похитрей да поумней тебя мужики пытались это сделать, да ничего у них не вышло, не дам я себя и теперь заловить...»

Наступила тишина.

«Если веришь, сделай то, что я прошу, не испытывай мою волю», — думал Кобыланды.

«Смотри, как набычился... Не станешь говорить — твое дело. Хочешь характер показать?» — думал лейтенант.

«В жизни ни перед кем не гнулся и тебе пятки не стану лизать. Кобра лес в тайге валил, на карьере вкалывал, ящики сколачивал. Не пустишь машины ремонтировать — черт с тобой, пропади ты пропадом!..»

Он потоптался и резко выпалил:

— Я свободен? Разрешите идти?

Атантаев невозмутимо повернулся.

Кобыланды, не моргая, глядел на лейтенанта, и в горящих его глазах затаилась злость.

«Может, отправить его на ремонт?» — невольно подумал лейтенант, но тут же отогнал эту мысль.

— Идите, — спокойно сказал он.

Юрченко круто развернулся. У самого выхода он сделал еле заметное движение, точно хотел остановиться, но все же открыл дверь и вышел не попрощавшись.

Лейтенант снова подошел к окну. Он видел: Кобыланды направился к Абылаю, сидевшему на бревнах, плюхнулся рядом с ним, мельком глянув на окна лейтенанта, и Атантаев отступил в глубь комнаты.

Абылай и Юрченко о чем-то горячо спорили. Кобыланды несколько раз махнул рукой в сторону ремонтных мастерских. Он как будто все еще злился и, разговаривая с Абылаем, несколько раз ткнул его кулаком в плечо, была у него такая привычка, когда он волновался, и Абылай попридержал его. Обиженный Кобыланды вскочил, быстро и сердито втолковывая что-то Абылаю, поднявшемуся вместе с ним. Снова махнул рукой. Ушел. Абылай невозмутимо сел на свое место и принялся рисовать на земле палочкой.

Атантаев ходил и ходил по кабинету.

«Неужели я поступил неправильно? Почему, в какой момент разладился наш разговор? Неужели я сделал или сказал нечто лишнее?»

Атантаев посмотрел на часы, и тут в кабинет вошел вызванный им Абылай.

— Садись, Ескендиров, — сказал ему лейтенант. — Куришь? Закуривай...

— Спасибо, не курю... — Абылай внутренне собрался, готовясь к разговору с начальником отряда.

«Ты считал, что все знаешь о своих ребятах, но, оказывается, ты не такой уж зоркий, товарищ лейтенант», — подумал недовольный собой Атантаев.

— Хорошо, а я никак бросить не могу. В училище не курил, а теперь вот дымлю как паровоз, — признался он.

— Это, наверное, по причине вашей работы, — вставил Абылай.

Атантаев внимательно вгляделся, желая понять, смеется он над ним или нет, после чего улыбнулся и сказал:

— В твоих словах есть доля истины. Я во время учебы занимался спортом, а теперь некогда, вот и тянет на курево.

Снова помолчали.

— Я писал твоему отцу и сегодня получил ответ, —

вдруг сказал Атантаев и с огорчением заметил, что ничего не изменилось в выражении лица Абылая.

— Почему ты не пишешь домой? — спросил Атантаев.

Абылай вяло посмотрел на него и на вопрос ответил вопросом:

— А о чем я должен писать? О кинофильме, который вчера показывали? Или о том, что вы меня сегодня вызвали?

Атантаев замешкался, не зная, что сказать. Прошло полгода с тех пор, как в его отряд перевели Абылая Ескендирова и Кобыланды Юрченко. Просматривая их личные дела, лейтенант как-то сразу расположился к Абылаю. Парень из хорошей семьи, студент, спортсмен, затем — нелепый побег незадолго до конца срока... И письмо его отца понравилось лейтенанту. Ескендиров не выгораживал, не оправдывал своего сына, а лишь хотел знать, о чем тот думает нынче, каково его положение после всего, что с ним случилось... «Я уверен, если он не потеряет доверия к людям, с ним рано или поздно все будет в порядке. Постарайтесь доказать ему, что добрые дела и добрые чувства неиссякаемы. И тогда он поверит вам, поверит в ваше отношение к нему...»

— Абылай. — Атантаев назвал осужденного по имени, и тот вздрогнул: за время неволи начальство редко обращалось к нему таким образом. — Абылай, мы хотим назначить тебя редактором стенгазеты. Не возражаешь?

— У меня нет для этого способностей.

— А библиотекарша хвалит тебя, говорит, ты много читаешь...

— Читать я люблю, но не всякий, кто читает, умеет писать. Для меня писанина — мука... Нет, я с таким делом не справлюсь...

— А кого бы ты мог порекомендовать для этого поручения?

— Кого, спрашиваете? — Абылай задумался и тут же обрадованно улыбнулся. — Есть у нас один парень. Он пишет стихи и хорошо рисует, его и назначьте.

— Ты о ком говоришь? О Семенове?

— О нем, как вы догадались? — Абылай удивленно посмотрел на лейтенанта.

— Слишком какой-то робкий этот парень, — сказал Атантаев, не отвечая на его вопрос.

— Он не робкий. Он слабый, это правда, но он не робкий...

— Надо подумать насчет Семенова, — согласился Атантаев и, не удержавшись, спросил: — Кажется, ребята его частенько обижают. Ты, наверное, понимаешь, кого я имею в виду?

— Нет...

Абылай, потемнев лицом, снова ушел в себя. Он, конечно же, знал обидчиков Алеши Семенова, хрупкого, слабого парня из Алма-Аты, но не собирался откровенничать с начальником, хотя за Семенова ему было обидно, очень обидно. Синие глаза этого парня всегда были полны печали, он и ходил один, и за столом сидел в стороне от других. Стихи свои он не записывал, помнил наизусть. Абылай невольно симпатизировал этому аккуратному парнишке. Несколько раз он вступился за него, поэтому Семенов тоже тянулся к Абылаю. А обидчиков у него было много. Особенно допекал его парень со снисходительной улыбчивой физиономией по прозвищу Пантера, который не мог равнодушно пройти мимо Семенова. Взломщик, обладающий недюжинной силой и мягкими кошачьими повадками, он, не глядя на Семенова, хватал его за шиворот и держал на весу, не обращая ровным счетом никакого внимания на то, что парень задыхается, тщетно пытаясь позвать кого-нибудь на помощь. Потом лениво швырял его, как щенка, и шел дальше. Однажды, когда Семенов случайно оказался в столовой раньше всех и первым сел за стол, Пантера по привычке ухватил его и загоготал во всю глотку:

«Смотри, такой тощий, а прожорливый! С сегодняшнего дня будешь садиться жрать после меня, а вставать из-за стола раньше меня. Понял?»

«Понял! — еле слышно выдавил из себя Алеша, лицо которого сморщилось и покраснело от напряжения. — Отпусти меня, ну, пожалуйста!»

«Не нравится, не нравится висеть?» — продолжал веселиться Пантера.

«Оставь его в покое», — не выдержал Абылай.

«А ты не лезь в чужие дела», — процедил Пантера.

Оскал Пантеры выводил Абылая из себя, но он смолчал, лишь во взгляде его промелькнул холодный злобный огонек. Получив новый срок, уже в ИТУ строгого режима, он стал более осмотрительным. Он не потерял доверия ко всем людям, но видя здешних «шакалов», со-

дрогался от ненависти. «Любовь», «дружба», «братство» — да они просто не знали, что существуют такие понятия! Так что Абылай, через силу сдерживая свой гнев, нехотя отвернулся от Пантеры. И в это время Юрченко, сидевший на другом конце стола, вдруг громко сказал:

«Ладно, кончай. Побаловался, и хватит...»

Абылай с благодарностью посмотрел на него. Пантера же, казалось, и ухом не повел. Все еще громко смеясь, он швырнул Семенова на лавку:

«Чтоб духу твоего здесь не было, пока я не пообедаю!»

Его никто не называл по имени, он был просто Пантера, так к нему обращались, и голос его, грубый, вульгарный, резко контрастировал с выражением довольно миловидного лица.

«Хорошо», — глядя в землю, шептал Семенов, и Абылай, видя, как по щекам Алексея текут слезы, отвернулся, чувствуя себя униженным от того, что не смог вступиться за слабого.

Однако не с лейтенантом же ему это было обсуждать?

— И все-таки я назначу редактором тебя, а Семенова бери к себе помощником, — сказал Атантаев.

— Зачем нам стенгазета? Живут же другие без стенгазеты.

— А в нашем отряде она будет! — Голос Атантаева звучал уверенно. — Если боишься, мы с Семеновым сами начнем...

«Если боишься!» — эти слова как плетью ожгли Абылая.

Вскинувшись, он в упор посмотрел на Атантаева. Ему казалось, что он находит в нем сходство с кем-то из близких или знакомых. Полгода назад, когда он только что попал сюда, в этом высоком широкоплечем мужчине, в его лице с крупными резкими чертами ему виделась лишь холодная суровость, но теперь он понимал, что это происходило от того, что привык к грубому и безапелляционному капитану Каримову, своему прежнему начальнику отряда. Вид у Атантаева был грозный, но вел он себя вежливо, сдержанно, спокойно, и Абылай, удивляясь тому, насколько обманчива может быть человеческая внешность, временами невольно любовался Атантаевым. Когда лейтенант вопросительно поднимал брови,

его полные губы трогала улыбка и он становился беззащитным, мирным, почти домашним.

Но как бы Атантаев ни располагал к себе, Абылай старался держаться от него подальше, хотя понимал, что Атантаев — это, конечно же, не Каримов...

— Я считал тебя смелым, деловым парнем, но, выходит, ошибался... — Атантаев прикусил губу, помолчал, после чего добавил: — Заяц каждую минуту умирает, а мужчина за всю жизнь один раз.

— Я не из тех, кто, спасая свою голову, забывает о душе, — рассердился Абылай. — Будь я трусом, я так не говорил бы сейчас с вами.

— А чего ж отнекиваешься? Боишься?

— Кто? Я? — Абылай, не успев возмутиться, тут же понял неуместность своего вопроса, ибо Атантаев, не дав ему опомниться, быстро сказал:

— Нет, я!.. — Он побоялся обидеть парня своей репликой и улыбнулся: — Мне кажется, ты не понял меня...

— Понял... — недовольно ответил Абылай, но от этой улыбки лейтенанта, неожиданной, как первый солнечный луч, ему вдруг полегчало, будто душа его на короткий миг освободилась от тоски. Он смотрел на лейтенанта с опаской и недоверием, но на лице Атантаева все еще блуждала мягкая, теплая улыбка, и тогда Абылай сказал:

— Я понял, но вы меня застали врасплох.

— Да я и сам растерялся... — Атантаев произнес это дружелюбным, располагающим голосом, ибо ему хотелось как можно дольше сохранить в Абылае его веселое настроение.

— Значит, вы решили во что бы то ни стало издавать в отряде газету? Может, тогда и Юрченко привлечете?

Атантаев глянул на него.

— Твой Юрченко пока не идет на контакт, все бунтует твой дружок...

— А вам по душе тихони? — Абылай, казалось, снова разочаровался в лейтенанте, и Атантаев тут же это отметил.

— Я не люблю тихонь, потому что в тихом омуте черти водятся, — собравшись с мыслями, ответил он. — Из всех людских качеств я больше всего ценю честность и правдивость. Если ты мои слова о Юрченко попытаешься понять с этой позиции — будет славно.

Абылай задумался, понимая, что лейтенант в чем-то прав.

— А какие, кстати, у него есть способности, чтобы участвовать в выпуске газеты? — спросил Атантаев.

— Он неплохо рисует.

— Это с такими-то лапами? — изумился Атантаев. — Вот если бы ты сказал, что он подковы гнет, я бы поверил...

— У него и другие достоинства есть. Он в свое время был отличным спортсменом.

— Я знаю об этом, — отозвался Атантаев.

Ему хотелось задать прямой вопрос: «О чем вы говорили? О чем спорили?», но он вовремя удержался.

— Почему бы вам не направить его в ремонтные мастерские? Там он принесет больше пользы, он обожает автомобили, он ради машины от обеда откажется...

Лейтенант неопределенно хмыкнул, ибо теперь уже не сомневался в правильности своих выкладок относительно Юрченко. «Раз любит машины, значит, все-таки придет ко мне».

— Боитесь, что опять сбежит? — прямо спросил Абылай.

— Возможно, — ответил лейтенант.

— Не бойтесь, Юрченко беспощаден, жесток, но...

— Что «но»? — встрепенулся лейтенант.

— Так... — Абылай помолчал, опасаясь сболтнуть лишнее, но все же не удержался и заговорил: — Здесь есть другие люди, такие, которые не откажутся от своих диких намерений. Я не знаю, как наука объясняет это, может, это гены какие, но они навсегда останутся такими, — помрачнев, закончил он.

— Кого ты имеешь в виду?

— Вы сами их прекрасно знаете, — угрюмо ответил Абылай, и Атантаев понял, что дальнейшие разговоры с ним об этом бесполезны.

Он мельком глянул на часы и вдруг спросил:

— Скажи, ну а зачем ты сбежал из колонии перед самым концом срока?

— Захотелось, вот и сбежал, — нехотя ответил Абылай.

— И все-таки, зачем?

— Правду сказать?

— Только правду. Впрочем, если не хочешь говорить, я тебя не неволю.

— Почему? Скажу. Я бежал, потому что должен был убить одного человека...

— Ну и заработал бы высшую меру наказания...

— Возможно... — медленно ответил Абылай. — Но тогда я об этом не думал.

— Не могу поверить, что ты способен лишить жизни человека.

— А я поверил. — Он заметил, что режет воздух дрожащей рукой, и, сдерживая себя, ухватился за край стола, закашлялся, побледнел.

Атантаев, не трогаясь с места, затушил сигарету в пепельнице и коротко приказал:

— Успокойся.

Абылай, покачнувшись, сел.

— Я больше ничего не скажу, — угрюмо выдавил он.

— А я тебя ни о чем не спрашиваю. Нам осталось решить одно дело. Твой отец пишет, что собирается приехать в колонию. Что мне ему ответить?

Абылай надолго замолчал. Он вдруг возненавидел себя за то, что не сумел сдержаться и так разоткровенничался с начальником. Мнение его о лейтенанте по-прежнему было двояким, и лишь последние слова об отце вселили в него надежду, что Атантаев все-таки, может быть, неплохой человек. Будь на его месте Каримов, разве стал бы он советоваться?

— Простите, я погорячился. Прошу вас, напишите, чтобы папа не приезжал. Очень вас прошу, — потупившись, сказал он. — Мне никто, кроме меня самого, не поможет. Когда будете писать отцу, скажите, что со мной все хорошо. Я прошу вас. Мне кажется, что я могу вам довериться: сейчас мне не хочется видеть никого, никого...

Абылай встал и вышел из кабинета, даже не спросив разрешения, но Атантаев не стал его задерживать.

Он повторял про себя слова Абылая, с удовольствием думая о сильном и стойком характере парня, с которым так круто обошлась судьба.

И в это время зазвонил телефон. Дежурный сообщил, что начальника отряда спрашивает посетитель, который приехал к одному из осужденных на свидание.

— Какой посетитель? Рабочий день давно закончен. Пусть приходит завтра утром.

Офицер, уловив недовольную нотку в его голосе, все же добавил:

— Извините, но я сказал, что вы у себя.

— Хорошо, пусть подождет...

— Слушаюсь...

Рядом с дежурным стоял высокий человек средних лет. Увидев Атантаева, он, поправив галстук и застегнув пуговицы своего хорошо сшитого костюма, шагнул к нему навстречу.

— Здравствуйте. Меня зовут Ескендир Калиевич. Я отец осужденного Абылая Ескендирова, — сдержанно и спокойно представился он. — Прошу прощения за столь поздний визит, товарищ Атантаев. Я еще утром прилетел в областной центр, но в ваш городок автобус приходит только к вечеру. Простите меня. Я понимаю, что нужно было завтра утром прийти, но у меня не хватило терпения...

Лейтенант протянул ему руку.

— Не беда, что вы поздно приехали, однако нужно было сначала предупредить меня.

Ескендир ничего не ответил. Атантаев, конечно же, прав, но разве хватило бы на это у Ескендира терпения? Разве сможет понять лейтенант отца, его томление и горе?

— Как мой сын? — спросил он. — Смогу ли я с ним встретиться?

— Ескендир... — замешкался лейтенант.

— Калиевич, — мягким приятным голосом подсказал ему Ескендир.

— Ескендир Калиевич, вы, наверное, еще не устроились в гостинице. И у меня в городе дела, давайте дорóгой потолкуем.

В гостинице не оказалось мест, и, несмотря на сопротивление Ескендира, Атантаев повел его к себе.

— Но ведь по инструкции вы не должны так поступать, — все еще пытался возражать Ескендир.

Лейтенант махнул рукой:

— Знаю, но не оставлять же вас ночью на улице?

— Нашей Келин нет дома, — сказал Атантаев, когда они вошли в квартиру. — У нее болеет мать, и она уехала в аул, а ты, Каракоз, марш в постель, — обратился он к дочери.

Ескендир огляделся. Обстановка в комнате была скромная, но все говорило о том, что здесь живут чистоплотные и аккуратные люди.

...Из чайника шел пар, и Атантаев выключил газ. «Абылай сказал, что может мне довериться. А вдруг встреча с отцом смягчит его душу? Вдруг так будет лучше? И что ответить приезжему? Поймет ли он слова сы-

на: «Сейчас мне не хочется видеть никого, никого...» Со стороны это, может, и понятно, но как отнесется к таким словам отец, изнемогающий от скорби, носящий ее в себе... Есть лишь один способ остановить этого человека: нужно стать на формальный путь, воспользовавшись тем, что день встречи с близкими и родными прошел и следующее свидание будет только в конце месяца».

Он разлил чай по пиалам.

— Аскар, дорогой. — Ескендир назвал его по имени. — Вы даже не дали мне помочь вам..

Он чувствовал неловкость за свое безделье, за то, что своим неожиданным появлением причиняет столько хлопот этому симпатичному парню.

— Ничего, все в порядке, — сказал лейтенант. — Вам не скучно было?.. Все никак телевизор не можем купить.

— Наоборот, мне приятна тишина, — ответил Ескендир, принимая из его рук пиалу. — И какой сейчас телевизор? Уже полдвенадцатого...

— Да, действительно... — Лейтенант удивленно глянул на часы, а Ескендир, напрягшись, спросил:

— Ну что, Аскар? Увижу я завтра сына или нет?

— Боюсь, это не в моих силах, Ескендир Калиевич. У нас свидания один раз в месяц, и мы не имеем права нарушать инструкцию.

— Я знал об этом, но не смог вылететь в тот день, почему и обратился непосредственно к вам...

— У нас строгие порядки, Ескендир Калиевич. Сами понимаете...

— А если мне встретиться с начальником?

— Думаю, что и он вам не поможет...

Ескендир испытующе поглядел на Атантаева.

— Кто же тогда способен решить этот вопрос?

— Наверное, только министерство...

— А с кем там надо поговорить? — Ескендир стал задавать вопросы быстрее, но спокойный тон его не менялся.

— Нужен приказ Егорова. Он руководит всеми колониями.

Ескендир, немного помолчав, достал из кармана записную книжку.

— У вас есть телефон? — спросил он.

— Да, — ответил лейтенант.

— Могу я заказать междугородный разговор? Я оставлю деньги для оплаты.

— О чем вы? Какие деньги? — опешил Атантаев. — С каким городом вы хотите говорить? С Семипалатинском?

— Нет, я хочу позвонить Николаю Михайловичу. То есть полковнику Егорову.

Атантаев нерешительно поднял телефонную трубку.

— Генералу Егорову, — поправил он. — Ему недавно присвоили генеральское звание. Но ведь уже поздно. Его нет на работе...

— Вот как? Тогда позвоним к нему домой... — Ескендир, не замечая смущения лейтенанта, назвал номер телефона.

— Слушаю! — услышал Атантаев голос телефонистки и замешкался, ибо никак не ожидал такого оборота дела.

— Слушаю! — нетерпеливо повторила телефонистка.

— Алло! Скажите, можно переговорить с Алма-Атой?

— Номер телефона в Алма-Ате?

— Можно или нет? — переспросил Атантаев.

— Если я спрашиваю номер телефона, значит, можно.

— А... Понятно! Спасибо! — Атантаев положил трубку и повернулся к Ескендиру: — Ескендир Калиевич, к сожалению, связь с Алма-Атой нарушена...

Ескендир подавленно смотрел на Атантаева. «Кажется, он догадался», — подумал лейтенант и отвел глаза в сторону.

— Будете еще пить чай?

— Спасибо. Я сыт. — Ескендир внимательно следил за каждым движением лейтенанта. — Аскаржан, ты ничего от меня не скрываешь? — неожиданно спросил он.

— Нет. — Атантаев быстро справился с собой. — Я ничего не скрываю, я только хочу спросить вас...

— Спрашивай... — Ескендир спокойно глядел на него.

«Какой у него пронзительный взгляд», — подумал Атантаев и, достав сигареты, предложил гостю закурить.

— Спасибо. У меня последнее время сердце шалит.

— Тогда выйдем на балкон, Ескендир Калиевич?

— И я хотел это предложить.

Они вышли на балкон.

— Вы давно знаете Егорова? — Атантаев чиркнул спичкой.

— Давно. Мы вместе работали в Семипалатинске, вместе учились...

Они замолчали, глядя на небо.

— Ескендир Калиевич, если Егоров ваш старый друг,

то, может быть, есть смысл через него походатайствовать о том, чтобы Абылаю сократили срок? — вдруг спросил Атантаев, прекрасно понимая, что фраза эта не только неуместна, но, пожалуй, является и нарушением его служебных полномочий. И все-таки она вырвалась у него, ибо Ескендир, с первого взгляда расположивший его к себе, теперь откровенно нравился ему.

Ескендир резко повернулся к Атантаеву:

— Забудь о том, что ты сейчас только что сказал. От работника правосудия требуется предельная честность, а то, что ты сейчас предложил, называется отвратительным, но точным словом «блат»...

Впервые за весь вечер лейтенант почувствовал в голосе Ескендира злость и не нашелся, что ответить.

— То, что сделано руками, человек несет на хребте... — Ескендир смотрел на слабо освещенную улицу. — Прости, если я был груб, но так меня заставило сказать мое сердце, без малого тридцать лет прослужившее закону и правде.

— Не сердитесь, Ескендир Калиевич, я ляпнул не подумав. Давайте отдыхать, утро вечера мудренее, я вам сейчас постелю... — Атантаев быстро ушел в комнату.

«Славный парень. Не обидел ли я его ненароком? — подумал Ескендир. — Вечно ты лезешь со своей правдой! — недовольно одернул он сам себя. — Ведь он тебе добра желает!.. Сына твоего воспитывает, тебя принял как родного...»

— Постель готова, — сказал Атантаев, выходя на балкон.

— Аскаржан, ты весь вечер задавал мне вопросы, а теперь сам мне ответь. Скажи, как ведет себя Абылай? Ты можешь мне сказать?

— Могу, — уверенно ответил лейтенант. — Он ведет себя неплохо, нормально, одним словом...

Ескендир, услышав это, немного успокоился. «Но если мой сын ведет себя неплохо, что скрывает от меня этот лейтенант? Вот с Алма-Атой не дал поговорить. Может, Абылай болеет?»

— Руки-ноги у него целы? — напрямик спросил он.

— Целы. И сам здоров.

— Не собирается еще раз бежать?

— Да вроде бы пока нет. По-моему — нет. Точно — нет, — сказал лейтенант.

— Ты сколько лет работаешь в колонии?

— Третий год...

— Родители есть у тебя?

— Отец умер. Мать живет в ауле...

— Старики любят обо всем расспрашивать, ты не обижайся, — улыбнулся Ескендир.

— Какая может быть обида, — улыбнулся в ответ Атантаев. — Спрашивайте, если интересно. Хотя, впрочем, простите, уже второй час, а мне рано вставать. Если у вас больше нет вопросов, я пошел. Спокойной ночи, Ескендир Калиевич!

— Спокойной ночи, Аскаржан. Кажется, мы с тобой находим общий язык, а? Или я ошибаюсь?

— Верно, мы как-то сблизились за этот вечер, — снова улыбнулся Атантаев и ушел к себе.

Он закрыл глаза, но сон никак не шел к нему. Было слышно, что Ескендир тоже не спит, ворочается, скрипя пружинами старого дивана.

«Зачем я соврал ему? — прошептал Атантаев и поднялся. Комната была освещена лунным светом. Он укрыл разметавшуюся во сне Каракоз. — Не нашел ничего лучшего, как придумать, что нет связи с Алма-Атой. А он завтра пойдет на почту и узнает, что я лжец. Рассказать ему все. Но как тогда быть с Абылаем?»

Не выдержав, он вышел в гостиную.

— Ескендир-ага!.. — позвал он шепотом.

— Я не сплю, можешь включить свет, — услышал он голос из темноты.

Атантаев зажег торшер и сел неподалеку от дивана.

— Не спится? — Ескендир приподнялся в постели.

— Я вам недавно солгал, — сказал Атантаев.

— Насчет Алма-Аты?

— Да, насчет Алма-Аты и... вообще... Я почувствовал, что вы поняли это... А я хочу, чтоб вы мне верили. С Абылаем все хорошо, но в этот раз вы с ним не встретитесь.

— Почему?.. По какой причине? — встрепенулся Ескендир.

— Этого я вам не могу сказать...

— Между людьми, доверяющими друг другу, не должно быть недомолвок...

Атантаев задумался.

— Вы не подведете меня?

— Я еще никогда и никого не подводил.

Они смотрели друг другу в глаза.

— Абылай сказал: «Никто, кроме меня самого, мне не поможет». Он сказал, что сейчас никого не хочет видеть, и я понимаю его...

Ескендир достал из кармана коробочку с лекарством.

— Аскаржан, принеси мне, пожалуйста, воды, — попросил он.

Он принял таблетку и вернул стакан Атантаеву.

— Спасибо! — Глаза его вдруг загорелись, и лицо помолодело. — Спасибо! Другого разговора от Абылая я и не ожидал. Ты говоришь, чтоб я через Егорова ходатайствовал о сокращении срока? Да если Абылай услышит об этом, он поступит наоборот, он все тогда сделает, чтобы не выйти из заключения. Горько, что я не увижу его, но ты меня обрадовал своей прямотой. Пусть все будет, как ты говоришь. Завтра утром я сажусь на автобус и еду домой. Я не увижу сына, но буду ждать твоих писем, Аскаржан. Спасибо тебе!..

Атантаев, не отрываясь, глядел на его посветлевшее, мгновенно изменившееся лицо, и вдруг сказал, поднимаясь:

— Ескендир-ага... Передайте его любимой девушке, чтобы она обязательно ему написала. Сейчас это крайне важно...

— А вот эту твою просьбу я выполнить не могу. — Ескендир не глядел на Атантаева.

— И все-таки попытайтесь с ней поговорить.

— Это невозможно. И бесполезно, — с трудом сказал Ескендир. — Дело в том, что Сауле вышла замуж. Но ему, пожалуйста, об этом — ни слова.

— Конечно же, — вдруг почему-то шепотом ответил лейтенант и на цыпочках ушел в свою комнату.

17

Досбол проснулся и некоторое время лежал с закрытыми глазами. Шесть утра, подумал он, шесть утра, ошибиться невозможно, всю жизнь он вставал в шесть утра, сейчас поезд пройдет, новосибирский поезд...

Послышался гул тепловоза, и он наконец открыл глаза.

В палате было еще темно. Осень, светает поздно. Досбол потер руками лицо, пошевелил пальцами ног, потянулся и бесшумно зевнул. Он вдруг почувствовал себя

здоровым, бодрым, не то что вчера, когда все тело ломило, как от усталости.

Что было вчера? Вчера, во второй половине дня, он наконец позвонил Баян. После той памятной беседы, что состоялась прошлой зимой, он ни разу не объявился у нее.

— Здравствуй, Баянжан, это Досбол-ага тебя беспокоит, — начал он, и ему стало неловко от своей неуверенности. — Ты извини, что звоню. Просто хотел узнать, как ты поживаешь...

— Дос-ага, это вы?! Здравствуйте... Куда вы пропали? Давненько не было вестей от вас...

— Я в ауле был, Баянжан.

— А на работу устроились?

— Устроился. Потом некоторое время лечился в Кокчетау.

— Как вы себя чувствуете, Дос-ага? Вы мне тогда очень понравились, и я часто вспоминаю вас...

— И я, и я, Баянжан...

Снова наступило короткое молчание, но казалось, что в этот раз они без слов понимают друг друга.

— Дос-ага, приходите сегодня к нам пить чай.

— Спасибо, Баянжан, но...

— Никаких «но»! Папа в командировке, а я буду вас ждать в конце рабочего дня у редакции. Часиков в шесть вас устроит?

— Баянжан, я многое тебе собирался сказать, да язык у меня заплетается...

— Ну вот мы вечером за чаем и потолкуем не спеша. Верно, Дос-ага? — Баян говорила так искренне, так радушно, что он не мог ей больше врать.

— Я бы с радостью, да только опять в больнице лежу, Баянжан, не пустят меня...

— Вот как?.. А что с вами?..

— То же самое — легкие не в порядке, и давление поднялось... Последнее время совсем плохо себя чувствовал, ну да ничего — мы и это переживем... — Досболу хотелось как можно увереннее выговорить последние слова.

— Что вам принести, Дос-ага? Не стесняйтесь, говорите...

— Ничего не надо! У меня все есть! Прости, но тут очередь у автомата собралась! Ничего не надо! — Дос-

бол, еще более смутившись, попрощался с ней и повесил трубку.

Избегая санитарок и медсестер, он быстро поднялся к себе на второй этаж. Больные дремали. Парню, лежавшему у двери, еще не разрешали вставать, и он попросил воды. Досбол дал ему напиться.

— Спасибо, аксакал, — сказал парень шепотом.

Досбол тоже лег в постель, но спать ему не хотелось. Половину жизни он провел в больницах, поэтому знал больничные порядки и беспрекословно подчинялся им. Обычно в послеобеденные часы он отдыхал, но сегодня ему все слышался и слышался мягкий голос Баян, и он улыбался, умиротворенный ее заботливыми словами.

«Почему и зачем я звонил ей? — спрашивал себя Досбол и не находил ответа. — А на прошлой неделе написал письмо сыну Султану. Зачем написал? — вдруг забеспокоился он, догадываясь о существовании в неведомых уголках его души какой-то тайны. — Что это? — думал он. — Что за тайна? Оказывается, и для этого нужно мужество, чтобы принять сознанием ту правду, которая зародилась в глубине сердца?! Наверное, ты стал бояться смерти, Досбол, и в этом смысл твоих последних поступков, это и есть твоя правда... Вот почему тебе захотелось позвонить Баян и, встретившись с ней еще раз, в последний миг своей жизни увидеть в ней Айшу. Вот почему ты написал Султану и попросил его приехать — тебе нужно еще раз посмотреть на единственно полезное творение всей твоей жизни. Ты породил Султана, дал ему жизнь, но он все эти годы живет без отца, и когда-то ты даже не знал, что он родился, что он есть на свете... Досбол, ты, оказывается, боишься смерти, да? Боишься смерти, боишься... Когда-то ты молил бога, чтобы поскорее кончились твои мучения, теперь ты жаждешь жить, и чем больше чувствует приближение ледяного дыхания смерти твое исхудавшее тело, тем отчаяннее ты пытаешься удалиться от нее, сбежать, убежать дальше, дальше...»

Он прикрыл глаза и тут же услышал знакомый спокойный голос. Ее голос, голос Айши...

«Дорогой Досеке! Ваша жизнь — это страдания, которых с лихвой хватило бы не на одного, а на добрую сот-

ню людей», — сказала она, с жалостью и болью глядя на него.

...СТРАДАНИЯ, КОТОРЫХ ХВАТИЛО БЫ НА ДОБРУЮ СОТНЮ ЛЮДЕЙ... В тот раз Досбол открыл ей многие секреты своей жизни, которыми он не делился ни с кем и никогда. Причиной тому было письмо его сына Султана, которое он только что получил и о котором рассказал Айше. В письме после традиционных расспросов о здоровье, о сроках выписки из санатория сын сообщил, что съездил на могилу матери в Бийск и поставил надгробие, которое вытесал своими руками. Кроме того, он писал, что недавно вернулся из Сибири...

...Семи лет от роду Досбол потерял родителей, в самом начале тридцатых годов. Тяжкое было время: скот падал от бескормицы. Маленький Досбол, чтобы не умереть с голоду, увязался за караваном, который с большими трудностями дошел, наконец, через безводные степи до города.

Но, достигнув городских окраин, караванщики стали расходиться кто куда, и сирота остался в одиночестве. Никому он здесь не был нужен. Он понял это, когда увидел, что и в городе сытости нет. Ходил по дворам, лазал по помойкам, но пищи себе так и не сыскал, получив лишь тумаки от таких же беспризорных, как и сам. На следующее утро, истощенный, обессиленный, он упал перед широко раскрытыми воротами, и это было последнее, что помнил. Был конец лета, в воздухе чувствовалось приближение осени. Он пролежал перед воротами день и ночь, после чего, простуженный, попал в больницу. Кто его туда привез — тоже не помнил. Подлечив, его отправили в детский дом... Такое у него было детство...

Айша, слушая его печальный рассказ, часто вздыхала.

«Иногда мне кажется, что судьба наградила меня только страданиями. Айеке, если вы послушаете, я расскажу вам об одной женщине. Может, и не стал бы рассказывать, но мне необходимо выговориться. Я сегодня получил письмо от сына, расчувствовался, и мне как-то неспокойно...»

Айша молча повернулась к Досболу и увидела, что он побледнел и натужно дышит.

«После детдома я устроился работать на Бийскую спичечную фабрику. Мы, трое молодых парней, все детдомовцы, сняли себе в городе комнату. У нас завелись кое-

какие деньги, мы и питаться стали лучше, и вообще в те годы людям стало жить полегче. Все мы испытали немало лишений, поэтому жили очень дружно. У хозяина дома, его звали Каратай, была большая семья, мы им помогали чем могли. Кололи дрова, воду носили. Жена Каратая всегда благодарила нас, стирала нам белье, а сам Каратай был очень разговорчивым, веселым человеком. Острослов и балагур, он почти никогда не хмурился. Он, помню, был журналистом, окончил Институт красной профессуры. У него даже какие-то книги были изданы, хотя я и до сих пор не знаю, о чем он писал, у меня тогда и мыслей не было об учебе, молодой я тогда был... Он и на домбре замечательно играл. Мы, когда приходили с работы, иной раз до самой ночи слушали, как он играет и поет.

А из нас сносно пел лишь Ерсайын, хотя выражение «сносно» слишком скромное определение для его пения. У него был очень приятный голос.

А третий из нашей маленькой компании, мой сверстник Еркин Омаров, сейчас стал академиком и живет в Алма-Ате. Он способный малый, учился на одни пятерки. Я, признаться, в детдомовской школе всегда у него списывал, потому что он задачки решал быстрее всех... В сороковом году мы с Ерсайыном посадили его на поезд и отправили в Москву. Он поступил в университет, и мы до войны часто переписывались, даже деньгами ему помогали, но я с того сорокового года так с ним больше и не виделся...»

«Как так? — удивилась Айша. — Вы же в одном городе живете?»

«Ну и что? Еркин сейчас большой ученый, известный человек. А я кто? Никто. Так что же я к нему пойду? И что скажу при встрече? Здравствуйте, мол, я — Досбол, который тебе деньги присылал. А вдруг он спросит, какой еще такой Досбол? Для меня это будет хуже смерти. Тем более что в Алма-Ате я не так давно поселился. Я ведь сразу после войны в России жил, я вам уже рассказывал... Помните? Айеке, простите, может, вы смеетесь надо мной и думаете: «Когда же, наконец, заткнется этот несносный болтун?»

«Продолжайте, не отвлекайтесь, Досеке», — мягко ответила Айша, коснувшись его руки.

«Да-да, — пробормотал Досбол. — Начал с одного, а перескочил на другое. Так вот. Жена Каратая, Галия,

была настоящей певицей, и все семеро их детей, кроме одного, самого младшего, я забыл его имя, любили петь. Их старшая дочь, уже взрослая девушка по имени Шолпан, подражая отцу, выучилась играть на домбре, голос у нее был высокий, мелодичный. Так вот. Помню, однажды я пришел с работы усталый, продрогший, поставил на плиту чайник, сам прилег и заснул, а проснулся от пения Каратая под домбру. Ему подпевали Галия и Шолпан...

Боже мой, думал я, был бы у меня такой отец, как Каратай, такая мать, как Галия, и такая сестренка, как Шолпан!.. Глаза мои были полны слез, я готов был разрыдаться, как мальчишка. Я думал о нашем ауле, о покойной матери, об отце. Перед глазами вставала мама в застиранном, но чистом платье... Отца я видел, как во сне — со светлым добрым лицом, черты которого стерлись, потому что с матерью я бывал чаще, чем с отцом. Что это? Неужели я завидую семейному очагу Каратая, думал я и ругал себя за это, но мои плечи невольно сотрясались от плача, слезы продолжали течь по лицу, и я пришел в себя лишь тогда, когда в комнату ввалился с мороза Еркин.

«Ты что, заснул? Единственный наш чайник чуть не расплавил, вода давным-давно выкипела. Хорошо, что Ерсайына дома нет, он бы тебе шею свернул», — смеялся Еркин, и я сейчас думаю о том, что жили мы, конечно же, скудновато, но никогда не унывали, вечно смеялись, шутили. Честно говоря, Айша, я думаю, что, может, тогда особенные люди рождались, что ли?

«Действительно, уснул, — растерянно сказал я. — Надо снова чайник поставить. Пойду принесу дров...»

Когда вернулся Ерсайын, мы уже накрыли стол, а в комнате Каратая не прерывалась песня. Бедняга, он как будто чувствовал, что сегодня случится...

«Пойдем подпоем ему, — предложил Ерсайын, — а то он уже, кажется, охрип...»

Мы пели. Пели все. До самой полуночи не умолкала домбра Каратая, но лишь мы стали расходиться, в дом кто-то постучал, и я пошел открывать. Трое людей, оттолкнув меня, устремились в комнату Каратая. В эту ночь его арестовали, и я его тоже с тех пор не видел. Галия несколько раз ходила к нему, однажды ей даже разрешили свидание, но она ничего не рассказывала, а мы ни о чем не спрашивали, время было такое. В комнате,

где каждый вечер звучала домбра, теперь можно было услышать даже жужжание мухи. Галия теперь ходила мрачная, постаревшая, вздыхала, хмурилась. Бедный Каратай! Он стал жертвой ложного доноса, и я до сих пор ничего не знаю о его судьбе... Я уже говорил, что в сороковом году мы отправили Еркина в Москву, а на следующий год началась война, и Ерсайын ушел на фронт. Меня тогда не взяли, как я ни просил. По здоровью, да и год мой еще не подошел. А через несколько месяцев мы получили похоронку на Ерсайына. И Галия-апай, и Шолпан, и я — все мы долго оплакивали его. В сорок втором меня призвали.

«Мало того, что вы в детстве пережили, сироты! Неужели безжалостная смерть скосит вас всех? Досболжан, береги себя!» — говорила Галия-апай, обнимая меня на прощание. Шолпан, смутившись, тоже поцеловала меня. В щеку. Я обнял ее, вытянувшуюся, стройную, светлолицую, притянул ее к себе и поцеловал ее в глаза, полные слез. Не выпуская ее из объятий, вдыхал аромат ее чудесных волос!

«Все-таки ты добился своего, Досбол, — сказала Шолпан. — Значит, тебе суждено отомстить за Ерсайына. Мы все будем ждать твоего возвращения...»

«Да поможет тебе аллах!» — добавила Галия, высоко подняв путающегося под ногами младшего сынишку.

Началась посадка в вагоны. Шолпан не отпускала моего рукава. Никто не знал, что у нас с ней есть одна тайна.

«Прощай, прощай, Досболжан!» — крикнула мне Галия.

«Я тебе правда нравлюсь, Досбол?» — спросила Шолпан.

«Правда!» — решился ответить я, но времени на разговоры уже не оставалось. Поезд тронулся, и я успел лишь шепнуть: «Я тебя люблю, Шолпан!»

«И я! И я! До-сбо-ол! Я буду ждать тебя!..» Я слышал, как кричала она вслед поезду.

Так я уехал. И получилось, что тоже навсегда. Через три месяца пребывания на фронте я попал в окружение, а потом в плен. Боже, каких только страданий я не пережил! Эти годы были полны и лишений, и горя, все эти годы я ходил как по лезвию ножа. Но Родины я не предавал».

Досбол вдруг замолчал. Ему, по-видимому, трудно бы-

ло говорить. Айша, понимавшая его состояние, спросила Досбола о судьбе Шолпан.

«Айеке, она тоже жертва войны. Мы пишем, что война унесла двадцать миллионов человек. А сколько женщин, стариков, детей гибло в тылу от бедствий войны.

Я вам уже говорил, что после войны жил в России, да и что мне оставалось делать? Дома у меня не было, родных — тоже. Я знал лишь квартиру Каратая в Бийске, но и туда за шесть послевоенных лет не написал ни одного письма. Я думал, что Шолпан теперь, конечно, уже замужем. И я не героем вернулся, а из плена, так кому же я такой был нужен? С каким лицом показался бы я на глаза Галие, Шолпан и даже детям? Значит, решил я, мне богом суждено мыкаться по этой земле, ну и намыкался я, намыкался вдоволь!.. Тогда я еще не был женат, но с женщинами встречался. Обычно это были вдовы, которые как-то опекали меня. С некоторыми из них я уживался, от других бежал через день, забрав свою котомку... Что там говорить! Слова все выдерживают, люди не выдерживают... Много лет я проработал нормировщиком на заводе в Подольске. К тому времени заочно кончил институт и получил диплом. Но по службе меня не повышали, даже экономистом не хотели назначать. Однажды я пошел к директору, и тот мне сказал прямо в лицо: для того, кто побывал в плену, и должности нормировщика много...

Я, задохнувшись от злости, схватил со стола чернильницу и запустил ее в директора. Тяжелая это была штучка, и слава богу, что попала она ему не в голову, а в плечо. Кровь, что ли, у меня порченая, ведь ни убивать, ни калечить его я не собирался, а получилось, что поранил его. Мне дали год. Все равно, решил я тогда, нет и не будет мне доверия, лучше умереть, чем ходить всю жизнь с клеймом предателя... Лучше умереть... Но ребята успели вовремя вынуть меня из петли. Одним словом, думал я, ни жизни толковой не было, ни помереть достойно не сумел... У меня легкие с детства были простужены, и врачи порекомендовали мне перебраться в теплые края. Так я оказался в Узбекистане. На работу, бывало, устроюсь, а через месяц-другой или сам сбегу, или уволят — кому бродяга нужен? Одно время караулил сад у торговца-узбека, который разъезжал со своими дынями и арбузами по всей стране. Минуло лето, прошла осень, наступила зима, я остался у него, да так и застрял

в его саду на целых три года. За все это время я не получил от него ни копейки денег, да мне и не надо было: одежонка кой-какая была на мне, меня кормили, а на остальное мне было наплевать. Ни мыслей, ни желаний не осталось у меня, и казалось, что это не я, Досбол, живу, а только тень моя бродит по земле. Я отупел и опустился: днем караулю сад, ночью сплю в шалаше, утром встаю вместе со всеми. Узбеки пьют зеленый чай, я — черный, за три года так и не привык к их чаю. Они смеялись над моими привычками и дали мне кличку Крещеный. Но меня ценили за исполнительность и трудолюбие и на четвертое лето взяли меня с собой в Новосибирск торговать арбузами на рынке. Мы раньше других «купцов» из Средней Азии появились в Новосибирске, поэтому арбузы шли по бешеным ценам. В день окончательной распродажи нашего товара узбек, обычно мрачный и подозрительный, необычайно развеселился и повел меня в привокзальный ресторан. «Напою и накормлю тебя так, что на всю жизнь запомнишь!» — хвастался он и действительно не поскупился, выставив обильное угощение. Когда мы оба изрядно отяжелели, он вдруг наклонился ко мне и спросил: «Ты что задумал, скажи? Почему не просишь у меня денег за свой труд?» — «Сочтемся, когда надо будет», — ответил я. «Да? — подхватил он. — А вдруг я тебе ничего не дам, что будешь делать, а?» — «Не дашь, дьявол с тобой, — ответил я. — Мне все равно, насильно отбирать не буду». Узбек, почти протрезвев от изумления, смотрел на меня: «Брось мне тут крутить. Ты или слишком хитрый, или совсем чокнутый... Завтра в Бийск едем, туда пришел вагон арбузов». — «Куда?» — спросил я, и в горле у меня пересохло. «В Бийск, это недалеко, мигом обернемся», — ответил узбек, но я уже не слушал его, сам того не замечая, как громко и надрывно повторяю: «Бийск, Бийск, Би-и-йск!..» Бийск рядом, и я, верно, в самом деле сошел с ума, если ни разу не подумал об этом городе, где прошла моя юность и где, возможно, до сих пор живут дорогие мне люди.

«Давай прямо сейчас поедем», — предложил я.

«Что? Что ты плетешь! — рассердился мой хозяин. — С утра тронемся».

«Нет, поедем сейчас!» — упрямился я.

«Ты сначала проспись, засвербило ему, Бийск ему подай!» — заворчал узбек и, поддерживая друг друга, мы вышли на улицу. «Ты вот что. — Я еле ворочал язы-

ком. — Завтра купишь мне новую одежду. Брюки купишь, пиджак, ботинки, шляпу...» — «Чего? — снова изумился узбек. — Может, тебе и галстук купить?» — съязвил он. «И галстук — тоже. Купишь!» — грозно сказал я.

На другой день узбек купил мне все, что я потребовал. Разодетый, вышел я из поезда на перрон бийского вокзала. Выяснилось, что наш вагон с арбузами еще в пути, и мы отправились на базар, где в тени, под навесом, сидели старики. Поздоровавшись и разговорившись с ними, я ненароком осведомился о Каратае. Аксакалы переглянулись, помолчали и, пряча глаза, ответили, что его уже много лет никто не видел в городе и что жена его, Галия, умерла в прошлом году. «А Шолпан, помните, у них была старшая дочь, ее звали Шолпан, что с ней?» — спросил я. «Она жива. И дом их стоит на прежнем месте, но скоро и его снесут, сейчас все сносят, везде стройка, наш Бийск совсем большой стал», — разом заговорили старики, с любопытством глядя на меня.

Мой хозяин тоже был заинтригован и, опасаясь, по-видимому, что я сбегу, увязался за мной, когда я отправился разыскивать Шолпан.

Многоэтажные каменные дома заслонили маленькую улочку, и я с трудом нашел знакомый дом. Скрипнув калиткой, я вошел во двор. На покосившейся скамейке, спиной к нам, сидела, греясь на солнце, старуха в подшитых валенках, укутанная в теплый платок. Услышав скрип, она не спеша повернулась, и я невольно вздрогнул. Глаза ее, коричневые, безжизненные, равнодушные, не моргая глядели на меня, и я не выдержал этого холодного пустого взгляда. Она мельком посмотрела на узбека, который стоял рядом со мной, и, не сказав ни единого слова, отвернулась.

«Больная, совсем больная», — с жалостью подумал я, когда она вытянула ноги, пытаясь устроиться поудобнее.

Мы молчали. Молчал я, молчал узбек, молчала старуха. Эту бессмысленную тишину вдруг нарушило громыхание кровельного железа на проржавевшей крыше — от случайного порыва ветра. Услышав этот грохот, она испуганно вздрогнула и наконец отрешилась от своих тяжелых мыслей.

«Вам кого нужно?» — спросила женщина надтреснутым голосом.

«Это дом Каратая?» — спросил узбек, видевший мою растерянность.

«Как ты сказал?» Женщина попыталась встать, и ее валенки заскребли по земле.

«Аксакала Каратая...» — повторил я.

Сначала было непонятно, дошли ли до нее наши слова, но вдруг потухшие ее глаза вспыхнули, она впилась взглядом сначала в узбека, потом в меня... Она смотрела мне прямо в глаза, и я не отрывал от нее глаз, пораженный своей догадкой. Вдруг подбородок у нее задрожал, губы задергались.

«Нет... Невозможно... нет... — прошептала она, глядя на меня, и с трудом поднялась, опираясь на трость. — Неужели это ты, Досбол?..»

Я не успел ничего ответить, как она вскрикнула, вытянула исхудалые руки, и я бросился к ней, чтобы поддержать ее. Странно: именно в этот миг ее лицо, скованное горем и бедами, на секунду стало прежним, и только тогда я узнал в ней Шолпан.

Узбек оставил нас одних, и мы до рассвета проговорили о пережитом. Я слушал ее горькую правду о бремени одиночества, она — мою исповедь, исповедь человека потерянного, чувствующего свою вину перед ней.

Мы сидели за низеньким круглым столом. Чай пили молча, и мне казалось, что Шолпан мучается в поисках какого-то решения.

Моя посуду, она вдруг сказала, как бы предупреждая очередной мой вопрос:

«Выучила всех, и братишек и сестренок. А они не захотели оставаться в Бийске и уехали в Казахстан. Я же не могу бросить очаг матери и отца, нет у меня на это сил».

Она пристально смотрела на меня, и взгляд у нее был тяжелый и холодный.

«Ты очень больна, тебе нельзя жить одной», — возразил я.

Помолчав, она ответила, и мне показалось, что она не обращает внимания на мои слова:

«Еще в юности я поклялась не покидать родительский дом, а ты знаешь, что это великий грех — переступить через свою клятву...»

И я невольно отметил, что в голосе ее не было страдания, голос ее звучал уверенно и властно.

...За два дня мы с узбеком распродали все арбузы. Настало время прощаться, ибо я решил остаться в Бийске. Узбек, не перебивая, выслушал меня, тяжело вздохнул

и спросил нерешительно: «Ты что же, хочешь жениться на этой женщине?» — «Если она согласится, женюсь», — ответил я.

Торговец задумался, потом сказал: «Да, тяжелая у тебя доля!» — Он молча достал из кармана деньги, завернутые в платок, и высыпал их на гостиничную кровать. Пошел, запер дверь номера на ключ, достал из-под кровати сумку, набитую деньгами, высыпал на кровать и эти деньги, после чего отвернулся и сказал: «Возьми, сколько тебе нужно. Я твоей руки не отведу. Я уважаю тебя. Спасибо тебе, бери, не стесняйся».

Я взял его за плечо.

«Не унижай меня. Сколько б ты мне ни дал, я останусь доволен. Но если ты считаешь меня честным человеком, то и сам будь честен до конца».

Он оценивающе посмотрел на меня, сел на кровать и, шевеля губами, начал пересчитывать купюры. И он не обидел меня, напротив. Он одарил меня, и я, пораженный его щедростью, не успел ничего сказать ему на прощанье, потому что он, хлопнув меня по спине, тут же ушел.

А я отправился к Шолпан.

Смеркалось. Двери были не заперты, но в комнатах было темно.

«Шолпан, — окликнул я ее. — Ты дома?»

«Дома, — тихо ответила она. — Я боялась, я думала, ты снова уехал».

Я лишь смотрел на Шолпан, смотрел долго, в упор, и она смотрела на меня, тихо улыбаясь. Мне кажется, тогда мы без слов поняли друг друга...

Что скрывать, Айеке, ведь это и была наша тайна, о которой не знал никто в мире, мы оба навсегда запомнили те две ночи, которые подарила нам судьба...

Ей на какое-то время полегчало. Она встала с постели, принялась хлопотать по хозяйству, но через неделю опять слегла, и стало понятно, что больше ей не подняться. Это и я видел, и врачи, которых я к ней возил, и соседи, которые приходили дежурить у ее постели, да и она сама, я думаю, тоже все понимала. Наконец, положение стало таким угрожающим, что я решился дать телеграмму ее родственникам, братьям и сестрам, жившим в разных городах Казахстана. И в этот же именно день меня ждало еще одно потрясение. Шолпан подозвала меня к себе. Она была очень слаба, я не хотел, чтобы она

тратила последние силы на разговор, но она сказала, тяжело дыша и с трудом выговаривая каждое слово:

«Не могу... Не могу понять, кем ты мне приходишься, Досбол... Мужем? Другом? Старым знакомым?.. А кто я для тебя? Жена? Или девушка, которую ты бросил, познав ее? Досбол, Досбол... Я думаю, может, мы оба жертвы войны? Ведь это чудовище, война, поглотила нашу любовь, молодость, жизнь. Но есть один человек на этом свете... Есть... Который связывает нас с тобой навеки. Это твой... наш сын. У нас есть сын. Его зовут Султаном. Я не хотела тебе говорить и открылась лишь потому, что смерть взяла меня за горло. Дай ему знать о том, что я умираю. И береги его. Позаботься о нем. Он живет в Алма-Ате. Теперь я поручаю его тебе и больше мне нечего сказать. Прощай, Досбол...»

Больше она уже не приходила в себя и на следующий день тихонько скончалась.

Вот как получилось, что со своим сыном я встретился лишь спустя много лет после его рождения.

Досболу хотелось говорить еще и еще. Он даже встал, чтобы показать, как именно Султан протянул ему руку, но Айша вдруг резко оборвала его.

«Вечера такие холодные стали...» — сказала она и ушла, не попрощавшись, не обернувшись.

Досбол, ошеломленный ее поступком, не знал, что и подумать. «Не обидел ли я ее?» — мелькнуло у него. Он сел. Снова встал, мучительно пытаясь понять, чем же так задел женщину его печальный рассказ.

От грусти, навеянной исповедью Досбола, Айше внезапно захотелось уединения. Она брела по тропинке и думала о том, что услышала. Горькая история незнакомой, но ставшей такой близкой ей Шолпан, поразила ее до глубины души. Двадцать долгих лет ждать любимого, не теряя надежды, что он жив и ходит по этой земле! Ангелом нужно родиться, чтобы вынести это!.. Одной из таких женщин, сильных духом и совестью, была ее родная мать, но все равно рассказ Досбола поразил ее своей неожиданностью и разбередил старые раны, отчего она, уже в который раз, спрашивала себя: «А ты, Айша, счастлива или нет?.. И не похож ли Ескендир, всю жизнь посвятивший тебе и детям, на Шолпан, заплатившую за любовь всем, что только было у нее?» А сама она, Айша,

не напоминает ли Досбола, который прошел по жизни, не оставив и следа? Но ведь Досбол — мужчина, а она — женщина, мать, хранительница очага...

Все пошло прахом с той поры, когда она заболела. Она чувствовала, что катится в бездну и не может, никак не может остановиться... Сейчас дело вроде бы пошло на поправку, однако надолго ли? Ведь ее болезнь коварна, ее трудно, почти невозможно одолеть, она протекает так, что затишье всегда предвещает бурю. Что будет с НИМИ? Не поздно ли она спохватилась? Или она, как всегда, спешит?.. Может, все еще будет хорошо?..

Соседи по палате начали потягиваться и позевывать — «тихий час», судя по всему, близился к концу. Досбол вынул из нагрудного кармана пижамы часы на серебряной цепочке — без пяти пять. Он надел очки и взял в руки томик стихов Абая, бесценную книгу, которую он перечитывал каждый год, чувствуя, что с возрастом мысли великого поэта становятся ему все ближе и ближе.

— Чем жизнь влачить в печали и унынье, не лучше ль смерти гордый бросить вызов? — повторил Досбол, не замечая, что в дверях палаты уже давно стоит бородатый молодой человек, с улыбкой глядя на него и не решаясь нарушить его сосредоточенных раздумий.

— Султан!.. — увидев его, Досбол так обрадовался, что больше ничего не смог выговорить. Он отбросил одеяло, попытался сунуть ноги в тапочки, но Султан обнял его и не дал подняться с постели.

— Ты здесь? Как хорошо, что ты приехал... — Досбол смешался... — Может, я оторвал тебя от каких-то важных дел?..

— Нет, о чем вы говорите, ага... — Султан так и не приучился называть Досбола отцом.

— Уж больно я по тебе соскучился, Султанжан, иначе, сам понимаешь...

— И я соскучился, ага...

— Я испугался, что умру, не повидавшись с тобой. Мне в тот день приснился нехороший сон, вот я и написал тебе. Еще раз спрашиваю — я не помешал?

Султан рассмеялся.

— Теперь мне уже никто не в силах помешать. Я закончил работу. Мало того — госкомиссия уже приняла ее...

— Поздравляю! Знал бы ты, как я рад! Судьба у тебя нелегкая, ты, как и я, вдосталь хлебнул лиха, но сегодня твой день, и нет человека на свете счастливее меня. Слушай, может, ты заберешь меня из этой больницы? Насовсем? Отпразднуем твой успех.

— Спасибо на добром слове, но все мои большие дела еще впереди. А из больницы я вас, конечно же, заберу, как только вы подлечитесь — ведь мы еще ТОГДА решили, что будем жить вместе. Скоро мне должны дать квартиру, мастерскую, и я думаю, все устроится...

— Хорошо, поговорим об этом позже. Сейчас здоровья никакого, видишь, опять в больницу залег, — вздохнул Досбол. И вдруг его лицо просияло. В палату вошла Баян. — Баянжан, здравствуй, милая, проходи, проходи. Побеспокоил я тебя, совсем на старости лет из ума выжил, сына вот из Алма-Аты вызвал, — поспешно заговорил он.

Баян и Султан глядели друг на друга, не веря своим глазам.

— Неужели это наша умница Баян? — сказал наконец Султан.

— Неужели это наш честный и прямой Султан? Или я ошибаюсь? — в тон ему ответила Баян.

— Э-э, да вы, оказывается, знакомы? Вот уж точно говорят: тесен мир, тесен мир, — бормотал Досбол, утираясь носовым платком.

Всю жизнь он считал, что слезы — смертельный позор для джигита, и теперь никак не мог понять, отчего вдруг так растрогала его эта неожиданная встреча.

18

Алеша Семенов был, пожалуй, единственным из осужденных, с кем Абылай сейчас общался. Юрченко, с тех пор как начал работать в авторемонтном цехе, сильно изменился и всякий разговор тут же переводил на любимую тему: цилиндры, клапана́, поршни, зажигание. Он тоже как-то удалился от остальных, все свободное время отдавал моторам, читал книжки, листал справочники, что-то записывал, подсчитывал. «Неужели Атантаев действительно нашел дорожку к его душе?» — думал Абылай, глядя на него. На днях Юрченко подошел к нему, помолчал и вдруг сказал неожиданно:

— Спасибо, что похлопотал за меня...

И ушел, не дожидаясь ответа, так что оставалось только гадать, откуда ему стало известно содержание беседы Абылая с лейтенантом. Ушел пружинистой, цепкой походкой человека, знающего себе цену и умеющего постоять за себя.

Семенов другой — робкий, стеснительный, по-девичьи нежный. Даже удивительным кажется, что на воле он работал шофером МАЗа. А биография у него была такая же короткая, как у Абылая. Учился в школе, но лишь закончил восьмой класс, как в семье случилось горе: умерла мать. Нелегко стало отцу с четырьмя детьми, тем более что самому младшему из них было всего несколько недель, и Алексей бросил школу, подал заявление в ГПТУ, с тем чтобы как можно быстрее получить профессию и начать самостоятельно зарабатывать.

— Вот так и жили, — рассказывал он Абылаю. — Но горе в одиночку не ходит. Отец вскоре погиб при аварии на шахте. Так мы стали круглыми сиротами... За какие-то три года...

Конечно же, товарищи отца здорово нам помогли. Они хотели даже взять меня в свою бригаду, но я отказался — при одном упоминании о шахте становилось муторно. Но в хорошем заработке я все-таки нуждался, ведь у меня на руках осталось мал мала меньше... У нас во дворе жили, как говорится, «те еще ребята», шпана, гроза всей округи. Вот они и подбили меня на «дело». В подробности они меня не посвящали. Сабырхан Кусаинов, он высокий был такой, жилистый, ловкий, как снежный барс, мне просто сказал: «Не твоего это ума дело, а просто стой «на атасе», и получишь три сотни». Я и стоял. А они взломали ларек. Я узнал — ахнул. А Сабырхан мне говорит: «Молчок! Но дальше тебе с нами нельзя. Если влипнешь, твоих братьев в детдом заберут. Что такое детдом, я хорошо знаю, сам детдомовский...» Я деньги отказался брать, но все равно всех нас на следующее же утро тепленькими взяли из постелей. Сабырхан меня, надо сказать, всячески выгораживал. Но дело есть дело: суд мне дал год условно... И тут мне опять помогли отцовские друзья — устроили на автобазу, одну из лучших в городе, и там мне скоро дали МАЗ.

Алене было тогда три года. Матери она не помнила и не могла понять, куда делся отец. Придет, бывало, из садика, ищет его, плачет. Все во мне переворачивалось, ко-

гда я это видел... Вот так... Ну и потом история со мной... Я не суеверный, но до сих пор думаю, что это дело рук нечистого: ведь столкнуться двум машинам в степи практически невозможно. Вова писал мне, что сначала Аленка и меня искала, но теперь уже многое сама понимает, ей теперь уже шесть лет, она теперь и читать и писать умеет, Митя ее научил...

А я... как вспомню о своих, сердце болит. Иной раз думаю, лучше бы я сам тогда погиб на этом шоссе: я ведь только плечо вывихнул да пару царапин получил... Я как сейчас помню — мой МАЗ завалился набок, я выскочил из кабины, шок у меня, руки трясутся, и вижу, что легковушка, в которую я врезался, лежит вверх колесами в кювете, шофер, вижу, пытается из нее выбраться... Я рванулся, чтобы помочь ему, и чувствую — обо что-то споткнулся. А смеркалось уже, и метель была — ни черта не видно. Я наклонился и вижу — человек лежит. Молодой парень на снегу с широко раскрытыми глазами... Совсем молодой!.. И умер он, не приходя в себя, — его выбросило из легковушки во время столкновения. Они ехали по главной дороге, хоть и на большой скорости, а я выскочил наперерез с проселка. Ударил по тормозам и... не успел...

И такое отчаяние охватило меня, когда я увидел человека, которого убил! Я попятился, ноги меня не держат, коленки подгибаются. Я рухнул в снег и чуть ли не завыл по-собачьи!.. Кто же о моих-то теперь, думаю, позаботится, и за что на нашу семью такие несчастья!.. Это была первая моя мысль... Ну а потом, все три месяца, пока шло следствие, я каждую ночь просыпался от кошмарных сновидений. Все мне снился этот парень, лежащий на свежевыпавшем снегу, струйка крови... Знал бы ты, какое мучение жить на свете, убив человека...

Он тяжело вздохнул, пытаясь справиться с комком, подступившим к горлу.

— А что за девушка приезжала к тебе на свидание месяц назад? — осторожно спросил Абылай, выслушав горький рассказ Семенова.

— Это Галя, — помолчав, сказал Алексей. — Я своим глазам не поверил, когда увидел ее! Вот смелая!.. Приехала... Она и к нашим ходит, помогает, чем может. В Аленке души не чает. Мне Володя писал, что и Аленка к ней привязалась не на шутку. На субботу и воскресенье она забирает Аленку из детского сада к себе. А ро-

дители ее хоть и были против этой поездки, тоже несколько раз приходили к нам. С Володей познакомились, с Митей. И ведь ты, Абылай, никогда в жизни не поверишь, что я, перед тем, как попасть сюда, виделся с Галей всего два раза.

Абылай резко повернулся к Семенову:

— Вот так. Я знал, что ты удивишься... — Глаза у Алеши засияли. — Однажды я вышел прогуляться после работы и заглянул в книжный магазин, где мы с отцом частенько бывали. В магазине было людно — продавали «Избранное» Есенина. Мне досталась последняя книга, и девушка, стоявшая за мной в очереди, не на шутку огорчилась. Когда сказали, что книги кончились, она вздохнула и направилась к выходу. Я догнал ее.

«Извините, возьмите вот, я хочу подарить вам...» — сказал я, протягивая ей книгу.

Она сначала испуганно отшатнулась, но потом, увидев, что я мало похож на уличного приставалу, застенчиво улыбнулась.

«Спасибо, — сказала она. — Но ведь вам, наверное, эта книга самому нужна?»

«У меня есть... У нас есть двухтомник Есенина. Отец купил лет пять назад...»

У нее тоже оказалось свободное время, и мы почти до самого вечера гуляли по улицам. Она рассказала мне о своей жизни, я, как мог, о своей, о несчастьях, обрушившихся на нашу семью. Она безмолвно и внимательно слушала меня. Ни о чем не расспрашивала, но на прощанье сказала: «А вы, Алеша, сильный человек. Я, пожалуй, первый раз в жизни вижу такого сильного человека...» — «То есть в каком смысле сильный?» — заволновался я, поначалу не поняв, что она имеет в виду, но она мне не ответила, и, лишь когда я спросил, встретимся ли мы еще, назначила мне свидание на следующий день около кинотеатра. Мы увиделись еще раз, и почти сразу же после этой встречи она уехала в Усть-Каменогорск на медицинскую практику. В тот день... в день, когда произошло... несчастье, мы должны были встретиться, у меня в кармане лежала телеграмма о том, что она возвращается, и я гнал машину, не чуя беды. А встретились мы уже в зале суда. Потом она взяла у братьев мой адрес, и я получил от нее письмо. Потом она приехала, это ты уже знаешь... Абылай, я хочу тебя спросить, есть

ли в жизни возвышенная, то есть даже не возвышенная, а НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ?

— Настоящая любовь... Я думаю, что настоящей любви всегда сопутствует несчастье...

— Я знаю, я читал об этом... — вырвалось у Семенова. — Но у нас с Галей, у нас по-другому. Наша любовь не похожа ни на одну из тех, что были раньше!..

— Ты так считаешь? — усмехнулся Абылай.

— Да, именно так!.. — Алеша не в силах был скрыть своей уверенности. — Именно!.. И поэтому я сделал ей в письме предложение...

— Какое предложение? — Абылай не верил своим ушам.

— Выйти за меня замуж...

— Да ты... ты, наверное, забыл, где находишься?.. И кто ты!..

Семенов встал.

— Нет, я ничего не забыл. И я знаю, кто я. И мне кажется, что это ты о чем-то забыл, ты не понимаешь... чего-то важного, существенного...

Абылай задумался. Судьба Алексея, его братьев, сестренки не на шутку взволновала его. И вместе с тем он невольно вспомнил Сауле — ведь он мечтал о ней так же, как Семенов о Гале.

...Когда зачитывали приговор, Абылай повернулся в сторону Сауле, которая сидела у окна, и наконец-то встретился с ней взглядом, хотя она, по-видимому, давно смотрела на него, смотрела тревожно и пристально. Ее лицо осунулось, в больших печальных глазах застыли слезы. Казалось, она вся дрожит от холода, крепко прижав к груди скрещенные руки. Выслушав приговор, она закрыла лицо руками и заплакала. Публика в зале направилась к выходу, и Абылай потерял Сауле из виду. Он равнодушно глядел на прокурора, судью, народных заседателей. По лицу адвоката, молодой женщины Елены Николаевны Власовой, он понял, что она крайне удручена исходом процесса. Доброжелательно, но как бы нехотя улыбнувшись ему, она энергично откинула спадающую на глаза черную челку... «Терпи, Абылай. Мы подадим кассационную жалобу», — шепнула она. Но тогда Абылай еще не знал, что кассационную жалобу Верховный суд отклонит.

Судья Насыр Жуманов, конечно же, чувствовал на себе пронзительный взгляд Абылая, но делал вид, что ничего особенного не происходит. Он о чем-то разговорился с народным заседателем, а потом и вовсе повернулся к залу спиной. Абылай, зло усмехнувшись, сжал кулаки и встал между двумя конвойными, готовясь к выходу. И в это время в зале раздались громкие рыдания.

Абылай заметил, как дрогнуло лицо председателя суда, но Жуманов тут же взял себя в руки и привстал, сердито глядя в зал.

Люди столпились вокруг Сауле, не решаясь подойти к ней, а она, не утирая слез, градом катившихся по щекам, вдруг выкрикнула, обращаясь к Жуманову:

«Он не виноват, и вы знаете это!..»

Смуглое лицо Насыра Жуманова побагровело.

«Прекратите!» — хлопнул он по столу ладонью.

«Я не верю. Он не виноват!» — упрямо продолжала девушка.

«Безобразие! Где милиция?» — Насыр Жуманов завертелся, глядя то на Сауле, то на прокурора.

«Она правду говорит!..»

«Конечно, правду...» — послышались из толпы негромкие, но явственно различимые голоса.

Жуманов окончательно растерялся, но тут к Сауле пробрался толстяк со шрамом на лице, из компании, избивавшей Абылая.

«А ну убирайся отсюда! Разнюнилась, понимаешь!..»

Абылай рванулся к нему, но конвойные удержали его. К Сауле подошла Баян и обняла ее, пытаясь увести из зала. «Все равно он не виноват!» — рыдая, выкрикивала Сауле, прижавшись к Баян. «Не плачь, не плачь!» — уговаривала ее Баян, но сама не отрываясь глядела на Абылая, и по ее лицу тоже текли слезы.

Горячее сочувствие к ним переполнило Абылая. Только теперь он понял, как трудно пришлось сестре в те полтора месяца, ведь отец чувствовал себя скверно, и она разрывалась, бегая между следственным изолятором и больницей.

«Насыр Жуманович, не пристало вам пререкаться со свидетелями», — тихо сказала Елена Николаевна. Председатель суда напружинился, готовясь ответить резкостью, но сдержался и, чуть склонив голову, пробормотал: «Извините...» Но серые его глаза оставались холодными и тусклыми.

Баян... В последнее время, стоило ему вспомнить о сестре, как он тут же чувствовал себя виноватым перед нею. Ведь она за все эти годы лишь один-единственный раз упрекнула его. Абылай совершил побег, а через день Баян вместе со стариком-жырау и его сыном Мергеном приехала к нему на свидание.

«...рядом с тем местом, где разбился самолет, народ своими силами поставил памятник Омару, и какой, если бы ты видел! Я приехала в день рождения Омара, и весь аул пришел к памятнику. Не было мужчины, который не пожал бы мне руку, не было женщины, которая не обняла бы меня, не поплакала вместе со мной... Люди ждали моего слова, а я не могла говорить — слезы душили меня, и мне казалось, что кто-то туго перевязал мне горло... Невозможно говорить в такие минуты!.. Памятник Омару высокий, из белого мрамора, его видно далеко-далеко... А на следующий день мы поехали к тебе и там все узнали...» — писала она Абылаю позже.

В красный уголок, где находился Абылай, быстро вошел Алеша.

— Я тебя везде ищу. Я получил письмо от Гали. Она согласна! — выпалил он.

— Хорошо, ты получил ее согласие. И что дальше?.. Что ты дальше собираешься предпринять? — спросил Абылай, когда Алеша чуть-чуть отдышался.

— Я обо всем рассказал Атантаеву. Давно рассказал. А сегодня дал прочитать ему ответ Гали. Он обещал поговорить с Омаргалиевым. Я сам было к Омаргалиеву сунулся, да куда мне!.. Там какое-то начальство ждут из Алма-Аты!.. — Алеша, еще минуту назад сильный и веселый, вдруг загрустил, сник и, беспомощно подперев голову ладонью, сел за стол. — Как ты думаешь, разрешат мне зарегистрировать брак или нет?

— Конечно, разрешат. Я слышал, такой приказ существует уже лет пять. Глядишь, в этой самой комнате мы будем гулять на твоей свадьбе!.. — улыбнулся Абылай.

Прошло несколько дней, и слух о том, что из Алма-Аты едет комиссия, подтвердился. Именно тогда лейтенант Атантаев снова поставил перед начальником колонии, подполковником Омаргалиевым, вопрос о судьбе заключенного Алексея Семенова и его невесты Галины Остапенко, имея в этот раз на руках не только их заявление, но и письмо Галины.

Выслушав лейтенанта, Омаргалиев долго и внимательно

но смотрел на него. Подполковник, несмотря на свою человечность и доброту, обладал крутым нравом. Почти тридцать лет проработал он в органах МВД, и за время своей службы всякого навидался. Привыкший к жесткой дисциплине, он и от других требовал неукоснительного соблюдения своих обязанностей, порой не очень одобряя различные «новшества», что, на его взгляд, зачастую шли лишь во вред делу.

— Вы опять со своими просьбами? Разве нельзя все это решить попозже, в более спокойной обстановке, а не сейчас, когда у нас инспекция на носу?.. И что вы мне без конца суете эти бумажки? — раздраженно сказал он. — Я очень много сделал для твоего отряда, так чего же ты хочешь от меня? Чтобы я окончательно разбаловал твоих подопечных? Да и тебя кстати...

— Я не хочу, чтобы вы баловали меня, Касен Муратбаевич, — возразил Атантаев. — Но я уже третий раз прихожу к вам с одним и тем же делом...

— А разве в четвертый раз тебе трудно будет прийти?

— В четвертый раз я приду, чтобы подать рапорт...

— Так, понятно... — неопределенно хмыкнул подполковник.

— Факты есть факты. Юрченко за три месяца очень изменился в хорошую сторону, работает отлично, это вам кто угодно скажет. А Ескендиров прекрасно обслуживает всю систему отопления, во время ее реконструкции внес два рацпредложения, и общественной работой занимается.

Подполковник задумался.

— Цыплят по осени считают, — наконец сказал он. — И в старой русской пословице есть глубокий смысл, ты должен это понять.

— Пословицы любого народа содержат в себе глубокий смысл, на то они и пословицы, Касен Муратбаевич...

— Ты и без того заморочил мне голову своей «доверяющей» педагогикой. Доверяем, доверяем, а случись что — нам ведь отвечать. И мне в первую очередь...

— Я надеюсь, вы не будете против, если я доложу об Алексее Семенове генералу Егорову? — напрямик спросил Атантаев, и подполковник кивнул, не сказав больше ни единого слова.

Лейтенант ушел, и Омаргалиев достал из верхнего ящика стола трубку и коробку с табаком.

«А ведь в его возрасте я был такой же, — невольно

подумал он об Атантаеве. — Может, и посмелее был этого мальчишки... Когда же вселилась в меня... в нас эта осторожность? Откуда это? Почему мы то и дело оглядываемся по сторонам, и нашей любимой фразой стало затасканное «как бы чего не вышло?».

Генерала Егорова Абылай мельком увидел во дворе колонии, но уверился, что это именно Николай Михайлович, близкий друг отца, лишь встретившись с ним наедине в кабинете Омаргалиева, куда его вызвали. Когда-то он учился в одном классе со старшим сыном Егорова и даже занимался вместе с ним в секции бокса, но Петя в восьмом классе перешел в аэроклуб, и все разговоры его с тех пор касались только самолетов и парашютов. Позднее он поступил в авиационное училище... «Да теперь уж и закончил, наверное...» — невольно подумал Абылай, прикинув, сколько прошло времени.

Некоторое время они изучающе глядели друг на друга, но потом между ними как-то сам собой возник откровенный разговор. Абылай не таясь рассказывал о своем теперешнем положении, и Егоров верил, что он говорит правду. Радостно было сознавать ему, что парень и в такой обстановке сохраняет человеческое достоинство. Одного он не мог уяснить — как можно было бежать из тюрьмы за полгода до окончания срока, и он спросил его об этом, но Абылай внезапно замкнулся, и Егоров понял, что коснулся его самого больного места.

— Начальник отряда лейтенант Атантаев о тебе очень хорошего мнения, — сказал он.

— Нам, то есть мне и другим нашим ребятам, он тоже нравится. Вот если бы все начальники отрядов были такими, как Атантаев!.. — вырвалось у Абылая.

Они немного посидели в молчании, и Абылай, воспользовавшись паузой, заговорил с генералом об Алексее Семенове, попросил его встретиться с парнем. Егоров внимательно выслушал его и кивнул головой.

— Я верю в тебя, Абылай, будь мужественным. Если и дальше все будет идти так, как сейчас, подумаем о досрочном освобождении, как только отбудешь половину срока... — Егоров неспешно встал, и это означало, что разговор окончен. Генерал понимал, что всякие наставления и нравоучения сейчас излишни, ибо их беседа сложилась так, будто встретились двое мужчин, знающих цену жизни и человеческих отношений, встретились и почти без слов поняли друг друга.

...Открылась дверь, и Егоров обернулся. В кабинет вошли подполковник Омаргалиев и молодой капитан.

— Касен Муратбаевич, пригласите, пожалуйста, начальника отряда лейтенанта Атантаева.

Омаргалиев, отправив капитана с поручением, присел на диван.

— Что-нибудь случилось, Николай Михайлович?

— Вы знаете заключенного Семенова? — спросил Егоров.

— Заключенного Семенова? Алексея? Знаю. Значит, Абылай Ескендиров успел вам рассказать про него?

Егоров хмуро покосился на подполковника и ничего не ответил.

Вошел Атантаев.

— Мы даже немножко поспорили с товарищем лейтенантом, — продолжил Омаргалиев. — Но не смогли найти разумного решения.

— Грешно не найти, когда на карту поставлена судьба человека, — недовольно сказал генерал. — А вы как думаете, лейтенант? — обратился он к Атантаеву.

— Товарищ генерал, — начал лейтенант, прокашлявшись, как он это делал всегда, когда волновался. — В мире нет ничего, чему бы не велся счет. Кончается руда на руднике, высыхает источник, мелеет море, и лишь человеческий разум не имеет предела, лишь тепло душевной доброты никогда не иссякнет. Мы требуем от людей любовного отношения к работе, но если так, то можно ли на человека, на судьбу этого человека глядеть бесстрастно? Может ли человек неискренний, не имеющий чистых душевных побуждений, заниматься воспитанием? Я считаю — нет! Мы должны думать о каждом нашем подопечном, их будущая жизнь зависит от того, как мы здесь будем воспитывать их, покажем ли им пример высокой гражданственности.

Егоров, не перебивая, слушал его, но потом все-таки сказал:

— Все это правильно, лейтенант, но теперь изложите ваши конкретные мысли.

Атантаев, не меняя интонации, продолжил:

— Товарищ генерал, Алексей Семенов молод. Его отец погиб в шахте, мать умерла. У него на руках трое душ, маленькие братья и сестра. Перед тем как попасть сюда, он познакомился с девушкой...

— Короче излагай, — нахмурился Омаргалиев. — Не забудь, что это уже вторая его судимость.

— Можно и короче. Недавно эта девушка приезжала сюда. Они хотят пожениться... Сейчас она всю заботу о детях взяла на себя... Первая судимость у него была условная.

Генерал Егоров постоял в задумчивости.

— Вы выяснили, кто ее родители?.. Они одобряют этот брак? Или это решение самой девушки?

— Только ее. Ее родители — отец, главный инженер цементного завода, и мать, врач, — против брака до полного освобождения Семенова. — Подполковник с прищуром глядел на лейтенанта, внутренне задетый тем, что тот так независимо выступает перед генералом, но Атантаев и не думал отступать: — Если мы не верим, что они станут людьми, стоит ли нам заниматься нашим делом, Касен Муратбаевич? — решительно заявил он и снова повернулся к генералу: — Если разрешите, я еще скажу: на мой взгляд, нужно подать ходатайство о замене Семенову меры наказания и о представлении его к переводу в сельскохозяйственную колонию-поселение. Тогда он сможет жить с семьей.

Атантаев замолчал. «Толковый, умный парень», — подумал Егоров, которому с первой же минуты понравился лейтенант.

Омаргалиев, мягко улыбаясь, глядел на генерала:

— Товарищ генерал, лейтенант Атантаев один из наших передовых, энергичных офицеров, вы теперь сами в этом убедились. К тому же он возглавляет один из наших лучших отрядов. Однако у него есть привычка смотреть на вещи отвлеченно, абстрактно, как в данном, например, случае. Он хочет добротой и заботливостью добиться всего, но нельзя же забывать о специфике нашей работы, о том, что подчиненных нужно держать в строгости...

Егоров склонил голову, как бы давая понять, что ему ясна суть вопросов, помедлил и вдруг решительно рубанул воздух ребром ладони:

— А ведь лейтенант прав, товарищ подполковник. Мы должны дать согласие на этот брак. Доверие в первую очередь должно исходить с нашей стороны, а не наоборот, так я считаю, а как вы?..

Омаргалиев молчал.

В тот вечер должны были показывать кино. После беседы с генералом Абылай никак не мог прийти в себя.

От мыслей и воспоминаний его отвлек шум, доносившийся из дальнего угла мастерской. Обернувшись, он увидел, как Юрченко вцепился в бригадира. Абылай попытался оттащить Кобыланды, но тот еще крепче сжимал бригадира своими могучими руками. Бригадир умоляюще глядел на Абылая, подавая ему знаки о помощи.

— Пусти, ты убьешь его! — крикнул Абылай.

— Уйди! Не прикасайся ко мне! — Кобыланды, дрожа как в лихорадке, оттолкнул Абылая.

Бригадир отшатнулся, вжал шею в плечи и, покачиваясь, бросился наутек.

— Не туда, налево поворачивай! — крикнул ему Юрченко.

Кобыланды угрюмо глянул на Абылая и стал собирать инструменты. Абылай, уже в достаточной степени изучивший его, понял, что Юрченко снова замкнулся, и теперь вернуть его расположение будет очень трудно, так как из-за своего упрямства он и в нем теперь видит врага. Тут в мастерской появились Атантаев и запыхавшийся бригадир.

— Вот он! Вот он! — кричал бригадир, указывая на Кобыланды.

— Юрченко, зайдете после кинофильма ко мне в кабинет, — приказал Атантаев и, резко повернувшись, вышел: бригадир юркнул за ним.

— Шакал! — процедил Юрченко, судорожно дернувшись. — Видел? Сам же заварил всю эту кашу, и сам же на меня настучал. А ты встреваешь тут, как... — Он грязно выругался и, помолчав, добавил: — И в гробу я видал твоего хваленого Атантаева! Не разобравшись, где черное, где белое, сразу меня в изолятор сует...

— А тебе кто рот зажимал? Надо было говорить, а не бесноваться... Распсиховался, как сумасшедший, а теперь Атантаева винишь...

Слова Абылая, казалось, охладили пыл Кобыланды, и он присел на пустой ящик.

— А-а, говори не говори, какая разница? — уставшим голосом сказал он, уставившись в пол. — Разве у них правду сыщешь?

— Понятно. Значит, ты все-таки побаиваешься этих шакалов, у которых, как они утверждают, «длинные руки»?..

— Кто? Я боюсь?.. — вскинулся Кобыланды.

— Ты! Именно ты!.. — Абылай нарочно выделил это слово, зная, что тем самым заденет Юрченко за живое. И действительно, Кобыланды, вскочив, бессвязно забормотал, пронзая Абылая злым взглядом:

— Я боюсь? Я их боюсь? Да я смерти не боюсь, не то что этих... Чтоб я боялся, я, Кобра...

...Они уже приближались к жилым корпусам, когда Кобыланды вдруг дернул Абылая за рукав и наконец-то заговорил всерьез:

— Тебе не понять, но лишь с того дня, когда я начал работать в автомастерской, я снова почувствовал себя человеком. А этот шакал требует, чтобы я гнал туфту и сдал неотрегулированный мотор. Ему надо очки начальству втирать, вот он и кричит, что я халтурщик и из-за меня у него план горит! Это я-то халтурщик?.. Да ведь неотрегулированный мотор — это все равно, что человек, которого душит кашель, а ты не хочешь ему помочь. И ведь он так себя нагло ведет потому, что знает — у него за спиной стоит вся эта шпана вроде Пантеры... Невозможно это терпеть, вот я и показал ему, что значит сдать неотрегулированный мотор... — Спокойный голос Кобыланды вдруг стал жестким.

— Я думаю, если ты откровенно поговоришь с Атантаевым, он тебя не накажет. Хотя как ты сможешь ответить на его вопрос — зачем надо было бросаться на бригадира?.. Я, кстати, тоже этого не понимаю...

— Этот шакал сказал мне, что ради начальства я готов продать родную мать. Ну, тут-то я окончательно разум потерял и схватил его за горло... Ладно, прекратим этот разговор. Ты не знаешь, какой сегодня фильм?

— «Калина красная», по Шукшину...

У входа в барак Абылая нагнал Алексей Семенов и отвел в сторону.

— Нам с Галей разрешили пожениться, — выговорил он, как бы сам еще не веря в случившееся.

— Откуда ты узнал?

— Меня только что вызывал Атантаев.

— Ну, поздравляю! — Абылай обнял его и похлопал по спине. — Я ж тебе говорил, что все будет хорошо...

— Мы должны отметить это событие. Я как раз посылку получил, сейчас полакомимся...

— Галя отправила?

— Галя. Я только не знаю, что там. Еще не открывал.

Радость Семенова мгновенно улетучилась, когда он увидел, что Пантера с компанией, среди которых был и бригадир, уютно расположившись за столом, делят его посылку, содержимое которой вывалено перед ними.

— Держи, тебе хватит письма. — Пантера швырнул Семенову плотный конверт.

— Имейте совесть, дайте ему хоть что-нибудь, — не выдержав, сказал Юрченко, и Семенов с надеждой посмотрел на него, не зная, как поступить.

— Пусть перед этим поцелует нашего бугра *! — расхохотался Пантера и хлопнул бригадира по плечу. — А ты, Кобра, дуй в изолятор, твоего тут ничего нету... — Лицо его посерело, губы презрительно изогнулись, и было непонятно, откуда в этом молодом парне столько жестокости и злобы. Набив рот салом, он промычал: — Видел сегодня, как одного в кино пришили? Тоже был умный вроде тебя.

Заметив, как Абылай темнеет лицом и сжимает кулаки, Алеша шепнул ему:

— Умоляю! Не надо! Не вмешивайся!..

Абылай схватил полотенце, висевшее на спинке кровати, и вне себя от злости отправился в умывалку.

Его окликнул дневальный. Оглядевшись по сторонам и понизив голос, он предупредил Абылая:

— Не вздумай с Пантерой связываться! Это такой гад! Иногда кажется, что в него сам сатана вселился. Ему человека прикончить — раз плюнуть, так что будь осторожен.

— Никак сглазили тебя, сынок! Ой, не нравится мне твоя болезнь. Боюсь я, как бы чего худого с тобой не приключилось, да поможет нам аллах! — шептала мать Кушикбая.

Тело Кушикбая покрылось мелкой красной сыпью, болели суставы. Когда кто-нибудь заходил к нему в юрту, он отрывал голову от подушки, и у него тут же начинались страшные головные боли. И ночами он почти не спал. Особенно горько было слышать ему, как ржет его рыжий аргамак, тоскующий по хозяину.

Ночь после посещения лекаря Кушикбай провел без сна и забылся лишь под утро.

---

* Бригадир (жаргон).

Он увидел себя на берегу большого прохладного озера. Вечереет. Он, Кушикбай, и прекрасная девушка-джунгарка качаются на качелях. При каждом взмахе качелей звенят монеты, заплетенные в девичьи косы, мелодично позвякивают ее красивые браслеты. Она поет. Она поет песню на чужом языке, но мотив этой песни знаком Кушикбаю — он уже слышал эту мелодию в исполнении Арыстана. Девушка поет. Глаза ее полны любви...

Ночь. А девушка все поет и поет. Голова ее покоится на груди джигита, длинные ресницы вздрагивают...

— Я покажу тебе свою родину. Я увезу тебя. Ты поедешь со мной?

— Мы с тобой — дети враждующих народов, — отвечает девушка, не раскрывая глаз. — Нам нельзя быть вместе, у нас разные пути.

— Но ведь ты любишь меня?

— Люблю.

— И я люблю тебя. Мы полюбили друг друга, значит, когда-нибудь и наши народы будут вместе. Поедешь со мной?..

— Поеду. С тобой хоть на край света отправлюсь, родной мой!..

— А где же мой рыжий? Где мой Тулпар?..

Кушикбай встает и громко кличет коня. Но не слышно знакомого стука копыт и привычного ржания аргамака. Они долго ищут коня, а он вдруг сам скачет им навстречу, храпя и вставая на дыбы.

— Видишь, какой у меня Тулпар? — поворачивается Кушикбай к джунгарке.

Но ее нет. Она исчезла.

Ошеломленный, он хочет сесть на коня и отправиться на розыски девушки.

Но и коня нет.

«Что с ними обоими? Где они? Эй...» Жутко становится Кушикбаю. Он один. Ветер зловеще воет над озером, и черные тучи совсем закрыли луну... О, аллах!..

— Кушикбай-ага! Кушикбай-ага! — Кто-то тряс Кушикбая за плечо. Кушикбай с трудом открыл глаза, поняв, что он снова находится в своей юрте и перед ним стоит младший брат Арыстана.

— Что случилось? — медленно выговаривал слова Кушикбай.

Юноша поднял на него глаза, полные слез.

— Тобет со своими нукерами * напал на наш аул. Он увел твоего рыжего аргамака и перебил всех, кто погнался за ними.

— Что ты сказал? Тобет?! Моего аргамака! Брат, коня, прошу тебя, приведи мне коня!..

Накинув чапан, Кушикбай выскочил из юрты и, пошатнувшись от слабости, заслонился ладонью от прямых лучей солнца.

— О, проклятый Тобет! Да не будет тебе пути ни на том, ни на этом свете! Чтоб ты не видел радости своих детей! Чтоб ты забыл могилу своего отца! — причитала Айганым и рвала на себе волосы.

Увидев, что Кушикбай вышел из юрты, она было бросилась к нему, но Кушикбай одним взмахом вскочил на гнедого жеребца, которого привел ему Ербол, и, на ходу схватив копье, прислоненное к юрте, помчался вдоль озера. Всадникам, увязавшимся за ним, он крикнул, чтобы они оставались в ауле.

Его душил гнев. Он нещадно хлестал коня плеткой, и гнедой аргамак Ербола летел, рассекая пространство. Два или три раза он даже споткнулся от напряжения, но Кушикбай не придерживал его.

«Разве человек Тобет? И разве я худое делаю, когда забочусь о том, чтобы народ уаков жил спокойно в этой степи? И разве не о чести моего народа думал я в первую очередь, когда пытался замириться с джунгарами? Так в чем же моя вина и за что ненавидят меня такие люди, как Тобет? Или зависть окончательно помутила их разум? А может быть, яд насилия смертельно отравил их? О, степь, степь, добрым своим сыновьям ты не даешь благословения, а злых и завистливых стараешься не замечать... О, степь, степь, куда нам деваться, и у кого искать защиты?..»

Он въехал в аул Тобета.

— Поединок, Тобет! Поединок! — зычно крикнул он, подъезжая к юрте Тобета.

И тут же увидел своего рыжего аргамака. Спутанный веревками, он лежал на боку, и Тобет, опешивший при виде своего врага, замер, не решаясь вспороть острым кинжалом живот рыжего пятилетка, что он только что собирался сделать. Узнав голос хозяина, конь рванулся.

— Прощайся со своим сыном, Тобет! Прощайся со сво-

---

* Нукеры — воины.

им аулом! Прощайся! Ибо сегодня ты умрешь, Тобет!.. — крикнул Кушикбай и ринулся на врага.

Но тут же был вынужден остановиться, ибо из толпы, собравшейся близ юрты Тобета, вдруг вышел аксакал с белой бородой до пояса и, опершись на свой посох, преградил ему дорогу.

— Сын мой, — тихо сказал он. — Не будь глупцом, ибо мечущий копье в глупца и сам становится глупцом... И не всяк батыр, кто мужчиной зовется... Я прошу тебя, прошу от имени всего нашего народа — не проливай кровь брата своего, своего сородича. Ради головы твоего глупого брата Тобета встал я со смертного одра, и теперь прошу тебя — ведь ты и опора, ты и защитник Сарыарки. Ведь твой народ идет в бой с кличем «Кушикбай», так не обагряй своих рук этим убийством. Не будем возводить стены раздора между нашими аулами! Мы и так ходим по лезвию меча...

Он закашлялся и продолжал дрожащим голосом:

— Я понимаю, что тебя привела сюда поруганная честь и невыносимая обида. Но ведь честь и обида — это не одно и то же. Легко быть обидчиком, трудно быть милостивым, а ведь нашему народу так нужна доброта — ты и сам об этом постоянно твердишь! И еще — отец твой был мне другом, я знал твоего деда — умоляю тебя прахом наших предков, оставь нам пустую голову этой худой собаки! — Он гневно посмотрел на Тобета. — А мы сами его накажем как знаем! От имени всего рода прошу! Ведь оба вы из рода уаков!.. А за нами пусть будет выкуп...

Почерневшее гневное лицо Кушикбая не дрогнуло.

— Эй, старик! Уйди с дороги! Честь не продается за деньги, и обида смывается только кровью! — сказал он.

Аксакал выпрямился.

— Ты говоришь чужие слова. Не этому ты учил народ! — с укором сказал он и вздохнул: — Что ж, сначала тебе придется убить меня! Тобет — вор и грязный шакал, но он из нашего аула!..

Кушикбай задумался. И краска стыда вдруг залила его лицо.

— Эй, аксакал! Без веревки связал ты мне руки, — со вздохом сказал он. — Убил своею добротой и великодушием. Да разве я осмелюсь насмеяться над сединами старца? Разве не исполню волю аксакала!..

Он повернулся к Тобету.

— Эй, Тобет, кланяйся старцу, целуй следы его ног — благодаря ему ты остаешься сегодня в живых. Я дарю ему твою жизнь. А тебе скажу — побойся аллаха, пусть сегодняшний день не пропадет для тебя даром! Думай о благополучии своего народа, а не о грабежах и разбоях...

Тобет молчал, склонив голову, и Кушикбай снова обратился к старцу:

— Прощай, аксакал! Спасибо, что ты остановил меня. Ты не только этого шакала спас, ты и мне возвратил мою честь! Спасибо тебе!

Кушикбай скакал, еле держась в седле от слабости. Напряжение спало, и болезнь его разыгралась с новой силой. Он отяжелел. Кровь стучала в висках, временами он терял сознание от слабости, зарываясь лицом в гриву рыжего... Чапан его, наброшенный на голое тело, был пропитан гноем из растертых оспенных нарывов.

Спутанные отрывочные мысли мучили его в те моменты, когда он чуть-чуть приходил в себя.

Что понял он в этой жизни?

То, что живет в жестокое время? То, что свой же соплеменник готов в любую минуту предать его?

Что видел он в этой жизни?

Щит врага, пробитый его смертоносным копьем? Слезы жен и матерей, оплакивающих воинов, павших от его руки? Долгие, изнурительные степные походы? Одежду, пропахшую потом?..

Что узнал он в этой жизни?

Людскую злобу? Коварство? Злодейство? Насилие?..

Так неужели совсем не было счастья в его недолгой жизни?

А материнская любовь? А радость честной битвы за свой народ? А прекрасное лицо той далекой джунгарской девушки — пусть он никогда больше не увидит ее, но ведь была же им дарована судьбой та встреча на политом кровью берегу Иртыша?

А музыка Арыстана? Ах, послушать бы еще раз последний кюй, может, полегчало бы?.. Возвратился ли он в аул? Послушать бы его кюй, заглянуть бы еще раз в глаза джунгарской девушки...

Кушикбай потерял сознание и погрузился в черную мглу, но вскоре опять пришел в себя.

Его отец погиб в бою. Его отцу было тридцать лет, когда он погиб в бою. В такой же вот ясный полдень пока-

тилась по земле его голова, и никто не знает, где искать его могилу. Воин гибнет в бою, и это честная смерть, даже если он останется без погребения. Воин гибнет, защищая стариков, женщин и детей своего народа, защищая его лошадей, его юрты, его скарб, и народ оплакивает воина, веками хранит память о нем.

А кто оплачет его, Кушикбая, что сделал он для своего народа?

Кушикбай вдруг понял, что больше не удержится в седле, и, опираясь на копье, сполз с коня.

Он стегнул камчой гнедого скакуна, которого одолжил ему Ербол, и конь медленно затрусил по направлению к дому.

Он замахнулся, чтоб ударить и своего рыжего аргамака, но его конь печально глядел на хозяина, и рука его опустилась.

Степь плыла перед его глазами. Он понимал, что стоит на каком-то холме, но не знал, что холм этот находится в нескольких шагах от его дома.

Кушикбай пошатнулся и опустился на одно колено. Некогда сильные руки его, ослабленные болезнью, еле-еле смогли вонзить в землю копье.

В полдень... Отец тоже ушел из жизни в полдень... В жаркий степной полдень...

Гаснущим взором глядел он на синее чистое небо, на бесконечную желтую степь, и эта степь, и это небо постепенно удалялись от него. И Кушикбай слабо застонал, понимая, что он, он, батыр, не доживший до своих двадцати лет, уходит из этой жизни, оставляя эту степь, это небо, этот мир.

Хрустнуло копье под тяжестью тела, и громко, на всю степь, заржал его рыжий аргамак.

Как безжалостна смерть, не позволившая ему в последний раз увидеть хотя бы родной дым своего аула!..

А кочевье шло и шло, все дальше и дальше удаляясь от родного аула.

Печальная бедная местность!

Плачут старики, ибо нет у них больше надежды быть погребенными в родной земле.

Молодые упрямо сжимают губы, ибо им пока не дано понять, что это означает — потерять родину.

Может, вот так и разбрелись люди по великой необъятной степи, защищая справедливость и поруганную честь?!

Кто знает, кому это ведомо...

Может, это оскорбленная честь леденит кровь в жилах и застилает глаза яростной пеленой, когда широкую и раздольную душу уничтожают низостью и насилием?..

Кто знает, кому это ведомо...

Может, всему виной необъятное это пространство, манящие степные просторы, в которых легко дышится и пешему, и конному, и юноше, и старику?..

Кто знает, кому это ведомо...

Мы знаем лишь то, что завещано нам старинным степным сказанием, навеянным звонкой домброй легендарного Арыстана — Орфея наших степей.

Нет, о нет!..

Так слушайте, слушайте, как поет древняя и вечно юная домбра. Как стонет и рыдает она, повествуя о любви Кушикбая, о смерти его, о прекрасной красавице джунгарке, о великом кочевье...

Я стою в степи у высокого заброшенного кургана. Чья это могила? Мудреца? Батыра? Музыканта? Казаха, джунгара, русского, монгола, китайца? В каком году, в каком веке возвел неведомый архитектор это таинственное сооружение?

Молчит усталая степь. Молчат гордые горы. Молчит бездонное небо.

И так же молчат курганы в серых лесах Прибалтики, у Черного моря, в венгерской пустыне — Пуште, Закавказье, Персии, Месопотамии — везде, где побывали мои предки: судьба народов земли разная, но сходна судьба лучших ее сынов.

О, история моей древней земли, ты подобна вспышкам молний в этой темной и дождливой осенней ночи, и я жажду увидеть хотя бы отблеск этих вспышек, я хочу понять тебя, земля моя, степь моя!

О, история моей древней земли — твоя судьба подобна мучительным родовым схваткам, и я хочу понять секрет твоей вечной жизни, земля моя, степь моя!..

Скажи мне, о чем шепчет твой ковыль и шуршат камыши твоих озер, поведай мне о судьбе моих предков, которые рождались и умирали здесь, в безмолвной степи...

Помоги мне, земля моя!.. Степь моя!

Я стою в степи у заброшенного кургана. Надо мной в высоком небе летит реактивный самолет, оставляя в чистой синеве расплывчатый белый след.

19

Как быстро минули эти годы! Прошло пять лет с того дня, когда он оставил нас, целых пять лет, невольно поражались друзья Даулета, предаваясь скорбным воспоминаниям, но даже им не суждено было знать и ведать, какой тоской, какой жуткой, безысходной печалью были наполнены эти дни, часы и минуты для Даны, его верной жены! Велико горе родителей, переживших сына и ставших свидетелями трагического исхода его короткой жизни, но с чем сравнить тяжкую участь молодой, любящей женщины, утратившей счастье, мучительно думающей о судьбе своего осиротевшего ребенка, которому никогда уже не доведется испытать отцовской ласки и заботы?

Сын помог ей развесить по стенам картины Даулета, и теперь она накрывала большой обеденный стол посредине комнаты. Заботясь о том, чтобы как можно лучше принять гостей, которые сегодня вечером соберутся у нее, она все же время от времени останавливалась перед картинами, ибо никто лучше не знал, как мучительно давалась мужу каждая из этих работ. Даулет был прирожденным художником, это понятно многим, но, пожалуй, лишь одна она стала свидетельницей его упорного, кропотливого, каждодневного труда, который он вкладывал в каждое свое творение. Порой ее удивляло это его неиссякаемое трудолюбие, но она никогда не пыталась оторвать его от работы, не мешала ему творить в одиночестве, никогда не гневалась на то, что они так редко посещают застолья и веселые праздники. Иногда, вымотанный и опустошенный работой, он сам предлагал ей: Данажан, хватит на месте сидеть, махнем в горы, прогуляемся, воздухом подышим... В эти беззаботные вечера он становился совсем другим, и казалось, что вечная тоска художника по неведомому, должному открыться в будущем, снедавшая его, на время отпускала мастера. Ведь человек всегда с надеждой устремляется в свой завтрашний день — может, в этом и есть стержень силы человечества, силы, позволяющей ему выжить на земле?

В дверь позвонили.

— Это дедушка пришел! — Ерлан бросился в прихожую.

— Здравствуйте, папа!

— Здравствуй, Данажан! — приветливо обратившись

к невестке, Еркин погладил внука по голове: — Три дня нашего сорванца не видел, а уже соскучился по нему...

— И он бунтует. Требует, чтобы я отпустила его жить с дедушкой, пока бабушка на симпозиуме, — улыбнулась Дана, с нежностью глядя на них обоих.

— А где твои родители?

— Их я пригласила на завтра. Я хочу, чтобы сегодня с друзьями Даулета были только вы...

Омаров молча кивнул, как бы соглашаясь с нею, отвернулся и стал рассматривать картины сына. Мгновение, и по лицу пробежала какая-то тень. Он равнодушно опустился на диван, усадил на колени внука, притянул его к себе и крепко обнял.

От глаз Даны не ускользнула перемена, произошедшая в настроении Еркина, и она безошибочно угадала истинную ее причину: боль воспоминаний терзала и мучила отцовское сердце. К ее горлу подступил густой комок слез, и она, подавив короткое рыдание, быстро ушла на кухню.

Собрались друзья Даулета, но за столом в этот вечер не было ни тостов, ни длинных речей. Карим о чем-то тихо беседовал с Еркином. Кайрат, подсев к Ерлану, стал рисовать для него на листке бумаги. Султан, пришедший последним, все оглаживал свою пышную бороду, не зная, как и о чем заговорить ему с Даной, и она еще раз почувствовала, как тяжка и свежа утрата друга для всех них, несмотря на прошедшие пять лет.

Понял это и Еркин Омаров. Внезапно он повернулся к гостям и сказал:

— Джигиты, на похоронах вашего друга и после вы оказали всем нам, и мне с женой, и Дане с Ерланом немалое внимание и поддержку. Вечная вам благодарность за это! Никто не может вернуть мне сына, а вам — друга, но я думаю, что он в этот вечер — с нами, в наших сердцах. Так пусть сегодняшняя встреча станет для вас днем откровенных бесед. Поговорите о том, что наболело на душе у каждого из вас. Если вы стесняетесь меня, я могу уйти. Я не обижусь, я вернусь в этот дом завтра вместе с родителями Даны. Говорите, не надо молчать и прятать глаза...

Но и эта прямая безыскусная речь не смогла расшевелить друзей. Жизнь есть жизнь. Каждый из них до этого вечера был погружен в ее обыденную суету, и, лишь собравшись вместе в доме Даулета, они вдруг вспомнили

прошедшие дни молодости, полные горячих надежд и дерзких мечтаний. Тягостными и печальными были эти думы, — ведь каждая из висевших на стене картин, казалось, спрашивала их: мой хозяин ушел в небытие, а что вы, его друзья, создали за это время, продолжали ль вы то, что начал он?..

— Я всегда думал, что Даулет слишком медленно работает. Мне казалось, что он написал слишком мало для своего возраста... — Еркин встал и подошел к одной из картин сына.

— В искусстве нет мерки «мало» или «много», — тут же отозвался прямолинейный Султан. — Искусство варьирует между «есть» и «нет». Если представить, что Даулет после того, как закончил свой «Триптих», ничего больше не создал, он все равно остался бы любимым сыном нашего молодого искусства.

Еркину Омарову понравился взволнованный ответ Султана. Немного помолчав, он сказал:

— Я геолог и не скрываю, что очень далек от искусства. Но я понял суть твоих слов, Султан... — Усмехнувшись, он добавил: — И еще я понял, характер у тебя что надо!.. Сейчас и у нас в геологии работает много таких же, как вы, толковых, самостоятельных ребят. Правильно, в вашем возрасте и мы, бывало, тоже кой-кому спуску не давали...

Дана, зардевшись, рассмеялась, и остальные весело поддержали ее. Казалось, что этот молодой искренний смех на секунду рассеял их мрачное настроение.

— В юности, когда я жил в Бийске, у меня был друг. Звали его Досболом. Мы все считали, что из него обязательно выйдет настоящий художник, но с тех пор я так о нем ничего и не слышал. Видно, и он, бедняга, стал жертвой войны, — глубоко вздохнув, сказал Омаров.

Услышав имя своего отца, Султан вздрогнул.

— А как вы познакомились с ним? — спросил он.

— Перед самой войной мы вместе снимали комнату у одного хорошего человека. И работали вместе. Потом я уехал в Москву, в институт поступил. Досбол, мне помнится, даже деньги высылал, чтобы мне полегче было учиться. Да... И на войне, и в мирное время первыми умирают самые лучшие люди. Вроде бы и понимаешь, отчего так получается, да все смириться с этим не можешь... — Он задумчиво оглядел друзей сына и неожиданно сказал, поднимаясь со своего места: — Ну я, по-

жалуй, пойду, устал я что-то, а вы посидите еще, у вас энергии много.

И, не дослушав уговоров Даны и внука, взял под мышку свой легкий плащ и вышел из квартиры. Во дворе он немного постоял, держась за сердце, несколько раз глубоко вздохнул и медленно пошел вдоль тротуара, глядя себе под ноги.

Нелегко было в этот вечер друзьям оставить Дану, и они медлили, не решаясь сказать «до свидания». Керим и Кайрат помогли Дане убрать со стола, Султан перемыл всю посуду. Было уже довольно поздно, когда они, наконец, стали расходиться.

Первым попрощался Керим, сославшись на то, что завтра рано утром он уезжает на Арал. Друзья знали, что он ушел из издательства, по его выражению, «на вольные хлеба», но его неожиданное решение покинуть Алма-Ату было для них новостью.

— Раз уж бросил работу, то неудобно сидеть сиднем в Алма-Ате, — неловко пошутил он и откровенно добавил: — Да и не мешает, как говорится, глянуть, как идет дым из труб родного аула. Мне уже сорок, и я понял, что пришла пора засучить рукава и взяться за настоящую работу. А то я все приглядываюсь, присматриваюсь, пишу от случая к случаю — так недолго и на бобах остаться. Вы понимаете, что я имею в виду?

Кайрат и Султан согласно кивнули. Выйдя на улицу, все они некоторое время шли вместе, но на углу расстались, пожелав друг другу счастливого пути. Кайрату с Султаном было по дороге, и Керим долго глядел им вслед, думая о том, что подлинность дружбы проверяется тем, могут ли близкие по духу люди без слов понять друг друга. Кайрат и Султан могут, и это значит, что они — его истинные друзья.

— Ты домой пойдешь? — спросил Кайрат Султана, не замедляя шага и лишь поворачивая к нему голову. — Что-то ты сегодня не в форме, прямо-таки молчуном заделался...

— Домой, куда мне еще, — буркнул Султан.

— Давно мы не были вдвоем, пошли ко мне в мастерскую, — предложил Кайрат, не обращая внимания на его мрачный вид. И тот, посопев, молча последовал за ним.

Войдя в подъезд, Кайрат вынул из ящика письмо и мельком глянул на обратный адрес. Письмо было от матери, и пока они поднимались наверх, в мансарду, кото-

рую теперь занимал Кайрат, он успел пробежать глазами текст, и лицо его помрачнело.

Оказавшись в мастерской, Султан швырнул свою легкую куртку на продавленный диван и достал сигареты.

— Спички где у тебя? — спросил он.

— Посмотри на кухне. Заодно газ включи да чайник поставь, — сказал Кайрат.

Когда Султан возвратился в комнату, Кайрат все еще стоял посредине, так и не сняв плаща.

— Что-нибудь случилось? — торопливо спросил его мигом встревожившийся Султан.

— Случилось... Помнишь, летом приезжал старик Бекболат. Так вот, умер он... — еле выговорил Кайрат.

— Уа, алла!.. — Султан провел ладонью по лицу. — Хороший был старик...

Кайрат развернул письмо. «...Последние дни он что-то все грустил, молчал все да отсиживался в тени дома. Даже с самыми близкими не хотел разговаривать. А иногда и вовсе уйдет в степь куда глаза глядят, и нету его. Старуха боялась, что он умрет где-нибудь под кустом, и все время смотрела за ним. Ведь когда-то его отец тоже ушел от людей, свихнулся, и помер в зарослях чия. Это когда мы были молодыми...»

Далее Кайрат читать не стал. Подошел к углу, где лежало седло, украшенное серебряными чеканными бляшками, и уздечка тонкой ручной работы. Подошел, постоял, подумал и положил письмо матери на седло рядом с уздечкой. Умер Бекболат, умер прежний хозяин этих замечательных изделий, умер сын великого Балмырзы, мастера, чье искусство, родившееся вместе с веком, живет и поныне в этих его работах...

Султану показалось грубоватым словечко «свихнулся», но оно, как ни странно, вдруг ясно восстановило в его памяти образ кузнеца Бекболата, с которым он крепко сдружился, особенно за то короткое время, что провел Бекболат в Алма-Ате, находясь на лечении. Прежде всего Султану нравился крутой и независимый нрав старика. Врачи весь этот месяц осматривали его, делали анализы, но сказать о своем предварительном диагнозе не решались, хотя старик и сам не хуже других догадывался, какая страшная хворь к нему привязалась.

Когда Кайрат и Султан приехали, чтобы забрать его из больницы, он сказал, повернув к ним свое исхудавшее лицо:

— Они говорят, что мне надо ехать в Москву и там лечь на операцию. Они что, глупым меня считают? Неужели надо ехать за тридевять земель, чтобы лечь под нож? Разве у них нет своего ножа? Или они и дальше собираются обманывать меня?.. Но еще не родился на свете такой человек, который проведет Бекболата. Я в аул поеду... — В голосе его слышались горечь и обида.

Они привезли его к Кайрату, заварили крепкий чай, старались угодить старику во всем, но он, по-прежнему равнодушный и печальный, выпил лишь одну пиалу, не сказав ни слова.

Чувство неясной вины не оставляло Кайрата. Если бы Бекболат ушел из жизни пятью-десятью годами раньше, Кайрат, возможно, не переживал бы эту утрату столь остро. Ведь десять лет назад он был совсем другим человеком и, кажется, только сейчас начал понимать, как коротка жизнь, как мало отпущено человеку на его веку. И еще понял он, что теперь, после смерти старика Бекболата, он остался единственным наследником былого мастерства аула зергеров. Голос старика неотступно звучал в его ушах, ибо перед самым отъездом из Алма-Аты Бекболат сказал ему, когда они остались наедине:

— Кайратжан, в твоих картинах много света, и это хорошо, дорогой мой! Ведь у каждого народа — свои художники, у каждого художника — свои краски. Ты тоже ищешь, но помни — счастлив лишь тот художник, в красках которого живет душа народа. Это не ученые слова, я мало учился, я сам додумался... Обрати внимание... — Он указал на седло, лежавшее в углу. — Эта работа большого мастера, большого художника, и в том, КАК она сделана, есть немалая тайна, я даже не знаю, способен ли кто ее раскрыть...

«Краски, в которых живет душа народа...» Если б ему посчасливилось найти их... Кайрат внезапно почувствовал сильную ломоту в висках, головокружение и озноб.

— Э-э, да ты, я вижу, совсем расхворался, — сказал Султан. — Ложись, чай готов.

Он чуть не силком заставил Кайрата раздеться и лечь в постель.

— Тебе бы медку сейчас, да у тебя, как обычно, шаром покати, даже хлеба нету, — ворчливо заметил он, придвинув к кровати журнальный столик и расставив на нем чайную посуду.

Мельком глянув на портрет Баян, висевший в оконном проеме, Султан сказал:

— Мне нравится эта работа. Почему ты никогда не выставляешь ее?

Кайрат, ничего не ответив, еще плотнее закутался в одеяло.

— Я закурю, можно? — спросил Султан.

— Кури, — разрешил Кайрат, но Султан вдруг забыл о своем намерении.

— Ты помнишь, как отец Даулета говорил о своем друге, которого звали Досболом? — спросил он.

— Это о том казахе, который мог стать художником, но погиб на войне?

— Да. О нем. Но этот человек не погиб. Он жив. Это — мой отец...

— Что? — удивленный Кайрат попытался встать с постели.

— Лежи. Ты болен. Тебе нужно хорошенько отлежаться, — приказал Султан, и Кайрат вновь опустил голову на подушку.

— Почему ж ты не сказал об этом Ереке, дурачок!.. Я уверен, он был бы рад узнать правду о твоем отце.

— А я не уверен, — холодно возразил Султан. — К тому же мой отец — очень гордый человек. И он знает все о Ереке. Знает, что тот — академик, живет в Алма-Ате. Думаю, при необходимости он и сам разыскал бы его. Ведь так?

Кайрат ничего не ответил. Чужая душа потемки. Он видел: Султан что-то недоговаривает, скрывает, отчего и не стал вызывать его на откровенность.

— Я почему вспомнил? — сказал Султан. — Я, когда был у отца в больнице в Семипалатинске, то встретил там Баян. По-моему, она все еще любит тебя. И признаться, сейчас она стала еще красивее, чем на этом портрете.

— И я ее люблю, Султан, — тихо сказал Кайрат.

Еркин Омаров разделся и лег в постель, не погасив света над изголовьем. На стене, прямо перед ним висела одна из незаконченных работ его сына. Жена заказала для нее раму, застеклила ее, сама выбрала место, на ко-

тором картина хорошо смотрелась. Это был пейзаж: в глубине — надгробные камни, которые он, Еркин, часто видел в Мангыстау, на переднем плане — седло, опрокинутый шлем, витая плетка с черенком из можжевельника... Омаров подумал, что в этом скромном изображении простых предметов есть какая-то неведомая сила, способная взволновать человека, сила, которую не может понять и объяснить даже он, академик, проживший долгую трудную жизнь, сила, которая заставляет его, ставшего дедом, чувствовать себя перед этой картиной прежним мальчиком из аула. Что это? Прошлое ль их народа? Или благодатный чернозем, взлелеявший в себе ростки будущего? Он поразился, увидев, насколько тонко и глубоко ощущал жизнь его сын. В каждом его рисунке, в каждом штрихе звучала печальная музыка, и раньше он пугался этой ранней сыновьей печали, а теперь вдруг подумал, что печаль, скорбь, гнев — это подлинное лицо большого, настоящего искусства. «Почему я раньше не мог понять эту простую истину? — думал он. — Счастливые люди, понимающие секреты красоты окружающего мира, видящие красоту, а я столько лет глядел на эту картину и лишь сегодня прозрел... Да... Редкий труженик искусства может дать столь широкое обобщение, вдохнуть жизнь в художественный образ, донести его до людского сердца. И в числе этих счастливых избранников искусства — он, Даулет, мой сын...» Мысль эта наполнила его отцовской гордостью, и он поднялся с постели.

Но тут позвонили в дверь, и он, недовольно поморщившись, пошел открывать. Кто бы мог прийти в столь поздний час? Может, жена телеграмму прислала? Открыв дверь, он и удивился и испугался: перед ним стояли Дана и его внук Ерлан.

— Папа, извините, что вас побеспокоили, но нам так не хотелось оставаться сегодня одним, — сказала Дана, пряча слезы.

— Родные, единственные вы мои... — только и выговорил Омаров, сам из последних сил сдерживаясь, чтобы не заплакать.

...Утром Дана встала, намереваясь вскипятить Еркену чай, но он, оказывается, уже ушел на работу. Побродила в одиночестве по квартире, открыла дверь в комнату, где спал Ерлан, долго смотрела на него.

Зазвонил телефон. Женский голос назвал ее имя.

— Да, я. Слушаю вас.

— Извините за беспокойство, это говорит Баян...

— Простите, кто говорит?

— Баян. Вы, наверное, забыли меня. Я теперь живу в Семипалатинске. Я приехала на совещание журналистов...

— Боже мой, так вы та самая Баян?

— Да, я та самая Баян.

— Теперь я начинаю вспоминать ваш голос. Да я его и совсем, можно сказать, узнала. А ведь вы совершенно случайно застали меня здесь. Мы... Мы с Ерланом живем теперь в другой квартире. Запишите телефон. Я жду вас вечером сегодня... нет, простите, пожалуйста, завтра, а не сегодня, сегодня я занята. Завтра. Приходите. Я очень рада буду вас увидеть.

— Спасибо. Я обязательно вас навещу, — поблагодарила Баян и замешкалась, отчего Дана вдруг поняла, о чем она хочет спросить ее, и не решается.

— Кайрат сейчас в Алма-Ате, — сказала Дана.

— Если вам нетрудно, будьте добры, дайте мне его телефон... — Голос Баян осекся от волнения.

— У него нет телефона. Запишите адрес. — Она продиктовала.

— Спасибо...

Совещание начиналось лишь на следующий день, и Баян была полностью свободна. Позавтракав в гостиничном буфете, она вышла на проспект. Впервые после окончания университета ей довелось оказаться в Алма-Ате. «Да, этот город всегда прекрасен», — подумала она, собираясь прогуляться по знакомым улицам, с тем чтобы навестить Кайрата где-то уже во второй половине дня. Она помнила, что художник, работая по ночам, на следующий день обычно спал до полудня, и подумала, что вряд ли за это время его привычки изменились. На пути ей попалось издательство, куда она уже довольно давно отослала рукопись книги своих очерков, и Баян вдруг решила туда зайти, чтобы узнать о судьбе рукописи. Но, решившись, еще долго стояла у подъезда того дома, где размещалось издательство, — легко ли говорить с незнакомыми людьми о своих делах? А вдруг ее рукопись давно отвергнута и она окажется в положении навязчивой просительницы.

Однако вскоре ее сомнения рассеялись. Заведующий редакцией попросил прощения за то, что издательство задержалось с ответом. Он объяснил, что сам два месяца был на курсах в Москве, отчего и не мог заниматься делами, и посетовал, что те, кому была поручена работа над рукописью, несколько ее затянули. Баян даже немного удивила эта откровенность.

— Вот так. Вашу рукопись мы планируем на будущий год. Еще раз говорю, что рад нашему знакомству, хотя, если выражаться точнее, я вас давно знаю — с того самого момента, когда прочитал вашу будущую книгу. Кстати, вся редакция о ней самого хорошего мнения. И чтобы искупить нашу вину перед вами, мы сегодня же составим договор, завтра вы его подпишете и получите четверть гонорара, у нас как раз выплатной день. Видите, все как в сказке, — пошутил заведующий.

— Завтра я буду на совещании, — сказала Баян.

— Мы все там будем, но если вы заглянете к нам после обеда, то и договор и деньги будут ждать вас.

Он улыбнулся, и по его улыбке Баян поняла, что встретилась с хорошим, добрым и веселым человеком.

Она тоже улыбнулась ему, попрощалась и вышла на улицу. Как все здесь знакомо! Вот кафе, где они были с Майрой, вот вход в парк, где впервые встретила Кайрата... Кто-то окликнул ее. Повернувшись, Баян узнала в молодой женщине с детской коляской Сауле, которую не видела уже много лет.

— Сауле! Здравствуй, дорогая!

— Баян-апай! Вот уж не ожидала вас здесь встретить!

— И я не ожидала... — Баян вдруг подумала что ее слова могут показаться двусмысленностью, и, пытаясь скрыть неловкость, погладила по головке черноволосого мальчика в коляске. — Очень уж неожиданная встреча... Он на тебя похож...

— Нет, больше на Салима.

— Салим уже закончил аспирантуру?

— Да. И защитился, — явно стесняясь, ответила Сауле.

— Что ж, поздравляю вас, поздравляю...

Глядя на мальчика, Баян думала, что он мог бы быть сыном Абылая, если б у Сауле достало сил ждать, и в ней на миг вспыхнуло злое, несправедливое чувство, которого она тут же устыдилась.

Встреча явно была тягостной для обеих женщин. Баян считала себя виновной в том, что не сумела сберечь счастье Абылая и Сауле, а Сауле чувствовала себя грешницей, предавшей не только Абылая, но и Ескендира, и Баян, которые так хорошо к ней относились.

— Мы недалеко живем, заходите к нам, — пригласила она.

— Спасибо, но я, к сожалению, очень занята, — ответила Баян, покраснев.

— Я, наверное, задерживаю вас? Мы тут Салима ждем, — сказала Сауле, оглянувшись, и обе они одновременно увидели Салима, который шел к ним с мороженым в руках. Сауле придвинулась к Баян и быстро шепнула:

— Как Абылай?

— Жив-здоров...

— Я не обижаюсь на него. Но пусть и он простит меня...

Салим уловил ее последнюю фразу и насторожился. За эти годы он не только возмужал, но и располнел, обрюзг. Гладкое смуглое лицо его дышало самодовольством и спесивой гордостью. Он нехотя процедил сквозь зубы приветствие, одной рукой взялся за коляску, другой демонстративно обнял Сауле за плечи — смотри, мол, как все у нас хорошо!..

...Она постучалась в дверь мастерской и услышала голос Кайрата.

— Султан, это ты? Заходи, что топчешься на пороге?

Услышав его голос, Баян закрыла глаза и прислонилась к дверному косяку.

— Заходи, — снова услышала она и, тихо ступая, вошла в комнату.

Кайрат лежал в постели. Со вчерашнего дня ему стало еще хуже. На смуглых щеках алел болезненный румянец, губы потрескались, его мучила жажда. Баян подошла к его изголовью, опустилась на колени и коснулась своей прохладной ладонью его пылающего лба. Кайрат широко раскрыл глаза. То ли это сон, то ли явь — он не верил себе.

— Баян!

— Кайрат!

Кайрат вдруг поднялся и крепко обнял ее... Баян приникла к нему... запах красок... такой знакомый и родной запах...

Она заставила его принять лекарство. Сбегала в магазин, принесла молока, меду, напоила его, перестелила постель, села подле него. Кайрат что-то бормотал, не выпуская из рук ладони Баян, а потом незаметно и быстро уснул.

Позже он часто думал о том, как можно было заснуть в ТАКУЮ минуту, как можно было упустить это мгновение, которого он, должно быть, ждал всю свою жизнь. Баян всю ночь продремала у постели Кайрата, а утром, напоив его чаем с медом, должна была идти на совещание.

— Ну вот, тебе и полегчало. Глядишь, завтра будешь на ногах.

Но он был очень слаб и еще два дня был вынужден провести в постели. Султан проводил Баян на могилу Даулета, они вместе навестили Дану, после чего Султан предложил Баян отправиться к Кайрату, но, к своему удивлению, услышал твердое и решительное «нет».

— Он никогда не забывал о тебе. Ты видела свой портрет в его мастерской? — неловко пытался он увлечь ее.

Баян кивнула.

— И все-таки не хочешь идти к нему?

Баян ничего не ответила.

Утром Кайрат встретил ее у гостиницы, чтобы проводить в аэропорт. Баян зарегистрировала билет. Они стояли у выхода в ожидании посадки.

— Баян, за эти годы я многое понял. Понял, например, многое в искусстве. Но одного я не могу понять — какая сила способна соединить нас с тобой, кого я должен об этом просить, чему должен поклониться... — медленно бледнея, сказал Кайрат.

— Кайрат, знаешь, о чем я думала, когда провела ночь у твоей постели? О том, что никогда не смогу забыть Омара! О том, что я до конца дней своих буду помнить и любить его! А это будет тягостно, невыносимо и для тебя, и для меня. Какая мне цена, если я, заранее зная это, все же выйду за тебя замуж? Как я, как мы будем жить? Ты требуешь, чтобы я подчинилась разуму, то есть логике, очевидности... А как я могу этому подчиниться, когда все мое существо восстает против этого? Разум делает человека человеком, но убивает человека тоже разум.

Кайрату было трудно, почти невозможно противоречить ей. Однако все те чувства, которые он испытывал, придали ему сил.

— Унижай меня каждый день, каждый час, каждую

минуту. Терзай меня. Но останься со мной. Кроме тебя, у меня нет никого на свете, Баян... Останься, потому что я люблю тебя, и ты меня любишь тоже.

Она, задумавшись, опустила голову. Ее поразили его слова. Это был далеко не прежний Кайрат, а возмужавший, познавший трудные пути мудрый, опытный, страдающий, искренний, любящий человек. У Баян мелькнуло, что она поняла это еще той ночью, когда ухаживала за ним, разглядывала его картины последних лет.

Она подняла голову и в упор посмотрела на него.

— Кайрат, ты ведь знаешь, сколько ни чини, ни склеивай разбитую посуду, трещины все равно останутся...

— Я люблю тебя, Баян! Тебя! Только тебя! И знаю, что ты тоже любишь меня! Меня! И только меня! Но поступай как знаешь... — Он вдруг выпрямился, голос его зазвучал холодновато: — А этот портрет прими от меня в подарок. Он твой.

— Нет, я не могу его принять. Это слишком дорогой подарок. На полотне — мой образ, но все вместе — это твой труд. Спасибо тебе и не обижайся на меня. Я видела в мастерской твой автопортрет. Напиши с него копию и подари мне. Этого мне будет достаточно...

Автобус вез ее к трапу самолета. Слезы застилали ей глаза. Она хотела видеть Кайрата, но не видела ничего, не видела, как к нему подбежал Султан, взял его под руку...

— Я люблю тебя, — прошептала она сквозь слезы.

— Я люблю тебя! Я буду ждать тебя, сколько ты захочешь! — вдруг отчаянно выкрикнул ей вслед Кайрат, который, конечно же, не мог слышать ее шепота, как и она не услышала его крика, как не слышали ни он, ни она того веселого смеха, который вызвала сцена прощания у молоденьких девушек из толпы провожающих.

20

Казалось, что дружная весна с ее яркими солнечными лучами, мгновенно растопившими слежавшийся снег, обещает такое же чудесное лето, но уже в конце мая погода резко изменилась: знойный южный ветер выжег только что поднявшуюся траву, спалил посевы, и над долинами Сарыарки сутками висело раскаленное солнце, отчего мучились и люди, и животные, и пыльная иссушенная зем-

ля, спекшаяся от зноя. Только в первых числах сентября на горизонте появились низкие черные тучи и хлынул долгожданный дождь, потоки воды заполнили трещины земли, сшибаясь, неслись по ущельям и долинам, однако вышло так, что народ, избавившись от одной беды, тут же встретился с другой: дождь лил не переставая, то уныло барабаня по крышам, то яростно шумя грозовыми струями. Мутный дождь, хмурое, безрадостное небо — все это вселяло уныние в души людей, и казалось, что жизнь в их домах замерла и остановилась.

На четвертые сутки дождь стал стихать, и, хотя небо еще не совсем освободилось от туч, люди стали поглядывать на горизонт уже с надеждой.

Абылай никак не ожидал, что и сам он, крепкий, выносливый, тоже угодит на больничную койку и застрянет там до самого начала дождей. Лишь тогда врач сказал ему, что примерно через неделю он выпишет его, так как давление снизилось и он вроде окончательно пошел на поправку. Сам Абылай не от болезни мучился, а от того, что целыми днями валялся без дела. К тому же он так и не получил ответа на свое письмо к Сауле, в июле написал ей еще раз, но она по-прежнему молчала, и все это, вместе взятое, усугубляло его мрачное настроение. Вот почему спешил он к работе, к людям, чувствуя, что там ему легче будет переживать тоскливое ожидание и свое молчаливое одиночество. Узнав, что выйдет из медстационара лишь через неделю, Абылай в тот же день написал Баян. Скрыв, что болеет, он передал привет отцу, сообщил, что получил его письмо, но ответит позже, и попросил встретиться с Сауле, сказать ей, что ждет от нее весточки и волнуется. Короткое это письмо он переписывал и исправлял несколько раз, пытаясь изложить все, что его мучило, коротко, ясно, в немногих словах. После обеда к нему заглянул Семенов, и Абылай поручил ему опустить письмо в почтовый ящик. Он почувствовал, что есть нечто унизительное в том, что именно Баян просит он поговорить с Сауле, но не видел другого выхода. И чем больше думал об этом, тем сильнее ненавидел себя. «До чего ты докатился, дурак... Не стыдишься, что твоя сестра будет участвовать в таком деле! Дурак и есть дурак... О чести толкуешь?.. Какая может быть честь у тебя...»

Когда вернулся Семенов, Абылай уже устал ругать себя и лежал, тупо уставившись в потолок.

— Через месяц Галя с мамой сюда приедет, — сказал Семенов. — Я их жду не дождусь. Ты ведь знаешь — ее мама тоже все лето проболела.

— А как там ребята? — спросил Абылай.

— Пантера объявил войну Кобре. Не вмешайся Атантаев, была бы большая драка, — ответил Семенов.

— Пантера, естественно, со своей бандой, а Юрченко один, да? — спросил Абылай.

— Один, но он их не боится, у него сердце стальное, — восхищенно отозвался Семенов.

— Худо будет, если его никто не поддержит. Ты бы поговорил с ребятами, — предложил Абылай.

— Я знаю, что и Николай, и Сарсен, и Жунис с Вадимом не прочь дружить с Юрченко, но они боятся Пантеры. А сам Юрченко к тебе в гости собирался...

— Да, он вчера у меня был, — сказал Абылай. — Кое-как прорвался. И тебя больше не пустят. Подполковник ругается.

— Рассказывал о стычке с Пантерой?

— Из него иной раз слова клещами не вытащишь. Помолчал с полчаса, потом встал и ушел.

— Тебя, значит, через неделю выписывают?

— Через неделю. Осточертело тут... — поморщился Абылай.

— Ладно, мне пора на смену, — Семенов торопливо попрощался и вышел, почувствовав, что его присутствие почему-то начало тяготить Абылая.

А тот, оставшись в одиночестве, достал из-под подушки последнее письмо отца и вновь стал перечитывать его. От письма, написанного вдумчиво и сердечно, веяло неукротимой силой жизни, жизни живой, горячей и, конечно же, СВОБОДНОЙ, пока еще недоступной ему. И он уже в который раз подумал, что самое главное богатство у человека — это свобода. Ведь сколько бесценных дней жизни, сколько несчитанных часов его молодости канули... И он перечитал строки Абая, приведенные отцом в письме:

Надежда рядом, душа чиста.
Вернется ль юности пора?

Через неделю Абылай вышел из медстационара. На работе, в спальных помещениях было сыро, а отопительный сезон еще не начался. Вскоре Абылая вызвал Атантаев.

— Слушай, Абылай, сейчас придет один хороший ак-

сакал, и ты будешь переводить его слова на русский язык, — сказал он.

Абылай пожал плечами, но тут раскрылась дверь и на пороге появился невысокий широкоплечий старик.

Тектыбай Абызулы, так звали посетителя, был инвалидом, как выяснилось. Здоровой рукой он стащил с головы шапку, почесал затылок, после чего уставился на Абылая.

— Этот джигит тоже у вас сидит? — спросил он.

— Да, — ответил Атантаев. — Я позвал его, чтобы он переводил то, что вы будете говорить в клубе.

Тектыбай Абызулы еще раз оглядел Абылая.

— Что-то совсем вы их невесело одеваете. Этих черных кирзачей да черного бушлата не только мы, посторонние, но и сами они, видать, пугаются, — заметил он и вдруг добавил: — А зачем мои слова переводить, разве я какой иностранец? По-казахски я говорю без запинки, а если по-русски, то хромаю, конечно, немножко, как иногда и лошадь хромает. Но только, товарищ лейтенант, мне моя мысль и мой опыт подсказывают — не надо мне посредников, я как-нибудь и сам скажу. Как ты думаешь, верно это? — Сверкнув при свете лампы бритой головой, Тектыбай Абызулы повернулся к Абылаю.

— Верно, — поддержал его Абылай, заинтересовавшийся необычным характером старика.

— Вот! Я считаю, что этот парень хорошо соображает, — улыбнулся Тектыбай Абызулы.

— Абылай, ты свободен. Пообедай и помоги дежурным привести в порядок клуб, — сказал Атантаев.

После ухода Абылая старик повернулся к Атантаеву:

— Ты ведь хотел и мать Кобыланды вызвать. Вызвал? Интересно, какая она, я с ней никогда не встречался...

— Матери мы не стали писать, аксакал. Начальство не разрешило...

— Опять начальство ругаешь? — С этими словами в кабинет вошел улыбающийся Омаргалиев, отчего Тектыбай, всегда готовый поддержать любой разговор, и на этот раз не стал дожидаться, когда его спросят.

— Это уж как закон. Плохой бухгалтер ругает свое начальство, плохой муж — жену. Однако лейтенант не успел сказать о тебе плохое. Приди ты чуть позже, может, и услышал бы, что о тебе подчиненные думают, — сказал он и засмеялся, поясняя: — Всю жизнь я проработал

бухгалтером на ферме, и не было ни одного управляющего, который пришелся бы мне по душе. Но хорошие директора были, не стану врать. Поэтому, Касен, дорогой, человек часто наносит обиду ближнему своему, сам о том не подозревая.

И, видя, что Омаргалиев молчит, добавил:

— Ты не обижайся. Я шучу. А если серьезно, то почему все-таки не вызвали мать Юрченко?

— Я думаю, что этот человек давно забыл лицо своей матери, — медленно ответил Омаргалиев. — Он регулярно получает ее письма, но никогда на них не отвечает.

— Значит, он действительно стал большим преступником, если родную мать не желает знать, — удрученно вздохнул Тектыбай.

— Текты-ага, а вы хорошо помните его отца?

— О ком ты говоришь, Касен, дорогой? О Сырыме? Как же мне его не помнить, когда мы с ним выросли в одном ауле. Он, правда, моложе меня был года на три, а то и на четыре. Но он с детства был умным и смелым парнем. Посмотрели бы вы, каким молодцом он был! Как у нас говорится, и видевший и не видевший об этом жалеют. А отец Сырыма, дедушка Кобыланды, был замечательным кузнецом, можно сказать, мастером своего дела, но он рано умер, а вот его старшая сестра, то бишь двоюродная бабка Кобыланды, и до сих пор жива.

— Да? — удивился Атантаев.

— Не будь ее в живых, кто бы передал мне твое письмо к его родственникам? Черная старуха толковала мне напоследок, что если, дескать, не увидишь моего единственного и не расскажешь мне о нем, то до конца дней, говорит, не прощу. Это я ее ради красного словца «черной» назвал, на самом деле она очень мудрая, хоть и высохла вся от старости. Без нее в ауле ни свадьбы, ни поминки не проходят, ни посев, ни покос не начинается без ее благословения. Я ж, как видите, тоже человек непростой и понял, что, как головам двух баранов не вариться в одном котле, так и мне не быть первым в нашем ауле, пока она жива, а помирать бабушка Кобыланды, я вам замечу, совершенно не собирается, — вот я взял и переехал из аула в соседний городишко. Жалко, конечно, да ничего не поделаешь, — смеялся старик.

— Да, крепкий орешек вам достался, — засмеялись офицеры.

Но Тектыбай вдруг оставил свой шутливый тон и сказал задумчиво:

— Что там! По заслугам уважает ее народ. Благородство — это всегда благородство...

— Касен Муртабаевич, у меня возникла идея, а может, аксакал сначала поговорит с Юрченко?

— Ну что ты все мудришь, товарищ лейтенант? Ведь сам же предложил провести эту встречу публично, и правильно предложил. Так ведь, аксакал?

— Так. Лучше, чтоб все было на людях, — согласился Тектыбай.

— Текты-ага, но давайте сразу договоримся — если он отца не признает, не станем его неволить. В таком случае мы просто закроем собрание, и все.

— А что я тогда скажу его бабушке, а?

— Что-нибудь придумаем... Так нужно. Это такой педагогический метод, Текты-ага, не обижайтесь...

— Да я и не обижаюсь, — задумался Тектыбай. — А он вообще-то знает казахский язык?

— Откуда? Вряд ли ему известно даже то, что у него отец был казахом.

— Ах, бедолага!.. — Тектыбай постучал протезом по столу. — Я думал, только на нашу долю выпали тяготы войны, а они достались в наследство даже нашим потомкам!.. Может, вы все-таки как-нибудь, хотя бы незаметно, покажете мне его? А то ведь не мастак я со сцены выступать. Какое мое воспитание? На фронте до сержанта дослужился, после войны все на ферме работал...

— Так нельзя, — сказал Омаргалиев.

— То нельзя, это нельзя. Закупориваете меня как бутылку... — Тектыбай, ворча, поднялся.

Атантаев, а за ним и Омаргалиев засмеялись. Не выдержав, улыбнулся и Тектыбай.

— Да, характер у вас что надо, — вытирая слезы, сказал Атантаев.

— Такой характер у всей нашей породы! — гордо сказал старик. — Можете не показывать мне Кобыланды, я сам узнаю в толпе нашего отпрыска. И ты прав, не надо мне с ним встречаться раньше времени. Если он не пропащий человек, то обязательно признает отца. Может, не сразу, может, после моего отъезда, но я верю в это.

— Будем надеяться, что сбудутся ваши слова, — пробормотал Атантаев.

Поначалу собрание встретило гостя недружелюбно.

После того, как Омаргалиев представил «нашего уважаемого Тектыбая Абызулы» и тот прошел на сцену клуба, кто-то из компании Пантеры завопил:

— Эй, дед, дуй на трибуну, если приехал к нам мораль читать!..

И Тектыбай сразу понял, что его хотят поднять на смех: ведь при его невысоком росте он еле-еле будет возвышаться над трибуной и его никто не увидит. Поэтому он усмехнулся, лукаво вгляделся в зал и вежливо ответил:

— Спасибо вам за заботу, ребята. Сразу видно, что у вас добрые сердца. На трибуне, конечно, я всю жизнь мечтал постоять, там вон, видишь даже графин с водой есть, но я человек маленький, я уж тут на стульчике посижу, а то не дай бог, кого-нибудь из вас не увижу.

В зале притихли, поняв, что старика так просто не возьмешь, и он, откашлявшись, начал:

— Вы, я вижу, в основном парни молодые, и я расскажу вам о нашем поколении. Наша молодость прошла в огненной пасти страшного удава по имени «война». Учиться мы особо не смогли, даже девушек любить было некогда. Но врать не стану, ангелов среди нас тоже не было.

В зале снова послышались смешки.

— Ты не туфти, говори правду, старик!

— Правды вы захотели? Так ведь, чтобы жить по правде, нужно большая сила воли. Если б каждый из вас говорил правду, вряд ли вы тут бы оказались. Вот вам моя правда!

— У-у-у... — зал зашумел как растревоженный улей.

Тектыбай Абызулы спокойно продолжал:

— Сколько бед мы испытали, скольких друзей потеряли, но все равно: эти военные годы были нашими звездными годами. Чувствовал ли я себя счастливым на поле боя? Не знаю, но жизнь со смертью бились там, как на острие ножа, и даже теперь, когда мне уже много лет и пора уже, как говорится, о небе подумать, я иногда тоскую по тому, полному невзгод времени. Нет, вы поймите меня правильно: пусть вся горечь войны уйдет с нашим поколением, пусть никогда ни вам, ни детям вашим, ни детям ваших детей не придется пережить того, что пережили мы. Но я горжусь тем, что был нужен своей Родине, своему народу, горжусь тем, что и сейчас готов отдать жизнь за нашу Родину, хоть и стал совсем штатским че-

ловеком, после войны всю жизнь бухгалтером на ферме проработал. Так вот, я спрашиваю вас: а чем вы в старости будете гордиться?..

Этот вопрос явно не понравился залу.

— Эй, ты не нас спрашивай, а лучше сам ответь, сколько денег на ферме спер, бухгалтер?

И опять старик не полез за словом в карман:

— Ничего я там не спер. У нас ферма маленькая была, если бы я воровал, так от нее и не осталось бы ничего.

— У-у-у, — гудел зал, а старик продолжал как ни в чем не бывало:

— Москву отстояли, освободили Киев, Будапешт, взяли Берлин. А жизнь течет и течет, словно река. И разве можно не замечать великолепия настоящей жизни? Я не буду вам разные примеры приводить, это пусть другие делают, но я вам, например, про себя скажу, моя дочь, например, дочь простого сержанта, взявшего Берлин, вышла замуж за француза и живет теперь в Париже.

Зал снова загудел от смеха, и Тектыбай растерянно оглянулся на Атантаева, испугавшись, что говорит что-то лишнее, но тот смеялся вместе со всеми, и старика взяла досада.

— Эй, пустоголовые, да что же в этом смешного? — с укором сказал он собравшимся, и те захохотали еще громче.

Тектыбай посмотрел на Омаргалиева, и тот одобрительно подмигнул ему, понимая, что старик своими прибаутками почти расположил к себе буйную аудиторию.

— Я говорю, ничего смешного в моих словах нет, потому что француз оказался стоящим парнем. Я подарил ему лисий тымак *, а он как приехал к себе, так взял да и открыл фабрику по выпуску казахских тымаков и теперь, говорят, казахский тымак известен на весь мир. Крик моды это называется, говоря вашими словами. Вот что значит толковый парень. Да и моя дочь — тоже большая мастерица. Может, это она ему и присоветовала? Иначе как бы он сам догадался?..

Зал опять зашумел, но Тектыбай продолжил свой рассказ:

— В Париже наш тымак носят, а у нас его днем с огнем не сыщешь. А откуда ему у нас взяться? Гончих

---

* Казахская ушанка.

больше нет, ловчих птиц нет, охотники тоже повывелись. Да и лис-то теперь в степи — раз-два и обчелся...

— Правильно дед говорит! — крикнул кто-то из зала.

— Правильно, — повторил Тектыбай. — Потому что у меня самого больше нету тымака. В прошлом году шел ночью с завода и какое-то хулиганье у меня его отобрало. С тех пор и хожу без тымака, а уж если голова к нему привыкла, то любая другая шапка ей противна, вот что я понял. Так что ж вы не смеетесь? Может, кто-нибудь из вас и лишил меня тымака, так давайте вместе над этим посмеемся!..

Он цепко глянул в зал, но осужденные внезапно смолкли, и было непонятно, жалко ли им стало пожилого человека или он все же завладел их вниманием своей открытой, безыскусной речью. Тектыбай прислушался к этой тишине и понял, что настало время приступить к тому разговору, ради которого он и оказался здесь.

— Однако не для того я сюда пришел, чтобы выяснять с вами отношения из-за тымака или рассказывать байки. Другое привело меня в ваше заведение, век бы его мои глаза не видели!..

— Да говори же ты, дед, не тяни! — гаркнул какой-то парень из первого ряда.

— Спасибо, что ты разрешил мне это, но, по-моему, я начал и без твоей подсказки, — поклонился ему Тектыбай.

— Во дает, старичок! — раздался чей-то восхищенный голос, а Тектыбай вдруг снова задумался, покашлял, не зная, как заговорить о главном.

— Из нашей округи вышел всего лишь один Герой Советского Союза, и он был рожден для того, чтобы стать Героем. Пока я нарочно не называю его имени, я вам расскажу, что мы и сами только в середине шестидесятых годов узнали о его подвиге — ведь в армию он был призван не из Казахстана, а из украинского городка, где учился в военном училище. Для нас он все это время был пропавшим без вести, и только через двадцать лет после войны пришла к нам радостная весть о нашем земляке. Сейчас имя этого достойного человека носит наш район, школа-десятилетка, совхоз-миллионер. В Молдавии, где он погиб, есть село, названное его именем, и школа тоже. Но в наших местах у него почти не осталось родственников. Жива лишь его сестра, старая тетка. Ей сейчас уже девяносто три года, но она еще очень крепкая. Хоть

и на палочку опирается, а захочет, так всех вас перегонит...

Зал снова грохнул.

Омаргалиев постучал по столу, и Тектыбай продолжил:

— Но совсем недавно мы узнали, что у этого дорогого для нас человека была жена и есть сын. И сын этот уже не ребенок, конечно, а взрослый парень, мужчина, джигит. Наверняка он сейчас старше своего отца, но не в этом дело. Дело в том, что этот парень находится здесь, среди вас. Он сидит вместе с вами, и я хочу, чтобы он встал, а я погляжу на него. Об этом меня просила его тетка, это ее единственное желание перед смертью, для этого я и приехал сюда.

В зале воцарилась мертвая тишина. Осужденные переглядывались, мало что понимая. Тогда Тектыбай развернул газетный сверток, лежавший на столе.

— Смотрите, это отец одного из вас, отец парня, который сейчас находится здесь. Я хочу, чтобы вы все внимательно рассмотрели фотографию, передавайте ее по рядам...

На фотографии был изображен молодой мужчина в военной форме. Широкий, открытый лоб, орлиные глаза, тонкие усики, смуглая кожа. Снимок был старый, пожелтевший, но он хорошо сохранил смелый и одновременно доверчивый взгляд горящих черных глаз юного лейтенанта. Пока портрет ходил по рукам, Тектыбай стоял, внимательно вглядываясь в лица людей. Абылай задержал фото, любуясь молодым лейтенантом, но кто-то уже нетерпеливо вырывал снимок из его рук. «Какое мужественное лицо, какие умные глаза!» — успел подумать он. Когда фотография обошла зал и вернулась к Тектыбаю, он произнес зычным голосом:

— Если ты действительно достойный сын своего отца, встань, я хочу поглядеть на тебя...

Никто не проронил ни звука. И никто не встал.

— Хорошо, я подожду, я буду ждать до завтрашнего утра, — тихо сказал Тектыбай, и по команде Омаргалиева все стали расходиться.

— Интересно, чей же это все-таки отец, — слышалось из разных уголков зала.

...Тектыбай пришел на утреннее построение и повторил свой вопрос. И снова наступила тишина, и снова никто не вышел из строя.

— Э-э, я считал вас мужественными людьми, а вы кем оказались! — в сердцах сплюнул Тектыбай.

— Да мы-то здесь при чем! — возмутился кто-то из парней, но Тектыбай махнул рукой и, сгорбившись, пошел прочь.

И Кобыланды Юрченко долго не мог забыть этого маленького, как веретено, и одновременно приземистого, крепкого, как саксаул, старика, его образную речь, решительный характер. Его часто мучил один и тот же ночной кошмар: черный протез Тектыбая сжимает его горло, и тогда он просыпался весь в поту, не в силах более заснуть, и ворочался до самого утра. Как тогда, в молодости, когда он провел свою первую ночь в изоляторе, и лоб его покрылся холодной испариной...

Вот и сейчас он очнулся от глубокого сна и лежал с открытыми глазами. В окно сочился сероватый предутренний свет, и Юрченко видел всех их: Пантеру, который днем держится нагло и вызывающе, а сейчас храпит во сне, дергается разметавшись; Алешу Семенова, что тихонько вздыхает и постанывает; Абылая, который лежит и ворочается с боку на бок, но спит гораздо спокойнее, чем остальные... После выступления Тектыбая Юрченко несколько раз собирался поделиться с Абылаем тем, что его мучает, но каждый раз усилием воли сдерживал себя.

Отчего не спится ему? Может, от того, что когда вчера подполковник Омаргалиев зачитывал приказ о присвоении группе заключенных звания «Передовик производства» по итогам года, то среди других прозвучала и его фамилия. Выходя из строя, он с опаской взглянул на Атантаева, стоящего рядом с подполковником. «Нет, он ничего не знает про моего отца, — невольно подумал он, глядя на спокойное лицо лейтенанта, и тут же рассердился на себя: — Как он может этого не знать, когда и старика Тектыбая наверняка сам отыскал. У них ведь это называется «воспитательная работа»!..»

Он незаметно задремал, но вскоре вновь проснулся от чьего-то истошного крика. Это Пантера, стоя в постели на коленях, царапал ногтями стену и истошно бормотал: «Не я виноват... Не шейте мне это... Не я убивал...» Он вдруг снова истошно взвыл и зацарапал стену, будто хотел ее раздвинуть, после чего внезапно рухнул на кровать, как падает пойманный арканом или связанный по

ногам дикий необъезженный жеребец. Никто не проснулся, и Юрченко понял, что Пантера, который вечно ходит, окруженный холуями и прихлебателями, по ночам испытывает ледяной ужас одиночества, и злое сердце его, обросшее щетиной, таит за внешней удалью страх. Он, научившийся за годы, проведенные в неволе, оценивать людей с первого взгляда, читал это еще и в глазах Пантеры, пугливых, беспокойных, прячущихся под брезгливо насупленными бровями.

Юрченко положил руки под голову и устроился поудобнее. Пантера громко храпел. Слабый лунный свет освещал его лицо: высокий лоб, прямой нос, полные губы, твердый подбородок. Он еще раз вгляделся в лицо Пантеры и отвернулся, испытывая смутный и непонятный душевный трепет. Он вспомнил, как однажды спросил у Абылая: «Интересно, а какой национальности Пантера?» На что Абылай хмуро ответил ему: «У таких нет национальности. Его национальность — бандит». И смысл этих его слов, коснувшись души Кобыланды, как холодная змея, вдруг заставил его содрогнуться от отвращения: может, этим Абылай хотел сказать, что и сам он недалеко ушел от Пантеры? Ведь в той колонии, откуда они вместе с Абылаем и Игорем — Оглоблей — совершили побег, он, так же как Пантера, корчил из себя бывалого «зэка», для которого все трын-трава. Губы Абылая, лежащего неподалеку от Кобыланды, вдруг тронула мягкая улыбка. Значит, ему снится что-то хорошее. Сколько же ему лет? Кажется, двадцать один. В двадцать один год отец Кобыланды закрыл своей грудью вражеский дзот, а ему самому уже тридцать второй, и, стало быть, он теперь на десять лет старше собственного отца. И ровно столько же лет ему суждено было провести за решеткой, выбираясь отсюда лишь на несколько месяцев, чтобы глотнуть хмельного воздуха свободы. И он снова и снова удивлялся тому, что этот старик сумел нарушить течение его прежней жизни, заставив его в кои-то веки прямо взглянуть на себя и безжалостно подумать о том, в кого он превратился к тридцати одному году.

Слова Тектыбая все еще звучали в ушах Кобыланды. Он вспомнил, как от возмущения глаза старика округлились, над глазами собрались морщинки, и он с жалостью и брезгливостью глядел на них. Фотография уже прошла по всему залу, и Юрченко взял ее одним из последних. Человек с фотографии поразил его своим не-

повторимым взглядом, и, казалось, что это не Кобыланды изучает снимок, невольно отмечая сходство их лиц, а он сам, его отец, смотрит на сына, настойчиво требуя какого-то ответа. А в том, что это его отец, у Кобыланды не было никаких сомнений, несмотря на то, что никогда раньше не видел его. «У нас была одна-единственная карточка, где мы снялись вместе, да и та куда-то запропастилась к концу войны, когда ты был еще совсем маленький», — сказала ему как-то мать. Густые брови, миндалевидные острые глаза, осанка — все это СОВПАДАЛО, и сомневаться в том, что он сын этого юного лейтенанта, было просто невозможно. К тому же он всегда знал, что его отец погиб на фронте, хотя мать рассказала ему всю правду о погибшем муже довольно поздно, лишь перед тем, как ему пришла пора идти в армию.

После восьмого класса Кобыланды Юрченко поступил в профессионально-техническое училище, несмотря на то, что Оксана Дмитриевна, работавшая медсестрой в больнице, конечно же, настаивала, чтобы сын, закончив десятилетку, поступил в институт. Однако после недельных уговоров сдалась, ибо ей был известен его упрямый характер. С детства он рос таким — уж если что надумает сделать, не успокоится ни за что на свете, пока не добьется своего. «Из него выйдет хороший мастер, у него золотые руки», — сказали ей в ПТУ, и эти слова немного успокоили Оксану Дмитриевну, хотя она понимала истинную причину решения сына: ее зарплаты на двоих явно не хватало. «Ты меня кормила, теперь я тебя буду кормить», — однажды без обиняков заявил он. Она, притворно рассердившись, потрепала его за вихры и ответила, что ему еще рано кого-либо кормить, что она сама, слава богу, пока жива-здорова, но втайне была довольна сыном. И действительно, он с отличием закончил училище, поступил слесарем на завод и вскоре получил третий разряд, тем самым еще раз подтвердив то хорошее, что о нем говорили преподаватели из училища. Кроме того, он посещал секцию автомобилистов при ДОСААФ и здесь тоже сумел показать себя. Его заметили, он попал сначала на городские соревнования, затем на областные, потом и на республиканские, где стал чемпионом среди молодежи.

«Хороший мотоцикл, вот моя мечта, мама», — сказал

он ей, когда они вдвоем однажды сумерничали, не зажигая огня.

«Был бы жив твой отец, я уверена, что твоя мечта давно бы сбылась», — вздохнув, ответила мать и отвернулась к окну.

«Прости меня, мама!»

«Нет, нет, ты правильно сделал, что поделился со мной своими мыслями. Я тебя понимаю».

«Я сейчас неплохо зарабатываю, денег у нас достаточно, так что я понемножку начну откладывать на мотоцикл, ладно?»

«Но ведь тебе осенью в армию?»

«Ну и что? Отслужу, вернусь домой, снова пойду на завод, будем дальше жить», — рассмеялся он в ответ.

Осенью, уже получив повестку в военкомат, он пришел домой с девушкой. Краснея и смущаясь, она робко глядела на Оксану Дмитриевну.

«Лена», — представилась она.

«Оксана Дмитриевна», — мать произнесла это ровным и бесстрастным тоном, но наблюдательный Кобыланды заметил ее волнение. Однако она быстро взяла себя в руки и стала кормить их обедом.

Располагающая к себе людей, Оксана Дмитриевна быстро сдружилась с Леной, и та вскоре тоже освоилась, стала держаться свободнее, не стесняясь отвечала на многочисленные вопросы матери Кобыланды. Ее родители, как выяснилось, преподавали в университете, а сама она училась на первом курсе пединститута.

«Какая примерная биография, да, мама? Через несколько лет наша Лена станет учительницей, — Кобыланды обнял мать и шутливо подмигнул ей. — А я в это время буду охранять границы нашего государства!»

Мать проворно хлопотала по хозяйству, потчевала молодых людей, но на душе у нее вдруг стало тяжело, и сама она не заметила, как острое чувство ревности и нежелания отдавать кому-то незнакомому, чужому, своего единственного сына вдруг с такой силой овладело ее сознанием, что она чуть не вскрикнула от непонятной боли.

Кобыланды проводил Лену, и они вдвоем стали пить чай. Он смотрел на мать, молчаливую, задумавшуюся о чем-то своем, и вдруг спросил:

«Мама, что ты такая невеселая? Тебе Лена не понравилась?»

Оксана Дмитриевна немного помолчала, собираясь с мыслями, посмотрела сыну прямо в глаза и улыбнулась:

«Почему? Понравилась. Кажется, она хорошая девушка».

И Кобыланды, сердце которого было переполнено юной радостью, не заметил ее переживаний. Он сказал просияв:

«Правильно говоришь. Она не похожа ни на одну из знакомых мне девчонок. Ни характером, ни поведением, ни даже походкой».

«Даже косы не обрезала, как другие...» — Оксана Дмитриевна еще раз мысленно увидела Лену: среднего росточка, худенькая, с доверчивым лицом. В больших синих глазах и сдержанность, и незаурядный ум. Подруга сына такая юная и невинная...

«Она напоминает мне барышень из девятнадцатого века. Манеры, знания, ум — у нее все по-другому, не как у современных девушек», — улыбнулся Кобыланды. Оксана Дмитриевна вдруг резко повернулась к нему и, не в силах сдерживаться, сказала:

«Твоя бабушка много лет назад очень ревновала меня к твоему отцу, даже запретила мне встречаться с ним... — Оксана Дмитриевна осеклась, потому что раньше ей не приходилось говорить об этом с сыном. — И когда она поняла, что я ее не послушаюсь, то сказала мне: вот погоди, когда у тебя самой будет сын, ты рано или поздно поймешь, что значат мои слезы. Теперь я, наконец, понимаю ее...»

«Мама, а чего меня ревновать? Я же всегда буду с тобой!» — Кобыланды, который так и не сумел всерьез отнестись к ее словам, погладил матери руку.

«Это ты сейчас так, — вздохнула Оксана Дмитриевна. — Потом ты будешь думать по-другому».

«Нет, нет, мама. Это правда... — Он вскочил и обнял ее. — Я никогда не оставлю тебя, мы всегда будем вместе...»

«Пусти, я после дежурства, от меня, наверное, лекарствами пахнет...» — Оксана Дмитриевна, улыбаясь, глядела на сына, который вымахал выше ее на две головы.

«Пахнет, — согласился Кобыланды. И добавил: — А от меня — бензином. Я сегодня ребятам на прощание двигатель у мотоцикла перебрал... — Он поднес к своему

лицу широкие ладони и восхищенно принюхался: — О, какой запах!»

«Тебе нужно собрать чемодан, одежду».

«Какой там чемодан, какая одежда в армии. У меня уже все приготовлено. А ты сядь. Я хочу с тобой напоследок поговорить».

«О чем?» — тревожно спросила Оксана Дмитриевна, опускаясь на стул.

Они помолчали. Казалось, Кобыланды не знает, как начать этот разговор, но Оксана Дмитриевна сразу догадалась, о чем ее спросит сын. Она подумала: «Нужно было раньше ему сказать, незачем было так мучиться». И вспомнила, что сначала дожидалась, когда он закончит восемь классов, потом, когда получит специальность, и даже сегодня, возвращаясь с дежурства, вдруг твердо решила: пусть сначала послужит в армии, вернется, тогда ему все и расскажу... Неужели не заметила, что это уже не тот прежний малыш, который так часто тревожил ее расспросами об отце?..

Тогда только что кончилась война, и он частенько прибегал домой с уличными новостями. «У Харитона папа приехал, у Саши отец вернулся, а где наш папка?» — плакал он, и она как могла успокаивала сына, не желая убивать его надежду и проводя бессонные ночи в слезах.

Окончание на стр. 161.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. К. ЖУКОВА

ПОЛКОВОДЕЦ ЖУКОВ

«ДЛЯ МЕНЯ главным было служение Родине, своему народу. И с чистой совестью могу сказать: я сделал все, чтобы выполнить этот свой долг...

Дни моих самых больших радостей совпали с радостями Отечества. Тревога Родины, ее потери и огорчения всегда волновали меня больше, чем личные. Я прожил жизнь с сознанием, что приношу пользу народу, а это главное для любой жизни».

Эти слова выдающегося советского полководца, Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, прекрасно и с предельной глубиной характеризуют большой жизненный путь верного сына великого народа, славного ленинца, истинного патриота, мужественного воина.

Служение Родине, своему народу... Да, это было главным в его жизни. Вот почему имя маршала, ставшее легендарным, мы произносим с любовью и гордостью.

Георгий Константинович родился в беднейшей, почти нищенской крестьянской семье. Детство его было нелегким, с ранних лет он ушел в люди. Работая в скорняжной мастерской в Москве, он познал тяжесть подневольного труда. За малейшую оплошность подростков били немилосердно — и хозяин, и мастера, и мастерицы... Но приобщение к труду в среде московских пролетариев ковало в нем твердость характера, несло классовую закалку и воспитывало революционное сознание.

Жуков прошел окопы первой мировой войны, а когда свершилась Февральская революция, вместе с товарищами-солдатами восторженно встретил свержение самодержавия и был избран председателем эскадронного комитета, входившего в полковой Совет солдатских депутатов.

После Октября, вернувшись в Москву, Георгий Константинович добровольно вступил в кавалерийский полк первой Московской кавалерийской дивизии. «Ко времени моего вступления в Красную Армию,— вспоминает Г. К. Жуков,— в ней уже было более полумиллиона человек. В тот трудный (восемнадцатый.— Н. В.) год партия многими решениями по военному вопросу и огромной практической работой заложила основы Советских Вооруженных Сил, сплотила пролетарское, политически сознательное ядро Красной Армии и Военно-Моского Флота, на которое она опиралась в дальнейшем военном строительстве».

В годы гражданской войны Георгий Константинович воевал на многих фронтах, закончил курсы красных командиров, командовал взводом, эскадроном, затем кавалерийским полком. В июне 1924 года он был направлен на учебу в высшую кавалерийскую школу, находившуюся в Ленинграде, переформированную вскоре в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава. На этих курсах Георгий Константинович встретился с командирами кавалерийских полков К. К. Рокоссовским, И. Х. Баграмяном, А. И. Ереминым, ставшими впоследствии его боевыми соратниками...

Шли годы.

Занимая различные должности в Красной Армии, Жуков отдавал все силы повышению боеспособности Советских Вооруженных Сил. Обладая огромным организаторским талантом, он добивался того, что воинские части, которыми ему доводилось командовать, становились лучшими не только в соединениях, но и в рядах Красной Армии. Все эти годы дело и долг были для него превыше всего!

Впервые проявить свой незаурядный талант военачальника в боевых условиях Георгию Константиновичу довелось в Монголии, в районе реки Халхин-Гол. Советские войска, которыми командовал Жуков, окружили и наголову разгромили японских самураев, вторгшихся в пределы дружественной нам страны. В приказе наркома обороны от 7 ноября 1939 года отмечалось: «Подлинной славой покрыли себя бойцы и командиры — участники боев в районе реки Халхин-Гол. За доблесть и геройство, за блестящее выполнение приказов войска, участвовавшие в боях в районе реки Халхин-Гол, заслужили великую благодарность». За отличное руководство войсками и проявленный героизм Г. К. Жуков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В январе 1941 года — за полгода до начала Великой Отечественной войны — Георгий Константинович был назначен начальником Гене-

Комкор Г. К. Жуков ставит боевую задачу в районе реки Халхин-Гол.

рального штаба. «Мне думается,— отмечал Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян,— что для нашего народа было благотворно то обстоятельство, что именно этот наделенный трезвым, аналитическим умом, феноменально цепкой памятью, несгибаемой волей военачальник, никогда не терявший самообладания и ясности мышления, оказался в то трудное время на столь важном для обороны Родины посту. Благодаря всем этим качествам, а также умению отстаивать свое мнение и идти к намеченной цели прямым путем, а не робкими зигзагами, он внес существенный вклад в подготовку отражения агрессии и в организацию отпора врагу».

Ставка и Государственный Комитет Обороны в годы войны направляли Г. К. Жукова на самые решающие, чрезвычайно трудные, ответственнейшие участки фронта.

Когда осенью 1941 года обстановка на подступах к городу на Неве стала катастрофичной, Георгий Константинович был назначен командующим Ленинградским фронтом. Настойчивость, работоспособность, трезвый расчет, тесный контакт с Ленинградской партийной организацией помогли командующему повысить боеспособность частей и соединений.

А когда нависла опасность над Москвой, когда началась одна из крупнейших операций вермахта под кодовым названием «Тайфун», Г. К. Жуков принял командование войсками Западного фронта. Штаб фронта находился в то время в Алабино — там и началась напряженная работа по надежному укреплению обороны Москвы.

«Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга,— писал в своих воспоминаниях Г. К. Жуков.— Развить оборону в глубину, создать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневри-

ровать для укрепления уязвимых участков обороны. Необходимо было организовать наземную и воздушную разведки и твердое управление войсками фронта, наладить материально-техническое обеспечение войск. А главное — развернуть партийно-политическую работу, поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве.

Дни и ночи шла в войсках напряженная работа».

Маршал подчеркивал, что в битве за Москву решающими были единство и общие усилия войск, населения столицы и Московской области, действенная помощь, которую оказывали армии и защитникам столицы вся страна, весь советский народ.

Исход этой исторической битвы известен. Красная Армия одержала победу, имевшую огромное военно-политическое и стратегическое значение. Эта победа — результат организаторской работы партии, титанических усилий народа. При всем том весьма значителен личный вклад в эту выдающуюся победу Г. К. Жукова.

Летом 1942 года главные события войны развернулись на подступах в Сталинграду. Шли ожесточеннейшие оборонительные сражения на Сталинградском и Кавказском направлениях. 26 августа Государственный Комитет Обороны назначил Жукова заместителем Верховного Главнокомандующего. Он срочно прибыл в Ставку, а затем

На командном пункте Западного фронта. 1941 год.

Генерал армии Г. К. Жуков в дни Сталинградской битвы.

вылетел под Сталинград. В Камышине Георгий Константинович встретился с начальником Генерального штаба А. М. Василевским. Обстоятельно изучив положение в районе Сталинграда, они предложили Ставке такой план действий: «Первое — активной обороной продолжать изматывать противника; второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести противнику в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны в нашу пользу».

Ставка приняла этот план. Началась его разработка большой группой военачальников. Реализация этого плана привела, как известно, к полному разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом. За огромный вклад в битву на Волге Георгий Константинович был награжден только что учрежденным тогда орденом Суворова I степени (орденский знак № 1). Одновременно ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Велик вклад Г. К. Жукова в проведение знаменитой операции «Иск-

ра», в ходе которой 18 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда, а летом 1943 года — в Курскую битву, окончившуюся блестящей победой советского оружия.

В Курской битве и в битве за Днепр Г. К. Жуков координировал действия войск Воронежского и Степного фронтов, ставших затем соответственно 1-м и 2-м Украинскими фронтами. В операции «Багратион» летом 1944 года он также координировал, а затем руководил действиями войск 2-го и 1-го Белорусских фронтов. На последнем этапе войны Георгий Константинович командовал 1-м Белорусским фронтом, сыгравшим важнейшую роль в Висло-Одерской и Берлинской операциях.

«Как заключительная операция второй мировой войны,— пишет Г. К. Жуков,— Берлинская операция занимает особое место. При взятии Берлина получили окончательное решение важнейшие военно-политические вопросы, от которых во многом зависело послевоенное устройство Германии и ее место в политической жизни Европы».

На Курской дуге. Генерал-полковник И. С. Конев (с п р а в а) докладывает обстановку маршалу Г. К. Жукову.

В момент падения Берлина, вспоминает Георгий Константинович, Гитлер провозгласил лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам и англичанам, чем пустить в него русских». Фюрер и его ближайшее окружение надеялись на чудо. Но советские войска не дали этому чуду совершиться...

В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

«Я предложил немецкой делегации покинуть зал...— вспоминает маршал.— От имени Советского Верховного Главнокомандования я сердечно поздравил всех присутствующих с долгожданной Победой. В зале поднялся невообразимый шум. Все друг друга поздравляли, жали руки. У многих на глазах были слезы радости...»

Г. К. Жуков стал первым главнокомандующим Группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующим Советской военной администрацией в Германии.

24 июня 1945 года Маршал Советского Союза Г. К. Жуков принимал Парад Победы. Торжественным маршем шли прославленные полки мимо Мавзолея В. И. Ленина. Их вели закаленные в сражениях с фашистами генералы, маршалы родов войск и Маршалы Советского Союза...

От имени Советского правительства Г. К. Жуков подписывает акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Г. К. Жуков дома в кабинете во время работы над своими воспоминаниями.

В марте 1953 года Г. К. Жуков был назначен первым заместителем министра обороны СССР, с февраля 1955 года по октябрь 1957 года — министром обороны СССР.

В 1958 году Георгий Константинович ушел в отставку и начал работать над своими мемуарами, одновременно продолжая вести активную общественно-политическую деятельность.

Георгий Константинович — четырежды Герой Советского Союза, он награжден шестью орденами Ленина, двумя орденами «Победа», орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, почетным оружием — шашкой с золотым изображением Государственного герба СССР, многими медалями, а также орденами и медалями иностранных государств.

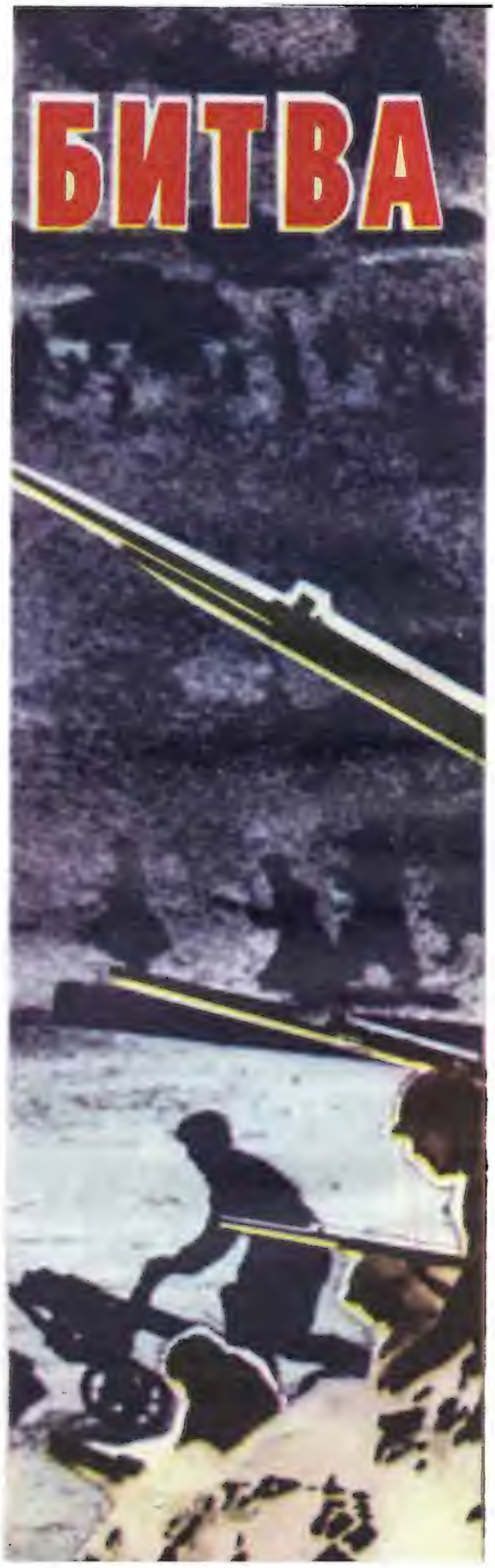
«Иногда невольно спрашиваешь себя,— писал Маршал Советского Союза А. М. Василевский,— где источник сил, воспитавших человека, родившегося в беднейшей крестьянской семье деревни Стрелковки Калужской области, с такой несгибаемой волей и героической судьбой! И находишь один ответ: этот источник в патриотизме и мужестве великого советского народа, он в бессмертных идеях и делах ленинской партии, верным сыном которой до последнего часа своей жизни оставался Георгий Константинович».

Н. ВАСИЛЬЕВ

Немецко-фашистская армия после триумфального марша по Европе понесла первое крупное поражение. Стратегия «молниеносной войны», обеспечившая ей легкую победу на Западе, оказалась несостоятельной в борьбе против социалистического государства. Под Москвой произошел полный и окончательный крах «блицкрига», перед всем миром была развеяна легенда о «непобедимости» гитлеровской армии.

История КПСС

БИТВА



СЕНТЯБРЬ 1941 года. Красная Армия остановила врага на севере, впервые за всю историю второй мировой войны заставила отступить фашистов на западе, под Ельней. «Молниеносная победа» гитлеровцам не давалась, и тогда заправилы рейха решили концентрированным ударом взять Москву, надеясь вынудить Советский Союз капитулировать. Этот план стратегам вермахта представлялся вполне реальным. Они знали, что советское командование частично ослабило центральную группировку войск, чтобы закрыть бреши на юге.

5 сентября в «волчьем логове» фюрера состоялось совещание военной верхушки. Гитлер заявил, что пришел «час Москвы», отдал приказ немедленно привести в действие план «решающей битвы». Со всех фронтов в группу армий «Центр» стягивались войска, танки, перебазировалась авиация. На Московском направлении гитлеровцы сосредоточили три четверти своих

ЗА МОСКВУ

танковых и моторизованных соединений, свыше миллиона солдат и офицеров. Советские войска уступали гитлеровцам в людях в 1,4 раза, артиллерии — 1,8, танках — 1,7, самолетах — в 2 раза. Операция «Тайфун», по замыслу Гитлера, подобно сокрушительной силы урагану, должна была смести защитников советской столицы.

В конце сентября после многочасовой артиллерийской и авиационной подготовки враг перешел в наступление на Брянском фронте, прорвался к Вязьме и Туле. Создалось угрожающее положение — противник выходил на оперативный простор с юго-запада от Москвы, где наше командование крупных резервов тогда не имело. Еще в пути находились дивизии из Средней Азии и с Дальнего Востока, не было закончено и строительство рубежей обороны.

Берлинское радио заголосило на весь мир: дни столицы большевиков и Советского Союза сочтены. Но, как и раньше, это было преждевременное ликование. С севера по рвущейся к Туле бронированной армаде Гудериана ударили советские танки и конница.

«Нас встретил ураганный огонь артиллерии,— вспоминает бывший командир танкового батальона, Герой Советского Союза В. А. Бочковский.— Вражеская авиация буквально висела в воздухе. Наступали непрерывно, и днем и ночью, громя контратакующие части врага. В тех жестоких боях закалялась людская сталь нашей 4-й танковой бригады. От метких выстрелов экипажа комсомольца — сержанта Ивана Мажегова одна за другой вспыхивали вражеские машины. Расчет комсомольца Павла Жуковского выкатил свое орудие навстречу прорвавшимся с фланга немецким Т-4, в упор поджег два танка и заставил повернуть другие, что спасло танкистов от губительного огня по бортам.

Противник намного превосходил нас по численности. Но не число, а умение, мужество решили исход встречных боев. 3-я и 4-я танковые и моторизованная дивизии немцев потеряли 133 танка, 49 орудий, более полка пехоты, вынуждены были в беспорядке отступить».

Контрудар конно-механизированной группы сорвал прорыв армий Гудериана и Вейхса из района Тулы к Москве, а 12 октября газеты опубликовали приказ, в котором 4-й танковой бригаде генерала М. Е. Катукова присваивалось звание гвардейской. Это было первое гвардейское танковое соединение Красной Армии.

Грозная опасность нависла над столицей не только с юга. На северо-западе гитлеровцы захватили Калинин, Яхрому, Солнечногорск. Навстречу врагу стальной обороной вставала вся Москва.

Бывший старший батальонный комиссар, член КПСС с 1917 года М. А. Родионов вспоминал:

«12 октября было принято решение о создании внутренней обороны столицы. По призыву МК партии на работы вышли сотни тысяч москвичей. Строили рубежи в дождь, в слякоть, в любую погоду люди всех возрастов и профессий. Повсюду формировались батальоны Московского ополчения. Нам партия доверила отбор добровольцев.

Помнится, в Староконюшенном переулке, у небольшого особняка, собирались сотни людей. Медленно двигалась очередь к столам, где записывали добровольцев. «Бывший пулеметчик, брал Перекоп»,— коротко, по-военному доложил плечистый рабочий. Уверенно показал свои документы юноша в ковбойке: студент, значкист ГТО и «ворошиловский стрелок». Но понуро отошли от стола два парнишки, с потерянным видом оглядываясь на меня. Как узнал этот военный с тремя «шпалами» в петлицах, что они еще не закончили школу! А ведь, наверное, у них уже состоялось торжественное прощание с товарищами и дома оставлены записки: «Мама, не волнуйся: я ушел на фронт».

Добрыми глазами провожали мы таких «неудачников». Это для вас, ребята, создана Советская власть. И теперь вы, шестнадцатилетние, готовы пожертвовать ради нее даже своей жизнью. Не обижайтесь, примите совет коммунистов: с большей пользой вы послужите Родине, помогая фронту своим трудом, обучаясь военному делу. Кто знает, может быть, именно вам суждено водрузить знамя нашей победы в Берлине».

После решения о создании народного ополчения только за четыре дня было сформировано 12 дивизий общей численностью свыше 200 тысяч человек. Ветер нес рваные, как клочья взрывов, тучи. Улицы, площади перегородили баррикады, стальные ежи противотанковых заграждений. И в суровом молчании шли на запад добровольческие батальоны: фашисты в Москву не войдут!

...Под Наро-Фоминском немцы непрерывно штурмовали позиции 21-й дивизии народного ополчения, в рядах которой сражался комсомолец В. С. Боков, ныне кандидат физико-математических наук.

«15 ноября,— вспоминает он,— когда началось новое «генеральное наступление» на Москву, гитлеровцы девять раз пытались протаранить нашу оборону. Последняя атака была особенно ожесточенной. Впереди уже пылало с десяток танков, пораженных нашей артиллерией. Но три все-таки проскочили к окопам. Тут бы и вступить в бой нам, гранатометчикам-истребителям. Однако командир роты лейтенант Капитонов приказал пропустить танки. Жутко, когда над тобой, вжавшимся в землю, с лязгом и чадом прогрохочет многотонная махина. Но прозвучала команда, и растерянности как не бывало. На корму танков полетели гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Тотчас ударили пулеметы, автоматы, сражая набегавшую вражескую пехоту. А подорванные танки догорали до следующего утра. Ни один не уцелел.

После этого фашисты пытались уничтожить нас артналетами, бомбежкой, но наземных атак не предпринимали. Тогда же мы узнали о подвиге панфиловцев. У разъезда Дубосеково 28 героев вступили в неравный бой, уничтожили 18 танков, множество солдат и офицеров, сами погибли, но не пропустили врага. Заветом для каждого из нас стали слова политрука В. Г. Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!»

Как многие комсомольцы, я подал заявление о приеме в партию. Подала заявление и наш санинструктор Таня Каменская. Этот документ сохранился в партийном архиве дивизии. «Я — мать,— писала Таня.— Дома у меня остался сынок, Тасик. Страшной ненавистью к убийцам наполнено мое сердце. Кровь за кровь. За каждого убитого бойца, за каждого ребенка.

Я глубоко и твердо верю нашей партии Ленина. Прошу партбюро рассмотреть мое заявление и принять меня в свои ряды. Я клянусь быть честной, преданной, до последней капли крови бороться с лютым врагом всех матерей — фашизмом».

Таня Каменская сдержала свою клятву...

Но враг еще не исчерпал свои силы, с упорством отчаяния рвался к Москве. Устилая трупами поля Подмосковья, «бессмертные гренадеры» фюрера теперь желали одного — спасения от «ужасов русской зимы» в городских зданиях. Местами им удалось выйти к берегу Химкинского водохранилища, на юго-западе 1 декабря гитлеровцы захватили Апрелевку, расположенную в нескольких десятках километров от Москвы. По распоряжению Геббельса в те дни в газетах было оставлено место для сообщения о «взятии столицы большевиков». Для контрудара на наиболее опасном направлении командующий Западным фронтом Г. К. Жуков выдвинул подвижную группу пехоты и танков. В ее состав входили курсанты, которыми командовал полковник А. Я. Потапов.

...Они шли по всему полю в поднятой гусеницами снежной пыли. В бинокль Потапову было видно, как за танками, прикрываясь броней, кучками бегут автоматчики.

— Началось! — румяное мальчишеское лицо связного полковника Вени Павлова построжало.— Встретим, товарищ полковник!

Потапов качнул головой:

— Пусть поглубже заглотят крючок, тогда — подсечка.

Рядом кучно легли мины. С щенячьим визгом пролетели осколки. Веня поднял и спрятал в карман горячий еще кусочек металла. «После победы покажу друзьям»,— пояснил деловито.

Пора! Фашисты вошли в заранее пристрелянную зону. Спокойным, как на учениях, голосом полковник приказал открыть огонь.

Пули выкашивали кучки пехоты, снаряды вспарывали броню, срывали с танков плоские шляпки башен. У самой земли с оглушительным ревом промчались Илы. Поле вздыбили разрывы бомб. А из леса, подступавшего с востока к Варшавскому шоссе, вырвались грозные тридцатьчетверки.

Ракеты. Сигнал контратаки. Потапов поднял курсантов. А с флангов и в тыл гитлеровцам выкатывались все новые и новые танки, бежали лыжники в маскхалатах. Волна контратакующих смяла врага.

Мимо командного пункта провели пленных. «Свою войну они, как хотели, закончат в Москве, товарищ полковник!» — задорно крикнул Веня. «А мы закончим в Берлине»,— подумал Потапов.

Попытка прорваться к Москве под Апрелевкой, как это предполагал комфронта Г. К. Жуков, была последней наступательной конвульсией гитлеровцев. «Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными,— писал впоследствии Гудериан.— Мы потерпели серьезное поражение, которое повело в ближайшие недели к роковым последствиям».

Роковым для захватчиков. Накопив под щитом обороны резервы, Ставка Советского Верховного Главнокомандования дала приказ о контрнаступлении. Теперь «тайфун», который, по расчетам фюрера и его военачальников, должен был смести и уничтожить Красную Армию, обрушился на самих гитлеровцев.

Первыми 5 декабря нанесли удар по врагу соединения Калининского фронта. Спустя сутки после мощной артиллерийской и воздушной подготовки атаковали противника армии Западного фронта. Ударная группа Юго-Западного фронта начала наступление на день позже...

...Яхрома. Еще издалека, подъезжая к этому старинному русскому городу, можно увидеть на высотах величавый монумент. Родина-мать в облике гневной женщины подняла карающий меч. Грозное возмездие получили здесь фашисты. Вот что рассказал мне полковник в отставке В. А. Забродин:

«Яхрому гитлеровцы захватили практически без боя. Переодевшись в нашу форму, рота головорезов под видом окруженцев перешла линию фронта. На рассвете диверсанты вышли к мосту через канал Москва — Волга якобы для смены охраны, перекололи наших подрывников. По мосту потоком хлынули немецкие танки и ворвались в город. Понятно, с каким чувством гнева и мести мы штурмовали Яхрому. Тогда я командовал взводом из бригады моряков, прибывших с Тихого океана и включенных в состав 1-й ударной армии.

Захватчики успели укрепиться, подтянули резервы. Каждый дом мы брали с боем. Помню, на пути встало здание, превращенное в дот. Из подвала хлестали свинцом немецкие пулеметы, нас разделяла площадь. Тут весь взвод положишь, так и не выбив врага. Тогда комсомолец Паша

Кичигин с сумкой гранат ловко, по-матросски вскарабкался на крышу соседнего дома, броском перескочил в верхнее окно здания-дота. Вскоре в подвале ухнули взрывы, пулеметы захлебнулись. Но погиб и Паша.

Ярость моряков не опишешь. Несмотря на мороз, они сбросили шинели, продолжали штурм в морских бушлатах, наводя на врага ужас. «Черная смерть!» — вопили фашисты. Видно, знакома была им беспощадность матросской атаки. И мы не давали пощады. На соседних улицах так же яростно сражались стрелки 1-й ударной.

Радость встречи.

8 декабря был освобожден первый подмосковный город. От Яхромы, громя захватчиков, наши части устремились к Клину. Обочины дорог загромождала разбитая и брошенная немцами техника, награбленное у жителей добро, поля усыпаны трупами убитых и замерзших «покорителей мира». Потом мы узнали, что только за четыре дня нашего наступления противник потерял свыше 30 тысяч солдат и офицеров, 656 танков, 4882 автомашины, более 600 орудий и большое число другого вооружения и имущества».

Дальнейшие события развивались стремительно. Через неделю после Яхромы захватчиков выбили из Клина, Солнечногорска, Наро-Фоминска, Красной Поляны, где гитлеровцы бросили гигантскую 300-миллиметровую пушку, из которой собирались обстреливать Кремль. К концу декабря советские войска освободили областные центры Калинин и Калугу, важные в стратегическом отношении города Мценск и Белев. Враг был отброшен на 150—250 километров от столицы. Угроза всему Московскому промышленному району была ликвидирована.

Гитлер рвал и метал. Были сняты с постов и частично разжалованы почти все руководители операции «Тайфун», включая фельдмаршала Браухича, вместо которого верховным главнокомандующим фюрер назначил самого себя. Но «генеральская чехарда» не спасла положения. В начале января удары Красной Армии отбросили захватчиков еще на 100—150 километров к западу.

Самая многочисленная и технически оснащенная группа армий «Центр», потеряв более половины людского состава и вооружения, духовно деморализованная, с трудом удерживала рубежи обороны. И если гитлеровцам потребовалось три месяца, чтобы ценой необратимых жертв приблизиться к окраинам Москвы, то обратный путь они совершили втрое быстрее.

Пресловутый «блицкриг» для немецко-фашистских войск на деле превратился в блицдрап, в конечном счете завершился блицкрахом. Ведь многие защитники советской столицы дошли до Берлина и взяли его за несколько суток, а слово «Москва», как впоследствии слово «Сталинград», стало синонимом победы для борцов с фашизмом во всем мире.

Ю. ГУРЬЕВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИТЕ ШАГ

РИТМ НОВОЙ ЖИЗНИ

ВОЗВЫШАЯСЬ над быстротекущей Нарвой, древняя крепость может многое поведать тому, кто хочет познакомиться с богатой историей города, поднявшегося на ее берегах, получившего ее имя. А судьба городу выпала удивительная. Немало значительных событий произошло в течение последних ста с небольшим лет в его жизни.

Многое расскажут и старые, красные корпуса знаменитой Кренгольмской мануфактуры. Обожженные пожарами, выщербленные снарядами, они, словно боевые ветераны, четко стоят в строю. А рядом с ними — новые светлые, просторные корпуса приветливо встречают тех, кто сегодня начинает свой трудовой путь на старейшем текстильном комбинате.

С хорошим настроением идет сегодня на работу молодежь, не знающая, что такое гнет капитала, безжалостная эксплуатация, безработица. Расходятся по своим рабочим местам парни и девушки, чтобы трудиться не только для себя, но и для всех нас.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как в жизни этих молодых людей произошло очень важное событие — посвящение в рабочие. В тот памятный день в музее Кренгольмской мануфактуры царила торжественная обстановка. На встречу с новым пополнением собрались ветераны

войны и труда, чтобы передать юному поколению эстафету — продолжать достойно дела своих дедов и отцов. Взволнованно звучали молодые голоса, когда произносились слова «Торжественной клятвы молодого рабочего ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции хлопчатобумажного комбината «Кренгольмская мануфактура» имени В. И. Ленина»: «Всегда и во всем следовать славным революционным и трудовым традициям рабочего класса!»

Со стен музея смотрели на молодых рабочих пожелтевшие от времени фотографии тех кренгольмцев, кто мечтал и боролся, не щадя своей жизни ради светлого будущего своего народа.

Вряд ли могли предположить в 1857 году крупные русские фабриканты Л. Кноп, К. Солатенков, братья Хлудовы вместе с нарвскими купцами, приобретая один из живописнейших островов тогдашней Нарвы — Кренгольм («Зеленый остров»), чтобы построить здесь крупнейшую не только в России, но и в Западной Европе фабрику по производству хлопчатобумажной ткани, что закладка ее вместе с тем означала и закладку сил будущего рабочего класса, который начнет решительно бороться за свои права.

...Незабываемый 1872 год, навсегда вошедший в историю Кренгольмской мануфактуры. 14 августа здесь началась знаменитая стачка, ставшая массовым выступлением рабочих против капиталистической эксплуатации в Эстонии и одной из крупнейших стачек того периода в России... В тот день

Комсорг комсомольского звена, молодой коммунист прядильщица Людмила Кинько.

Секретарь комсомольской организации комбината Александр Лугин.

500 ткачей прекратили работу и потребовали от хозяев сокращения рабочего дня (он длился 14 часов), увеличения заработной платы, улучшения условий труда, уменьшения штрафов. В знак солидарности к стачечникам присоединились рабочие других предприятий. Борьба разгоралась, в ней приняли участие около пяти тысяч человек. Почти месяц длилась стачка, руководимая рабочими-революционерами Вильгельмом Прейсманом и Василием Герасимовым.

Двенадцатилетним подростком пришел на Кренгольм Василий, работал сначала на старопрядильной, а затем на староткацкой фабрике, на собственном опыте познал тяжесть подневольного труда и позже, пятьдесят лет спустя, описал горькую долю детей и тяжелую жизнь рабочих в книге воспоминаний «Жизнь русского рабочего полвека тому назад». Подвиг Василия Герасимова не забыт. Его имя увековечено в одной из улиц города, присвоено Дворцу культуры текстильщиков, перед которым установлен бронзовый бюст замечательного революционера.

А неподалеку от памятника сегодняшние комсомольцы Кренгольма строят в парке Победы спортивно-игровой комплекс для детей и для взрослых.

Мы идем по тенистым аллеям, и Александр Лугин, секретарь комсомольской организации комбината, увлеченно рассказывает о комплексе, который откроется летом будущего года.

— Вот здесь,— показывает Саша на груду песка,— мы сделаем большую песочницу для самых маленьких, неподалеку от нее — теннисный корт. Пока малыши «пекут куличики», «строят дома», их родители могут с удовольствием сыграть сет-другой. И малыши будут находиться в непосредственной близости от пап и мам, и взрослые найдут себе занятие по душе. Ну а для детей постарше построим крепости. Появятся здесь волейбольные площадки, летнее кафе... Молодежь нашего комбината с воодушевлением восприняла идею строительства спортивно-игрового комплекса и принимает в нем самое активное участие. Ведь это наше ленинское задание.

Полнокровной жизнью живет комсомольская организация комбината. На ее счету немало славных дел. Именно здесь, на Кренгольме, зарождались первые комсомольско-молодежные коллективы Нарвы. Ежеквартально выходят они победителями городских и призерами республиканских смотров. По итогам работы за первый квартал 1986 года комсомольская организация Кренгольма заняла первое место в городе. С большим уважением говорят здесь о лучших комсомольско-молодежных коллективах, возглавляемых Сергеем Самсоновым, Татьяной Шафф, Виктором Роговым, Сергеем Паниным. Кстати сказать, бригада Панина одна из самых молодых, она была создана в октябре 1985 года. И сразу же ребятам доверили работу на новых станках. Нелегкое это было дело, но коллектив справился с ним успешно. Бригада приступила к работе на новых станках намного раньше установленного срока и стала выполнять план на 120—130 процентов.

Сергей Панин работает на комбинате тринадцать лет. Это опытный, энергичный бригадир, умеющий сплачивать людей. Вот почему у ребят всегда ладится не только производственная, но и общественная работа. Вместе отправляются они в походы по местам революционной, боевой и трудовой славы народа, привлекая к участию в них учащихся ПТУ и учеников подшефной школы. Активно проводит бригада субботники, работает в подшефном детском саду, без нее не обходятся конкурсы по профессиональному мастерству, вечера отдыха или экскурсии.

Когда случилась беда в Чернобыле, комсомольско-молодежный коллектив, возглавляемый Н. Мусановым, выступил с инициативой перечислить однодневный заработок в адрес пострадавших. Это, кстати сказать, произошло еще до появления счета № 904.

Молодежь Кренгольма свято чтит революционные традиции. Молодые кренгольмцы знакомятся с ними не только в стенах музея. Надолго останется в их памяти тематический вечер «Наш Кренгольм», когда в театрализованной постановке сами ребята рассказали своим сверстникам и коллегам историю борьбы кренгольмского пролетариата за идеалы справедливости, за счастливую жизнь будущих поколений.

...В начале 90-х годов прошлого века передовые рабочие Кренгольма познакомились с марксистской теорией. В Нарве был создан революционный рабочий кружок «Семья», тесно связанный с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Этот кружок пытался соединить марксистскую теорию с революционной практикой. Когда в апреле 1897 года на Кренгольме вспыхнула забастовка, члены кружка выпустили листовку, помогали в организации стачки, проводили агитацию на других предприятиях.

Восторженно встретили рабочие первую русскую революцию. В течение двух с половиной лет плечом к плечу с пролетариатом России боролись

Молодой художник Алия Шарафутдинова.

они с царским самодержавием. Борьбой нарвского пролетариата руководил городской комитет РСДРП, в него входили Амалия Крейсберг, Михаил Данилов, Мария Муку...

В феврале 1917 года в Нарве началась забастовка, в которой приняли участие все рабочие и солдаты гарнизона. Вся власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем Совета был избран испытанный вождь эстонских пролетариев большевик Яан Анвельт.

Нарвские большевики настойчиво работали в массах. Под их руководством создавались советы рабочих старост. Самым многочисленным был совет старост Кренгольмской мануфактуры во главе с большевиками И. Даниловым и А. Мезилане.

Политическая обстановка в стране была напряженной. Большевики Нарвы начали формировать вооруженные отряды рабочей гвардии, ставшие затем ядром Красной гвардии Нарвы.

Готовя к восстанию рабочих и солдат, большевики Нарвы заботились и о сплочении молодежи. В июне на Кренгольме возникла революционная организация, многие активисты которой вступили в отряды Красной гвардии.

После VI съезда РСДРП, который высказался за создание союзов молодежи, идейно руководимых партией, по инициативе делегата съезда Виктора Кингисеппа на общем собрании молодежи Кренгольма был избран районный комитет Союза молодежи. Объединения молодых рабочих стали возникать на других предприятиях города. 3 сентября эти объединения слились в общегородской Нарвский Коммунистический Союз Молодежи.

В ночь с 24 на 25 октября 1917 года из Смольного поступила телеграмма о начале социалистической революции. Нарвский военно-революционный комитет отдал распоряжение начать восстание. Группа кренгольмских рабочих, отряды Красной гвардии заняли ратушу, почту, телеграф, банк, мосты через реку, вокзал, промышленные предприятия... А когда возникла опасность иностранной интервенции для революционного Петрограда, тысячи добровольцев вступили в ряды Красной гвардии. Рабочие Кренгольма приняли резолюцию, отражающую боевой дух защитников города. Они заявили, что «решили дать самый суровый отпор эстонским, русским и не-

Сергей Панин и его дружная, одна из самых молодых на комбинате, бригада.

мецким белогвардейцам»... «Мы категорически заявляем, что путь на революционный Петроград лежит через наши трупы. Смерть или победа! Этот девиз сияет на нашем боевом знамени!»

Одной из ярчайших страниц в истории Нарвы было создание 29 ноября 1918 года Эстонской Советской Республики — «Эстляндской трудовой коммуны». Возглавивший Совет коммуны Яан Анвельт сообщал в Москву: «Прошу от имени Совета Эстляндской трудовой коммуны передать Центральному Комитету партии, что мы пойдем вместе с российским пролетариатом».

Всего 50 дней просуществовала Коммуна, но как много было сделано ею за этот срок! Национализированы промышленные предприятия города, все имения передавались в руки народа, отменялась арендная плата, трудовое крестьянство освобождалось от выплаты долгов за землю. Преодолевая огромные трудности, Совет Коммуны принимал меры к улучшению положения трудящихся. Была повышена зарплата, установлен 8-часовой рабочий день, упорядочена система распределения и продажи товаров, открылись столовые, вводилась бесплатная медицинская помощь. Создавались райкомы партии, один из них — на Кренгольме — возглавил председатель фабкома мануфактуры А. Мезилане.

Менее двух месяцев реял красный флаг над свободной Нарвой, но ее идеи и дела оставались жить в сердцах эстонских пролетариев. В условиях оккупации и кровавого буржуазного террора они продолжали в подполье вести борьбу за торжество революции, за власть Советов.

Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, за власть Советов шли в бой тысячи кренгольмцев, отстаивая право на свободу, мирный труд, счастье.

В июне 1941 года в Нарве был создан истребительный батальон, костяком которого стали рабочие Кренгольмской мануфактуры. В середине июля из рабочих-текстильщиков был организован особый партизанский отряд. Бесстрашно действовали патриоты в тылу врага: до последнего дыхания бился с врагом рабочий Кренгольма Георгий Кочетков. Много важных заданий командования выполнил отважный разведчик Эрик Рятсепп.

...Какая-то особая звенящая тишина стоит в зале Дома культуры, когда молодежь слушает убеленных сединой и увенчанных боевыми наградами ветеранов войны. С большим подъемом участвовали юноши и девушки в театрализованных вечерах, посвященных 40-летию Победы, в мотопробегах по местам боевой славы в районе Чудского озера, где ребята возлагали ленты и венки к солдатским обелискам. И особенно дорог им памятник в деревне Касколовке, где погибли многие бойцы Нарвского рабочего полка — основу его составляли кренгольмцы, отцы и деды тех, кто сегодня продолжает умножать славные дела комбината.

Следуя заветам старшего поколения, молодые кренгольмцы своим трудом крепят мир. Им дороги и близки все мирные инициативы нашей партии и Советского государства. С начала 1986 года в Фонд мира перечислено свыше 50 тысяч рублей, часть этой суммы составили взносы молодежи. В начале сентября в Нарве прошла Неделя мира, инициатором проведения которой стал комбинат «Кренгольмская мануфактура». Этой политической акцией рабочий класс Нарвы еще раз подтвердил свои устремления жить и трудиться в мире.

А трудится молодежь Кренгольма с огоньком, творчески. Немало на комбинате рационализаторов. Имена лучших из них известны всему многотысячному коллективу. Это нынешний начальник отбельного цеха Игорь Полещук, электромонтер Анатолий Ушаков, Сергей Аляксно, председатель совета молодых специалистов города, мастер ремонтно-механического

цеха. Сейчас на комбинате проходит отбор работ бризовцев, которые будут представлены на конкурс в честь приближающегося XX съезда ВЛКСМ. На этот конкурс собирается представить свою работу и секретарь комсомольской организации комбината Александр Лугин. Тема его работы — «Автоматическое изменение температурно-влажностного режима в цехах и регулирование влажности» — представляет практический интерес.

Большой популярностью пользуются на комбинате деловые игры, проводимые комитетом комсомола совместно с советом молодых специалистов. В них принимают участие молодые мастера. Суть игры сводится к следующему. Сначала на каждой из семи фабрик комбината создаются команды по 3—4 человека, которым предстоит прослушать цикл лекций — перед ними выступают ведущие специалисты «Кренгольмской мануфактуры»: бухгалтеры, экономисты, инженеры. Эти лекции призваны повысить квалификацию участников игры. Затем наступает второй этап, на который приглашают зрителей. В игре создаются различные производственные ситуации — например, что должен делать молодой специалист, если сломалась шестеренка, а запасной нет? Как выйти из критической ситуации? Вопросы задают самые разнообразные — не только производственного, но и юридического характера.

...Ежегодно на фабриках Кренгольма вырабатывается 200 миллионов метров тканей. Это сатин и ситец, махровые полотенца и простыни, портьеры и байковые одеяла, бязь и мадаполам, специальные ткани для внутренней отделки «Жигулей»...

Продукция комбината пользуется заслуженным спросом не только в нашей стране, но и за рубежом. Родина по достоинству оценила труд кренгольмцев. Комбинат награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, ему присвоено имя В. И. Ленина.

Сегодня на комбинате полным ходом идет реконструкция, самая значительная за всю его историю. Классические способы прядения и ткачества становятся достоянием прошлого. Сейчас в корпусах старых фабрик занимают место ткацкие станки без челноков и прядильные машины без веретен. Осваивать эту новую сложную технику доверяют в первую очередь молодежи.

Несмотря на нелегкие условия реконструкции, ассортимент тканей ежегодно обновляется, создаются новые структуры. 90 артикулов набивных и жаккардовых тканей, махровых полотенец и байковых одеял выпускается с индексом «Новинка». Большое внимание уделяют так называемым молодежным тканям. В этом году утверждено пять новых тканей, среди них — «Милите», ткань для молодежной и детской одежды с переплетением типа «рогожки». Каждый квартал художественный совет комбината обсуждает новые рисунки для будущей продукции. Комбинат чутко прислушивается к мнению постоянных потребителей и в своей практической деятельности ориентируется на их заявки.

В 12-й пятилетке Кренгольму предстоит решить немало задач. Руководствуясь решениями XXVII съезда КПСС, он взял твердый курс на ускорение научно-технического прогресса. Продолжая славные традиции «Кренгольмской мануфактуры», молодежь 80-х будет в первых рядах тех, кому по плечу самые большие дела.

...Многое помнят старые стены Кренгольма. Останется в их памяти и нынешнее молодое поколение. Своим трудовым энтузиазмом, юношеским задором, используя современную технику и технологию, оно обновило старые корпуса, внесло в них дыхание и ритм новой жизни.

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ НАС

Все больше молодежи остается на селе, растет число молодых энтузиастов, по путевкам комсомола отправляющихся на работу в колхозы и совхозы. Сейчас в агропромышленном комплексе Молдавии трудятся более 25 тысяч молодых механизаторов, примерно 40 тысяч животноводов, 18 тысяч овощеводов. Каждый третий работник АПК — молодой человек.

В республике хорошо известны имена молодых животноводов: мастера машинного доения Пелагеи Лунгу из колхоза «Бируинца» Бессарабского района, оператора Бужорской птицефабрики Веры Киринчук, мастера машинного доения Анны Онофрей из совхоза «Данченский» Кутузовского района, животноводов братьев и сестры Бунич из совхоза «Малаештский» Оргеевского района... Летом нынешнего года Семен Бунич выступил в республиканской молодежной газете с призывом к молодым животноводам дать от каждой коровы по 6 тысяч килограммов молока в год. Судя по предварительным итогам, братья Бунич смогут перекрыть и этот показатель.

Хорошие результаты работы на молочно-товарной ферме совхоза «Малаештский» вполне закономерны. Комсомольско-молодежные коллективы трудятся здесь с полной отдачей сил. Успехам в немалой степени способствует то, что на ферме образцово ухаживают за скотом, по-научному подходят к рациональному использованию кормов, успешно работают над улучшением зоотехники и ветеринарной службы.

Молодежь берет пример с коммунистов, в первую очередь с руководителя совхоза Героя Социалистического Труда, делегата XXVII съезда КПСС Лидии Ивановны Гураль. Совхоз — это ее жизнь. С раннего утра до позднего вечера ее можно увидеть на различных участках хозяйства. Ей до всего есть дело: как идет работа на ферме, как возводится новая школа, каков репертуар в Доме культуры, как строят свои «каса маре» молодые животноводы...

Вот уже год успешно трудится в хозяйствах Молдавии республиканский ударный комсомольский отряд животноводов имени XVI съезда Компартии Молда-

Директор совхоза Л. И. Гураль и парторг И. М. Насалчук.

вии. В хозяйствах немало комсомольско-молодежных бригад, более половины из них работают по методу бригадного подряда. Перевод животноводства на индустриальную основу, создание прочной кормовой базы, внедрение комплексной механизации и прогрессивных форм организации и оплаты труда, развертывание массового социалистического соревнования за увеличение количества и качества животноводческой продукции, изучение и распространение в республике опыта передовиков — вот основные направления усилий всех сельских комсомольских организаций.

В районах ежегодно проводятся смотры по развитию движения «Животноводство — ударный фронт молодежи». Каждый год в научно-производственном объединении «Заря» проводится республиканская школа передового опыта для руководителей, групкомсоргов и молодых специалистов. В большинстве районов созданы школы передового опыта для молодых животноводов на базе лучших комсомольско-молодежных коллективов.

В Котовском районе Молдавии райком комсомола развернул социалистическое соревнование комсомольско-молодежных коллективов и молодых тружеников на лучшую постановку производственной, общественной и воспитательной работы в 12-й пятилетке. Среди тех, кто задает тон в этом соревновании,— комсомольско-молодежный коллектив имени XIX съезда ВЛКСМ. Бригаду № 5 этого коллектива возглавляет Илья Тинку. Работают члены бригады по-ударному, ежегодно получают стабильные урожаи. Тот, кто знаком с работой виноградаря, знает, сколько

Николай Островский — один из первых комсомольцев нашей страны, коммунист Ленинского призыва, всегда был на передовой своего времени.

Жене, близкому другу, Р. П. Островской Николай Алексеевич незадолго до смерти сказал: «Вспомни, как жизнь меня била, старалась выбить из строя. А я не сдавался, упорно шел к намеченной цели. И вышел победителем. Свидетелем тому — мои книги».

Николай Островский работал до последних часов жизни. Он спешил закончить роман «Рожденные бурей». Но смерть оборвала его творчество.

Н. Островский умер 22 декабря 1936 года в 19 часов 50 минут. На этом времени остановлены часы писателя, которые хранятся в московском музее Н. Островского.

Вот уже 46 лет в Государственный музей Н. А. Островского в Москве приходят люди, чтобы поклониться памяти Николая Ост-

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

ровского, увидеть скромную квартиру из двух комнат с простой обстановкой. Особое внимание посетителей привлекает кровать, на которой прикованный болезнью Н. Островский работал над своим последним романом.

Именем Н. Островского и его литературного героя Павла Корчагина называют улицы, школы, пионерские и комсомольские организации, трудовые коллективы, самолеты, корабли, воинские части. Есть горная вершина на Памире — пик Н. Островского и остров в Антарктиде имени Николая Островского. Молодые строители БАМа предложили переименовать поселок Таксимо в город Корчагин. Самым массовым ком-

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ПРАВДА — ТОЛЬКО ШЛЯПА. Традиционный образ лихого ковбоя — сплошной миф. Его придумали и раздули писатели и киношники. Изучив подлинные документы конца прошлого века, американские историки пришли к выводу, что ковбои были бедняками, у которых никогда не находилось денег на приобретение собственных лошадей и многозарядных кольтов. Это были наемные батраки из мексиканцев, негров и мулатов.

Полученные из архивов сведения говорят о тяжелом и безрадостном труде, мизерной плате. Работа была лишь летом, зимой ковбои влачили жалкое существование. Сохранились фотографии, показывающие их в рваной одежде и без оружия. Обычные пастухи, а не герои прерий и не любители карточных игр. Не каждый из них имел сапоги.

Единственная правда в их образе — ковбойская шляпа.

ГУСИНЫЙ СВЕТОФОР. Много придумано различных методов воз-

труда надо положить, чтобы вырастить добрый урожай. Работа на виноградниках идет круглый год — надо вовремя обработать почву, провести обрезку лозы, сухую подвязку и многое другое. Виноградари выполняют эти работы со знанием дела. И вот результат: одиннадцатую пятилетку бригада выполнила за четыре года, государству было продано 4680 тонн винограда — на 680 тонн больше плана.

— Все зависит от нас,— гово-

сомольско-молодежным движением стало корчагинское. Еще при жизни писателя его именем была названа комсомольская бригада грузчиков из Сочинского краевого строительно-монтажного управления. А в годы Великой Отечественной войны на фронте работала агитмашина музея Н. А. Островского. На этой машине сотрудник музея Соколова Д. Е. продвигалась за наступающими частями Красной Армии. Она прочитала свыше 60 лекций о Н. Островском, которые прослушали 30 тысяч воинов. После лекций в музей приходили письма: «Бойцы и командиры, воодушевленные образами героев Н. Островского... выражали свое непреклонное желание с еще большим упорством и отвагой бить ненавистных оккупантов до полного их уничтожения и изгнания из пределов нашей любимой Родины».

Лекции на Белорусском фронте читала и вдова писателя Р. П. Островская. В одну из таких поездок на фронт бойцы предложили назвать танк именем Н. Островского. Командир танка Василий Коляда обратился к Р. П. Островской: «Дорогая Раиса Порфирьевна! Мы с честью пронесем это имя на броне нашего танка. Заверяем вас в этом!»

Для наших современников, молодежи 80-х годов, слово «корчагинец» близко и понятно. Корчагинцами называют лучших. Они там, где трудно, где необходимы примеры мужества и героизма.

Павел Корчагин вышел из литературных рамок и стал героем из жизни. Несколько поколений советской молодежи воспитывалось на примере невымышленного героя, которого Островский создал своей жизнью и талантом писателя. Его жизнь — яркий пример «торжества духа над предательством индивидуальной судьбы», как образно выразился известный французский писатель Ромен Роллан.

Л. КАРМАЕВА

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

действия на спешащих автомобилистов — тут и ограничительные знаки, и плакаты с призывами быть осторожнее, и радарные установки, и довольно высокие штрафы. Однако весь этот арсенал помогает далеко не всегда.

Жители Гринцига — одного из местечек близ Вены — долго размышляли, как им бороться с автотуристами, считающими, что по улицам тихого провинциального городка можно проноситься без ограничения скорости. И вот что они придумали: купили сообща несколько стад гусей и наняли пастухов. Задача этих юношей двойная — носить яркую национальную одежду, в частности, шляпу с пером, а гусей не пасти на лужайках, а непрерывно перегонять с одной стороны улицы на другую. Птицы эти неторопливы, и шоферам поневоле приходится ждать.

Результат сказался быстро — теперь многие автомобилисты стараются объезжать этот городок стороной.

рит Илья Тинку,— от нашего мастерства и старания, энергичных и сплоченных действий. Я доволен своими парнями и девчатами.

Он с уважением называет имена передовиков — это Зинаида Чубук, депутат Верховного Совета республики, Мария Таку, Валентина Орба, Евдокия Стратила, Иоанна Чубук...

О. ПУМОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

«МАГИСТРАЛИ»—40 ЛЕТ

В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», десятилетие которого мы отметили в октябре 1986 года, говорилось об усилении внимания партийных, государственных и общественных организаций к профессиональному и идейному воспитанию творческой молодежи. Следуя этому постановлению и строится деятельность клубных любительских объединений.

Этот сезон для литературного объединения «Магистраль» Центрального Дома культуры железнодорожников — юбилейный. Впервые начинающие литераторы собрались в ЦДКЖ 40 лет назад. Осенью 1954 года, в период подготовки Второго Всесоюзного съезда писателей, кружок был преобразован в литературное объединение. За минувшие годы «Магистраль» воспитала немало профессиональных литераторов. Среди них С. Куняев, Д. Терещенко, А. Юдахин, Н. Бялосинская, Е. Ерхов, Б. Окуджава. В гостях у литературного объединения были П. Антокольский, М. Луконин, С. Наровчатов, Т. Реброва. Общение с творчески богатыми людьми помогает всестороннему развитию молодых литераторов. Это не значит, что перед коллективом ставится цель воспитать профессиональных поэтов. Другое дело — способствовать развитию творческих способностей самодеятельных авторов, воспитывать в них активное отношение к жизни, помогать умело организовать свободное время для расширения познавательной деятельности.

Жизнь коллектива богата. Ежегодно магистральцы посещают село Константиново, в котором родился и провел многие годы Сергей Есенин. Кроме этого, коллектив часто бывает на литературных вечерах, проводимых в Центральном Доме литераторов, сам принимает участие в мероприятиях, проводимых Центральным Домом культуры железнодорожников.

Сегодня в «Магистраль» приходят рабочие, журналисты, врачи, художники, инженеры. Средний возраст членов коллектива — 30 лет. Это время свершений, поисков, дерзаний. Я убежден, что общение в «Магистрали» помогает рабочему С. Котову находить в окружающем мире все новые и новые грани прекрасного, журналисту А. Козину — совершенствовать стилистику родного языка, инженеру Б. Рубашкину, как и на работе, продолжать творческий поиск, но уже в иной области, в области свободного и раздольного русского слова...

Предлагаем вниманию читателей стихи молодых магистральцев.

Евг. ЮШИН,
руководитель
литературного объединения
«Магистраль»

Александр КОЗИН

НА СТЕНАХ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Прищур бойниц. Седое поле льда.
Река Великая его еще не вскрыла.
Она-то помнит: ни одна беда
Путем окольным Псков не обходила.

Но под ногой тевтонца и в мороз
Вставали льдины на дыбы щитами.
А сколько прочих ледоход унес...
Всех помнит кремль, всех стены посчитали.

И чем трудней история земли,
Тем будут ярче все ее творенья:
От гусляров, что сквозь века прошли,
До пушкинского чудного мгновенья.

Анна РЕЗНИЧЕНКО

АВГУСТ

Будет помнить тропинка лесная,
Что ведет к поседевшим стогам,
Как садилась пчела золотая
На оббитый по краю стакан.
Чисто все. Тонко пахнет рябиной
И брусникой настой на меду,
И, как горе, горят георгины
Во моем пожелтелом саду.
Осень, осень! Звезда листопада
Уж восходит над ближним бугром,
Освещая бредущее стадо,
И вечернюю грусть палисада,
И наш дом с приоткрытым окном.

Борис РУБАШКИН

АПРЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Терпкий воздух, черный воздух
Красноватый в вышине,
Где таинственные звезды,
Словно звери в западне.
Тополя, что сабли в ножнах.
Тени вязнут на кустах.
Отчего я, полуночник,

Не испытываю страх?
Оттого, что здесь родные,
Задаренные места,
И лежит моя Россия
Златокудра и чиста.
А в кровати сын и дочка
Улыбаются во сне,
И пришли четыре строчки
Неожиданно ко мне.

Елена КИСТОЧКИНА

* * *

Летела над городом птица...
Рассыпала белые перья...
И стал этот город похожим
на облако...
На облако прыгали дети,
обсыпаны пухом и светом,
барахтались в искрах и звездах
со смехом...
Со смехом махали руками,
взбивая прозрачную пену,
и звонко ныряли в пространство,
не глядя...
Не глядя на них, проплывала
большая и белая птица...
Крыло оставляла и дальше
летела...

Эдуард ДРАГУНОВ

ЖУРАВЛЬ

Смотря на мир как человек,
Не осознаешь сразу,
Что так за весь свой птичий век
Он и не лег ни разу!
Сон надо всем имеет власть,
Но чувство есть шестое,
Которое не даст упасть,
Покамест дремлешь стоя.
Он спал на худеньких ногах
И в бытность журавленком,
Как я в ночных очередях
За «пайкой» — пацаненком...

Елена ШЕРСТОБИТОВА

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Дождь не кончался... не кончался...
Казалась бесконечной ночь,
И словно дом в слезах качался,
И что-то уходило прочь.
И словно прошлое пустело
В такой ритмической тиши,
И было холодно для тела
И отрешенно для души.
А дождь все лился... дождь все лился...
Сливались струи в унисон.
О, как он вдумчиво трудился,
Все обратить стараясь в сон.
В окно вползала осторожно
Ночь непроглядно влажной тьмой.
Помочь мне было невозможно,
Ведь я не знала — что со мной.
А дождь все лился... не кончался...
И даль была мне не видна.
И молча дом в слезах качался,
А в доме я была одна.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

УТРО

В проем стены, давя стекло,
Ввалилось небо
Бездонно-синее.
И потекло, и потекло...
По всей России.
Со звоном об пол —
В потолок
Ударил солнца спелый ток.
Вставайте, люди! На дела
Зовет нас
золотой гудок.

Первая страница обложки «Товарища»: Бригадир комсомольско-молодежного коллектива колхоза имени XIX съезда ВЛКСМ Илья Тинку (репортаж «Все зависит от нас» читайте на стр. 152). Фото А. ГЕОРГИЕВА

Четвертая страница обложки «Товарища»: Приятная ткань для летнего платья!.. Работницы «Кренгольмской мануфактуры» Елена Тимофеева (справа) и Елена Барановская (статью «Ритм новой жизни» читайте на стр. 144). Фото А. ЕГОРОВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ КРИК

Роман

Окончание. Начало на стр. 51

Когда он пошел в школу, она все же решилась сказать, что его отец погиб на войне. Он молча выслушал ее, нахмурился, засопел. Потом она обнаружила, что его нет дома, и вышла на улицу. Ей пора было идти на дежурство, а он все не возвращался. Перепуганная, она бегала по улицам, искала его, но никто не знал, где он, даже соседские мальчишки, его друзья.

Когда она в сумерках вернулась домой, то сразу же наткнулась на Кобыланды, который сидел посреди двора, обняв коленки, и в этой позе был похож скорее на старца, прожившего трудную жизнь и вынесшего на себе все ее тяготы, чем на семилетнего мальчика. Оксана Дмитриевна, помедлив, бросилась к сыну, обняла его и заплакала.

«Радость моя! Единственный мой!» — причитала она, но он не шелохнулся, не поменял позу даже тогда, когда мать, выпустив его из объятий, стала утирать слезы уголком платка. Так и сидел, упершись в колени подбородком, уставившись в темный угол за сараями, маленький, неподвижный, как пенек на лесной поляне.

«Идем домой, я накормлю тебя. Я сегодня уже не пойду на работу, я договорилась, меня подменят...»

«Я не верю. Он жив. Как он мог умереть, не увидев меня?» — сказал Кобыланды.

«Конечно, сынок, конечно! Папа жив, он вернется...» — заторопилась Оксана Дмитриевна, избегая смотреть сыну в глаза и боясь даже голосом выдать свое отчаяние.

Позже, накормив сына и уложив его в постель, она присела к нему и погладила по голове.

«Сынок, ты уже взрослый мальчик, и я хочу тебе сказать, что следующим летом мы уезжаем из Свердловска, уезжаем в наш родной город Харьков».

«А разве не здесь наша родина?» — спросил он.

«Нет. Наша родина — Украина. В Свердловск мы попали в эвакуацию».

«А как же могила нашей бабушки? Разве можно оставить ее одну лежать здесь, если это не наша родина?» — в упор глядя на нее, спросил Кобыланды, и Оксана Дмитриевна замешкалась, не зная, как ответить на этот наивный и беспощадный детский вопрос.

«Война кончилась... Жизнь налаживается. Бабушку мы не забудем, станем приезжать к ней. Может, и отец к тому времени вернется», — пробормотала она.

Слова ли ее убедили мальчика или голос, но он больше не беспокоил ее «трудными» вопросами. Перед отъездом из Свердловска они еще раз навестили бабушкину могилу, но мальчик не проявил особой грусти или беспокойства. Правда, уходя с кладбища, он несколько раз оборачивался, но с бабушкой прощался легко, ибо был уверен, что еще не раз придет сюда. Положили на могилу цветы, и лишь Оксана Дмитриевна понимала, как нескоро они с сыном здесь окажутся. А малыш Кобыланды был беззаботен. Знал бы он, что пройдет много лет и в одном из промежутков его беспутной жизни между тюрьмой и свободой, после пьяной ночевки на свердловском железнодорожном вокзале, он отправится на кладбище и будет долго ходить между оградок, читая надписи и тщетно разыскивая эту дорогую могилу, которую он смутно помнил еще ребенком!..

И вот теперь перед ней сидит здоровенный парень, которому не сегодня завтра идти в армию, и это означало, что пришло время отвечать на все те вопросы, которые он не задавал в течение многих лет, то ли постепенно взрослея и начиная о чем-то догадываться, то ли просто жалея мать.

От затяжного молчания им обоим стало неловко, и Кобыланды, робко посмотрев на мать, начал:

«Мама, почему ты назвала меня таким странным именем? Ведь ты же сама говорила, что наша родина — Украина».

«Ты стал взрослым, и я давно хотела поговорить с то-

бой, но все как-то не получалось. Даже сегодня утром я решила рассказать тебе всю правду о твоем отце, а к вечеру у меня уже не было этой уверенности. Тем более когда я увидела тебя вместе с Леной... — мать замялась и покраснела. — Когда я вас увидела, то снова решила отложить этот разговор...»

Кобыланды сжался, боясь услышать плохое об отце, глаза у него забегали и он низко опустил голову, задвигав скулами.

«Да кто же он, скажи?..» — в голосе Кобыланды слышались отчаяние и нетерпение, уголки его губ дрожали.

«Ты плохо думаешь обо мне? Или о нем?» — спросила Оксана Дмитриевна, догадавшись, чем так обеспокоен ее сын и отчего он столь нетерпелив.

«Нет, мама, нет...» — Он испуганно посмотрел на нее и снова отвел взгляд.

«Так слушай. В то лето, когда началась война, твой отец сдавал выпускные экзамены в артиллерийском училище...»

«А ты?»

«Я с отличием закончила курсы медсестер и была направлена на работу в областную больницу. Но работать мне там не пришлось, фашисты уже подступали к нашему городу. Накануне того дня, когда твой отец должен был отправиться на фронт, он впервые пришел к нам... Впервые, потому что твоя бабушка не любила его. Властная и упрямая, она все решила за меня, и я, зная ее характер, не возражала ей, но и у меня была своя жизнь, своя тайна... Мать, конечно же, о многом догадывалась, требовала, чтобы я больше не встречалась с твоим отцом. Но в тот вечер она смягчилась и сама ввела Сырыма, так звали твоего отца, в наш дом. Добавила, правда, — там, говорит, люди воюют, а этот околачивается около нашей двери, и пошла в другую комнату переодеться. Она сразу же поняла, что Сырым пришел сватать меня, но ничего не ответила, когда он сказал ей об этом. Сырым тогда взорвался, и до сих пор помню его слова: «Матушка, времени мало, просьба моя не простая, я все понимаю, но хотя бы выслушайте меня». И потянулся ко мне. Черноусый, с острым орлиным взглядом, он вдруг покраснел как школьник, хотя в движениях его чувствовалась сила и уверенность в собственной правоте. «Оксана, убери руку!» — резко сказала мать, и Сырым продолжал: «Матушка, я понимаю, почему

вы ревнуете свою дочь ко мне. Я для вас малознакомый человек, но чего вы добьетесь тем, что откажете мне...»

«Ты когда едешь?» — спросила его мама вместо ответа. «Завтра утром», — сказал Сырым. «Тогда, дай бог тебе счастливого пути, а об остальном поговорим после войны...» И на этом она закончила разговор, собрав Сырыму на дорогу сумку с провизией и разрешив мне проводить его. На пороге она вдруг задержалась и торопливо перекрестила его со словами: «Возвращайся живым», — после чего скрылась за дверью.

А мы с ним шли вдвоем по нашему тракторному поселку. Все говорили о предстоящей эвакуации, на улицах было полным-полно народу, плакали дети, шумели взрослые... Мы шли и молчали. И ты должен понять, почему он пришел в этот свой последний день.. час... Твой отец был честным человеком. Он знал, что я жду ребенка. А жениться без разрешения и благословения моей матери он не мог.

«Разобьем врага, и я вернусь», — уверенно сказал он, потому что все мы тогда думали, что война вот-вот кончится, никто и не догадывался, что она растянется на четыре чудовищных года. Я все помню, как будто это происходило вчера. Когда мы прошли мимо высотного здания Госпрома и зашли в парк Шевченко, он крепко обнял меня и сказал: «Если родится сын, назови его Кобыланды, это имя нашего славного батыра и пусть он с честью носит его, а если девочка — дай ей то имя, которое тебе понравится... Согласна ли ты?» — «Согласна...» — прошептала я, опустив голову. «И еще прошу тебя, если я вдруг погибну, не выходи замуж, пока сын или дочка не закончат школу... — Сказав это, он осекся, заглянул мне в глаза и добавил: — Прости, прости меня за жестокость. Но у нас так мало времени, и я все оставляю на суд твоей совести и ума...»

И я, сын, выполнила все желания твоего отца. И только в одном я могу себя упрекнуть, что раньше не рассказала тебе об этом. Но ты был ребенком, и я не знала, поймешь ли ты меня. А теперь — мне нечего от тебя больше скрывать...»

И Оксана Дмитриевна облегченно вздохнула, как будто освободилась наконец от тяжкого бремени неясной вины, мучившей ее в течение многих лет.

Кобыланды с горящими глазами, стараясь не упустить ни слова, слушал ее рассказ, и когда она так внезапно

его оборвала, еще долго сидел задумавшись. Но потом, как бы спохватившись, быстро сказал: «Спасибо, мама! Спасибо за все!»

«Прости меня», — повторила она сквозь слезы.

«Ты ни перед кем не виновата. Мы вместе, и не надо ничего больше бояться. Теперь ты и замуж можешь выйти, мама...»

Оксана Дмитриевна улыбнулась сыну, но грусть, притаившаяся за длинными ресницами в темных зрачках глаз, выдавала ее состояние.

«О смерти твоего отца я узнала от его друга и однополчанина. Фамилия у него была Николаев... Лев Николаев... Он разыскал меня сразу же после войны и рассказал, что Сырым погиб смертью храбрых в марте сорок второго года, ровно через месяц после твоего рождения».

«Значит, он все-таки знал обо мне?»

«Да, Лев сказал, что он погиб, вскоре после того, как получил мое письмо. Мы дружили с Николаевым. Он несколько раз приезжал к нам из Киева, чтобы просить меня выйти за него замуж...»

«А где он сейчас?»

«Не знаю. В пятидесятом я его видела последний раз, и он сказал, что его переводят служить на Дальний Восток. В то время он уже был подполковником...»

«А сейчас, наверное, и до генерала дослужился?..»

«Не знаю, все возможно... Не знаю. Мне нужно было только одно — сдержать слово, данное Сырыму, вырастить тебя, поставить тебя на ноги...»

«Вот я и вырос. Значит, ты и генеральшей не захотела стать, мам?.. — Кобыланды почувствовал, что надо разрядить обстановку, и неуклюже пошутил: — Приказываю тебе выйти замуж, пока я буду в армии...»

«Да кому я нужна теперь, такая старуха?..» — отмахнулась мать.

«Ты красивая, мама. Ты самая красивая мама на свете...» — обнял ее Кобыланды.

Однако утром он попросил, чтобы она не приходила на сборный пункт.

«Почему?» — удивилась мать.

«Меня Лена будет провожать», — сказал он, смущаясь.

«Дай мне хоть издали на тебя посмотреть», — настаивала она.

«Нет, неудобно. Мне перед Леной будет неудобно», — сказал он.

И у нее защемило сердце.

...А до рассвета все еще было далеко. Кобыланды снова посмотрел на разметавшегося во сне Абылая, и подумал, что и его спокойствие обманчиво, и его что-то гнетет, мучает, недаром он так изменился после того, как возвратился из больницы. После приезда Тектыбая Абызулы Юрченко вдруг снова потянулся к Абылаю, не сознавая еще до конца причин вновь возникающей между ними близости, хотя ему всегда нравился прямой и честный характер Ескендирова. Он вдруг подумал, что, может быть, и сам за это время стал другим? Как-то он получил письмо от Оглобли и дал прочитать его Абылаю. Игорь сообщал, что живется ему на новом месте совсем не весело, и осторожно намекал, что ждет лишь удобного момента... Абылай сказал тогда:

«Гиблое дело, когда такая дикая энергия не в ладах с разумом».

«Какая у него энергия? — возразил Кобыланды. — Нет в нем ничего, кроме лисьей хитрости и волчьей хватки...»

«Вот эта самая хитрость его и доконает. Чего ты хочешь от человека, у которого нет основы, стержня. Как был подонком, так подонком и останется», — рассердился Абылай.

Кобыланды тоже рассердился.

«Если ты знал, что он подонок, почему тогда бежал вместе с нами? Может, и я в твоих глазах подонок?» — хотел спросить он, но Абылай быстро вернул ему письмо, и на этом разговор прервался, после чего и наступило охлаждение в их отношениях.

Оглобля... Слон... Кобра... Прошло десять лет со времени их знакомства. Оглобля уговаривал его тоже «дернуть» из колонии, чтобы шикарно отметить этот юбилей на берегу Черного моря, где, по его выражению, они «так красиво гуляли» еще в те времена, когда Кобыланды Юрченко делал свои первые шаги на том пути, в конце которого он стал знаменитым Коброй.

...Придя из армии, Кобыланды вернулся на прежнюю работу и возобновил свои тренировки в автоклубе. Все было хорошо. Лена дождалась его, уже поговаривали о

свадьбе, но тут случилось нечто такое, что опрокинуло всю его дальнейшую жизнь.

Дело в том, что Оксана Дмитриевна за это время вышла замуж и даже родила в сорок с лишним лет сына, которого назвали Михасем. Кобыланды и сам перед армией уговаривал ее найти себе спутника жизни, но как только встретился с ее избранником, тут же почувствовал острую неприязнь к нему, и это не укрылось от мужа Оксаны Дмитриевны.

Была во всем облике отчима холодная готовность к немедленному отпору, войне против кого бы то ни было. Встреча произошла в харьковской квартире Оксаны Дмитриевны, и она вся исхлопоталась, выставив на стол все «самое вкусненькое» и тщетно пытаясь втянуть набычившихся мужчин в общий разговор, который так и не пошел далее нескольких холодных равнодушных фраз. Кобыланды не стал расспрашивать мать, как она познакомилась с новым мужем и почему выбрала именно его, сочтя такие вопросы неуместными, тем более что вечером между ними произошел первый инцидент. Отчим повез их в свой дом на окраине города и, сияя от гордости, показывал Кобыланды хозяйство: двухэтажный особняк с гаражом, громадный ухоженный сад со множеством фруктовых деревьев, баню, парники, подчеркивая при этом, что он сам всю жизнь кормит себя и всю жизнь работает на земле, являясь человеком надежным, крепким, честным. «Хозяином, так сказать», — говорил он, поглядывая на Кобыланды и недоумевая от того, что не видит на его лице восторга от приобретения такого «роскошного» отчима.

«Ты вот что, за проволоку руками не берись, она под напряжением. Я электричество вокруг забора провел», — хриплым прокуренным голосом похвастался он.

«Электричество? Зачем?» — ужаснулся Кобыланды.

«Чтоб всякая шпана в сад не лезла. Хватает еще любителей чужого добра!» — зло усмехнулся отчим.

«Скажите, а где вы сами работаете?» — вдруг спросил Кобыланды.

«Я — заместитель директора по хозяйственной части».

«Понятно», — сказал Кобыланды.

«А что это тебе вдруг стало понятно? Ты что, считаешь, будто я это не на свои кровные построил?»

«Не знаю... — Кобыланды в этот раз не сумел сдержаться. — Не знаю, я в ОБХСС не работаю...»

«Ты посмотри, что он говорит! Голодранец, молоко на губах не обсохло, а туда же!» — раскричался отчим, и если в тот вечер Оксана Дмитриевна все же сумела помирить их, отношения между ними были безнадежно испорчены.

А вскоре она окончательно перебралась в дом мужа, оставив квартиру сыну, ибо видела, что добром между ними дело не кончится.

И как в воду глядела. Она многое скрывала от сына, но однажды, в присутствии Кобыланды, отчим поднял на нее руку, и Кобыланды крепко вздул его, за что и получил первый свой срок — полтора года. Именно тогда и начались его мытарства, конца которым он не видел даже теперь, когда ему уже исполнилось тридцать один год и десять лет были безнадежно вычеркнуты из жизни.

Выйдя в первый раз из тюрьмы, Кобыланды снова возвратился домой. У него не было зла ни на отчима, ни на мать, которая не смогла защитить его во время следствия, в его душе появился какой-то холодок, и ему стало казаться, что лишь Лена, единственный теперь дорогой, родной и любимый человек, способна растопить эту его ледяную отчужденность. Он пока еще верил, что беда, которая стряслась с ним, останется случайным эпизодом его жизни, они поженятся, он заочно поступит в институт, будет работать, жить, как все люди. Но тут опять вмешался отчим. Он каким-то образом сумел узнать о Лене и, как только Кобыланды вышел на свободу, наговорил на него отцу Лены, профессору археологии.

Кобыланды навсегда запомнил, как холодно встретил его профессор в синем полумраке своего кабинета и, молча отвернувшись, не ответив на приветствие, погрузился в глубокое кожаное кресло. Кобыланды стоял в растерянности, не зная, как ему поступить, оставаться ли в дверях или все же пройти в кабинет, где профессор, по словам Лениной матери, хотел с ним поговорить. Только теперь он вдруг начал понимать, почему мать Лены, обычно такая ласковая и приветливая, в этот раз на его вопрос: «Дома ли Лена?» — отрицательно покачала головой и еле слышно буркнула: «На практику уехала с курсом, — после чего, надменно выпрямившись, холодно сказала: — Илларион Кузьмич вас ждет».

Профессор снял очки, не спеша протер их мягкой фланелевой тряпочкой, снова водрузил их на нос, посмотрел на Кобыланды, застывшего на пороге, и лишь тогда указал ему на стул с высокой плетеной спинкой. Бесшумно открылась дверь, и в кабинете появилась мать Лены, Софья Владимировна. Она накрыла журнальный столик кружевной скатеркой, поставила два стакана с чаем и вазочку с печеньем, после чего так же бесшумно удалилась.

«Пожалуйста, чаю», — наконец-то сказал профессор, но сам не взял в руки стакан, и Кобыланды, потянувшийся было к журнальному столику, отдернул руку. За все время разговора никто из них не отпил ни глотка.

«Дорогой мой, у меня недавно был твой отец», — сказал Илларион Кузьмич, пристально и даже с каким-то любопытством глядя на Кобыланды.

«Простите, но мой отец погиб на фронте», — быстро ответил Юрченко, и лицо его покраснело, напряглось, потому что он наконец понял, откуда подул этот холодный ветер и что послужило непосредственной причиной того, что за время его отсутствия отношение обитателей этого дома к нему резко переменилось.

Но профессор продолжал, как бы не придавая особого значения резким словам парня:

«Он, оказывается, не только со мной, но и с Леной встречался и даже с Софьей Владимировной. Домашние не хотели меня расстраивать, я узнал об этом, когда он пришел сегодня ко мне в университет, чтобы поговорить о тебе...»

«И вы сразу же поверили словам этой скотины!» — не выдержал Юрченко.

Профессор строго посмотрел на него.

«В любом случае нехорошо говорить так о человеке, который старше вас по крайней мере вдвое. Но суть не в том... — Он помолчал, прокашлялся и продолжал: — Суть не в том. Возможно, что он... э-э-э... даже, скажем так, несколько преувеличивает, характеризуя тебя, но согласись, что мы с тобой мужчины, а значит, и говорить будем прямо, открыто, по-мужски. Ты согласен со мной?»

«Согласен».

«Не слишком ли ты быстро согласился, дорогой... — недовольно сказал профессор. — А ведь за свои слова и поступки надо отвечать. Запомни это!»

Кобыланды вдруг понял, что профессор тоже сильно волнуется, хотя и пытается скрыть это.

«И если мы — мужчины, то попытайся сам войти в мое положение. Ведь я отец, и Лена наша единственная дочь... — Он замолчал, подыскивая нужные слова и стараясь не задеть самолюбие своего собеседника. — Я отец, глава семейства, а у Софьи Владимировны, между прочим, больное сердце. Она мать, и я сам удивляюсь, как она еще жива осталась после всей этой истории...»

И Кобыланды вдруг перебил его, потому что понял — он сам и есть «вся эта история»:

«Профессор, мы же договорились, так давайте говорить по существу. Я хочу, чтобы Лена вышла за меня замуж. Что вы скажете на это?»

«Хорошо, я отвечу по существу, — сказал Илларион Кузьмич, не обращая внимания на то, что Кобыланды назвал его не по имени-отчеству, а вполне официально. — Я не могу отдать свою дочь за тебя, и ты должен меня понять. Я не знаю, правду ли говорит твой отчим, который называет тебя «пропащим вором и кровопийцей», но, по совести сказать, и знать этого не желаю. Я хочу, чтобы наша семья осталась в стороне от всей этой истории. Хочешь обижайся, хочешь нет, но другого ответа ты не получишь, дорогой...»

Слова профессора, его уверенный, безапелляционный тон молнией пронзили сердце Кобыланды, и он внутренне сжался, ибо, несмотря на плохие предчувствия, все же не ожидал такого решительного отказа. Некоторое время он сидел как оглушенный, но потом все же спросил:

«Мы ведь беседуем откровенно? Тогда скажите, Лена не на практике?»

«Нет», — помедлив, ответил профессор.

«Вы просто не хотите, чтобы она встретилась со мной?»

«Да, вы правильно поняли нас, дорогой».

«Прекратите меня нак называть, — не выдержал Кобыланды. — Скажите лучше, где сейчас Лена?»

Илларион Кузьмич молчал.

«Где она? Я прошу вас. Она здесь, в городе?»

«Нет, — решился наконец профессор. — Она уехала в Ленинград к сестре Софьи Владимировны».

«Надолго?»

«Это неважно».

«Вы дадите мне ее ленинградский адрес?»

«Нет».

«Но я должен с ней увидеться, я должен все, что вы сказали, услышать от нее».

«Нет, вы ее не увидите. Вы ведь желаете ей счастья?»

«Конечно».

«Тогда не ищите с ней встреч, оставьте ее в покое. И она будет счастлива, уверяю вас».

«Поймите, я должен увидеть ее хотя бы для того, чтобы пожелать ей счастья».

«Ваши пожелания передадим ей мы с Софьей Владимировной».

«Хорошо, я задам вам последний вопрос... — Кобыланды напряженно следил за каждым жестом профессора. — Скажите, Лена думает так же, как и вы с Софьей Владимировной?.. Но только умоляю вас, прежде чем ответить, обдумайте хорошенько свои слова. Не надо мне лгать, прошу вас...»

«Пусть будет по-вашему, я не стану лгать, но я не стану отвечать на этот вопрос. То, о чем вы спрашиваете, не имеет никакого значения. Лена поступит так, как мы ей скажем. И если ей придется выбирать, она выберет нас. Извините, но она так воспитана, дорогой», — мягким, но уверенным тоном ответил профессор, чувствуя такое облегчение, будто с него сняли неимоверно тяжелый груз, ибо по лицу Кобыланды он видел, что достиг своей цели полностью.

Они разошлись, холодно кивнув друг другу на прощанье. Говорят, когда профессор умирал, он спросил Софью Владимировну, сидевшую у его изголовья: «Дорогая, как ты думаешь, простит ли меня Лена? Ведь я никому в жизни не сделал ничего худого. Объясни, объясни ей, что мы не о себе думали, а лишь о том, чтобы ей было хорошо...»

Об этом разговоре осужденный Кобыланды Юрченко, конечно же, никогда не слышал и не мог знать.

И еще об одном он никогда не узнал. Что именно в тот самый день, когда он беседовал с профессором, Лена, заняв на дорогу денег у подружки, ехала из Ленинграда на Урал, в тот маленький город, где он отбывал свой первый срок. Она была как помешанная и лишь твердила под стук вагонных колес его имя.

За два дня дороги она и крошки в рот не взяла. Все сидела да смотрела, уставившись в одну точку, так что ее соседка по купе, простая деревенская старушка с двумя внуками, стала явно побаиваться ее и приискивать себе другое место в вагоне. Когда Лена поняла это, она вцепилась ей в руку: «Простите, бабушка, не бойтесь меня, я не больная, я просто... просто несчастье у меня...» После чего Лена забралась на верхнюю полку и пролежала там до самого конца пути, отказываясь от чая и еды, которые предлагала ей старушка.

Она бы ни за что, пожалуй, не пустилась в столь далекое путешествие, если бы обстоятельства не принудили ее к этому. Дело в том, что она не знала точно, когда Кобыланды должен выйти на свободу, и, когда родители послали ее к тетке в Ленинград, чтобы, по их словам, «отдохнуть и развеяться», первые дни с удовольствием гуляла по всем его памятным местам, но внезапно заскучала и однажды вечером сообщила Александре Владимировне, сестре матери, что собирается возвращаться домой. Александра Владимировна, коренная ленинградка, воспитанная в интеллигентной семье, была взволнованна и даже растерянна. Она ходила по комнате, нервно крутя в тонких пальцах бахрому старинного кружевного платка, накинутого на ее все еще прямые плечи, и молчала.

«Лена, — вдруг сказала она. — Леночка, ведь ты уже взрослая. Неужели ты не понимаешь, что мы никогда не отдадим тебя такому человеку?»

«Какому «такому»? — прошептала Лена, до которой вдруг стал доходить страшный смысл сказанного. — Кто это «такой человек»?»

«Ты знаешь, кого я имею в виду, — сказала Александра Владимировна. — Ты одна у родителей, они в тебе души не чают и хотят, чтобы спутником твоим был какой-нибудь другой, более умный, более достойный человек...»

И только теперь Лене стало окончательно понятно, почему столь поспешно родители отправили ее в Ленинград и оттягивают ее возвращение. Она не заплакала, не закричала, она сидела, сжавшись в комочек, скованная, разом прозревшая и вдруг сказала жутким прерывистым шепотом:

«Самый дорогой, любимый мой человек стал для вас чужим лишь потому, что с ним случилось несчастье?»

Напуганная Александра Владимировна побежала на кухню, принесла стакан воды и лишь приговаривала:

«Успокойся, успокойся, я ведь не знала, что это у вас так серьезно».

Но Лена сидела, обхватив голову руками, и, казалось, не замечала ее присутствия.

Рано утром она встала и, бесшумно прикрыв дверь, отправилась на переговорный пункт. Трубку снял отец.

«Здравствуй, папа. От Кобыланды ничего не было?» — спокойно спросила она.

«Нет», — помедлив, ответил он, и она, за много лет хорошо научившаяся разбираться в интонациях его голоса, сразу же поняла — он чего-то недоговаривает.

«Значит, он все еще там?»

«По-видимому, — сухо ответил отец. — А как ты?»

«Я? У меня все хорошо, — так же спокойно сказала она. — Да, отдыхаю. Не беспокойся...»

Выйдя из переговорного пункта, она поехала на вокзал.

А Кобыланды, после своего решающего разговора с Илларионом Кузьмичом, отправился в тот загородный поселок, где нынче жила Оксана Дмитриевна. Во всех своих несчастьях он винил лишь одного человека, отчима. Это он сделал несчастной мать, запрятал в тюрьму его, разлучил с Леной. «Он! Он! Он!» — Кобыланды яростно постучал тяжелым кулаком по спинке автобусного сиденья.

«Сейчас или пальцы поломаете, или спинку, — усмехнулась молодая женщина, сидевшая поодаль от него в пустом автобусе. — Или такие лапищи, наверное, ничего не чувствуют», — игриво добавила она, и, хотя Кобыланды ничего не ответил, ему стало неловко.

К тому же, в пути выяснилось, что этот автобус не заходит в поселок, объезжая его по окружному шоссе. Кобыланды вышел из автобуса и зашагал по дороге, неустанно повторяя: «Он, все он! Он, он, он!» Ведь если Лена получила его письмо, получила телеграмму о его освобождении, то почему она не дождалась его и уехала в Ленинград? Может, она разлюбила его и у нее есть другой человек? А может, и она считает его пропащим, как это кажется всей ее семье? Неужели и его любовь лопнула и разбилась как стеклянный шар, и он теперь остался совсем один в этом мире?..

Вечер опускался на землю, и ворота дома отчима были крепко-накрепко заперты. Через высокий забор было

невозможно разглядеть, есть ли кто внутри. Две овчарки залились злобным лаем, а вскоре послышались шаги. Оксана Дмитриевна, открывая калитку, оцепенела, увидев сына. Она и верила и не верила своим глазам.

«Кто там еще? Кого черт принес?» — раздался из глубины двора голос отчима, и только тогда мать опомнилась. «Сыночек! Ненаглядный мой!» — вскрикнула она, упав к нему в объятия, ухватившись за лацканы его старенького пиджака, пригнув его к себе, беспорядочно целуя в щеки, глаза, губы. И сын, забыв о своей обиде на мать, обнимал ее, приговаривая: «Мама, милая...» Горечь ли одиночества, тоска ли иль голос крови были тому виной, но какая-то неведомая сила потянула сына к матери, и не было в ту короткую минуту на земле людей счастливее их.

Однако со двора уже шел быстрыми шагами отчим. Увидев Кобыланды, он остановился как вкопанный, попятился и вдруг завопил что было сил:

«Убери своего ублюдка! Чтоб этот блатняк не смел больше здесь шнырять!»

С этими словами он побежал в дом и появился на крыльце с двустволкой.

Михась, сидевший в коляске посреди двора, заплакал, напуганный громкими голосами. Оксана Дмитриевна металась между двумя сыновьями, не зная, кто из них в настоящий момент больше нуждается в защите. И Кобыланды твердым голосом сказал отчиму:

«Эй, лучше спрячь ружье, а то худо будет! Я не руки об тебя пришел марать, а повидаться с матерью! Так что не дрожи и не клацай зубами, я тебя не трону».

Отчим чуть-чуть успокоился, и Оксана Дмитриевна, быстро толкая коляску, вышла к сыну за ворота.

«Еще раз предупреждаю: чтоб я его здесь больше никогда не видел!» — крикнул отчим.

На автобусной остановке было пусто, и они уселись на лавочку. Михась, как будто чувствуя, что дальше им некуда идти, попросился к матери на руки, и она, прижав его к груди, погладила руку старшего сына. «Ты-то как? — разволновалась она. — Когда вернулся? Дома был? Я ключи оставила Михеевне, просила ее, чтоб присматривала за квартирой. Я в воскресенье приеду».

«Все хорошо, все в порядке, мама! Вот только тебя рядом нет, тяжело мне...»

Этот разговор с матерью на лавочке близ автобусной

остановки он запомнил на всю жизнь: каждое его слово запомнил, любой малейший жест, свой и материнский.

«С Леной встретился?» — спросила Оксана Дмитриевна.

«Нет. Она, оказывается, уехала в Ленинград», — сказал Кобыланды, решив не посвящать мать в подробности своего разговора с Илларионом Кузьмичом.

«Жалко», — вздохнула Оксана Дмитриевна.

Михась, задремав, прижался к ее груди. Кобыланды снял пиджак и накрыл им брата.

Беседа не клеилась, и, когда из-за угла появился автобус, они сидели молча, поглядывая на синее небо. Взволнованные встречей, они так и не смогли начать обстоятельный разговор и спотыкались на каждом слове. Маялась мать, считавшая себя виноватой перед сыном, а Кобыланды все еще находился под впечатлением встречи с профессором и с двустволкой отчима.

Вот почему при виде автобуса Кобыланды вдруг вскочил, схватил коляску Михася и крикнул матери:

«Мама, быстро. Поехали, мама!»

«Куда?» — испугалась Оксана Дмитриевна, устремившись вслед за ним с Михасем в руках.

«В город! Домой! У нас есть свой дом!»

Колени у Оксаны Дмитриевны задрожали, она опустилась на скамейку и вдруг, не выдержав, разрыдалась горькими бессильными слезами, ибо понимала, что теперь ей вовек не выпутаться из этой липкой паутины, которая первоначально казалась ей щедрым даром судьбы.

«Езжай. Не задерживайся», — лишь сказала она.

Больше пассажиров на остановке не было, и автобус, постояв секунду с открытыми дверцами, уехал.

«Ну почему, почему ты так, мама?» — в отчаянии спросил Кобыланды.

«А его я куда дену?» — Мать указала на спящего Михася.

«Будем жить все вместе, снова будем вместе...»

«Ты хочешь, чтобы у него тоже не было отца?»

«Помнишь, когда я уходил в армию, то обещал, что никогда не оставлю тебя, мама? Помнишь?» — Кобыланды глядел ей прямо в глаза.

«Помню, сынок, я все помню», — вздохнула она.

И, усадив сына рядом на скамейке, обняла его, взъерошила волосы, прижала к груди. Кобыланды закрыл глаза, голова закружилась от нахлынувших воспоминаний

детства... и тут же резко отвернулся: все это тепло, исходящее от матери, не принадлежало ему, все это было теперь ЧУЖОЕ. В тусклом свете уличного фонаря он увидел, что волосы у Михася рыжие, такие же, как у его отца.

«Сынок, если бы ты тогда сдержался, авось все и обернулось бы по-другому», — вздохнула она.

«Неужели я должен был спокойно смотреть, как он рукоприкладствует?»

«Ах, я не знаю... Не все так просто в этой жизни. Ты видишь лишь одну ее сторону. А он по-своему неплохой человек. Михася любит. Но вот он — такой, понимаешь? Я уже привыкла к нему».

«Пусть радуется, что я в тот раз не убил его на месте», — угрюмо отозвался Кобыланды.

«Но он ведь тоже воевал. У него есть ордена», — возразила мать.

Кобыланды понял, что она имеет в виду, и все в нем вскипело.

«Герои в земле лежат, как мой отец! Ты говоришь, что он нервный и сердце у него больное, а я скажу тебе, что у таких, как он, вовсе нет сердца. Ком земли у него вместо сердца...» — Он вскочил, уже совершенно не владея собой.

Мать молчала. Из-за угла снова показался автобус.

«Это последний, — сказала Оксана Дмитриевна. — После девяти автобусы в город не ходят. Ступай и в воскресенье будь дома, я к тебе приеду...»

«Прости, мама», — прошептал Кобыланды и, наклонившись, поцеловал мать. Усадив Михася в коляску, поцеловал и его. «Ведь он — ребенок. И он — мой брат. И разве он в чем-нибудь виноват? Лишь бы рос похожим на маму», — подумал Кобыланды.

Надел пиджак, сунул руку во внутренний карман и достал несколько скомканных десяток.

«Купи что-нибудь Михасю...»

«У него есть все, что нужно», — сказала Оксана Дмитриевна.

«Мама, не думай обо мне плохо. Это честные деньги. Моими руками, моим потом заработанные...»

«Хорошо, я возьму. До свидания, сынок...»

Уже стоя одной ногой на ступеньке автобуса, он вдруг обернулся и спросил:

«Мама, а сколько дней осталось до воскресенья?..»

«Не помню», — вдруг тоже растерялась Оксана Дмитриевна.

«Поднимайся, двери закрываю. До воскресенья осталось два дня. Ты, наверное, в школе двоечником был, если не знаешь, что сегодня четверг», — разворчался пожилой водитель автобуса.

Автобус тронулся. Кобыланды глядел в заднее окошко. И увидел, что мать, вместо того, чтобы идти домой, снова села на ту лавочку, где они только что беседовали...

...Оксана Дмитриевна и потом, много лет спустя, не помнила, не знала, сколько времени просидела она там под тусклым уличным фонарем. Из забытья ее вывел хриплый рассерженный голос мужа:

«Ты что, так и будешь здесь торчать? Домой больше не собираешься? О ребенке бы думала, а не об этом паршивце».

Она инстинктивно вздрогнула и стянула рукой тесный ворот платья. Лопнула нитка, и оторвавшаяся пуговица покатилась по земле. Как в полусне, она наклонилась и стала шарить в пыли, разыскивая пуговицу. «Я его больше не увижу, я его теперь долго не увижу. Мы расстались, расстались...» — стучало у нее в висках.

Измученный Кобыланды заснул лишь под утро, но вскоре был разбужен ежедневной «молитвой» Пантеры.

— Граждане воры, убийцы, разбойники, жулики и хулиганы, вставайте! Честный труд на благо переисправления ждет вас, сукины дети! Да быстрее, быстрее поторапливайтесь, а то за вас всю работу начальники сделают, — ухмылялся он с высоты своей двухъярусной койки, зевая и сладко потягиваясь.

«Глупая, животная сила порождает только тупую злобу», — подумал Кобыланды, и для него, отвыкшего глядеть на свои поступки со стороны, критически оценивать их, эта мысль была равноценна истинному открытию.

— Юрченко, после завтрака зайдешь к начальнику отряда, — на ходу крикнул ему дневальный, когда он шел умываться.

— Понятно, — кивнул ему Кобыланды и отвернулся.

Атантаев встретил его, как всегда, неизменно сдержанно и, оторвавшись от бумаг, разложенных на столе, предложил ему сесть.

«Ну, сейчас пойдет мораль читать да про отца выспрашивать», — неприязненно подумал Кобыланды, косясь на бумаги.

Лейтенант как будто понял его мысли.

— Что-то ты сегодня невеселый, — заметил он.

— А чего веселиться-то? — нехотя ответил Юрченко, прислонившись мощной спиной к спинке стула и вытянув длинные ноги в громадных сапогах.

— Понятно, — неопределенно сказал лейтенант и добавил: — Может, хотя бы моя новость тебя порадует?

— Какая еще такая новость? — напрягся Юрченко.

— Мы решили назначить тебя бригадиром в цехе. Что ты сам-то на это скажешь?

— Чего? Бригадиром? Это за какую же добродетель бог ниспослал мне такую милость? — Кобыланды мгновенно выпрямился и убрал ноги. — А куда вы, интересно, Лису денете?

— Это ты кого имеешь в виду? Бригадира Саидова? Так у него есть свое имя, — чуть-чуть рассердился Атантаев, которого всерьез тревожило, что заключенные последнее время стали общаться друг с другом исключительно с помощью кличек.

— Его имя — Лиса, — упрямо повторил Юрченко. — И в наше время от таких лис вреда больше, чем от волков. А впрочем, мне все равно, Саидов так Саидов...

— Вот и хорошо. Ну, так что ты скажешь относительно бригадирства?

— А что бы вы хотели услышать?

— Лично я хотел бы услышать, что ты согласен стать бригадиром. Кстати, ты знаешь, кто такой Кобыланды?

— Знаю, это я, — ухмыльнулся Юрченко.

— А если серьезно? — без улыбки посмотрел на него лейтенант.

— А если серьезно, тоже знаю. Храбрый батыр из казахского эпоса. Мне о нем Абылай Ескендиров рассказывал, как он наших врагов победил, ханов Алшагыра и Казана.

— Ладно, ханов и батыров на потом отставим, — сказал лейтенант. — А сейчас я жду твоего решения.

Кобыланды задумался.

— Понятно, — подытожил лейтенант. — Боишься! Что ж, правильно делаешь, что боишься. Кое-кто из вашего отряда привык к Саидову, потому что он их выгораживает и на любую туфту закрывает глаза. Им твое на-

значение, конечно же, придется не по вкусу, и ты этого боишься.

— Я боюсь! — вскинулся Юрченко. — Кого это я боюсь? Я если и боюсь, то лишь себя. — И, подумав, добавил: — А теперь, может, и себя не боюсь. Видать, прошло то время, когда мне было страшно и я хотел умереть, лейтенант. А хочешь знать, — неожиданно перешел он на «ты», — Саидов и Пантера, разумеется, не хотели бы видеть меня начальником. Да мне на них плевать, на этих двух шакалов, я, если хочешь, даже из-за того могу согласиться, чтоб ты знал — мне на них действительно плевать...

Атантаев внутренне радовался тому, что Юрченко наконец «прорвало» и он заговорил откровенно. Резкий его тон не смутил лейтенанта, и он понял, что сделал правильный ход, вызвав сюда старика Тектыбая, потому что в глубине закаменевшего сердца парня что-то, кажется, зашевелилось. И совершенно очевидно, что не нужно с ним сейчас говорить об отце. Придет время, и Юрченко сам вспомнит о нем. А такое время придет, обязательно придет. Лейтенант вдруг твердо поверил в это, и на его серьезном лице появилась легкая тень улыбки.

— Но сейчас я тебе ничего не отвечу, — сказал Юрченко, вставая. — Я не пацан, мне подумать надо.

— Думай, — сказал Атантаев, — сынок.

При последних его словах Юрченко так и застыл на пороге.

— Как вы меня назвали? — глухо спросил он.

— Так, как тебя называла мать...

Юрченко вернулся от порога и тяжело опустился на стул.

— Откуда ты знаешь, как называла меня мать? — глянул он исподлобья.

— А я о тебе многое знаю. Может, даже то, что и тебе самому про себя неизвестно...

— Все вынюхиваешь да высматриваешь?

— Дурачок ты дурачок! — лейтенант покачал головой, видя, что Кобыланды нарочито лезет на рожон. — Я помочь тебе хочу. Чтоб ты, наконец, человеком стал...

— А мне кажется, как бы не пришлось свои дни кончать в вашем заведении. Как думаешь?

— Я думаю, что ты говоришь чушь, — не выдержал лейтенант.

— Это почему же?

— Хотя бы потому, что не стал бы так открыто говорить со мной.

— Ты считаешь меня слабаком?

— Нет, не считаю. Наоборот, я думаю, что ты — очень сильный человек. Во всех смыслах этого слова...

— Такой молодой, а уже мастер льстить. Мягко стелешь, хозяин, — скривился Юрченко.

— Я не хозяин. Я — лейтенант Атантаев.

— Вопрос не в том, как тебя называть. А в том, способен ли ты мою душу понять... Ведь мне тридцать второй год, а я, считай, еще и не жил по-человечески. Разве что перед армией, когда был чемпионом республики. И когда меня Лена любила... Да ладно, чего уж там! Я могу идти?

— Можешь.

Кобыланды быстро пошел к двери и вдруг опять задержался.

— У тебя нет адреса того старика?

— Какого старика? — спросил лейтенант.

— Ты прекрасно знаешь, о ком я спрашиваю...

— Есть. Хочешь написать ему? — напрягся лейтенант.

Кобыланды с секунду поглядел на него.

— Не знаю. Может, хочу, а может, не хочу, — буркнул он.

Войдя в цех, он энергично принялся за работу, пытаясь наверстать время, потраченное на беседу с Атантаевым. Но работа никак не клеилась. То разводной ключ куда-то пропал, и он, злясь на самого себя, проискал его добрых полчаса, хотя ключ лежал на самом видном месте; то никак не мог открутить нужную гайку и в результате сорвал резьбу у регулировочного винта. Все падало из его рук, и он, не в силах справиться с собой, побрел в дальний закуток и там, в полутьме, сел на корточки, привалившись спиной к шершавой бетонной стене. Ночные мысли, ночные видения вновь овладели им.

Вернувшись в тот вечер после неудачной поездки в поселок, где жили отчим с матерью и Михасем, он наудачу позвонил Лене, но к телефону подошел Илларион Кузьмич, и Кобыланды, ничего не сказав в ответ на его вежливое: «Алло, я у телефона», швырнул трубку.

Что делать? Похоже, что жизнь кончена. Лена уехала,

не дождавшись его... Он перебрал в уме ту бесконечную цепь унижений, которым он подвергся за сегодняшний день, и даже застонал от бессилия и злобы. Нет, не высидеть ему до воскресенья в пустой квартире! Он вышел на улицу, дошел до ближайшего ресторана, заказал графинчик водки и тут же выпил его рюмка за рюмкой, не притронувшись к закуске. На секунду шум пьяного ресторанного веселья достиг его ушей, но вскоре боль одиночества вновь захлестнула его, и он, купив в буфете бутылку, отправился домой. Его шатало, ибо водку он пил практически первый раз в жизни. Дома его вырвало, и он, не зажигая света, рухнул на застеленную постель.

Он не помнил, сколько провалялся в постели, но его разбудил звонок в дверь, и он, держась за стенки, пошел открывать. И чуть не остолбенел от изумления: на пороге стоял Игорь — Оглобля, с которым они вместе были в колонии.

«Чего? Не узнал, что ли? — ухмыляясь, спросил он. — Сам адрес давал, так что встречай друга».

«Откуда ты взялся?» — запинаясь, спросил Кобыланды.

«Не бойся, не сбежал. Мы со Слоном по амнистии вышли. Да ты меня в квартиру пусти, я хоть на кухне посижу, если ваши спят».

Зашли в квартиру, и Оглобля был приятно изумлен.

«Так ты, значит, один живешь? Ну, житуха, ну, житуха!» — все повторял он.

«Располагайся», — сказал, покачнувшись, Кобыланды, и Оглобля внимательно посмотрел на него.

«Ты что, косой, что ли? Да ты же вроде не пьешь?»

«Пью. Я пью», — сказал Кобыланды, плюхнувшись на диван.

«Ну, так я тогда за Слоном сбегаю. А то он мерзнет там на улице. Мы ж к тебе так зашли, на всякий случай. Дай, думаем, проведаем дружка... Привести его?»

«Кого?»

«Слона...»

«Веди кого хочешь: слона, жирафа, крокодила. Всех веди, мне теперь все равно», — сказал Кобыланды.

Через несколько минут на столе снова появилась водка, и трое бывших осужденных принялись пьянствовать. Сначала выпили за свободу, потом за амнистию, потом за нерушимую дружбу... За что пили дальше, Кобыланды не помнил. Он помнил, что в какой-то момент оказался в ванной, где что-то вдруг случилось: сначала свет померк

перед его глазами, застланный кровавой пеленой, а потом была какая-то возня, его, кажется, били, мучили, терзали, после чего он провалился в небытие.

И проснулся только утром, недоуменно глядя на свою забинтованную руку и на Слона, который как ни в чем не бывало, будто и не пил он вовсе, сидел перед ним на стуле.

Затем они отдали ключи соседке и отправились на вокзал. На робкий вопрос Михеевны, куда это и с кем он собрался и что передать матери, Кобыланды злобно посмотрел на нее и ничего не ответил. А на следующий день, разодевшись во все новое, они уже гуляли по набережной Ялты, весело задирая прохожих и приставая к хорошеньким девушкам.

Их денег хватило всего лишь на три дня разгульной жизни с ресторанами, пьяными девками и бешеной гонкой на такси по крымским дорогам. На четвертый день они «подломили» магазин. Купили водки, вина, закусок и отправились на ночевку к одной из своих ресторанных подруг, жившей в небольшом поселке на окраине.

Здесь их и взяли.

— Ну что, так и запишем. Передовик труда филонит в рабочее время, — с иронией сказал бригадир, склонившись над ним.

— Отвали, — коротко и злобно сказал ему Кобыланды.

— Да, правильно, отдохни немножко. — Лиса тут же сменил тон. — От работы кони дохнут и трактора ломаются, а ты ведь Кобра, а не конь. И хватит тебе слушать всякое дерьмо. Они тебе ноги мыть должны, а ты с ними цацкаешься. Ты же парень хоть куда. Пусть другие за тебя вкалывают.

— Это кто, по-твоему, дерьмо? — спросил Кобыланды.

— Абылай да Алешка Семенов, два придурка...

— А я думал, ты имеешь в виду себя и своего друга! — Юрченко поднялся, рассмеявшись ему в лицо, и направился к своему рабочему месту.

— Вот ты как! — подскочил к нему бригадир. — Погоди, по-другому запоешь...

— Отвали, тебе сказано, не мешай, — повторил Кобыланды.

— А ты не шипи, Кобра, не шипи. И тебя Пантера успокоит.

— Видал бы я и тебя, и твоего Пантеру, — снова расхохотался Кобыланды и, свистнув вслед торопливо улепетывающему бригадиру, принялся за работу.

Во время обеденного перерыва Кобыланды подошел к Абылаю.

— Скажи, ты не знаешь, где я могу прочитать легенду о Кобыланды?

— Не знаю, в нашей библиотеке ее нет.

— А ты сам не сумеешь мне ее подробно пересказать?

— Попробую. Хотя это займет много времени, я ведь не жырау-певец, — сказал Абылай и тут же вспомнил аксакала из того аула, где погиб Омар, и его внука. Интересно, как они там? Жив ли старик? Здоров ли Мерген? Ходят ли они к памятнику Омар-ага? «Они-то ходят, а когда твоя тропка тебя туда приведет?» — подумал он.

— Может, у вас дома есть эта легенда? — продолжал настаивать Кобыланды. — Так ты напиши им, чтоб они ее сюда послали.

— Дома-то есть, — сказал Абылай. — Но только по-казахски, ты не поймешь.

— А ты мне будешь переводить. Глядишь, и я по-казахски заговорю. Ты пойми, мне это очень нужно...

— Ладно, я напишу сестре, — согласился Абылай.

— Вот это дело, — обрадовался Кобыланды. — Пусть она не боится, я не потеряю ее книжку...

Абылай внимательно посмотрел на него. Он видел, что после приезда Тектыбая Абызулы в характере Кобыланды произошли явные, но непонятные изменения. Он становился то задумчивым, то рассеянным, то вспыльчивым, но это был уже совсем не тот Кобра, которого Абылай знал уже несколько лет и вместе с которым столько испытал. «Неужто и в самом деле тот герой на фотографии Тектыбая — отец Юрченко? Ведь старик сказал, что тот казах жил на Украине... Но если это так, как у него хватило духу не подняться, когда Тектыбай произнес: «Здесь находится его сын»? И как хватает силы воли молчать об этом до сих пор? Что это, стойкость характера или тяжелая свинцовая уравновешенность «бывалого» человека?» — подумал он.

— Мне Атантаев утром предложил занять место нашего бригадира. Как думаешь, стоящее это дело или нет? — вдруг спросил Кобыланды и мысленно удивился

своей разговорчивости: «Что со мной? Кто меня за язык тянет?»

— Конечно, стоящее. И нам будет хорошо, да и ты, наконец, с Лисой сочтешься...

— Эх, Абылай, начитанный ты парень, образованный, но много в тебе еще ребячества. Ты не обижайся на меня, я ведь тебя постарше... Не хочу я больше ни с кем счетов сводить, я жить по-человечески хочу. Мстить, убивать — да что я, в самом деле, туземец, что ли, какой? Или дикарь?..

Абылай улыбнулся.

— Ты прав, сдаюсь, — сказал он.

— Ты понимаешь, я сегодня ночью, почитай, глаз не сомкнул, все думал, думал. Всю жизнь свою передумал... — Кобыланды остановился, оглядевшись по сторонам. — Ты понимаешь, вот я, например, сегодня взял да рассказал Атантаеву, что было время, когда мне просто-напросто жить не хотелось...

«И мне не хотелось», — чуть было не крикнул Абылай, но сдержался.

Кобыланды отвернулся, не в силах справиться с волнением, и Абылай легко тронул его за рукав. И вдруг проговорил:

— Я вот смотрю — многие всю жизнь на трон карабкаются, а трон этот шаткий, вот-вот рухнет...

— Какой еще трон?..

— Многие властвовать хотят, верховодить... давить других, унижать, чтобы люди облик человеческий теряли, чтоб они становились НЕЛЮДЬМИ. Я и про Пантеру говорю, и ему подобных. И на свободе таких немало. Я много их перевидал на своем веку. Да что скрывать, я и сам... Но только мне такая жизнь надоела...

— Моя бабушка говорила: «У сатаны есть свой трон...»

— И где же он, этот трон сатаны? — усмехнулся Кобыланды.

— Там, где у человека должно быть сердце и где вместо сердца у него пустота или камень. Каждое человеческое сердце может стать подножием для трона сатаны, если человек глух и безразличен к судьбе своего ближнего. А ты знаешь, из чего сделан сам трон? Из воздуха, отравленного жестокосердием и равнодушием...

— Умная и хорошая у тебя была бабушка, — сказал Кобыланды, глубоко задумавшись, и на этот раз в его

словах не было ни насмешки, ни иронии. — Да и ты сам парень толковый. Тебе дальше учиться нужно, ты настоящим человеком можешь стать...

К ним со всех ног бежал Алеша Семенов, и Кобыланды прервал свою речь на полуслове.

— Абылай! Тебя Атантаев ищет. Видимо, решается вопрос о твоем условном освобождении! — он улыбался во весь рот так, что казалось, будто он рад больше, чем Абылай.

А сам Абылай не мог вымолвить ни слова. И лишь переводил растерянный взгляд с Юрченко на Семенова и с Семенова на Юрченко...

— Ступай скорей к Атантаеву, ступай, — тянул его за рукав Алеша.

Кобыланды пристально поглядел в глаза Абылаю и, не сказав ни единого слова, опустил голову.

— Знал бы ты, как я рад, что ты скоро освободишься, — вдруг вырвалось у Семенова. — Жаль только, что тебя на нашей свадьбе не будет. Галя сильно огорчится. Хотя что это я болтаю, ведь ты к тому времени уже на свободе будешь.

— Скоро и ты освободишься, потерпи немного. А настоящую свадьбу мы, дай бог, у тебя дома сыграем...

— Ты приедешь ко мне?

— Если пригласишь, обязательно приеду... Еще как приеду!.. — Абылай невольно улыбнулся, не в силах скрыть распирающую его радость.

— Мне без тебя трудно будет, — невольно загрустил Алеша.

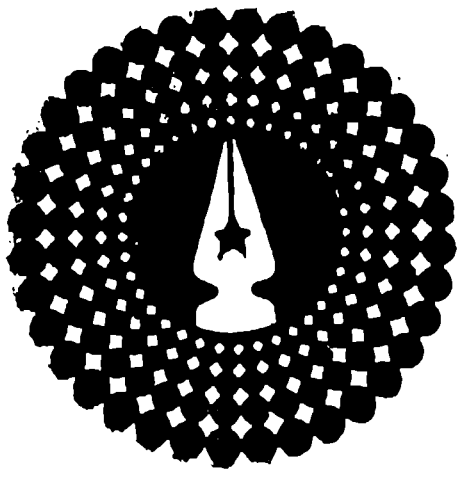
— Я привык к тебе, ты — хороший человек. Никогда не забуду нашу дружбу. И ты не забывай...

— Ладно, чего ты, — смутился Абылай. — До прощания еще знаешь сколько?.. Идем. — И они направились к административному корпусу.

Кобыланды долго глядел им вслед, возбужденным, о чем-то горячо толкующим. В его сердце не было ни радости, ни зависти. Утреннее, непонятно-сонное состояние не покидало его, и даже то, что Абылай впопыхах не закончил начатый им важный разговор, не вызвало у него раздражения или обиды.

Перевод с казахского автора

●



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

СТРАТЕГИЯ УСКОРЕНИЯ: ПОИСК, КАЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Виталий ПАНОВ

ЕЛАГИНСКИЕ МИЛЛИОНЫ

Руководитель комсомольско-молодежного коллектива комплексной укрупненной бригады горнорабочих очистного забоя шахты «Октябрьская» Владимир Елагин выглядит так: высокий, худощавый, глаза голубые. Лет — немного за тридцать. Взгляд добродушный, но с лукавинкой. За семь лет, с момента образования, его бригада добыла более 4 миллионов тонн угля. Миллион из одной лавы — за последние десять месяцев. Эта же цифра стоит в соцобязательствах бригады и на текущий год. Налицо реальное ускорение. Это и послужило поводом для знакомства с Владимиром Елагиным. Человек он жадный до дела, хочет, чтобы таких миллионов у бригады было еще больше.

К Елагину мы добирались с начальником третьего участка М. П. Ячменевым и пер-

вым секретарем Ленинск-Кузнецкого горкома комсомола Сашей Цигельниковым. Далеко забрался Елагин за угольком. Его бригада наклонными галереями уже пробила угольные пласты второго горизонта, до которого вся шахта еще не скоро доберется — реконструкция затягивается. Уголь Елагину приходится подавать на-гора издалека, нагрузка на механизмы удваивается, а значит, и уход за ними нужен особый.

Мы спускались, а нам навстречу, как привет от бригады, по конвейеру катился ручеек угля — ремонтная смена дорезала «стружку». По штрекам тянуло воздухом, подаваемым под давлением — пласт опасен на метан. Во тьме подземных коридоров гремел металл о металл, хлюпала вода под резиновыми сапогами, мигали шахтерские лампочки. Уголь на-гора — это шахтерский праздник, а будни — упорная, неброская работа: обслуживание, ремонт и монтаж техники, очистка подземных галерей.

Роль личности под землей велика. Шахтер не называет участка, где работает. Просто говорит, к примеру: «У Елагина». И всем ясно, что за коллектив он представляет. В те дни, когда я познакомился с Елагиным, на одной из соседних шахт произошла серьезная авария. Опытный, прославленный бригадир, которому говорили, что кровля ненадежна, отмахивался: «Пройдем, не в первый раз». Сейчас он и еще несколько его товарищей лежат в больнице. Высока цена авторитета бригадира у шахтеров. Елагин своих ребят ни разу не подводил.

В узком, низком проходе монтировали угледобывающий комплекс: гидравлические крепления, угольный комбайн, конвейер. У Елагина никак не проходил массивный тяжелый пускатель. Он обливался потом во влажном загазованном шахтном воздухе. И был это другой Елагин: резкий, категоричный, взрывной. Когда дело пошло, присел к нам на доски и буквально накинулся на Ячменева:

— Сколько говорим: надо увязать нас с проходчиками! Таскаем оборудование по штрекам да забоям друг за другом. Сколько бы времени экономили.

Ячменев в ответ только вздохнул.

— Владимир Викторович! — требовательно позвали Елагина ребята. И бригадир решительно поднялся. Здесь терять время не принято — так сам Елагин вопрос ставит. Да и как иначе в бригаде, дающей на-гора почти половину добычи шахты.

Елагин из шахтерской семьи. Местный. Окончил горный техникум, отслужил в армии и пришел на «Октябрьскую» горным ма-

стером. Дела на прославленной шахте тогда расклеились. Закончилось тем, что за невыполнение плана коллектив лишили звания коммунистического. Отставание накапливалось многие годы, завязывалось в тугие узлы проблем, к которым и подступиться страшно было. Именно тогда Елагин и возглавил комсомольско-молодежный коллектив — сотню парней. Тогда, семь лет назад, и начали складываться миллионы бригады, и сама она окрепла, возмужала за эти годы.

Сколько знаю трудовых коллективов, в которых вздыхают: «Объективные причины...» Но опыт Елагина показывает, что и они поддаются, если пробивать их упорно, как комбайн пласт. Свое личное ускорение, свой крутой перелом бригада начала с вопросов нравственных. Освободились от пьяниц и прогульщиков.

Пьяницы и прогульщики уходили молча — жалоб не писали. В шахту не спустишься с людьми, которые тебе не верят. Выбор товарища — одно из преимуществ трудного шахтерского дела. Навели порядок, и уже семь лет в бригаде нет серьезных происшествий. Уже семь лет она в самых разных, порой очень непростых условиях, работает стабильно, выдавая все больше угля. Большой уголь — большая безопасность и большой порядок — слова одного ряда не только по звучанию.

Ушедших заменили ребята из горняцкого СПТУ-38 — бригада стала базовой для этого училища. Кое-кто пришел из армии. Подбирал людей сам Елагин. Следующим требованием, вслед за образцовой дисциплиной, было такое: изучай технику и ее возможности.

Выручил и бригадный подряд, на который перешли поначалу только горнорабочие очистного забоя. Но даже это дало немало. Окреп ручеек угля. О бригаде заговорили. Стали приходить первые желающие из других коллективов. Потом образовался конкурс. Брали придирчиво. Сюда не иди с пустыми руками, а неси две-три рабочие специальности, трезвость и дисциплину.

Пришлось Елагину повоевать за бригадный подряд. Как быть со службами обеспечения и инженерно-техническими работниками? Ведь без их полной отдачи порой все усилия очистников сводятся на нет. Бывает, все вроде бы и стараются, а дело идет медленно. Насколько лучше получается, когда каждый думает о каждой тонне угля, а не только о выполнении должностной инструкции.

Елагину объясняли — сложно это и хлопотно. Не рассчитать и не подсчитать. Словом, невыгодно и нецелесообразно... Да и зачем? Ведь и так во всех отчетах не без гордости отмечают, что бригада Елагина перешла на бригадный подряд. Елагин не отставал. Его стали попугивать: посадишь себе на тонну угля до-

полнительных нахлебников — упадут заработки. Ребята не похвалят.

Елагин брал карандаш и выстраивал ряд цифр — прямых и жестких, последнюю — тонны добытого угля — подчеркивал дважды. Она била все сомнения неумолимой логикой конечного результата.

Однажды на производственном совещании, на которое гости приехали, Елагина попросили выступить — поделиться опытом внедрения бригадного подряда. Предупредили: причешись, надень галстук. Прилизав упрямые, как и характер, кудри, Елагин взошел на трибуну и, по оценке организаторов совещания, «понес» такое, что одна руководящая женщина из профсоюзных органов потом утверждала, что вел он себя не только не как патриот родного Кузбасса, но даже не совсем как рабочий человек, и все это ему кто-то нашептал.

На самом же деле Елагин убедительно показал, что бригадный подряд в его нынешнем виде в их бригаде скорее для отвода глаз и цифр в отчетности. Шум был большой. Но ИТР получают сейчас доплату за результаты работы бригады. Правда, не из фонда заработной платы, а из премиального. Но это сразу к лучшему сказалось на инженерном обеспечении.

Мы иногда забываем, что уголь начинается с труда шахтостроителя, проходчика, монтажника. Ведь это они — проходчики — первыми вгрызаются в неизведанные пласты, пробивая два штрека к угольной «стружке». Они готовят забой для угольного комбайна очистников, получающих сегодня уже третье поколение весьма производительных механизмов. А проходчики работают комбайнами, мало чем отличающимися от машин шестидесятых годов, крепят штреки деревом, вручную. Тяжеленные грузы под землей смежники Елагина перевозят на самодельном приспособлении — гибриде трактора с вагонеткой, именуемом «Молоковоз», по фамилии бригадира, ставшего инициатором создания машины. Зарабатывают проходчики гораздо меньше очистников, а работают, пожалуй, больше. И все равно не управляются. Мощные зубья угледобывающих комбайнов останавливаются — нет фронта работ. Очистной забой не имеет надежного тыла. Подсчитано: использование машинного времени в забое составляет лишь 50 процентов. «Разрыв лавы», простой очистных бригад, увы, обычное дело в шахте и для бригады Елагина. Многие миллионы тонн угля так и остаются пока в этих разрывах не поднятыми наверх.

Елагин и руководитель бригады проходчиков-смежников А. И. Молоков — друзья. И очень многие вопросы они сами и их ребята решают на основах шахтерского товарищества. Но куда ни ткнись, везде натыкаешься на непродуманную экономическую

основу их сотрудничества. Хотя бы с той же аппаратурой и кабелем. Могли бы оставлять проходчики прилаженное оборудование очистникам. Да за ними инвентарь числится. Дорогá и проходчикам тонна угля, но их показатель — метры штрека.

Елагин готов поделиться с проходчиками не только ответственностью, но и рублем с тонны угля. По его расчетам, от этого и очистники выиграют. Так он зарабатывает свои миллионы: отдавая становится богаче. Сейчас он пробует, не дожидаясь, на уровне бригады решать проблему отрасли. Пробивается с бригадой не только через угольные пласты, а и через бюрократические наслоения отраслевых и ведомственных проблем. Бьется Елагин, но пока не получается — не удается ему замкнуть очистников и проходчиков в единый динамичный коллектив. Кому-то по-старому работать спокойнее. А бригада миллионщика Елагина не может стоять на месте. Взятые темпы вынуждают ее толкать вперед и технику, и организацию работ, требовать другого к себе отношения. Не лезут в старые мерки елагинские миллионы.

Еще сложнее с монтажниками. В объединении Ленинскуголь с самыми добрыми намерениями создали специализированное монтажное управление. Скоро оно должно стать хозяином всех угледобывающих комплексов и сдавать их шахте в аренду. В его обязанности входит и монтаж, и наладка комплексов — до выдачи первого угля. По идее должна возрасти специализация обслуживания, улучшиться маневр техникой. А как на деле?

Та лебедка, возле которой Елагин потел, — работа монтажников, а самих монтажников в забое было всего двое. Они сидели в другом конце и в ответ на наши недоуменные вопросы жалобно заохали: «Какие мы шахтеры... Только по названию. 300—400 рублей. Вот они, — завистливый кивок в сторону ребят Елагина, — и по 700 заколачивают».

Да, честно делают свое дело и заколачивают: почти у всех ребят в очистной бригаде легковые машины. У Елагина, например, «Волга».

Но рубят уголек так, что пар от них валит, не сидят.

Выдают за сутки более трех тысяч тонн угля — огромную гору. Это и называется — миллионные темпы. За последний год почти в два раза превысили запланированный рост производительности труда — она у них одна из самых высоких в отрасли. Сейчас, например, будут подавать уголь на конвейер двумя комбайнами сразу из двух лав. Так на «Октябрьской» еще никто не работал. Приходится вкалывать ребятам Елагина и за монтажников, которые отнюдь не спешат объявлять войну «объективным» причинам, которые всегда найдутся. Экономически им это невыгодно. К тонне угля их показатель работы не имеет почти никакого отношения.

«Деньги, которые за тебя заработал другой, развращают человека», — прокомментировал это явление генеральный директор производственного объединения Ленинскуголь А. И. Шундулиди.

Замечено, что экономические и организационные просчеты, допущенные в заработке, ответственности, заинтересованности, имеют свойство сглаживаться, когда дело доходит до исполнителя. Иногда они «сглаживаются» и вот так: бригада Елагина работает за монтажников. «Лишь бы от них отцепиться», — вздыхает сам Елагин.

Хорошее дело реорганизация, но учитывать бы «человеческий фактор», не менее важный в работе, чем специализация и концентрация. Ведь ускорение во многом идет не только от того, какая организация работы и технология применяются, но и от того, в какие условия поставлен человек.

На шахте мне не раз рассказывали о моменте, с которого дела коллектива пошли по восходящей — уже полтора года он весь, а не только бригада Елагина, выполняет и даже перевыполняет план. А тогда у Елагина был очередной «разрыв лавы». А. И. Шундулиди попросил бригаду поработать на другом пласте и на другом отстающем участке. По шахте пошел шумок: «А ну — герои...» Пласт был потоньше елагинского. На общем собрании бригады решили — помочь. С группой своих ребят Владимир пришел на чужой участок и, как-то само собой получилось, взял на себя руководство. Начал не с угля. Выгнал пьяниц. Наладил технику. По-другому расставил людей. И уголь пошел. Большой уголь. Отстающий участок стал давать добычу в два раза больше прежней. Наблюдалась устойчивая тенденция к ее дальнейшему повышению. Этот уголь себе в зачет бригада Елагина не взяла. Не собственные показатели нагонять, а помочь пришли. Злые языки смолкли. Нет, не мощный, богатый пласт и особые условия — секрет успехов Елагина. Он внутри его бригады. Вытянули елагинцы одну бригаду, а призадумались многие. На шахте уменьшили количество забоев, зато увеличили от них отдачу. Елагинская бригада своим примером подтягивала всех. «Пример — дело заразительное», — любит говорить Елагин. Когда уходили, оставили бригадиром секретаря своего партийного бюро Валерия Севостьянова. И отстающая в прошлом бригада сейчас уже бьет елагинские показатели. Потом в другую бригаду на усиление ушел Володя Вормсбехер. А сейчас генеральный директор снова просит Елагина поработать на одной из соседних шахт, чтобы определить реальные возможности добычи. На участке та же техника, что и у Елагина, и такой же пласт, а показатели в несколько раз ниже. Вздыхает Елагин — своих дел невпроворот, но уже собирается потихоньку к соседям. Серьезное дело в ускорении и перестрой-

ке — субъективный фактор. Не будем его преуменьшать. Таланты на-гора — это наш большой резерв.

Не только миллионом, но и наградами — орден «Знак Почета», медали, знаки, значки, грамоты, — общественными нагрузками (член ЦК профсоюза работников угольной промышленности, член горкома партии, член парткома, а с недавних пор еще и председатель районного общества борьбы за трезвый образ жизни) богат Елагин. Учится в Высшей школе профсоюзного движения.

Бывая в Москве на пленуме ЦК профсоюза или на сессии, обязательно заходит в Министерство угольной промышленности СССР. Есть у бригады миллионщика Елагина немало вопросов и к этой высокой инстанции. А отстаивать интересы бригады на всех уровнях Елагин считает своим кровным делом.

«В министерстве я всегда плутаю, — чуть виновато улыбается Елагин. — Порой удивляюсь, зачем же существует Всесоюзное промышленное объединение Кузбассуголь — тоже солидная организация с похожими табличками на дверях в длинных коридорах, — если она всегда на Москву кивает; и удивительно, что такая уйма грамотных мужиков, изводящая на бумагу, наверное, больше леса, чем бригада моего друга Молокова на крепеж, не может решить простых проблем. Ведь наш очередной «разрыв лавы» во многом из-за того, что одну часть угледобывающего комплекса 20КП-70 нам поставили, а другую — нет. И так всю дорогу... А знаете, чем занимаемся, когда получаем наконец комплекс? Недаром я стараюсь сварщиков брать в бригаду. Новый комплекс старательно провариваем, усиливаем конструкцию. Особенно много возни с лавовым конвейером, не выдерживающим нашего угля. Отработает комплекс год и идет ремонтироваться на наш — города и угольного министерства — ремонтный завод «Красный Октябрь». Там у ремонтников уже свои требования: сдирают все, что мы наварили. Приходит комплекс с ремонта, и мы снова электрод в руки».

Скоро бригада переходит на работу в удлиненной 150-метровой лаве. Надежного угледобывающего комплекса для работы в таких условиях — в миллионном режиме — пока нет и неизвестно, появится ли. Елагин в министерстве ставил вопрос: нужно создавать новый комплекс или ставить другой лавовый конвейер к прежнему. Внятного ответа Владимир не получил. Ходят еще разговоры и об импортных цепях, которые усилят лавовый конвейер. Идут разговоры, а бригада Елагина ускоренно, стружку за стружкой, сгрызает пласт и время. Скоро нужно будет начинать работать в новых условиях. А какой же вариант примет министерство, пока, к сожалению, не знают ни на шахте, ни в производственном объединении Ленинскуголь.

Меня успокаивали: «Елагин вырвет...» Да, возможно, и вырвет. Вырвет потому, что не умеет плохо работать. Понимает: его провал, одного из двух «миллионщиков» на Кузбассе, станет не просто неудачей, а подорвет доверие к ускоренной добыче угля среди многих и многих бригад. Так уже бывало раньше. Блеснет звезда, а оставляет лишь гарь разочарования. Вырывает, что может, и Елагин, да не все от него зависит. Например, задерживается реконструкция шахты. Потому и берет свои миллионные обязательства бригада не без опаски — вдруг подведут другие.

Да и почему, собственно, Владимир должен вырывать то, что по долгу службы должны делать немалые административные аппараты, которые Елагин все к земле, к условиям своей бригады, к тонне угля норовит пригнуть, а они рвутся в заоблачные дали абстрактной усредненки.

Должны эти управленческие аппараты еще и вот о чем позаботиться. Посылают Елагина на усиление, а он замечает: сами люди могут, да не хотят. Закрепились на низком плане, перевыполняют его как раз под максимальную премию, прячут резервы и живут, экономя силы и нервы, а заработки почти те же самые. Порядок таков: нагонишь показатели, тебе их в план запишут и норму добавят. Учитывая эти обстоятельства, надо прямо сказать, что бригада Елагина нашла в себе силы и смелость подняться выше существующих экономических обстоятельств. Ускорение и перестройка, это, кроме всего прочего, повышенная отдача сил, нервов, энергии, самой жизни. И думается, уже сейчас разница в заработке застрельщиков перестройки и фактически тормозящих ускорение — есть и такие — должна быть заметнее, и за счет последних. Затрудняет такой подход и порядок, при котором зарплату бригадам, работающим на шахтах, начисляют в объединении. Очень усложняет это внутренний маневр предприятия заработной платой, о котором говорилось на XXVII съезде КПСС.

Имеют отношение к Елагину и другие миллионы — недоданные. Речь не о тоннах, а о рублях. До последнего времени из домашнего водопроводного крана Елагина, совершавшего, назовем вещи своими именами, трудовые подвиги, лилась черная вода. Даже постояв сутки-двое в ванне, она не отстаивалась. Ее нельзя было пить, в ней нельзя было вымыться. «Миллионщик» Елагин был активным участником «фляжечной эпопеи» — как и все, выходил из дома с сосудом и искал, где наполнить его водой для бытовых нужд. Потребовалось чрезвычайное происшествие — вспышка инфекции и вмешательство инстанций на самом высоком уровне, чтобы к Ленинск-Кузнецкому потянули воду из Томи. Совсем недавно в квартире Елагина, добывающего миллионы тонн угля,

в зимние месяцы стало относительно тепло, а ведь у него две малолетние дочери: Инна и Алена. Устроить детей в садик тоже большая проблема. Еще и сейчас Елагину не просто с водой и теплом. Не просто ему и сходить в кинотеатр. В шахтерском районе — Соцгородке (5 шахт и один угольный разрез) это заведение культуры — единственное и находится от квартиры Владимира в двух километрах. А если еще учесть непролазную грязь в весенние и осенние месяцы из-за отсутствия благоустроенных тротуаров... С резиновыми сапогами Елагин не расстается не только в шахте, но и возле дома, вокруг которого ни клумбы, ни детской площадки. Давно нужно дать отдохнуть от резиновых сапог «миллионщику» Елагину — заработал он это. Хорошо, когда есть ровные хорошие дороги и обилие кинотеатров в Трускавце, Сочи, но и о шахтерском Ленинск-Кузнецком забывать не следует. Заслужил Елагин ездить и в троллейбусе без ужасной давки. Заслужил постоянное наличие молока в магазине. Заслужили большего и его ребята.

Например, звеньевой Володя Севостьянов — брат Валерия. Человек в комсомольско-молодежном коллективе уважаемый. О нем и о Викторе Усинове Елагин сказал одинаково: «Сегодня уже можно бригадирами ставить». В его устах это высокая похвала. А ютится уважаемый человек Володя Севостьянов с женой и двумя детьми в одной комнате снятого с учета как жилье барака. О квартире пока речь не идет, хотя бригада не ждет готовенького. На своем совете ребята решили построить дома для товарищей, пусть только шахта выделит материалы и возьмет на себя баланс. Радует бригаду и идея МЖК. Но есть «маленькая загвоздка». На шахтерском Соцгородке, остро нуждающемся в жилье, строители торжественно сдают последний на неопределенный период дом. Строить следующие запретила санэпидемстанция. Стоки с шахт и жилого массива настолько загрязнили окружающие реки и водоемы, что это стало уже не теоретически, а реально опасным. Со строительством же очистных сооружений дела обстоят неважно. Находя средства на производственные нужды, Министерство угольной промышленности никак не может отыскать их на соцкультбыт. Не личные, а служебные отношения председателя Ленинск-Кузнецкого исполкома городского Совета народных депутатов В. Ф. Хромова и генерального директора производственного объединения Ленинскуголь А. И. Шундулиди давно стали взрывоопасными. Впрочем, Александр Иванович Шундулиди объясняет: «Что я могу поделать? Финансы распределяются централизованно. А на соцкультбыт вообще выдаются только под пуск промышленного объекта...» Думается, производственному объединению Ленинскуголь эти средства и под пуск, видимо, выдают

через два раза на третий. А положение становится просто нетерпимым.

Но самое удивительное, что, возможно, Володе Севостьянову и повезет от того, что не видать ему квартиры в ближайшие годы. Полысаевский завод крупнопанельного домостроения, из продукции которого собираются дома на Соцгородке, уже более 10 лет выпускает изделия серии 97. Серия эта давно снята с производства на большинстве домостроительных предприятий страны и выпускается в порядке исключения. Оборудование завода предельно изношено, устарело и морально и физически. Например, формы настолько расшатаны и разбиты, что на них очень трудно изготовить панель, отвечающую требованиям ГОСТа. Когда смотришь на дома, собранные из этих нередко перекошенных панелей, которые кое-как соединяют широкие, небрежно заляпанные швы, на душе становится неуютно. Немногим лучше эти дома и внутри. Нет, не очень интересует Министерство угольной промышленности СССР, в каких условиях живут кузбасские шахтеры.

Конечно, у руководителей Министерства угольной промышленности СССР наверняка есть свои объяснения. Но дело от них не поправится. Нужно искать реальные решения, хотя бы так, как бригада Елагина их ищет. Нужно, чтобы министерство и шахтеры почувствовали себя настоящими хозяевами в угольном бассейне — как в надежном, хорошо обжитом и благоустроенном доме. Хотя бы так, как это делается на Украине, в Донбассе или во Львовско-Волынском угольном бассейне, где уже много лет строительство объектов соцкультбыта для шахтеров ведется опережающими темпами, а жилье строится красивое, надежное, добротное. Ведь чуть не потерял Кузбасс Елагина из-за этого самого жилья. Прежде чем согласиться ждать квартиру 9 лет, прежде чем получил, он съездил на Украину. Приняли его хорошо в шахтерском Павлограде, квартиру гарантировали уже через год. Но заныла, заболела душа у Елагина по родному Кузбассу, и вернулся он на свою шахту. Любит Елагин свой край, но нельзя же без конца только на эту любовь да преданность рассчитывать. Нужна и взаимность. Нужна еще и потому, что роль и место угля в топливном балансе страны, в частности кузбасского угля, продолжает расти.

Несколько раз в год праздники в семье Елагина заканчиваются шумным разговором. Обычно это бывает так: жена — Валентина — наряжается, собираясь идти в гости, а Владимир молча собирает свои вещички, нужные в шахте. У шахтеров скользящий график работы. Неудобно, но все же лучше, считает Елагин, чем раньше, когда выходной отмечали в табеле, а приходилось уговаривать людей, уставших за неделю, выходить на работу.

Наконец Валентина, которая в семье лицо авторитетное, не выдерживает: «Я что, мать-одиночка или разведенная?! Все праздники одна!» И начинается...

По дороге на работу Елагин всегда думает, что вполне могли бы шахтеры давать угля больше, чем сейчас, и иметь два нормальных выходных дня: субботу и воскресенье. Нужно только работу наладить так, чтобы не улетали в организационные разрывы шахтерские миллионы. И не следует жалеть средств на то, что окупится. Нужен большой уголь. А сколько его теряем из-за совершенно правильного требования к его качеству. Умеют на первый взгляд совершенно неопровержимые требования работать против нас. Например, ежедневно бригада Елагина оставляет в шахте сотни тонн угля — именно благодаря борьбе за его качество. В пласт снизу внедрился колчедан, после которого снова уголь. Выросла зольность. Была бы обогатительная фабрика — и проблема решена. А пока повышают качество за счет бесхозяйственности — сузили пласт.

Но особенно обидно бывает смотреть Елагину, как в зимние месяцы самовозгорается и подолгу горит невывезенный уголь, которого немало скапливается у шахт. Тогда впустую греют небо елагинские миллионы.

Словом, много непростых проблем сопровождают елагинские миллионы. Решить бы их поскорей. Одному Елагину это не по силам.

А пока он и его ребята сидят в своей нарядной перед сменой и смеются: молодые и сильные. Олег Ковалев, Павел Филиппов, Николай Мухамедшин, Виктор Руссу, Василий Елкин и другие. Они здорово себя чувствуют в миллионном режиме — эти крепкие, надежные парни. С портрета, висящего на стене, смотрит на них земляк, герой войны П. А. Зварыгин, павший за Родину. Работая за него, деньги, и немалые, ребята ежемесячно перечисляют в Советский Фонд мира. И на шахтной спартакиаде взяли они первое место. Много еще чего об этих ребятах можно рассказывать. Вроде бы КМК как КМК, а не просто бригада, прообраз будущего.

Они согревают многих. А что их греет? На этот вопрос они мне ответили вразнобой, но одинаково. Хозрасчет, на который собираются переходить, еще туже завяжет всех вокруг себя на добытую тонну угля, найдет золотую середину между местничеством и администрированием. Верят — решатся их бытовые проблемы. Знают — их миллионы сейчас на стрежне ускоренного развития и перестройки всей нашей жизни. Хорошее для них пришло время. Оно их греет.

●

Николай ТКАЧЕНКО

ГОРОД ОДНОГО ХОЗЯИНА

Этот очерк о городе томских нефтяников Стрежевом завершает серию публикаций, подготовленных журналом в уходящем году. Тема опубликованных материалов была связана с той огромной работой партии, которая начата в последние годы по активному «приращиванию» нашего государственного могущества путем вовлечения в народнохозяйственный оборот колоссальных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

На страницах журнала речь шла об угледобытчиках и градостроителях Нерюнгри и о проблемах Южно-Якутского территориально-производственного комплекса (ТПК) («Уроки Нерюнгри», 1986, № 3). О развитии города и быта бойцов ударных комсомольских строек («Обратный билет», 1986, № 5). О градостроительных, производственных и кадровых проблемах Нового Уренгоя («Город временного пользования!», 1986, № 10).

И вот теперь очерк о Стрежевом. Конечно, опубликованного мало для разрешения поставленной темы хотя бы даже в чисто информационном плане, ведь ударных комсомольских строек в Сибири несколько десятков! Поэтому начатый разговор будет продолжен и в следующем году. Мы постараемся развернуть затронутую тему шире, с выходом и на другие регионы страны: Дальний Восток, Среднюю Азию, Нечерноземье, где ударные комсомольские стройки с их делами, заботами и проблемами требуют широкого и гласного обсуждения.

Из городской газеты Стрежевого «Северная звезда» за 19 июля 1986 года:

«23 июля исполняется 20 лет нашему городу... За 20 лет построен современный благоустроенный город томских нефтяников, активно развивается его инфраструктура. Освоено 12 месторождений, добыто 138 миллионов тонн нефти, пробурено 5 миллионов 678 тысяч метров горных пород. Город известен добрыми делами и хорошими людьми. Накануне праздника 150 стрежевчан награждены орденами и медалями».

Анатолий Головастиков, бригадир строителей:

— Что такое — обживать край?.. Для меня — это строить добротные дома и видеть, как вселяются в них новые жители со счастливыми лицами.

Мария Русакова, каменщица:

— Это сейчас, когда все позади, кажется — романтика: тайга, балки, палатки. А людям всегда хочется тепла, домашнего уюта. Вот и я про себя думала: быстрей бы построить город, сделать его удобным, красивым, зеленым. А стройку надо любить, иначе здесь делать нечего.

Виталий Степанов, начальник нефтяного промысла:

— Нефть сегодня — это жизнь страны. Добывать ее надо. Иначе зачем мы все тут нужны?

В. Коптюг, академик:

— Вахтовая система развивалась быстро и поэтому не лишена недостатков. Вместе с тем необходимо прямо указать, что без этой системы плановые задания по сооружению газопроводов, глубокому бурению, освоению северных месторождений нефти и газа вряд ли были бы выполнены в столь сжатые сроки.

Леонид Влесков, председатель горисполкома:

— Жилье, соцкультбыт, закрепление кадров — вот барометр всей нашей жизни! Без этого невозможно решать большие задачи освоения края.

Фанзиль Гарипов, секретарь горкома партии:

— Пора положить конец облегченному варианту освоения Сибири. Край нужно не осваивать, а обживать! Основательно, умно, надолго. Создавать агропояс, стремиться к самообеспечению. Давать нефть и не сидеть у государства на шее.

Борис Абросимов, секретарь горкома комсомола:

— Людей даровитых, культурных, талантливых — много! Надо только давать им возможность реализовать свои силы, помогать. И тем самым обогащать город!

...Издалека бульдозер похож на деловито снующего жука. То вперед, то назад. То вверх лопата, то вниз. Сотворенье культурного слоя. Первого и пока что единственного на этой земле.

За бульдозером остается гладкая, чистая площадка, слегка подболоченная, однако вполне пригодная под застройку. Впереди, под его отполированным ковшом, коробятся, мнутся остатки стоявших здесь еще вчера временных жилищ стрежевчан: балков, бараков, избушек, вагончиков, сооруженных на пионерной стадии освоения здешних земель 10—15 лет назад. Жить было негде, вот и строили, и заселялись в утлые жилища, худо-бедно, а защищавшие первопроходцев от жестоких морозов, суровых ветров, поземок, дождей. Здесь создавались первые семьи, рождались первые дети. Кстати, в Стрежевом в июле этого года появился «свой» десятитысячный ребенок. А население города все растет и растет. К концу пятилетки ожидается пятьдесят пять тысяч. Новые жители, к слову, не узнáют и не увидят, что же это такое: временное жилище. А если жилище, то и житье, значит.

Ох, уж эта временность и времянки, эти кавалерийские наскоки на суровый и гордый сибирский край. Да, много взято было отсюда нефти, руды, угля, полиметаллов. Но какой ценой? Двадцать лет Самотлору — главному добытчику нефти в стране, однако до сих пор в Нижневартовске и Мегионе наряду с основательным блочным строительством сотни и тысячи стихийно и полустихийно возникших строений. Как только не называют районы времянок в Сибири: «шанхай», «самострой», «нахаловка». Здесь люди живут, полновластные граждане, с выслугой, льготами — и одновременно полнейшая анархия в градостроении! Вот он, временный подход, продиктованный натиском на здешние недра, наскоком, узкой ведомственностью «освоителей», не рассчитавших своих сил, да и не рассчитывавших, видно, на долговременность жизни в этих местах, на историю и развитие края после них. Главное было — выбрать как можно больше и быстрее сырье. А мощности стройиндустрии развивались между тем медленно. Дефицит в благоустроенном жилье накопился здесь громадный. Списки на улучшение жилплощади растут. Для многих получить новые квартиры станет возможным только к концу тысячелетия. За это время в балках и

бараках появятся внуки. Печальная сибирская современная мудрость гласит: «Нет ничего более долгосрочного, чем временные сооружения». Они переходят по наследству от одного поколения к другому, к новым новоселам, приезжающим на Тюменский Север. В Стрежевом с этим решили покончить.

Ловко управлялся бульдозер с грудой стоительных обломков, разравнивая и притаптывая широкими гусеницами. Выровненная площадка разрасталась. Наступило время обеда. Двигатель смолк. Из кабины выскочил разгоряченный молоденький бульдозерист. Выбил из примятой пачки сигарету, с удовольствием закурил.

— Здоро́во! — говорю. — Что, ломать — не строить?

— Да ты что, не местный, не в курсе? Тут последний балок был! Тыщу штук было их. Последний — и баста. А скоро новый город будет. Точнее, микрорайон новый. А город — вон он какой! Из этих балков все теперь там живут.

Парень с гордостью показал на бело-голубые панельные и охристого цвета кирпичные девятиэтажки, видневшиеся невдалеке и возведенные совсем недавно. Крайние дома отстроенных микрорайонов выходили прямо к тайге. Темнохвойные челки таежных кедров, перемешанных с осинами, соснами и березами, с любопытством заглядывали в окна верхних этажей. Удивительное дерево кедр! Тут ценят его реликтовое величество, деревьев не губят без надобности. Город, вписавшийся в местный ландшафт, не имеет окраин. Так с высоких домов и начинается.

В первом микрорайоне города, откуда начинался Стрежевой, дома деревянные, двухэтажные, обсаженные с любовью деревьями. Дышится здесь легко, транспорт не заезжает, песчаные дорожки постоянно сухи. И тем не менее все это — вчерашний день. Даже позавчерашний. Хлопают двери, рассохлись деревянные лестницы, скрипят полы, да и звукоизоляция не на высоте. Словом, здесь не хватает того, что в избытке демонстрируют кирпичные и панельные пяти- и девятиэтажные дома через дорогу напротив: во втором, третьем и четвертом микрорайонах, собственно говоря, и представляющих в настоящий момент истинное лицо города.

Кроме всего, оказалось, что в этих местах, окруженных болотами, срок службы деревянного сруба лет двадцать, не больше. Даже на вахтовых поселках бревенчатых домов больше не строят — невыгодно. Нужна капитальная застройка, бетонно-каменная. В деревянной части города предпочитают оставаться ветераны, здешние первопроходцы. Кое-кто из них уже вышел на пенсию, обзавелся дачным участком и предпочитает каменному жилью приятно поскрипывающие половицы и отрадную сень созданного свои-

ми руками городского уюта первой ступени. Часть общественных учреждений располагается здесь, местное общество охраны природы, несколько магазинов.

Стрежевчане не спешат полностью сносить деревянный микрорайон старого города. В виде заказника и в знак уважения к памяти тех, кто пришел сюда первым, они решили оставить нетронутым опрятный бревенчатый массив и содержать его в образцовом порядке.

Еще в начале 70-х годов нефтяники поняли, что деревянная застройка не решит жилищной проблемы города. Да и слишком мал был сухой пятачок на берегу таежной реки Пасол, рядом с кедровой гривой на ее крутом берегу. Город следовало возводить в каменном исполнении, поднимая его в высоту, обеспечивая надежными инженерными коммуникациями, тепло- и энергоснабжением, дорогами с асфальто-бетонным покрытием, общественным транспортом. Титул генерального застройщика обязывал местное нефтегазодобывающее управление (НГДУ), руководимое Николаем Филипповичем Мержой, не разбрасываться, не распылять сил на времянки, держаться твердой градостроительной идеи. Так и было. Капитальная застройка, начавшаяся в 70-м году, с первых своих пятиэтажек заметно прибавила гражданского оптимизма горожанам, познавшим преимущества благоустроенного жилья. Да и непознавшим. В каждой семье стали просчитываться варианты возможного вселения (а строили споро, надежно!), корректироваться перспективы пребывания здесь на долгий срок. На нефтепромыслах резко пошла на убыль текучесть кадров, стала расти производительность труда, добыча нефти.

Весной 72-го года первое в Томской области комсомольско-молодежное строительное управление приступило к возведению первой в Стрежевом «высотки», кирпичного девятиэтажного дома. Это была новая ступень капитальной застройки, более прочно связавшая интересы «дела» и «быта» нефтяников. Пристальное внимание и большую поддержку нефтяникам и строителям оказывал обком партии.

На одном из двухэтажных деревянных домов вывеска: «Трест Томскгазстрой. Комсомольско-молодежное строительное управление № 1». Заслуга КМСУ-1 огромна. Оно построило в городе три четверти капитального жилья и весь соцкультбыт: детские сады, школы, медицинские учреждения, магазины. Трудно поверить, что сделано все это коллективом в три сотни человек, считая и управленческий аппарат. Годовой объем освоения капиталовложений 12 миллионов — под стать иному тресту в средней полосе.

Сорок тысяч на человека! В строительных работах, когда основным материалом является кирпич, а не объемные бетонные блоки или панели, это высокая выработка. Все построенное в городе из кирпича, включая и комфортные девятиэтажки,— дело КСМУ. Как все это удается строителям?

Иван Михайлович Петров, 34-летний начальник управления, в Стрежевом появился в семьдесят третьем году с легким чемоданчиком и с не споротыми еще погонами сержанта на солдатской шинели. В кителе рядом с военным билетом лежала комсомольская путевка сюда, на ударную стройку. С ним было еще двенадцать парней, бывших солдат, демобилизовавшихся из его же части. Никого из них теперь не осталось. Разлетелись кто куда. Самого стойкого из них, не считая Ивана, на три года хватило. Самого бойкого — на три с половиной месяца...

Если честно, то и сам Петров поначалу запаниковал: может, уехать, пока не поздно? Специальность есть — техникум как-никак за плечами. Там, дома на «материке», не дадут пропасть, работу хорошую подыщут. Да и матушка ждет не дождется, невесту прискивает. Ни забот тебе о квартире, ни хлопот бытовых. Живи спокойно, как говорится, гуляй, пока молодой. Друзья возвратились из армии, тоже ждут его. Ну а тут? Холод, комары, неустроенность, грязь, снег чуть ли не в начале сентября. И работка не ахти себе: все дожди и все ветры с морозами — твои. Устроился каменщиком. Позарез нужны были каменщики тогда в Стрежевом. Капитальное строительство жилья было в самом разгаре. И потом, путевка, где написано: «направляется на ударную стройку». Позорным было бы часть свою подвести, увильнуть от ударного фронта, одного из важнейших на трудовой карте Сибири. Нет, ретироваться не стал. Характер не тот. Хоть с годок перебуду, попробую... Так решил. И вот идет уже четырнадцатый годок. «Всосало — и все тут!» — смеется Иван Михайлович, хитровато посматривая на меня.

— Ну а если честно,— продолжает он,— то куда уж теперь? Тут семья, дети, дело. Вторая родина, можно сказать. Бывает, сидишь где-нибудь в Гаграх на пляже во время отпуска, а вспоминаются челки кедровые, Пасол наш и вся пойма на том берегу, залитая полой водой на многие километры... Вскочишь на горячих камнях, дьявол, думаешь, с этим отдыхом, там люди без меня вкалывают! Надо ехать, и как можно скорей. Да жена охладит, успокоит. Никто, дескать, там не пропадет без тебя, каждый на своем месте и дело свое делает... Приезжаю сюда, вижу — крутится конвейер, работает, подаются кирпичики, разрастается наш город! Идешь и видишь, что ты здесь своими руками построил. Огоньки в квартирах новоселов считаешь...

Бесспорно, хорошее было начало положено организацией в

69-м году комсомольско-молодежного строительного управления. В Стрежевом приняли решение образовать КМСУ именно тогда, когда развернулось строительство капитального жилья, создание социальной инфраструктуры. Успехи строителей не заставили себя ждать и были признаны всеми. Появились награды, поощрения, переходящие знамена. В кабинете Петрова их семь, в том числе два от ЦК комсомола. Да и было за что. За дело, профессионально грамотное, качественное, за гражданскую, без преувеличения можно сказать, да и просто человеческую самоотверженность. Труд строителя — это зачастую тяжелый физический труд, грязь, обморожения, простуды. Именно тут передний край освоения, и слабым душой и телом туговато приходится. Само дело их отсюда просто-напросто выталкивает, выживает. И так получилось, что остались со временем в управлении почти что одни «сильные» и... перестали улавливать нюансы, тонкости в инженерном подходе, в организации строительного потока. Медвежью услугу оказали на каком-то этапе управлению «лавры». Приостановился рост объемов строительства. И вот что произошло.

В Стрежевом, оторванном от материкового куска Томской области оторочкой болот, важнейшим звеном строительного потока является сама Обь, точнее, навигационный период на Оби. Все «генеральные» грузы: металл, цемент, железобетон, кирпич и даже песок с гравием — идут из Томского речного порта за тысячу километров с открытием навигации в начале мая. Но вот уже двадцать лет грузополучатели Стрежевого не могут наладить оптимальный график поставок, до мельчайших деталей состыкованный с речниками. Вину перекладывают один на другого. Дело тянется из пятилетки в пятилетку. Речникам нужен грузооборот, надежная база для переброски грузов, то есть высокомеханизированные причалы, избавляющие суда от простоев. А причалов таких крайне мало. Года три назад на моих глазах в Стрежевом под разгрузкой продуктов семисоттонная самоходка простояла одиннадцать суток. Речники, избегая убытков, ищут более выгодные грузы, гарантирующие прибыль. В итоге это бьет по стабильности их услуг нефтеградцам. А в результате строители, исчерпав за зиму запас стройматериалов, с февраля по май нередко сидят без работы. Вот пример «ведомственности», точнее, ведомственной разобщенности. Как говорят, капля камень точит. А начальство КМСУ скромничало, стыдилось нажимать на более высокое начальство. В итоге нарушался строительный ритм, нарушались графики сдачи объектов в более благоприятные сроки — летом. Дома стали по преимуществу сдаваться к началу зимы. Их надо было отделывать, дополнительно просушивая, для чего тратились немалые средства, электроэнергия. Из Томска специально завозили кокс, устраивали

в домах жаровни и сушили стены. Десятки людей денно и нощно несли у этих жаровен кочегарские вахты.

И все равно это было не то. Дома, полупросушенные и несовершенно отделанные, сдавались в эксплуатацию. Бригадир строителей Александра Федоровна Бобринева, депутат местного горсовета и лауреат премии Ленинского комсомола, рассказывала мне, что одну из комнат в ее квартире на зиму приходится закрывать — промерзают стены. Несколько улучшились поставки стройматериалов по железной дороге от Томска до Нижневартовска через Тюмень. Путь, что ни говори, далекий, однако у строителей появилось больше возможностей для обеспечения себя материалами. Теперь они могут смелее планировать свое производство.

Мешало делу и то, что в Стрежевом засиделись с реконструкцией завода железобетонных изделий. Дома, как известно, без лестниц, перемычек, балок, прогонов не построишь. Набора этих деталей часто не хватало, и бригады рубили большие плиты на малые. Истинного профессионала такое дело унижает. Надоедает жить по присказке: «Меньше задавай вопросов, больше работай». Такое было. А вопросы зачастую задавали люди подготовленные, грамотные, в основном инженерно-техническая молодежь, приходящая на стройку и желающая работать, «как в институте учили». Такие кадры сюда поставляет по преимуществу Томский инженерно-строительный институт. Как ни хорошо работали по старинке, но возникал конфликт хорошего с еще более хорошим: молодые стремились работать «по уму», по инженерно-хозяйской логике специалистов — строить эффективно и с наименьшими затратами. Но не всегда так получалось.

В часто нарушаемом ритме работы инженерно-технической службе становилось работать все сложнее. Зато легче было приспособленцам. В управлении строительным потоком все чаще приходилось прибегать к местным хитростям. В ход пошли примиренческие «бумажные» способы оправдаться (акты на списание, «пустографики», отчеты, объяснительные, докладные), отбивающие у молодежи истинно инженерный интерес к непосредственному строительному процессу. В управлении накапливались бумажные завалы. На какое-то время приостановилось творческое отношение к делу. Это был кризис. Сошла на нет материальная заинтересованность инженеров, работающих в управленческом аппарате. Добрый десяток лет, вплоть до прошлого года, все они почти не получали квартальных премий. Тогда как линейщики, мастера и прорабы кое-что получали. Свои премиальные получали рабочие. А что такое инженерный оклад? Сто сорок. Хорошо еще, районный коэффициент в здешних местах неплохой — 1,7. То есть 70 процентов доплаты к основному окладу. Иван Михайлович

Петров, занимавший в то время должность главного инженера, не раз задумывался, как же улучшить роль инженерной службы в целом. Когда назначили начальником управления, стал исподволь менять сложившиеся порядки. Нашлись у него и единомышленники. Поддержали в тресте. Год-полтора назад появились и первые добрые результаты, говорящие об оживлении, о значительном улучшении работы КМСУ-1.

Так в конце концов была сломлена порочная традиция сдавать дома в конце года. В первом полугодии 86-го строители выполнили 60 процентов годового плана жилищного строительства. Это была серьезная победа. Стали приниматься и за качество, требовать его от всех звеньев и далее — воспитывать будущих квартиросъемщиков. Сдавая отлично отделанные квартиры, не грех потребовать от жильцов бережного отношения к своему дому, ко всему, что построено в городе.

Что же особенного произошло в управлении? Особенного — ничего. Просто надо было посидеть и подумать, обсчитать все с точки зрения экономики и внедрить новое в производство, выбивая почву из-под ног укоренившихся было простоев и штурмовщины.

Первое, что дало резкий подъем производительности, — это создание в управлении специального подразделения «нулевиков». Прежде строительные бригады сами готовили себе «нули» (все, что ниже первого этажа по строительной терминологии — это «нуль»): рыли котлованы, забивали сваи, возводили фундаменты. Работа самая трудоемкая, не из «веселых», требующая умелых маневров с техникой, материалами и людьми, чего не всегда хватало некоторым из бригадиров. От этого строительный цикл нередко ломался, то тут, то там возникали сбои, недоразумения с распределением техники. Подумали в управлении и решили все «нулевые» работы сосредоточить в одном подразделении, способном обеспечить начальным фронтом работ все строительные бригады.

Новое дело возглавил энергичный и толковый прораб Борис Цисарь. И работа пошла! Централизованно, грамотно, четко по графику и без потерь стали подаваться «нули» для бригад каменщиков. Дома энергичней подались вверх. В полновесном смысле возродился строительный поток, потекла по нему, как по транспортеру, работа. Ею стало возможно с большей отдачей управлять. Итээровцы в управленческом аппарате воспрянули духом — от них стали зависеть реальные результаты на стройплощадке.

Плюс ко всему ритмичная работа нормализовала, облагородила труд инженеров, освободила их от излишней бумажной волокиты. Но самое ценное — на глазах у всех произошла перестройка, дав

крупную дозу инженерного оптимизма и профессионального опыта всем, кто хочет работать засучив рукава. Это ли не человеческий фактор — предельно развить в человеке его возможности и дать возможность претворить их в дело?!

Из конторы КМСУ я направился в бригаду каменщиков Анатолия Головастикова. По дороге раздумывал над перспективами управления, о которых рассказал мне Иван Михайлович Петров. Что, на взгляд молодого начальника, было здесь самым важным? В управлении поняли, что перестройка — это не просто голое арифметическое сложение наработанного вчера и сегодня. Тут диктуется действие, которое ближе к извлечению рационального корня из действительного и желаемого. Тут должно быть приближение к желаемому, то есть в какой-то степени к идеалу. А это значит, нужно смелее вскрывать огромные резервы, таящиеся в недрах самого управления, в технологическом процессе, а также в понимании и поддержке инженерных новаций рабочим человеком.

...Комплексная бригада Анатолия Головастикова только что начала кладку первого этажа детского отделения будущей поликлиники. Аккордный наряд предусматривал сдачу трехэтажного корпуса к 6 октября. После каменщиков на стройку сразу же должны прийти смежники: электрики, сантехники, отделочники известного на весь Стрежевой участка, руководимого Людмилой Георгиевной Юдиной. Смежники, что называется, наступают на пятки. Поэтому и встретил меня Анатолий хмуровато: «Не люблю зря болтать, из пустого в порожнее переливать». Тем не менее мне удалось выманить его на полчасика с площадки и поговорить с ним в бытовке.

Труд каменщика — древнейший труд. Конечно, облегчить, механизировать его можно, но до известных пределов. Главным инструментом остаются по-прежнему руки. Полтора кубометра кладки за смену на одну пару рук. Это хорошая выработка. Сильно облегчает труд башенный кран, подающий поддоны с кирпичом, перекрытия, раствор. Неплохо приспособили здесь и растворный бункер, где шнеком постоянно перемешивается раствор, и оттого долго сохраняет свежесть. Но зимой, когда за сорок морозы, механизмы отказывают. Класть-то можно, и работают руки. Но металл не выдерживает.

Коллектив у Анатолия крепкий. В бригаде 21 человек. Половина из них — проработавшие здесь более десяти лет. Есть текучесть, но небольшая, идущая от жизни во всей ее сложности и непредсказуемости. Нынче вот из бригады тоже ушло несколько человек.

Трое по семейным обстоятельствам. То детишкам не климат, то жена часто болеет, то на родину старики позовут — старые совсем. У одного парня из Уфы девушка отказалась сюда приехать. Отправился к ней, вроде там поженились. А еще один, классный электросварщик, тот четыре года отработал в бригаде, накопил на машину и уехал. Тоже порицать особенно не будешь. Работал хорошо, от души. Память хорошую о себе оставил. Ну а каковы же главные мотивы долгожительства здесь? Что оставляет людей в этих краях зачастую навсегда?

— Главные? Только не желание заработать побольше! — как-то возбужденно и остро реагирует на мой вопрос Анатолий. — Люди сюда приезжают жить. Да, по-настоящему жить! У каждого должен быть свой дом. Свой город. Показать и проверить себя приезжают — по большому счету!

Взамен ушедших сразу же приняли новеньких. С кадрами бригадир не капризничает. Берет в основном кого дадут. Но сразу же начинает присматриваться. Немного новичок поработает, и становится видно, что он за специалист. Старательному, хоть и не с высоким разрядом поначалу, — таков был Михаил Русанов, теперь звеньевой, такому Анатолий поможет подняться, вырасти. Похлопочет о квартире, детском садике, если надо. А тому, кто частенько на часы поглядывает и самый первый у кассы, тому бригадир, не мешкая, укажет за порог.

Я поинтересовался у Головастикова годовой выработкой бригады, хотя бы приблизительной. Руководитель коллектива отвечал точно: за год бригада строит 90-квартирный дом. Это немало, и надо заметить, стабильно из года в год при высочайшей трудовой дисциплине. За что ей и присвоено, единственной в Стрежевом, имя XXVII съезда партии. Спросил я у бригадира о бригадном подряде, о соцсоревновании, о действии коэффициента трудового участия. Да, и первое и второе есть, а вот третьего — КТУ, нет. Пробовали было ввести, да рабочие в стыд бригадира вогнали. «За кого ты нас принимаешь? Что, работу свою мы делаем не на совесть?»

И такое бывает. Видно, на этом уровне бригадного самосознания КТУ (коэффициент трудового участия) в коллективе не нужен. Тут главный производственный рычаг — рабочая совесть. Вообще Анатолий не навязывает совету бригады руководящие указания сверху, да и свои тоже. Чаще инициатива возникает снизу. Тут, без всякой подсказки начальства возникло соцсоревнование с бригадой лауреата премии Ленинского комсомола Николая Лебедева. В том же управлении лебедевский коллектив работает. При подведении итогов «дерутся» буквально за каждую десятую, сотую часть кубометра кладки на душу! Успех переменный. Так,

в июне в бригаде Лебедева выработка была 1,47 кубометра, у Головастикова — 1,48. Полнейшая драма для Лебедева была... Бросились перемерять, пересчитывать...

Что значит, как говорит Анатолий, по-настоящему жить? Прежде всего — это обживать край. Прочно и навсегда укореняться на северной сибирской земле. У Анатолия трое детей, родившихся здесь, в Стрежевом. Еще у четверых из его бригады по трое, у многих — по двое. И все коренные, так теперь можно сказать, стрежевчане. Если рождаются дети — это мнение бригадира, — значит, есть возможность их поднять, поставить на ноги. Есть гарантия твердого благополучия и профессиональной занятости с хорошей перспективой на будущее. Ну а если к тому же еще и местная природа по душе — а для многих так оно и есть, — то такой край становится родным и пропадает желание менять его на что-то лучшее. Многие из встреченных мною здесь людей считают именно так.

Александра Федоровна Бобринева руководит бригадой отделочниц. Да-да, не зря на этот раз специальность указана в женском роде. Именно отделочниц. Это сугубо женская специальность на Севере. И мне показалось, что есть тут о чем с Александрой Федоровной поговорить. Ну, скажем, о мотивах появления здесь молодых комсомолок, их подготовленности к освоению северных широт, о заботах местных хозяек, касающихся сугубо прозаических вопросов жизни и быта в Стрежевом. Ей как депутату горсовета многое должно быть хорошо известным. Кстати, совсем недавно Александре Федоровне присвоено звание «Почетный гражданин города», учрежденное в связи с двадцатилетием Стрежевого.

Сама Бобринева из Калининской области. В 68-м году оказалась здесь по путевке комсомола. Серьезно настраивали в райкоме на северную жизнь, много рассказывал специально прибывший туда из Томска уполномоченный. Трудности не скрывал, неустроенность на первых порах, да и заработков лихих не сулил. Стрежевой выручать надо, говорил, строить. А кто трудиться хорошо будет, тот и заработки будет иметь. Не лгал тот человек, не кривил душой, не заманивал безответственно. За это ему благодарна Александра Федоровна до сих пор. Энтузиазм был сознательным у многих. Потому и готовность внутренняя была. Не страшились трудностей и не рвались нахраписто дармовые деньги добывать.

Чем отличается теперешняя молодежь, направляющаяся сюда? Странной, какой-то искаженной информированностью. По путевкам зачастую девушки приезжают за легким заработком. Иные так с ходу и заявляют: «Хотим хорошо зарабатывать, ведь нам обещали!» Спрашивается, кто обещал, зачем? И кому? Облада-

тельницам наманикюренных пальчиков, которые тяжелей маминого кошелька в руках ничего не держали. Спроси у нее, зачем мы тут, коли здесь ударная стройка и здесь, стало быть, трудно? Да вот и свежий пример, буквально вчерашний. Приходит в бригаду женщина молодая из Свердловска. В трудовой книжке у нее значится четвертый разряд маляра-штукатура. Высший почти по отделочной квалификации. В бригаде такой только у четверых, настоящих мастериц своего дела. Что ж, четвертый так четвертый. Надо проверить. Дают ей работу — потолок шпаклевать. Простенькая работа, для второго разряда. Проверяют задание. За полдня сделала пять квадратных метров. Девять копеек метр. «Что же мы с тобой будем зарабатывать? — спрашивает Александра Федоровна. — Надо тебе пока перейти в ученицы». — «А у меня разряд! Попробуйте снимите!» Ну, это совсем уж никуда не годится. Амбиция. Разряд-то есть, но где он получен и за что? Или такой, тоже недавний случай. Прислали в КМСУ семнадцать каменщиков из Грузии с высшими разрядами. Обрадовался было Петров — ударники по комсомольским путевкам приехали. Распределил их по бригадам, а половина из них кельму держать не умеет. Фиктивные разряды оказались у всех. Отказал им Петров платить по высоким разрядам, а на низшие «мастера» не согласились, уехали. Так вот, о той самой женщине. Тоже в позу встала, четвертый разряд, и только. Дали нагрузку ей по четвертому, работай. Четыре дня поработала и ушла. В магазин куда-то устроилась... А другая вот девушка Ира, тоже из Свердловска, техникум строительный окончила, та хорошо работает. Со второго разряда начала и старается. Скоро третий получит. Пару лет поработает, глядишь, и для работы мастером созреет. Только так.

Много воды утекло в Пасоле за восемнадцать лет, как прибыла сюда Бобринева. Все эти годы Александра Федоровна отделывала дома, детские садики, школы. Последние десять лет возглавляет бригаду, одну из лучших в управлении. Теперь у нее три дочери — Ира, Марина, Лена. Все коренные сибирячки и судьбы своей от Сибири отрывать не собираются.

Часто вспоминает Александра Федоровна случай, относящийся к осени 79-го года. Упросила ее тогда Людмила Георгиевна Юдина, начальник участка, взять на обучение двадцать семь только что прибывших девчат. Оставить свою бригаду, надежную, сплоченную, и взять совершенных неумех. На это надо иметь характер, хорошие нервы. Пусть об этом расскажет сама Александра Федоровна, тем более случай чрезвычайно поучительный для многих.

— Пришлось мне тогда горюшка хлебнуть. Дашь работу, бы-

вало, придешь проверять, а они дверь изнутри подопрут. Я — в окно. Одна книжку читает, другая курит, третья красится. Что, девчата, сидите? «А мы устали. И работа не нравится». Что тут делать, ругаться? Докладывать начальству? Воспитывать? Проклинала себя за то, что согласилась принять пополнение. Опускаются руки, и все тут. А они наседают: «Вот, нас заманили сюда, а мы тут за сотню вкалывай!» Как тут быть? Как до их сердца добраться? И прошла моя робость, агитаторшей стала. Здесь вам, говорю, не палатки дали, а лучшую девятиэтажку! Да вы отобрали у нас этот дом, у рабочих, стоящих на очереди. У детишек. Вас как настоящих людей встретили, обустроили, а двести-триста рублей получать — это же надо работать! Не нравится работа, идите в горком комсомола, пусть вас откомандировывают в лучшее место. Возвращайтесь домой, наконец. Мне стыдно бездельничать самой тут с вами, я уйду... Не ушла, потому что проклюнулось что-то у них. Потянулись ко мне — потеплело, повеселело в бригаде. Таланты у некоторых открылись. Неплохие, вижу, девчата! Только деформировано у них сознание, на ложном пути вот-вот окажутся. Решила бороться за них... И остались девчата, почти все из двадцати семи. Двое из них в моей бригаде работают: Галя Савельева и Наташа Кузнецова. Остальные по другим бригадам разошлись. Судьбу устроили, замуж вышли. Женское свое счастье нашли и никуда не поедут отсюда. У Кузнецовой Наташи дочка, пять лет, сынишке полтора года. Муж речник, на катере работает. Ждут квартиру хорошую. Вот-вот должны получить. Трехкомнатную, как и полагается на четверых...

Вот уже несколько созывов Александра Федоровна Бобринева депутат горсовета. Город растет, постепенно украшается не только домами, но и тем, что возле домов, на проспектах, улицах, в магазинах. Речь идет о закономерной комфортности города. Однако понятие «городской комфорт» не для всех городов однозначно. Оценка его зависит от уровня культуры, образованности, потребностей того или иного человека, населения города. Комфортность, скажем, старинных городов обеспечивается их скверами и парками, уникальными историческими зданиями и памятниками. Все это создавалось десятками, а то и сотнями лет. Здесь над комфортностью поработало всего лишь одно поколение, к которому относится и Александра Федоровна. Стрежевой, созданный этим поколением, нравится ему.

Стрежевчане любят свой город, но любят не слепо. А потому стремятся сделать его еще лучше. Очень не хотят, чтобы он пре-

вратился в огромную каменную «спальню», в бетонный мешок, лишенный света и воздуха. Такое Стрежевому, судя по всему, не грозит. Для заключительного разговора о городе иду к его «мэру» — председателю горисполкома Леониду Николаевичу Влескову.

— Думается, Леонид Николаевич, в честь сноса последнего балка в Стрежевом следует поставить еще один памятник — «Здесь кончился временный город — впервые в Сибири!».

— Да, это вы точно сказали. Надо подумать, — широко улыбается совсем еще молодой «мэр», отвечая на шутку крепким рукопожатием.

Присаживаюсь, Леонид Николаевич начинает рассказ, извлекая из шкафов папки, доставая ту или иную бумагу для справки. Да, действительно, с ликвидацией балков Стрежевой приобрел все черты современного города, но забот у горисполкома и его депутатов не убавилось. Потребности горожан растут пропорционально с ростом благоустроенности, другими словами, комфортности. Еще недавно в парке не было ни одного аттракциона, но когда они появились, горожане потребовали уютных кафе, закусочных, пельменных. И они правы. Все это нужно. Нужны учреждения культуры и спорта, которых не хватает пока. В отличие от недавних времен, когда нужно было формировать коллективы, думать о хлебе насущном, о том, чем накормить, как согреть, где помыть людей, перед нами стоят иные задачи.

Хоть то же строительство. Объемы его несравнимо возросли. А содержание города, озеленение, благоустройство, поддержание чистоты? Все это держится на шефской помощи нефтяников и строителей. От них требуется основное: развивать город дальше, шефствовать над хлебозаводом и четырьмя совхозами в районе, над школами, детсадами, обустраивать парк, разбивать скверы, строить жилье и одновременно выполнять основной производственный план. И глядя на чистый, уютный, с хорошими бетонными дорогами город, видишь, что все здесь в крепких руках одного хозяина. Но еще очень много надо сделать, считает Леонид Николаевич, чтобы горожанам жилось удобно, комфортно.

— Вот, — кладет он руку на пухлую папку. — Тут жалобы и заявления на жилье. Эта проблема на сегодня самая главная! Да, мы радуемся, что в городе у нас играется много свадеб. Но большинство молодоженов — это вчерашние жильцы общежитий, а сегодня им нужна отдельная квартира. Молодежные кооперативы надо строить. Со стройматериалами сложно. С фондами, но выходы есть. Считаю, что дело создания МЖК должен взять на себя комсомол. Или та же проблема расширения жилья. Скажем, жители второго и третьего микрорайонов еще пять

лет назад были полностью удовлетворены жилплощадью, а теперь у них выросли дети, отслужили в армии, отучились в техникумах, институтах и возвратились домой. Тут создали семьи, детишками обзавелись. Что же? Тесно стало в квартире. Появились целые династии нефтяников! Улучшение нужно! Птенцы возвращаются в родное гнездо. Но как-то неудобно отца большого семейства, заслуженного ветерана, подающего на расширение, отсылать в общую очередь. В итоге стараемся решить конструктивно жилищную проблему. Много внимания уделяется главным застройщикам города — тресту Томскгазстрой и ПМК-90, увеличению их мощностей. В 12-й пятилетке планируем ввести около 400 тысяч квадратных метров жилья. Это столько, сколько построено в Стрежевом за двадцать лет. Кроме этого, будут построены Дворцы молодежи, Дом техники, стадион с плавательным бассейном, ГПТУ на 720 человек, несколько новых магазинов, детских садов, школ... Планируем полностью ликвидировать отставание в сфере соцкультбыта. Усилим дальнейшее развитие садово-огородных товариществ, строительство гаражей для легковых автомобилей. Будем укреплять наш продуктовый фонд за счет местных совхозов, подсобных хозяйств и рыболовецкой артели. К 90-му году планируем в полтора раза увеличить производство яиц, молока, мяса, собственных овощей. Резко сократится завоз этих продуктов с Большой земли... А в целом наша градостроительная концепция, сформированная с помощью Томскгражданпроекта, — это комплексная застройка. В каждом районе закладывается необходимое количество объектов соцкультбыта, и мы ни одного строительного подразделения оттуда не снимем, пока там всего не построят! В этом нашу позицию поддерживают все руководители предприятий, члены горкома партии и депутаты горсовета. Кстати, все они выросли здесь, знают досконально наши проблемы. Так что серьезных разногласий у нас по развитию города нет. Все решаем оперативно, на месте. Словом, обживаем край единогласно.

●

А. П. БЕЛОБОРОДОВ,
генерал армии,
дважды Герой Советского Союза

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сын крестьянина-бедняка из деревни Акинино Иркутской области, Афанасий Павлантьевич Белобородов более шестидесяти лет назад надел военную форму и с тех пор верой и правдой служит социалистическому Отечеству, советскому народу.

В битве под Москвой А. П. Белобородов командовал 78-й (9-й гвардейской) стрелковой дивизией. Сколько бы лет ни прошло, те дни тревог и побед будут помниться Афанасию Павлантьевичу ярусами аэростатов воздушного заграждения, гулом «юнкерсов», прощальными салютами над свежими могилами погибших товарищей, криками «ура!» в цепях идущих в атаку бойцов.

Минули десятилетия, но нетленна память о героях и их подвигах. Это неистребимая память сердца.

О битве под Москвой немало написано, рассказано, в том числе и Афанасием Павлантьевичем Белобородовым. И тем не менее людям интересно узнать новые подробности, еще раз вспомнить о том грозном времени.

Меня нередко спрашивают о самом памятном в Московской битве, и я не могу выделить какой-то отдельный эпизод,

какое-то конкретное событие. Не могу, ибо все прожитое и пережитое в ту пору спрессовалось в одну общую боль, в единый порыв — под руководством Коммунистической партии бить врага, отстоять родную Москву.

Давайте вспомним, как стоял вопрос о судьбе нашей столицы. Понимая огромное политическое и военно-стратегическое значение главного города Советского государства, гитлеровское командование связывало с его взятием судьбу войны.

...Они нарекли операцию по захвату Москвы «Тайфуном», вложив в это название привычный для себя смысл: тайфуном смести сопротивление обороняющихся советских войск. Отсюда и мощное сосредоточение сил вермахта под Москвой: почти полуторное превосходство в людях, почти двойное в орудиях и минометах, более чем двойное в самолетах, танках и самоходных установках.

Положение усугублялось тем, что советская военная экономика того периода не могла полностью удовлетворить потребности действующей армии в боевой технике и вооружении ввиду вынужденной эвакуации многих предприятий в восточные районы страны. А ко всему этому — еще и необходимость держать значительные силы на границе с Японией и Турцией. Но хочу подчеркнуть одну существенную деталь: враг превосходил нас в количестве людей — мы превзошли врага людьми. Мы были и остались сильнее людьми, коммунистически убежденными, беззаветно преданными Родине, готовыми на подвиг и самопожертвование во имя высоких идеалов, во имя жизни грядущих поколений. В дни обороны столицы я видел таких людей в работе и тревоге, в дни наступления под Москвой — в ярости первых атак и радости первых побед. Но я никогда не видел их поникшими, сломленными неудачей.

Сегодня мы знаем: начальный период войны был самым трудным в борьбе советского народа с фашистскими захватчиками. Используя временные преимущества, гитлеровская армия, не считаясь с потерями, устремилась в глубь нашей страны, предавая огню все, что встречалось на ее пути. С болью в сердце, под давлением превосходящих сил противника наши войска были вынуждены временно оставлять родные города и села, отходить на восток.

В конце сентября сорок первого года, непосредственно перед началом боевых действий под Москвой, немецко-фашистские армии заняли оперативно-стратегическое положение. Советское командование принимало меры к созданию глубоко эшелонированной обороны и накоплению резервов.

Подумать только, на четверть миллиона больше у врага рвущихся к Москве солдат! Тысяча семьсот танков — три четверти всех, что действовали тогда на советско-германском фронте. На отдельных участках превосходство гитлеровцев было двадцатикратным.

В канун 40-летия битвы под Москвой газета «Правда» обстоятельно рассказала о таком случае. Он мне тоже памятен.

В день, когда танки Гудериана прорвались на одном из стратегически важных участков, залатать брешь выпало только что сформированному корпусу, в составе которого был один-единственный танк. На этой тридцатьчетверке экипаж под командованием лейтенанта Новичкова столкнулся с головным дозором гитлеровцев из пяти танков, бронетранспортера, нескольких мотоциклистов. По всем канонам в бой Новичкову вступать не следовало. Но воин-

патриот знал: задержать врага на открытой дороге больше некому. И грянул бой!

Когда отважный экипаж Новичкова подбил два вражеских танка, остальные поспешили убраться. Никак не мог допустить враг, что за этим единственным танком не стояли другие краснозвездные машины.

Назову еще одно имя: Валентин Хаметов. Об этом парне из Комсомольска-на-Амуре в начале сорок второго года узнала вся страна. В бою близ подмосковной деревни Городище отважный пулеметчик уложил более сотни фашистов. О его подвиге, отмеченном орденом Ленина, рассказала «Комсомольская правда». Всю войну имя Валентина Хаметова было в нашей дивизии паролем мужества. Да и не только в нашей.

Я часто вспоминаю героические действия бойцов и командиров нашей дивизии. Вот один из таких эпизодов: это было на рубеже Мары — Слобода, на участке обороны 2-го батальона 40-го стрелкового полка. Утром капитан Уральский доложил: «Батальон отбил атаку. Сожгли несколько танков. Особенно отличились артиллеристы дивизиона майора Таратана. Первая батарея стояла насмерть, расчеты орудий погибли в рукопашной при защите огневых позиций. В строю батареи осталось семь человек из шестидесяти...»

Подвиг батарейцев зримо предстал перед нами лишь месяц спустя, когда дивизия, уже наступая, вернулась на прежний рубеж. Здесь, близ совхоза «Бороденки», артиллеристы отыскали огневые позиции 1-й батареи. Разбитые пушки были занесены снегом. Разгребли снег, нашли тела павших товарищей. Все они встретили свой последний час как русские солдаты — лицом к врагу.

Наводчик первого орудия, заместитель политрука Лебедев был убит автоматной очередью в грудь. В кулаке он сжимал шнур орудийного затвора. У второго орудия со снарядом в руках лежал сержант Осинцев. Красноармейца Окунцова нашли в окопе. Он и мертвый прижимал к уху телефонную трубку. Почти все погибшие имели бинтовые повязки: получив ранения, они не ушли в тыл, сражались до последнего вздоха. Все здесь свидетельствовало о жестокой рукопашной схватке, завершившей бой.

Сколько примеров такого героизма дала Московская битва.

Много лет прошло с тех пор, но, как прежде, с благоговением думаешь о животворных источниках высокого духа, обусловивших в то суровое и грозное время геройское поведение каждого советского воина — от рядового бойца до генерала и маршала. У наших войск было большое моральное превосходство над фашистскими солдатами, которое не учитывалось ни планом «Тайфун», ни Гитлером и его генералитетом. Советские воины дрались за Москву, неся в своей груди такую любовь к социалистической Родине, такую силу ненависти к фашистским захватчикам, которую нельзя было уничтожить никакой бронированной армадой.

Для того чтобы сдержать лавины гитлеровских танков, рвущихся к Москве, требовалось огромное напряжение духовных и физических сил. Нужна была поистине глубокая вера и убежденность в то, что наше ленинское дело правое и неминуемо возьмет верх. И такой поистине воспламеняющий заряд убежденности сумела заложить в сердца советских людей Коммунистическая партия. Она рождала в нас непоколебимую веру в свою силу, в неизбежность нашей победы.

Такую уверенность в правоте нашего дела коммунисты и комсомольцы стремились воспитать у каждого из своих товарищей.

Чем «брали» бойцов и командиров люди с партийными и комсомольскими билетами в то суровое время? А тем же, чем и всегда: личным примером, личной отвагой, стремлением, идущим от всего сердца, быть там, где труднее.

О коммунистах и комсомольцах Московской битвы можно написать отдельную книгу. Сколько бы я ни говорил об этом, одна мысль не дает мне покоя: не обо всех расскажу, невозможно это.

Комиссар дивизии полковой комиссар Михаил Васильевич Бронников, начальник политотдела батальонный комиссар Михаил Михайлович Вавилов. Да о них иначе и не говорили, как «наши комиссары». Сколько раз приходилось обоим бывать на передней линии огня.

Помнится, с небольшой группой Бронников наткнулся на засаду врага. Те, кто находился рядом с ним, как говорится, воочию увидели мужество комиссара. Мужество и воинскую смекалку.

И поныне ветераны дивизии с уважением произносят имя Михаила Васильевича. Для них он был и остается комиссаром.

А коммунист командир полка Николай Гаврилович Докучаев? До сих пор не верится, что пуля настигла этого красивого, богатырского сложения человека. Вот уж кто был душой солдат и в обороне и в наступлении.

В разгар боя инструктор пропаганды 40-го стрелкового полка политрук Иван Андреевич Романенко находился в первом батальоне. Противник попытался нанести удар по флангу дивизии, ворвался в село, обороняемое нашими подразделениями. Командир роты и командиры двух взводов были убиты. Нарушилось управление. В роте появились первые признаки растерянности. Но рядом оказался политрук Романенко. С его губ слетает боевая команда: «За мной! За Родину!»

Он выбрался из окопа, увлек бойцов в контратаку.

До шестидесяти человек немцы потеряли в том бою, остальные бежали. Так благодаря мужеству политрука опорный пункт Городище остался за нами.

Секретарь партбюро полка Андрей Исаевич Шахов, наводчик орудия младший сержант Иван Яковлевич Савиных...

Все они были людьми разного возраста и различных воинских званий. Но было у них одно общее звание — коммунист.

Мужество молодых ленинцев — это тоже особая страница битвы за Москву. Сколько живу, столько дивлюсь отваге людей, чью жизнь обожгла война уже на втором десятке лет. Не забыть мне... Знакомлюсь с ротой только что прибывших на позиции добровольцев. Стоит паренек. Не винтовка при нем, а он при винтовке. Заметив мое удивление, спешит «внести ясность»: «Красноармеец Зверков Николай Федорович. Это я лицом молодой, а так мне почти девятнадцать».

Как же нужно любить свою страну, родную нашу столицу, чтобы добровольно встать на ее защиту, с одной-единственной опаской: «Не приведи случай, вернут с передовой по молодости лет».

Вот передо мной для сравнения два документа.

«Долго ли нам лежать под убийственным огнем? Все роты сильно выбиты, надеемся, нас скоро сменят. Слово «смена» стало несбыточной мечтой».

«Драться до последнего. Просить подмоги себе — значит в другом месте открывать дорогу на Москву».

Первые строки из дневника молодого немецкого унтер-офицера, вторые — из протокола комсомольского собрания.

Сколько молодых характеров блеснуло яркой молнией на задымленном небосклоне войны! Блеснуло так, что и сегодня, и долго еще в отсвете тех молний будет видеться нам поистине великая сила духа комсомольского орлиного племени.

Уже много позже, после того, как отгремели бои, мы встретились с Маршалом Советского Союза Георгием Константиновичем Жуковым и в разговоре коснулись этой вечной темы: мужество молодых на войне. И оба мы, видавшие столько горя и скорби, схоронившие многих боевых друзей, с особой теплотой вспоминали тех, кого смерть остановила буквально на взлете жизни.

Не могу я об этом говорить спокойно. Ни тогда, ни сегодня. У меня и сейчас комок в горле...

Наши войска цеплялись за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор. Отойдя на шаг, они вновь были готовы ответить ударом на удар, и они это делали, ослабляя силы врага. Остановить его полностью еще не могли. Обе воюющие стороны находились в наивысшем напряжении сил.

Но к началу декабря сорок первого года немецко-фашистская армия уже утратила былое превосходство над советскими войсками, и соотношение сил показывало, что Красная Армия в ближайшее время не только окончательно остановит врага, но и перейдет в контрнаступление.

Осуществление крупного контрнаступления, предпринятого, заметим, без паузы, после тяжелых пяти месяцев обороны, и переросшего затем в стратегическое наступление на всех решающих направлениях советско-германского фронта, явилось выдающимся достижением нашего военного искусства. Особое значение достигнутых результатов состоит в том, что контрнаступление, как и все последующие наступательные действия советских войск зимой сорок первого — сорок второго года, велось в исключительно сложных условиях, при отсутствии общего численного превосходства над противником.

Смысл, который вложило в операцию «Тайфун» фашистское руководство, советский солдат наполнил своим содержанием: тайфун возмездия уже в первый месяц контрнаступления под Москвой стер с лица земли более 168 тысяч вражеских солдат и офицеров — 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные дивизии.

Победа советских войск на полях Подмосковья положила начало коренному повороту в ходе войны, развеяла миф о непобедимости врага. Была ликвидирована угроза захвата столицы нашей Родины. Стратегия молниеносной войны с Советским Союзом, лежавшая в основе пресловутого плана «Барбаросса», под Москвой потерпела окончательный провал. Фашистская Германия была поставлена перед необходимостью вести войну длительную, к которой она не была готова.

Но не одной доблестью и воинским мастерством солдат была достигнута победа. В ней заложен самоотверженный труд миллионов советских людей, хорошо позаботившихся о своей армии. В суровые, полные драматизма осенние дни сорок первого десятки тысяч москвичей и жителей Подмосковья сражались с врагом в ополчении, в его тылу, участвовали в возведении оборонитель-

ных сооружений. По призыву парторганизаций столицы в этих работах участвовало до четверти миллиона человек. Вся деятельность партийных органов была подчинена самому важному — защите сердца Родины. В кратчайшие сроки наша столица превратилась в неприступную крепость. А в день двадцать четвертой годовщины Великого Октября, как и всегда, на Красной площади состоялся парад, ставший символом нашей неистребимой веры в грядущую победу над врагом.

Старшее поколение по традиции всматривается в молодое. Как бы «примеряя» его к своим фронтовым сверстникам. Я нередко встречаюсь с молодежью. И меня спрашивают, какие черты характера нынешнего молодого поколения мне особенно по душе?

Здесь я, пожалуй, мало чего добавлю к уже известному. Мне по душе то же, что и любому из нас: безграничная любовь к социалистической Родине, преданность делу Коммунистической партии, ненависть к врагу социализма, железная стойкость, выдержка, выносливость, благородство. Сознание своего долга перед Родиной заглушает и чувство страха, и боль, и мысль о смерти. Убежденность в правоте и величии дела, за которое человек борется, рождает подвиг.

Высокий общеобразовательный уровень, возросшая культура, умение обращаться с самой сложной техникой должны быть присущи каждому молодому человеку.

С высоты прожитых лет мне хотелось бы сказать будущим воинам: вскоре настанет и ваш черед выполнить почетную обязанность, записанную в Конституции СССР, — занять место в боевом строю. Гордитесь этим и помните, юные друзья, что нет более священного долга, чем быть на страже мирного труда социалистического Отечества. Готовьтесь к службе уже сегодня. В этом вам во многом помогут учебные организации ДОСААФ, занятия по военной подготовке в школах, ПТУ, техникумах. Будьте достойными продолжателями героических дел ваших отцов и дедов, которые отстояли в битвах с врагом честь, свободу и независимость Родины.

На западе в особом ходу утверждения, что-де в нынешнем советском обществе немного сыщется Талалихиных, Матросовых, Космодемьянских.

Эти утверждения нужны сегодня тем, кто, не усвоив уроков истории, помышляет еще раз испытать нашу силу. Им, безусловно, необходима своеобразная «моральная платформа».

Между прочим, такая уж у наших недругов повадка — искать причины неудач не в собственных просчетах, не в крепости тех, на кого они замахнулись, а чуть ли даже не в потусторонней силе. И доныне один из недобитых гитлеровцев твердит: сам бог помогал русским под Москвой, послав нужную им погоду. Как видите, не жгучая ненависть к агрессору и мужество советских людей повернули ход событий в Московской битве, а всего лишь, говоря на языке этих «историков», действия «генерала зимы и маршала мороза».

Следует сказать, что эти «полководцы» скорее всего действовали на стороне противника. А именно: ранние морозы октября сорок первого сделали для врага танкодоступными практически все направления. Приплюсуем сюда мерзлый грунт, трудно поддающийся саперным лопатам наших обороняющихся войск. Прибавим то, что гитлеровской армией, имевшей опыт ведения современной вой-

ны, до тонкостей были отработаны вопросы снабжения. А нами все это постигалось на ходу, на ошибках, на потерях.

Не мороз и зима сделали нас неприступными на московских рубежах. Не внешнего, а внутреннего свойства тому причины. Западные фальсификаторы истории всячески пытаются обойти, умолчать о тех подлинных силах, которые двигали геройскими делами и поступками наших воинов на фронте, оставляют в тени предпосылки, что лежали в основе массового героизма советских людей, их беспримерной самоотверженности. Но правды скрыть, утаить невозможно.

«За нами — Москва!» Три этих слова полнили нашу жизнь особым смыслом. Москва! Значит, ни шагу назад. «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». Это понималось так, что каждый из нас — часть огромной Родины, которая видит и слышит своих сыновей. И придет им на помощь. Отрядом ли добровольцев, скромной ли посылкой с теплыми вещами для незнакомого бойца, добрым ли словом материнского напутствия.

Память о войне у нашего народа не остывает и не остынет. Никто не забыт, и ничто не забыто. Иначе откуда бы тогда светлые слезы на глазах и пожилых и молодых в сумраке кинозала, где на экране рассказывается о Великой Отечественной войне? Откуда бы эта теплота и суровость на лицах юных, когда со сцены звучит наша фронтовая «Землянка».

Кстати, о «Землянке». Говорят, что Алексей Сурков полушутя-полусерьезно, называл меня соавтором песни. А это вот почему. Где-то в середине октября сорок первого мне доложили: «В расположение дивизии прибыл корреспондент фронтовой газеты «Красноармейская правда». К вечеру того же дня узнаю, что приехавший журналист уже успел побывать на волоске от гибели. Приглашаю его, пытаюсь поостеречь. Тут, говорю, до смерти несколько шагов. «Сколько? — спрашивает. — Один, два, четыре?» И вдруг проворно достает блокнот и карандаш, усаживается в сторонке и никого уже не видит.

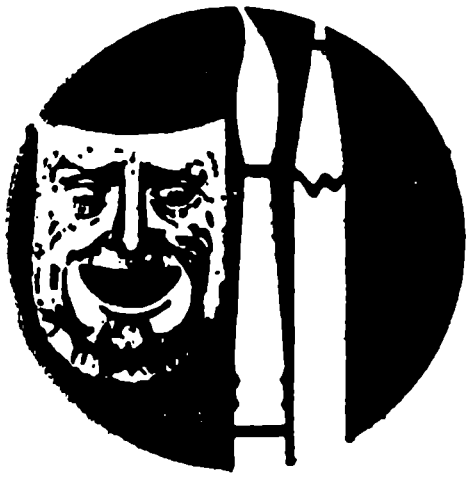
Прошло время, и однажды по радио слышу: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага...»

Знать бы мне тогда, что присутствую при рождении песни, которая станет одной из любимых фронтовых песен, песен о войне для молодежи, равняющейся на боевой подвиг старших, в том числе и на тот, что был совершен в битве под Москвой, а также музыкальным паролем наших послевоенных встреч.

...Сто десять человек стали Героями Советского Союза в боях под Москвой, которая в год двадцатилетия Победы в Великой Отечественной войне сама была удостоена высокого звания города-героя.

Сколько бы лет ни прошло, мы сердцем там, на рубежах столицы. Там, где когда-то поклялись отбросить фашистскую нечисть от нашей Москвы, вымести ее с родной земли. Подмосковной осенью сорок первого занималась весна сорок пятого.

●



ИСКУССТВО

К 45-ЛЕТИЮ РАЗГРОМА ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

Юрий ТЮРИН

И КЛЯТВУ ВЕРНОСТИ СДЕРЖАЛИ...

Искусство оставляет иногда поразительные свидетельства о характере нашего времени...

Памятен эпизод из фильма «Она защищает Родину», поставленного Ф. Эрмлером в условиях эвакуации, в разгар войны, в 43-м году. Партизанский отряд ушел от врага в глубь заснеженного леса, вокруг зверствуют оккупационные войска и каратели. И вдруг связной приносит в отряд страшную весть: гитлеровцы якобы захватили Москву, немцы уже объявили об этом...

Приуныли партизаны. И только командир не поверила. Пошатнулась при известии, но устояла. Нет, вскипела она, как в священной песне-клятве тех лет, не верю! Товарищ П. — незабываемая героиня прекрасной Веры Марецкой — идет по деревням и селам сказать слово правды о непокоренной Москве.

Москва ободряла дух, укрепляла силы к сопротивлению и победе, как бы ни был тогда силен противник.

Гитлер называл Россию «колоссом на глиняных ногах». Но фашисты этого «ко-

лосса» не одолели. Вермахт рассчитывал разбить Советский Союз за три месяца, еще до наступления осенних дождей и распутицы. Немецкий генеральный штаб тщательно, в традициях педантичных прусских штабов, разработал план вероломного нападения на нашу страну. Уместно вспомнить Наполеона, который воскликнул: «Надобно покончить этот поход одним громовым ударом!»

Но в отличие от Наполеона фюрер ставил принципиально иную задачу: «Нам недостаточно разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Киев. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ».

История опрокинула планы фашистского руководства. Отступая от Москвы, генерал-полковник Гудериан, один из главных виновников поражения Франции в 1940 году, сокрушенно скажет: «Прав был Фридрих Великий — русского солдата надо дважды застрелить и еще после толкнуть, тогда он, может быть, упадет». (Этот эпизод бегства командующего 2-й танковой группы из Ясной Поляны отражен в фильме «Битва за Москву».) Советская Армия, весь многонациональный советский народ отстояли Отечество.

Новая традиция эпического отражения Великой Отечественной стала складываться в нашем киноискусстве в конце 60-х годов, когда режиссер Юрий Озеров работал над грандиозной по своим масштабам картиной «Освобождение». Традиция окрепла в минувшем десятилетии, продолжается она и в 80-е годы, в наши дни.

Форма эпического жанра позволяет широко захватить жизненный и исторический материал. Но кинематограф продолжает «взрыхлять» территорию эпопеи, прибегая к помощи локальных сюжетов, «малых» форм киноисследования. Это хорошо видно на примере разработки, скажем, такой темы, как битва за Москву в 1941 году. Эпопея Ю. Озерова «Битва за Москву» оказалась «подкрепленной» несколькими киноповестями. На постоянное исследование материала наталкивают кинематографистов, помимо чисто субъективных причин, два фактора.

Во-первых, появление все новых и новых военно-исторических трудов, пополнение мемуарной литературы. Во-вторых, факты собственно литературного процесса, публикации очередных произведений о войне, некоторые из которых прочно входят в актив военной прозы. Достаточно назвать повесть Е. Носова «Усвятские шлемоносцы». Так что фильмы о войне продолжают не только эпическую традицию, но и практически все наиболее плодотворные жанровые поиски предшествующих периодов.

Случайно ли появление сразу нескольких картин о битве под Москвой? Думается, тут скорее закономерность, нежели случайность.

Тема требует все нового и нового о с м ы с л е н и я, прежде всего осмысления с позиций историзма. Не случайно маршал Г. Жуков подчеркивал: «Красная Армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. До этого Советские Вооруженные Силы уже осуществили ряд серьезных операций, замедливших продвижение вермахта на всех трех главных направлениях его ударов. Тем не менее они по своим масштабам и результатам уступают великой битве у стен советской столицы».

Хорошо известно и по данным военно-исторической науки, из архивных материалов, из свидетельств военачальников, что Германия накопила на Московском стратегическом направлении чрезвычайно крупные силы. Семьдесят восемь дивизий составляли миллионную группировку гитлеровцев, полностью укомплектованную техникой и боеприпасами.

«Враг был в зените своей военной мощи. Используя ресурсы покоренных стран Европы, он готовился к решающему сражению, — вспоминал позднее маршал И. Конев, бывший командующий Западным фронтом. — Группируя большие силы на Московском направлении, противник рассчитывал закончить войну до наступления зимних холодов. Гитлер, упоенный победами на Западе, надеялся на легкий успех. Он переоценил свои силы и недооценил силы Красной Армии, возможности Советского Союза, моральный дух нашего народа».

С годами яснее величие битвы под Москвой. Она потребовала невиданных жертв. предельного напряжения сил народа. Великое сражение по праву оценивается с позиций нашей общей исторической памяти. Москва устояла, она заставила вспомнить священные имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. Проверила на крепость патриотизм, воспитанный нашей властью. В боях под Москвой окончательно сформировалась советская гвардия, цвет нашей армии: гвардейцами стали стрелки генерала Панфилова, танкисты будущего маршала Катукова.

«Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву».

Это знаменательное признание маршала Жукова.

Кинематограф сразу откликнулся на события грандиозного сражения за Москву. 18 февраля 1942 года, вскоре после итоговой сводки Совинформбюро о результатах Московской битвы, на экраны страны вышел полнометражный хроникально-документальный фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», созданный режиссерами Л. Варламовым и И. Копалиным вместе с группой фронтовых кинооператоров. Американская академия киноискусства назвала советскую картину лучшей документальной лентой года.

Старый фильм вместе с тогдашними московскими кинорепортажами и трофейной кинохроникой послужил основой для специальной серии о битве за нашу столицу — эта серия вошла в состав кинопоэпопеи «Великая Отечественная», работу над которой возглавлял Р. Кармен.

Оценивая роль сражения под Москвой в общем ходе Великой Отечественной войны, автор эпопеи приходит к объективным, основанным на многочисленных фактах выводам относительно исключительного значения затяжной битвы в декабре 1941 года, в ходе которой провалился гитлеровский план молниеносной кампании.

Значительным событием в киноискусстве стало появление фильма «Битва за Москву». Режиссер фильма Юрий Озеров отдал своей работе несколько напряженных лет: сначала как специалист, затем и как постановщик. Центральной задачей четырехсерийной картины было масштабное отражение народного подвига. На экране — первый год Великой Отечественной — критический во многом для нашей страны. Значение картины «Бит-

ва за Москву» — в оценке и художественном выражении объективной исторической правды. Какой именно?

Вермахту не удалась запланированная, молниеносная кампания. Приграничные сражения не уничтожили Красную Армию. Советский народ, подвергнувшийся мощному внезапному нападению вооруженной до зубов милитаристской державы, выстоял. Москва защитила себя. Финал Московской битвы — наше успешное контрнаступление — менял весь характер войны. Современное, более глубокое и объективное понимание истории проявило себя в кинематографическом искусстве.

Маршал Жуков так размышлял о начальном этапе войны: «Нет ничего проще, чем, когда уже известны все последствия, возвращаться к началу событий и давать различного рода оценки. И нет ничего сложнее, чем разобраться во всей совокупности вопросов, во всем противоборстве сил, противопоставлении множества мнений, сведений и фактов непосредственно в данный исторический момент».

Озеров в своем фильме идет за правдой истории, даже выбирает в качестве формообразующей основы жанр исторической хроники. Вообще, воспоминания и размышления маршала Г. К. Жукова, героя Великой Отечественной войны, во многом определили направление авторской позиции в фильме, не говоря уже о наполнении фактами и уникальными подробностями. Важную роль в концепции фильма сыграли современная военно-историческая наука, мемуары прославленных полководцев, как и непосредственный, личный опыт режиссера-фронтовика, осмысленный с дистанции времени, когда события видны отчетливее.

Первые две серии фильма составляют самостоятельную картину, названную четко, выразительно: «Агрессия». Кадрами кинохроники Озеров напоминает, как германский фашизм попирал Европу, как последовательно готовился к разбойничьему нападению на Советский Союз. Воспроизводит тайное совещание 5 декабря 1940 года, когда в присутствии Гитлера начальник генштаба сухопутных сил генерал Гальдер впервые ознакомил военную верхушку с планом «Барбаросса». Эпизод за эпизодом — точно датированные, снятые в максимальном приближении к «подлиннику» — приближают нас к роковому дню 22 июня 41-го года...

В развернувшейся кампании дезинформации, предпринятой в огромных масштабах Германией, и в двуличной дипломатической игре Запада советскому руководству нужно было принимать правильные решения, всячески оттягивать военное столкновение, успеть закончить перевооружение и развертывание армии. Данные о приготовлениях вермахта Сталин получил через начальника разведывательного управления генерала Голикова, но даже информации, присланной из Токио Рихардом Зорге, он не сумел поверить. А меч уже занесен... Сталин думал, что Гитлер не рискнет напасть, не завершив войну против Англии: ведь воевать на два фронта казалось безумием. Так был допущен просчет в оценке сроков агрессии, а «с этим были связаны упущения в подготовке к отражению первых ударов» (Г. К. Жуков).

Кроме того, Сталин думал, что противник нанесет основной удар по Украине. Поэтому Киевский особый военный округ был укомплектован лучше других приграничных округов. Враг же

главное наступление развернул в Белоруссии, на Московском направлении. Фильм не показывает Сталина подавленным в первые дни войны, когда он понял, как ошибся, доверяя пакту о ненападении между СССР и Германией, — такой Сталин был, скажем, в экранизации романа «Блокада». Актер Я. Трипольский при большом внешнем сходстве играет Верховного Главнокомандующего жестко, собранно. Обладая гигантской властью, непререкаемым авторитетом, Сталин буквально круглосуточно, работая в тихом кремлевском кабинете, держит в поле своего зрения стратегическую обстановку, требует от военных и тыловиков невозможного, видит и политическую окраску событий. Ставка действительно вела титаническую, колоссальную, нечеловеческую работу.

Огневая мощь врага, его превосходство в авиации, танках, механизированных частях, концентрированность ударов, наносимых жестоко, стремительно, принесли вермахту в тот момент ощутимое преимущество. Фильм «Агрессия» мужественно смотрит в глаза кризисным ситуациям — потере Минска, Киева, Смоленска. Красная Армия отступала. Потерял связь с войсками, управление Западным фронтом генерал армии Павлов (актер А. Филиппенко). Рассекающими танковыми клиньями группа армий «Центр» фельдмаршала фон Бока окружила многие наши части под Белостоком, Гродно и Минском. Павлов был отозван Ставкой и предан суду. Застрелился командующий авиацией Западного особого округа генерал Копец — герой неба Испании, он трагически воспринял гибель еще на аэродромах большинства самолетов новых типов, в результате чего немцы получили господство в воздухе.

Успехи врагу приходили дорогой ценой. Наши солдаты сражались, не щадя жизни. Война с первого дня приняла характер Отечественной. Энергично, без боязни ответить за самоуправство выводит свой 9-й мехкорпус из Житомира навстречу противнику генерал Рокоссовский. В исполнении актера А. Голобородько Рокоссовский выглядит тем полководцем нового типа, который смело принимает ответственнейшие решения, инициативен, личную смелость сочетает с оперативным мышлением, учится науке побеждать.

По приказу Ставки Жуков летит в Киев, затем быстро разбирается в противоречивой обстановке, сложившейся в полосе Юго-Западного фронта генерал-полковника Кирпоноса. Принимается решение неожиданно атаковать гитлеровцев танками 8-го механизированного корпуса. Танкисты выполнили свой долг до конца. Эти эпизоды фильма Озерова имеют принципиальное значение. «Наша историческая литература, — отмечал маршал Жуков, — как-то мимоходом касается этого величайшего приграничного сражения начального периода войны с фашистской Германией. Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара. Ведь в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови».

Немцы теснили Юго-Западный фронт, но быстротечного окру-

жения, как предусматривал план «Барбаросса», не получилось. Фильм отразил и беспримерный подвиг защитников Брестской крепости, месяц сковывавших целую немецкую дивизию. Храбро и, главное, умело сражались на берегах Днепра бойцы 63-го стрелкового корпуса генерала Петровского (Ю. Яковлев). Корпус непрестанно маневрировал, даже в условиях окружения сохранял организованность и боевую позицию. В атаке на прорыв пал смертью храбрых генерал Петровский, перед тем приказом комфронта Тимошенко назначенный командующим армией. С винтовкой в руках бежал генерал впереди своих солдат...

В Отечественную войну 1812 года под Могилевом Багратион бесстрашно противоборствовал корпусу маршала Даву. А летом 41-го на днепровском рубеже сокрушали танки фон Бока артиллеристы 172-й дивизии генерала Романова (Б. Щербаков). Романов погиб в бою: стоп-кадром нам покажут его молодое лицо, улыбку радости при виде первой победы над врагом. И конечно, фильм особо подчеркивает стратегическую важность Смоленского сражения и контрнаступления под Ельней. Блицкриг не удался. Так затягивалась война, так нарастало наше сопротивление.

В киноэпопее «Освобождение» главным сквозным героем был капитан Цветаев — Н. Олялин. В «Агрессии», да и во всей дилогии «Битва за Москву» центральное действующее лицо — генерал армии Георгий Константинович Жуков, которого в очередной раз сыграл Михаил Ульянов. Актер, как и в «Освобождении», как в «Блокаде», в «Контрударе», передает неукротимую волю своего героя, обладавшего в годы войны — даже в первый год, при всех наших неудачах, — железной самодисциплиной, твердой уверенностью в конечном успехе и, как следствие всего этого, пользовавшегося доверием солдат, авторитетом в Ставке и Генштабе. М. Ульянов теперь, пожалуй, подчеркивает именно эту черту образа — монолитную волю, предельную мобилизованность душевных ресурсов. Такой человек мог выдержать жесткий взгляд даже разгневанного Сталина. Работоспособность, оперативность — оперативность полководческого мышления — Жукова поражали его помощников и подчиненных, его энергия передавалась полкам, дивизиям, фронтам, даже Ставке, где — а это историческая истина — была сосредоточена тогда вся полнота власти в стране.

Играя Жукова-полководца, М. Ульянов стремится и расширить границы образа. Да, перед нами уникальная личность, гениальный военный специалист, страницы биографии которого станут славой нашей истории. Но актер теперь сумел разглядеть в Жукове черты всего поколения, народную основу жуковского характера. Схожий с полководцем жизненный путь выпал на долю и других видных военачальников: первая мировая, гражданская война, учеба в академии, активная служба в Красной Армии, опыт в локальных конфликтах 20-х и 30-х годов. Это поколение выдвинуло Рокоссовского, Тимошенко, Василевского, Баграмяна, Конева.

Опытный мастер батальных сцен Ю. Озеров и в «Агрессии» снимает немало боевых эпизодов. Тяжело смотреть на обстрел и бомбежку вторгшимися немцами еще мирного, вдруг проснувшегося от взрывов Бреста. Камера главного оператора-постановщика И. Черныха находится в гуще танков контратакующего

8-го мехкорпуса, словно бы вместе с пехотой штурмует окраины Смоленска. Война страшна, безжалостна, слепа. Она сметает дома, мосты, форты, железные дороги, убивает мирных жителей. Железный кулак Гудериана корежит белорусскую землю, летчики фельдмаршала Кессельринга безнаказанно сеют смерть. Война чудовищна.

Озеров реконструирует историю: Москва и Берлин, Токио и Брест, штабы фронтов и кабинеты Ставки, передовая и тыл, где поспешно проводится массовая мобилизация или идет запись добровольцев... Члены Политбюро ЦК ВКП(б), маршал Шапошников и нарком Устинов, посланец президента Рузвельта Гопкинс и начальник штаба Киевского военного округа генерал Пуркаев, Баграмян и Тимошенко проходят перед нами на экране. Крупные военные и политические деятели, множество событий и фактов...

Все это заключено в рамки кинематографической хроники. Некоторые кадры просто поражают профессиональной сложностью выполнения, например, сцены встречного танкового боя.

У фильма «Агрессия» были самые авторитетные консультанты. Эпизоды отбирались после долгих раздумий, ведь всю историю в метрах кинопроизведения не вместишь, как не расскажешь о многих заслуживающих того людях. И все же мне лично недостает в «Агрессии» образа генерала Конева, участника Смоленского сражения и контрнаступления под Ельней. Бегло и как-то невнятно показан мужественный командарм-16 генерал Лукин. Мало действует Молотов, тогдашний нарком иностранных дел и член Ставки. Что же касается общей композиции картины, то и здесь видна скороговорка, чувствуется некоторая сценарная рыхлость. О частных слабостях «Агрессии» можно говорить, поскольку этот фильм наряду с ними обладает значительными достоинствами.

В фильме «Тайфун» показано совещание германского командования, где фюрер приказывает взять Москву, а фельдмаршал фон Бок патетически взвинчивает военных призывами к штурму советской столицы.

И другие кадры, снятые с вертолета, на общем плане: танки немцев устремляются в оперативный простор. 30 сентября разыгралась одна из трагедий войны — ударный кулак гитлеровцев прорвал наш фронт под Брянском и открыл дорогу к Москве. Гудериан еще раз одерживал те победы, которые впоследствии другой немецкий военачальник, фельдмаршал Манштейн, назовет утерянными, назовет с горечью и недоумением.

2 октября мощный танковый удар нанес фон Бок по частям Западного и Резервного фронтов. Началась трагедия под Вязьмой...

К ноябрю в Германии отпечатали пропуска на Красную площадь.

Наше руководство объявило Москву на осадном положении.

Мы впервые видим на экране, как члены правительственной комиссии Ворошилов и Молотов готовы предать суду снятого с поста командующего Западным фронтом Конева, и только вмешательство Жукова спасает заслуженного генерала от приговора военного трибунала. Жуков убеждает Сталина в боевых качествах Конева, и того назначают на Калининский участок обороны. А спустя время маршал Конев первым ворвется в Берлин...

Видим мы и неожиданный для нашего командования бросок немецких танков на Юхнов. Войск на этом направлении у нас не было. И пришлось принять удар на себя курсантам из Подольского пехотного училища, ребятам восемнадцатилетнего возраста. У них не было пушек, их не поддерживала наша авиация, даже шинели не запас им интендант.

Совсем не старый Жуков просит курсантов, как отец: уж пособите, сынки, не пропустите врага. И ребята сражаются безоглядно, насмерть. Такими же героями видит фильм легендарных панфиловцев. Двадцать восемь пехотинцев, с гранатами и пулеметами, жгли фашистские танки у разъезда Дубосеково, а их комиссар Клочков — тогда комиссаров стали именовать политруками — скажет перед гибелью памятные слова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»

Горячий снег — как у солдат Юрия Бондарева — накроет тела павших панфиловцев, пепел и сажа осыпят их лица.

Погибнет юная Зоя, шагнувшая в бессмертие. В контрнаступлении упадет комдив Полосухин, герой Бородинского сражения. Погибнет генерал Панфилов, герой Волоколамска. Останутся без командира конники генерала Доватора.

Однако войска вермахта были задержаны, измотаны в ожесточеннейших сражениях и отброшены далеко на запад. Германия втянулась в затяжную войну, а это была катастрофа. Гитлер вмешался в военное руководство, были отозваны фон Бок, фон Лееб, фон Рунштедт. А у Красной Армии как раз ярко засверкали полководческие таланты военачальников нового типа: Жукова, Рокоссовского, Конева, Катукова, Белобородова, Лелюшенко.

В фильме «Тайфун» изображен также бой у Мценска, где солдаты Лелюшенко и танкисты Катукова потрепали авангард Гудериана. Если бы Ставка помогла с резервами, наши войска пошли бы в наступление и не пустили бы врага к Туле. Выходит из окружения генерал Доватор (Л. Прыгунов). В кадре А. Голобородько видна характеристика, данная Рокоссовскому Жуковым: красивый человек, он и воевал красиво.

Рубежи 16-й армии генерала Рокоссовского оказались неодолимыми для гитлеровцев. Видим генерала еще без Звезды Героя, на его груди орден Ленина и три ордена боевого Красного Знамени. Слава великого полководца только наступает, любуешься командармом, который выдвинут историей для решения грандиозных воинских операций. И снова Озеров привлекает интереснейший материал — столкновение Жукова и Рокоссовского из-за приказа отойти на Истринский рубеж, более удобный для обороны 16-й армии. Жуков, как командующий фронтом и ответственный за оборону Москвы, высказался против отхода. Рокоссовский через голову комфронта связывается с маршалом Шапошниковым, а тот докладывает Сталину. И все же Жуков отменяет распоряжение Верховного... Таков был Жуков.

Он категорически требует от Рокоссовского держать оборону на прежних позициях, не отступать к Истре. И тот, подумав, соглашается...

Родом из калужской деревни, Жуков волею судьбы оказывается в родных местах в критический для Западного фронта момент — враг танковыми клиньями рассекает нашу оборону и реально угрожает Москве. Штаб Жукова размещается неподалеку от родной деревни командующего... Поневоле вспоминается

герою Ульянова босоногое детство, видятся мать и сестренки, которым грозит расстрел. Вот как далеко пробралась война: на Протву, реку сельских ребятишек из русской деревни.

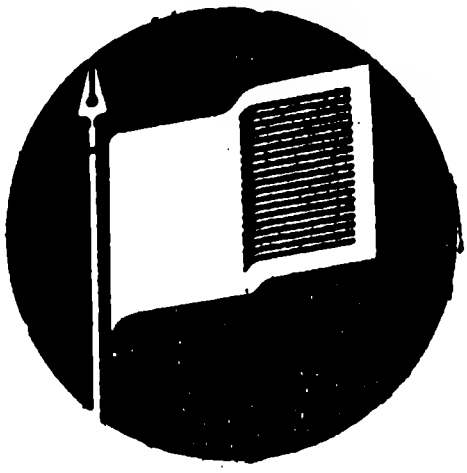
Фильм рождает ассоциации с военной историей. Значительное место в конструкции картины «Тайфун» занимает сражение при Бородине. Перед атакой немецких танков Лелюшенко приказывает раздать нашим соединениям знамена кутузовской армии. Комдив Полосухин зачитывает донесение Дохтурова, героя Бородинской битвы 1812 года. С экрана звучат величественные слова, воодушевлявшие наших предков...

Лелюшенко (Г. Сайфуллин) был контужен при Бородине, но продолжал воевать. И вскоре командовал армией при контрударе у Дмитрова. В фильме показан и великий парад 7 Ноября 1941 года. Снежок, низкое небо... Звучит знаменитая речь Сталина...

Я смотрю на экран и вижу в кадрах парада фигуру военного дирижера полковника Василия Агапкина, он был тогда интендантом первого ранга. Крупного плана нет, дирижер стоит к нам спиной, лица не видно. А я думаю о герое своей повести «Парад», авторе незабываемого марша «Прощание славянки», — ведь это он подарил русской армии музыку, с которой уходило на фронт не одно поколение воинов. И снова думается об историзме, ведь сочинение капельмейстера Агапкина относится к 1912 году, а он, музыкант из истории, был на Красной площади в 41-м...

Историзм мышления характеризует фильм «Битва за Москву», снятый Юрием Озеровым. Без этой диалектической категории современному кинематографу не обойтись, нельзя двигаться дальше.

●



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ирина ШЕВЕЛЕВА

НЕОБХОДИМОСТЬ ВЫБОРА

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ

Журнальные страницы — передовые позиции литературы. По характеру и «облику» периодики принято судить о современном состоянии литературы в целом. Но в последнее десятилетие, кажется, периодика потеряла во многом свою ведущую художественную роль. Обстоятельства складывались так, что талантливые авторы приходили к читателю, минуя журнальные публикации, шли прямо через издательство (отчего не всегда и доходили, неузнанными залеживались на складах и книжных прилавках). Молодые неизвестные авторы шли через коллективные сборники, выходили с первыми книгами — в немалом числе через «Библиотеку журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» на правах журнальных публикаций. Известные писатели — через «Роман-газету» и другие солидные издания. О таком положении дел говорилось и на VIII съезде Союза писателей СССР.

Ведущее место в журналах заняла публицистика — социальная, историческая, научная, военно-патриотическая, историко-культурная, социально-экономическая, историко- и критико-литературная. На

страницах ряда журналов велось активное освоение национальных богатств культуры народов нашей страны.

Публицистика десятилетия отмечена выдающимися произведениями этого жанра, такими, как «Память» В. Чивилихина, очерки лауреата Ленинской премии И. Васильева. Именно в этой публицистической прозе сконцентрировались, «синтезировались» высшие историко-гражданственные вопросы и воззрения, характерные для наших дней.

Публицистика десятилетия, и именно журнальная публицистика, оказала свое влияние и на художественные воззрения времени.

Непосредственное же влияние текущей художественной литературы, в особенности прозы, на этом фоне как бы отодвинулось на второй план. В основном журнальные страницы густо заселили произведения «добротно-проходные», а то и не очень «добротно»... Появился тип автора-«завсегдатая», кочующего из одного органа в другой и тем якобы представляющего «движение литературы» — впечатление поверхностное, обманчивое. Так, например, «властителем дум» ряда редакций стали такие прозаики, как Р. Киреев, буквально «затопивший» журнальные полосы своими «недоуменно» тоскующими героями, застрявшими в «быте — антибыте». В этом потоке бытового беллетризма проступали уже не имена, а тенденции. Тенденции беллетристики, не обладающей социально-подъемной энергией. Вариации основных тем, таких, как растерянность человека перед задачами времени, растерянность его как перед бытом, так и перед бытием, перед живыми социальными процессами, все заметнее склонялись в сторону весьма однобокой «вседозволенности» в описании бездуховности, безволия, неразберихи. Речь здесь идет не о критике недостатков, не о правдивом показе их размеров и опасности, а о том, что журнальная проза порой демонстрирует разные стороны бессилия слова, творчества, отказывается — за немногими исключениями — от выдвижения гражданственно-активного героя. Так, на страницах «Нового мира» одним из наиболее заметных произведений десятилетия оказался «Альтист Данилов» В. Орлова с его «инфантильно-фантастическим», погруженным в подчеркнуто бездуховный быт героем. Преодоление этой бездуховности оказывается невозможным не только для героев В. Орлова.

К сожалению, это не дела давно минувших дней. Настойчивое выдвижение на передний план персонажей, лишенных воли, демонстрирует проза многих писателей.

В журнале «Октябрь» рядом с произведениями военно-патриотической тематики (например, талантливой С. Алексиевич) нередко встречаются произведения с героями-приспособленцами, дельцами, фразерствующими и «фантазирующими» обывателями всех возрастов, разного рода «недотепами»... Они дружно сетуют на невозможность «развернуться», на сложность и неодолимость судьбы, подчиняются течению дней, слегка растравляя совесть, приспосабливаются — каждый пытается остаться порядочным человеком, ничего для этого не делая.

Удручает общий налет инфантильности героев всех возрастов, затерянных в некоей без вкуса и цвета социальной среде. «В общем, все, кроме Олега, хотят от меня отделаться. Олег-то как раз понимает, что в школе учатся только те, кто хочет учиться, и

что даже зубрилки вроде Соньки Фрейман, по прозвищу Дылда, через год все забудут, тем более что она, например, ничем не интересуется, кроме баскетбола. А Олегу школа нужна для дела. Он хочет поступить в МГИМО, стать дипломатом и жить где-нибудь в Париже или Лондоне. У него богатые родители, он носит американские джинсы, отличник и смеется, что в школе его считают «опытно-показательным парнем». К сожалению, тон социального равнодушия задан не кем-нибудь, а В. Кавериным, создавшим в свое время образы людей героически-упорного склада, искателей, борцов. Характерный это признак — писатель старшего поколения как бы чутко улавливает сегодняшние «литературные веяния», проступающие в прозе журнала у подавляющего числа авторов. Вот у начинающего автора А. Ягодкина: «Я представил, как все мы, все, счастливые или не очень, идем друг за дружкой по огромному кругу, и каждый тянется вперед, вглядываясь в чужую женщину, которая раньше была чьей-то первой любовью».

Безликость, боязнь авторов не справиться с подлинно художественным, реалистическим образом человека приводит к вторичности, при этом ориентировка на «подсознание», обращение к биологизму, к натурализации делают прозу мелкопроблемной, далекой от жизненной правды.

«И что же, — с отвращением к себе и гадливостью подумал Ладонников, — так я и буду жить дальше, вот помучаюсь, попереживаю сейчас, успокоюсь, приду домой, приму лекарство, лягу спать — и буду жить дальше, какой есть, ничего уже не изменить в себе, не переделать, не стать иным, поздно? Закостенели хрящи, омертвели ткани...» (А. Курчаткин. «Черный котенок в зеленой траве»). В этой «хрящевой закостенелости» пребывает и герой «Современной сказки» Ю. Сбитнева «Эхо». Для его «оживления» необходимо вмешательство прямо-таки сверхсил — магического древнего огня, космоса...

«И чем выше становился огонь, тем теплее и мягче воздух, *тем решительнее и мягче мои движения* (выделено мной. — *И. Ш.*), незаметнее животворный ток крови.

Я возобновляюсь на этой земле Дулю, с которой связан Рождением и Временем», — но все «возобновление» сводится к таким вот высокопарным псевдофилософствованиям.

Примечательно, что все размышления такого героя «замыкаются на себя», как в рассказе И. Грековой «Фазан»: «...старики часто пишут воспоминания. Писать он не будет. Он будет думать свои воспоминания про себя».

Но все-таки герой живет среди людей, он вынужден совершать те или иные поступки, высказывать какое-то мнение, как-то самоопределяться в обществе. А для него нет ничего тяжелее этого.

Вот герой повести А. Яхонтова «Мамины часы» пытается отстоять свою личную порядочность, пытается сопротивляться затягивающему его деляческому окружению. Но сопротивляется он вяло. Вот его подбивают на «левую» работу. Внутренне он кипит, а внешне:

«Я радушно осклабился.

— Разумеется, если Игорь Викторович скомандует...»

Под команды других Лева Постников (а ведь фамилия для русской литературы значащая, фамилия лесковского «Человека

на часах»!) безвольно уступает по всем пунктам: на работе, в семье, в любви, в дружбе... Причем все происходящее с ним сваливает на обстоятельства:

«Я часто думаю, как сложилась бы моя судьба, поступи я в другой институт и не попадись мне в соседи по общежитской комнате Гамлет и Федулеев?.. А могло ли случиться иначе? Я обзавелся бы иными друзьями, выбрал бы другую жену...»

Эту власть обстоятельств он распространяет на людские судьбы вообще: «С годами жизнь заводит каждого в свою тихую заводь, свой тупичок, свое персональное стойло — с газированной автопоилкой и жвачкой будней».

Автор явно любуется своим героем, наделяет его внешним обаянием, людским расположением, словно не замечая его склонности к сибаритству, индивидуалистических замашек, ограниченности, неразвитости представлений о подлинной высоте и красоте жизни. Герой сам все про себя высказывает. Например: «Люблю одиночество. Но не вынужденное, а когда выбираю его сам». Точно так же любит он и «красивую жизнь», хотя и ее пытается выбрать себе сам. Но, увы, тут-то и оказывается, что жизненные запросы героя мало чем отличаются от запросов его антиподов, что и он обретается на уровне «вещно-бытового» сознания. Это проявляется даже во взгляде его на природу: «Слева на город темным беретом надвигалась бархатисто-лиловая, как синяк, туча». А как завороженно вглядывается он во все подробности роскошной жизни, якобы отвращающей его. Тут и «его небольшой, похожий на дамский замшевый кейс, и узенький, по моде, галстук, и глянцевито сияющие коричневые туфли». А вот еще роскошнее: «В сауне Гамлет нажал на электрическом пульте красную кнопку — хлынула вода. Завораживающее зрелище и точно напоминало каскад водопадов». Нет, не устоять герою. Тем более что «атакующие» его дельцы в отличие от него все делают «со вкусом»:

«— Хищонка, — со вкусом повторил Гамлет. — А ничего термин придумали».

Да и «идейная база» у дельцов покрепче и даже «поромантичней», чем у Левы с его раздумьями о «треугольнике успеха»:

«— Лева, с жизнью спорить бессмысленно... Я Гамлет сегодняшнего дня. Быть нам всем или не быть — это для меня существеннейший вопрос. И я выстою и помогу вам...»

Кстати, ведь именно Лева, по замыслу повести, находится в гамлетовской ситуации выбора. Но, увы, его «быть или не быть» сводятся лишь к проблеме «брать или не брать». В сущности, ему нечего противопоставить злу, хотя бы собственную личность: ее нет. В этом беда прежде всего самого автора, обеднившего жизненную реальность, не сумевшего подлинно творчески осветить задачи времени. А эти задачи насущны, что убедительно прозвучало в размышлениях ровесника А. Яхонтова по поколению, критика С. Лыкошина: «Да, выбирать приходилось и приходится не только тогда, когда речь идет о жизни и смерти. Ничьим человек быть не может. За ничейность он платит гибелью... Ставрогин... Самгин... Грацианский... Ничейность — основа всякого разрушения личности, разрушения нравственного, а стало быть, и биологического».

Впрочем, «ничейные» герои как-то умудряются существовать на страницах журнальной прозы, не задумываясь ни о каком

выборе. Беллетристическая «бытовуха» поглощает без следа общественные проблемы, подгоняет их под усредненный уровень интеллекта, свойственного и героям романов И. Герасимова, Р. Коваленко.

И в хороших «Хороших людях» Р. Коваленко, и в «хороших и разных» «Конных и пеших» И. Герасимова личностно-социальные вопросы решаются на уровне «бытового сознания», которое не в силах охватить историко-гражданственную панораму жизни человека и государства. Обобщение не поднимается выше того уровня, когда один герой замечает о другом, что тот «напялит на задницу месячную зарплату родителей и думает, что стал лучше всех...».

Оттого и попытки такой прозы поднять и разрешить злободневную социальную проблему, конфликт, уловить сдвиги и перемены не выходят за рамки все тех же отработанных «производственно-бытовых» схем. Это продемонстрировано, например, в повести И. Зюзюкина «Невиноватый Глебов» («Знамя», 1985, № 10.) На отстающий завод приходит новый главный инженер, причем «ушедший в технари» из гуманитарной семьи. Разумеется, поднимает план. Выдвигает новых людей. Среди них оказывается и «невиноватый Глебов», всей душой приветствующий новый порядок, но по уровню образования ему не соответствующий. А оказывается, дело вот в чем. Главный инженер лично едет в городскую библиотеку и узнает, что Глебов — самый активный читатель. Но читатель-то не он — его сын-школьник, на которого отец еще и ворчал: «На сына Веньку нечего было рассчитывать... (на днях доказывал отцу, что черствый хлеб — пятнадцать лет исполнилось, а уже все знает — во много раз полезнее свежего, и лишь во сколько именно, не мог, корифей, сказать)». Эта слащавая история, конечно, «нижняя планка» уровня журнальной прозы, но отнюдь не исключение. Чего стоят хотя бы рассказы В. Мещерякова о «супернаивных» студентах стройотряда, впервые видящих, как воруют мешки с комбикормом, и бессильных это доказать... Или история несчастной Жужу из одноименного рассказа О. Ждана, она не поступила в институт и «пошла по рукам»...

И все же результаты «ничейности» дают себя знать. Не случайно сегодня все чаще место трогательного «голубого» героя занимает нечто противоположное — нет, не «черный злодей», а некто ущербный, «серо-фиолетовый», «разлагающийся» на глазах у читателя. Таковы большинство героев В. Токаревой, постоянного автора «Нового мира». Мотив духовного и физического, физиологического даже, «одряблення» стал с печальным постоянством присутствовать на страницах многих журналов. У героя рассказа Н. Тропникова «Ручная работа» «...руки, уже много лет служившие только тому, чтобы держать шариковую ручку, нажимать кнопки и набирать телефоны (?), писать и носить на подпись бумаги (еще и лукавить при этом) (руками? — *И. Ш.*), не умели делать свою естественную работу...». Без душевного содрогания невозможно читать рассказ Т. Толстой о некоем Петерсе, «дундуке эндокринологическом», никем не любимом герое — печальном следствии распада семьи и неумеренного закармливания бабушкой... Т. Толстая, разумеется, не «открыла» в литературе этот образ, он отнюдь не ее собственный, а, так сказать, «кафкианский»... Но и герой «Превращения» Кафки симво-

лизировал нечто — чудовищность духовного отчуждения людей. Герой Т. Толстой ничего не «символизирует». Трудно гадать о побуждениях автора, не обнаружившего в атмосфере, окружающей героя, никаких токов живых человеческих чувств.

Надуманным, недостоверным предстает образ героя в романе В. Маканина «Где сходилось небо с холмами», якобы талантливого композитора, выросшего в глухом, но необычном заводском поселке — поселке с певчей душой и дивными, слаженными голосами его поющих жителей. И что же — талант героя словно бы «высосал» все творческие соки из поселка. Это явное извращение, но герой казнится: «Можно ли сердиться на эту череду взрывков снизу, как можно ли сердиться на ярость обобранных?.. Его, музыканта, сейчас убьет рваным ли обломком трубы или взлетевшей доской в висок — он брыкнется на землю, на траву, в пыль, суча ногами, и в ту же секунду, в тот же самый миг поселок незаметно и сам собой обретет вновь музыку». Хотя герой и согласен пожертвовать собой, но ничего такого, естественно, не происходит. И он остается жив, и поселок музыки не обретает. Опять кругом чужие, новые, молодые земляки Башилова — глухие, агрессивные... Кстати сказать, сам сюжет В. Маканина перекликается с сюжетом одного из рассказов В. Белова — там тоже знаменитый музыкант приезжает в родные места, и в сельском клубе девушка-заведующая хвастается «культурой» — запрещает русскую пляску, заводит фокстроты... Очевидна разница в самой сути конфликтов.

Еще один «вампир от искусства», герой романа С. Есина «Имитатор» — художник Семираев. Причем он циничный идеолог «вампиризма»: «Искусство, знаете ли, принадлежит народу, а я его кровинушка, его плоть, его шустрый гений».

Фантасмагоризация реальности с недавних пор стала особенно распространенной в журнальной художественной прозе.

Что же из этого получается, можно судить по первой книге нового романа Ч. Айтматова «Плаха». Роман и начинается с образа сумерек: «Вслед за коротким, легким, как детское дыхание, дневным потеплением на обращенных к солнцу горных склонах погода вскоре неуловимо изменилась — заветрило с ледников, и уже закрадывались по ущельям всюду проникающие резкие ранние сумерки, несущие за собой холодную сизость предстоящей снежной ночи.

Жутко, что тут разыгралось — в метельной кромешности исчезли горы, исчезло небо, исчез весь прежний видимый мир». Авторская антитеза: хрестоматийная, зримая картинка гор и полное исчезновение ее — вот ключ к содержанию романа, к его социальным положениям, философским концепциям. Был свет — стал мрак. Свет был неизвестно когда. Зато мрак — вот он, сегодня, накрыл все наше существование. Имя ему — полное духовное одичание людей-одиночек, вот-вот грозящих слиться в социально неуправляемые, подчиняющиеся волчьим законам банды. И следствия (или причины?) его — наркомания, деньгомания, алкоголизм. Один персонаж спрашивает другого: «Бог или деньги?

— Деньги, — ответил тот».

Мрак у Ч. Айтматова аллегоричен и дан с широким захватом: в среднеазиатские степи за «травкой»-анашой едут отовсюду, «от Архангельска до Камчатки», а формируются группы «гонцов» в

Москве, на Казанском вокзале. Число «гонцов» за наркотиком до того велико, что милиция отпускает новичков под честное слово родственников. Немало и других «пикантных» несообразностей в «Плахе».

Герой романа Авдий Каллистратов за «поправки» к православному вероучению исключен из духовной семинарии, но тут же находит выход — сотрудничает в областной комсомольской газете, выступая, не будучи атеистом, по вопросам антирелигиозной пропаганды. Мало того, редакция поручает ему ни больше ни меньше, как «изучить и описать способы проникновения в молодежную среду европейских районов страны наркотического средства... анаши». Задание, право же, скорее приличествующее органам правопорядка. Сам же Авдий едет не столько с целью «изучить и описать», сколько в стремлении проповедовать собственное вероучение. Дух его укрепляется перед поездкой-посещением... Пушкинского музея, где дается концерт болгарского духовного песнопения. Музей и концерт, Пушкин и псалмы так воздействуют на героя: «Богом *сопряженные вместе* (выделено мной. — *И. Ш.*) с тем, чтобы мы погружались в себя, в кружащие омуты подсознания...» То, что общение с богом в Пушкинском музее происходит отнюдь не по-христиански, «в сопряженном подсознании», в данном случае для автора, видимо, столь же неважно, как и состав и характер работы сотрудников комсомольской прессы, будни работников милиции... Как не важны, лишены принципиальной новизны и элементарной точности все вообще религиозные, исторические, литературные реминисценции в романе. Нельзя же всерьез относиться ни к рассказу о поющих контрреволюционерах и выслеживающем их и тоже поющем чекисте времен революции, ни к такой вот трактовке страдания в системе христианского миропонимания: «Ты идешь на крест — а они над тобой надсмеются» ...и т. д.

И несмотря на столь очевидные «вольности» в обращении с социально-идеологическим, а также историко-литературным материалом, писатель, выходя на обобщение проблем современности — реальных и мнимых, — счел необходимым взять на себя роль ученого — историка, философа, эколога. В сущности, передоверив этой роли собственно творческие писательские обязанности. Оттого-то его выводы-обобщения явно выпадают из «мифологически-реалистического» замысла романа. Например: «Убить природу ради борьбы с наркоманией — это ведь тоже палка о двух концах». Речь о том, что химическое уничтожение зарослей наркотической конопли выводит, как написано в романе, почву из строя на 200 лет. Да, почву убивать нельзя, тут и спорить не о чем. И хорошо, что писатель поднял свой голос против неразумного хозяйствования. Но вот то, что он счел цифры наиболее сильным способом воздействия на воображение читателя, а не силу художественного образа, нравственного примера, — признак собственной растерянности писателя перед происходящим, которое он пытается «разъять и расчислить».

Жизнь — чудо, природа непредсказуема. В воспоминаниях одной из жительниц Нагасаки, пережившей атомную бомбардировку, есть такой штрих: через несколько месяцев она идет по выжженному бомбой пустырю и видит... зеленый росток травинки. А ведь она знала, что ничего тут вырасти не может... Всю благодарность животворящей природе отдала потрясенная жен-

щина этой травинке — залогу ее собственной жизнеспособности... Вот этой самой травинки и не выросло в романе Ч. Айтматова. Вся нежность мира у него воплотилась в образе волчицы Акбары, вся безнадежность и жестокость существования — в людях. Писатель не устает подчеркивать прежде всего собственное бессилие: «Трудно установить, что такое человеческая жизнь. Во всяком случае, бесконечные комбинации всевозможных человеческих отношений, всевозможных характеров настолько сложны, что никакой сверхсовременной компьютерной системе не под силу сынтегрировать общую кривую самых обычных человеческих натур...» Эти «обескураживающие» читательское сознание признания писателя, к сожалению, настолько одномерны, однозначны, что никак не могут вызвать на размышление о человеке и его жизни, — а лишь, так сказать, вопросы-ответы: может сынтегрировать — не может... Однако подпольный главарь шайки анашистов прекрасно «интегрирует»: «Даже сюда люди, как свою кровь, принесли с собой неистребимые законы... например, неписаное право повелевать...» «Сынтегрированной» оказалась в романе и трагическая ситуация: неудачливого проповедника Авдия (Ч. Айтматов слегка намекает, что он «пришелец», «спаситель-эмиссар») распяли на саксауле озверевшие алкоголики. Все трагические ситуации в «Плахе» писатель подает — намеренно, очевидно, — как «смоделированные» иллюстрации тех или иных историко-идеологических обобщений.

«Свобода лишь тогда свобода, когда она не боится закона...»

«Да, когда-то люди с богом жили...»

«Мы не можем обходиться друг без друга (преступники и святые), и в этом есть закономерность».

«Раскаяние — это вечная и неизбывная забота человеческого духа о самом себе».

«Любое наказание... должно вызвать в душе наказуемого раскаяние», — и тому подобное множество извлечений из разных областей человеческой деятельности.

Между тем словопрения о духовном героев и авторские монологи имеют очень малое отношение к людям, лишенным всяких нравственных основ. В «Плахе» действуют автоматы-марионетки, «импульсивно» хватающие, стреляющие, дерущиеся, командующие, извергающие словесные блоки... Включая и самую «одухотворенную» фигуру Авдия, столь же импульсивно являющего, например, широту натуры — выбрасывает из вагона мешок с анашой, — проповедующего нечто самому до конца не понятное, испытывающего «в пределах одной личности любовь» — «настоящую революцию духа!»... Не видит Авдий людей, не способен ни в ком разобраться, угадать чьи-то заветные желания, понять в человеке главное, — а следовательно, и научить чему-то, воздействовать на кого-либо. Потому что он сам до такой степени лишен личностной сущности, что воспринимается как маскарадная фигура, — к тому же едва ли не столь же ущербно-патологическая, как, скажем, герой художественно беспомощного рассказа Т. Толстой.

Персонажи в романе вообще настолько «неконтактны», что и во взаимоотношения вступают лишь механически, по воле автора, «нажимающего на кнопки». Точно так же некими вставными номерами явлен в романе и весь историко-идеологический антураж. Словом, «Плаха» предстает в виде некоего «романа-кол-

лажа», жанра псевдомассовой культуры. К тому же роман явил столь значительный крен в сторону щедрого описания зла во множестве его проявлений, что приходится делать вывод: либо замысел автора в самом начале был ущербным, либо, в ином случае, он вышел из-под авторского контроля.

Обращение писателя к болевым, негативным явлениям современности не несет заряда борьбы с ними, противостояния им. Собственные боль и страсть писателя не опираются в данном произведении на народные основы духовности, на нравственную крепь, держащую жизнь, и оттого предстают «абстрагированными». Не случайно один из героев романа говорит:

«— Ты, Гришан, паразитируешь на том, что люди изверились».

Вера — одно из самых удивительных человеческих свойств. Без веры не живут ни человек, ни общество, ни государство. Это чувство — могучий рычаг деяний и заблуждений человеческих. Чувство веры окрашивает собою эпохи, питает энтузиазм, в котором и утверждаются идеалы, и отвергаются, свергаются как ложные. Порою вера пребывает «в рассеянном виде», кажется ослабленной или вовсе погибшей. Но человечество живо, а значит, и вера жива. Идеалы коммунизма, идеалы двадцатого столетия совершили чудеса. Разбудили невиданные человеческие возможности. Верой нашего века стало реальное чудо того, что именно страна коммунистических идеалов первой вышла на просторы Вселенной. Сегодня вера в дело Ленина срастается с верой в родное, в вековые народные силы, направленные к свету, любви, братству, ладу земному. Этой верой движется и прогресс, преодолеваются его издержки. И в «Плахе» Ч. Айтматова немало рассуждений о вере. Но все они, увы, сводятся лишь к произвольному толкованию героями «божественного». Нет в романе живорастущей травинки оптимизма для благодарного читательского чувства, нет опоры добру.

Сбой ценностных ориентаций в литературных произведениях сегодняшнего дня — явление не такое редкое. Причем явление, с которым мириться нельзя. «Зло — не только разрушение созданного, но и создание предметов и идей ненужных и лишенных здравого смысла, — пишет С. Лыкошин. — Зло — не только отказ от убеждений, но и спекуляция убеждениями. Наконец, зло — это не просто осознанное противостояние заведомо справедливым решениям, но и отказ от решения, поступка, движения, способного исправить дело к лучшему». На примере работы С. Лыкошина можно увидеть, что современная критика достигла поры обобщения многих разрозненных поисков путей утверждения творческого идеала, который велся критикой на протяжении послевоенных десятилетий. В позицию молодого автора органично входят выношенные положения критиков старших поколений, он солидарен с ними в том, что «вера и убежденность, почерпнутые из опыта собственных ошибок и открытий — именно то основание, которое дает право помогать миру словом».

Помогать миру словом — значит не только говорить правду, даже самую горькую, но и сражаться за расширение правды, добра, отыскивать ее в самых, казалось бы, безотрадных явлениях и ситуациях. Горькая правда — в звенящем авторской болью слове повести В. Распутина «Пожар» («Наш современник»). И его поселок, как поселок В. Маканина, — «некрепкое сооружение»

быстро меняющегося времени среди быстро исчезающей первозданной природы. В. Распутин гораздо пристальнее и образно-конкретнее В. Маканина вглядывается в приметы «духовно-экологического» оскудения родного ему бытия, не прибегая к отвлеченно-фантастическим или уничижительным для людского достоинства приемам «остранения». Для него и дурачок Хампо из затопленной деревни не просто живой человек, а личность, несущая идеал жизненного порядка. Да и в главаре поселковых «архаровцев» писатель стремится расчистить нравственные родники.

Дикие силы зла велики, следствие их — разрушительные инстинкты и беспомощность перед жизнью. Даже выстоявший в бурях века вечный труженик Иван Петрович после переселения в поселок из затопленной деревни оказался в их плену: «Страшное разорение чувствовал в себе Иван Петрович — будто прошла в нем иноземная рать». Но, видно, нет такой силы, которая ослабила бы крепость народной нравственности. Даже и с ощущением «душевного разорения» Иван Петрович не может превратиться в «архаровца», как не может не чувствовать родства своего с жизнью, с природой, родовыми корнями — вообще лишиться своей способности сродниться с прекрасным, нравственным, добрым. Оттого и жена Алена для него не «что-то отдельное», их супружество — продолжение людского родства. Как и ее муж, Алена — воплощение добра жизни, «которое исходило из натуры ее и души, и она засохла бы на корню, если бы не над кем было ей хлопотать и кружить. Все до капельки выносила она в общую жизнь». Пожар, уничтоживший поселковые продовольственные склады, высветил у Распутина те предельные возможности, при которых может выжить и остаться неповрежденным именно эта основа человеческой жизни в добре. Осветил все, что может подорвать земную крепь. Неспособность людей погасить пожар. Наступление неуправляемого, гибельного зла в лице «архаровцев». Социально-экологические прорехи в управлении, в хозяйствовании в государственном масштабе. Неустранимость повторения пожара. Запустение края. Решение Ивана Петровича и Алены покинуть поселок. Кажется, будто В. Распутин «идет на символы», чтобы довести до читательского сознания масштабы непорядка в современной жизни. Стремится, как говорил Л. Толстой о художественной форме, «заострить, чтобы проникло». Но, как ни спорно это покажется, вовсе не пожар стал символом «Пожара». В повести, на мой взгляд, вообще нет символов. Есть люди, есть автор, видящие жизнь в ее подлинных просторах и связях, бедах и надеждах. Явившие неистребимую способность дружно идти на прорыв, преодолеть растерянность, спасать гибнущее, жертвовать собой. Есть способность к тому труду, которым жив человек: «Теперь таскай и таскай. Иван Петрович подставлял плечо, стягивал на него с верхних рядов навала мешок, движением плеча укладывал его ловчей и разворачивался в сторону наскакивающих в дверях беснующихся огненных сполохов. И, торя один ход, спускался к дороге. Дело знакомое, за жизнь свою натаскал и, если бы не огонь, не беда, было бы в этой работе даже приятное, как не умственное, а физическое воспоминание о молодости, когда всей деревней нянькались с хлебом». И наконец, есть земля, она, даже обиженная, оскорбленная человеком, «и не вспомнит, что не держит того уговора человек». Все есть, чтобы загасить любой пожар. На это и на-

правлено слово писателя, хотя он и не дает гражданственно действенного образа героя. Но можно сказать, что таким героем в повести предстает он сам.

Нельзя не заметить, что наступательная социальная активность последних произведений В. Распутина, а также В. Белова — во многом прежде всего их непосредственно личностная активность. Именно в роли писателя они вмешиваются в жизнь, в проблемы сегодняшнего дня, как бы ощущая себя «ферментом» современного гражданского чувства. Рисуя, «компонуя», образно обобщая явления сегодняшней природы, людских взаимоотношений, внутреннего мира человека, и В. Распутин и В. Белов дают прежде всего образ собственной тревожной совести, направляют — именно направляют! — совесть и взгляд читателя, прямо указывают, во что сегодня надо вкладывать труд рук, ума и сердца.

Личностное гражданское поведение их работает на общее укрепление роли писателя в современности, работает и на повышение собственной творческой ответственности, гражданской смелости в художественном слове. Так, выступления В. Белова по вопросам современности, его непосредственная общественная деятельность, несомненно, помогли писателю при создании его нового романа «Все впереди» («Наш современник»). С этим романом на страницы журнальной прозы сегодня пришел подлинно реалистический образ граждански ответственного героя. Пришел не просто хороший человек, не совершающий аморальных поступков, хотя и это немало. А такой, который сам наконец-то взял на себя смелость перейти к поступкам, общественно и нравственно значимым. Герой, не только олицетворяющий современность, но и способный реально преобразить сам ее воздух, характер, направить в сторону добра. Стать щитом добра, отражающим атаки распада, бездуховности, социальной пассивности, аморальности. Создание такого героя — главная удача писателя.

Дмитрий Медведев — характерная фигура последних десятилетий, в каком-то смысле олицетворявшая сами понятия «современное», «передовое». Коренной москвич, природный столичный житель, потомственный интеллигент, корнями уходящий в русскую почву и историю, он по профессии физик-кибернетик — талантливый, удачливый, с плодотворными идеями. Притом отнюдь не кабинетно-лабораторный ученый, а именно тот самый современный герой-ученый, что и гуманитарно образован, знает музыку и живопись, сведущ в философии и политике, не чужд земных радостей. Словом, «типичный» герой множества романов, повестей, рассказов, составивших пласт так называемой «интеллектуальной» прозы. В. Белов сильно «рисковал», возлагая именно на такого героя свою творческую сверхзадачу. Ведь привычно все конфликты вокруг и «внутри» такого героя сводились к борьбе за ту или иную конкретную научную истину, к проблемам совести на путях утверждения в ученой среде этой истины, включая и размышления героя о его работе на будущее, на вечность, за безопасность на планете. Словом, герой настолько прочно социально «задействован», что все его поведение, нравственная, гражданственная сфера его деятельности уже как бы сами собой заключены в определенные пределы. Не случайно этот образ весьма быстро «заштамповался», как бы не предве-

щая новых открытий. И в первых страницах романа В. Белова его Медведев предстает именно таким — «идеально отлаженной» социальной деталью. Личные качества Дмитрия: любовь к семье, верность, доброта и покладистость, ничуть не умаляющие его авторитета естественного лидера в семье и коллективе; его спокойная вписанность в повседневность добросовестного работника, порядочного человека — со всеми «поправками» на дозволенное в его среде, например, семейно-товарищеские встречи, с выпивкой, — все это, в сущности, не оказывает никакого влияния ни на внешнее течение его жизни, ни на атмосферу времени. Он такой же «свой парень» своей эпохи, как и окружающие его люди, столь же мало влияющие непосредственно на образ эпохи: все они как бы лишь ее продукты — и совестливый нарколог Иванов, и хороший товарищ, компанейский моряк-подводник Зуев, и расчетливо-циничный Бриш, и чистый душой фанатик науки младший научный сотрудник Грузь, и не обременяющая себя памятью жена Медведева Люба, впоследствии Люба Бриш, и «женщина без тормозов» Наталья Зуева... Словом, все как все. Оттого и личные конфликты поначалу так и воспринимаются как личные — свадьбы, разводы, измены, служебные перемещения, дружеские союзы и размолвки. Хотя все эти личные события происходят в атмосфере оживленного обмена мнениями героев, в сущности, по всем вопросам и проблемам современности, герои еще не ощущают себя прямыми участниками идеологической жизни времени. Они просто живут, работают, размышляют — в заданных обстоятельствах. Но жизнь сама надвигается на этот уютный мирок посреди мира. Самой реальностью своих проявлений, вынуждающих героев либо оказаться поглощенными ими, погруженными в их пучину, либо вступить с ними в борьбу, оказать сопротивление, повернуть жизнь. У В. Белова этот процесс передан, можно сказать, художественно зримо. Вот образ Москвы, родного и кровно любимого города Дмитрия, — с пристальностью городского жителя рисует В. Белов все непередаваемо «московские» очаги родного в вековом облике столицы. Вот Москва в беспощадном свете ее сегодняшнего дня — современный мегаполис. И вот Москва как явление в природно-духовном, историко-философском контексте: с ее людьми, не боящимися грозы и беспомощными перед техникой, с утратами в корневом начале личностного поведения и подменой его поведением бюрократическим, с атрофией самобытно-отечественного восприятия и оценки реальности и переходом на оценочную систему «мировых стандартов»... Писатель прослеживает приметы реальной угрозы обезличивания национально-исторического облика города, родного не только русским, а и всем народам нашей страны, священного для народов земли. Среди таких активных процессов обезличивания в романе выступает пьянство. И здесь В. Белов художественно неотразимо подводит читателя от единичных зарисовок к объемной, поистине «сферической» панораме; от символической белой лошади на этикетке заграничного напитка до сцены падения нарколога Иванова, этого «дирижера» неуправляемого процесса.

Зло, рисуемое Беловым, многолико. Но более всего страшится писатель за «теплую ячейку жизни» — семью, за целостность всех законов природы, мира, идей, из которых вырастает и на которых держится семья. С малейшей трещины в семье Дмит-

рия и Любы Медведевых и начинается сюжетный катаклизм романа.

Необходимо отметить, что роман «Все впереди» проникнут прежде всего, по толстовскому определению, «мыслью семейной». Все потрясения и обретения века, сказавшиеся на семье, подвергнуты писателем всестороннему и пристрастному обсуждению. В романе как бы подведен высший итог вопроса семьи, ее сущности и формы, ее грядущих перспектив. Рисуя многочисленные изломы и искажения в самих семейных понятиях и привычках героев, В. Белов вплотную подходит к художественному воссозданию, «творческому извлечению из жизни» изначальной целостности явления, на котором держится человеческий род. Явления, одолевшего трагические испытания на излом, пережившего идеи отрицания семьи, разного рода социальные трансформации ее. И в то же время, как все живое, явления необычайно ранимого, зависящего от, казалось бы, малейших нравственных сбоев. Герои живут, искренне не замечая, что эта непрерывная «бомбардировка элементарными частицами ядра» угрожает видоизменению не только формы семьи, но и жизни человеческой, общества, мира, земли. Не замечает этого и Дмитрий Медведев — до тех пор, пока его душу не начинает смущать «всего лишь» сомнение в самой способности его жены изменить — по слухам, она в туристической поездке в Париж смотрела порнографический фильм. Это оказывается достаточным толчком для пробуждения в Медведеве, этом «современном Обломове», его глубинных сил натуры, способности к активному, личностному осмыслению — поступку, оказывающему влияние на жизненную среду. Герой В. Белова выходит из своей социально обусловленной роли, чтобы принять на себя ношу ответственности за родное, отечественное, народное.

Невидимой магнитной силой смыкает в романе воедино все, казалось бы, разрозненные поступки и события души героя. Он впервые ссорится с женой, уходит из дома, прогуливает работу, запивает на несколько дней. В это время разражается еще одна катастрофа — гибнет младший сотрудник Медведева Грузь, без его ведома «вклинившийся» в работу кибернетической машины, в шутку называемой «Аксютка» — в отсутствие руководителя юный апологет «рукотворного разума» не мог уже и представить себя в простое, в отрыве от убившей его «Аксютки».

Стечение обстоятельств, обрушившихся на Медведева, можно также назвать современно-типическим: неполадки в семье, самовольный прогул, запой, производственная травма — увы, реалии сегодняшнего — и городского и деревенского — быта. И все же не оставляет ощущение некой «подстроенности» — уже как бы не в романе, а в не зависящей от автора жизни героев, — ситуации наличествующими здесь же, в романе, силами зла. Зло имеет у Белова и свой «романный образ» — его несет в своих словах, мнениях, поступках Миша Бриш, одноклассник и коллега Медведева. Именно с него, с его пари на бутылку «Белой лошади» в номере парижской гостиницы начинается для Медведева, для случайного свидетеля пари Иванова реакция распада того, что ощущалось как изначально незыблемое, свое, неотъемлемое. Бриш — активный устроитель своих и чужих дел — личных, служебных и внеслужебных, «по линии» культуры, жизненных условий, человеческих связей и взаимоотношений. Он — во-

площенный принцип делячества: «ты мне, я тебе», притом с широким, «всепроникающим» размахом. Бриш — это и турпутевка в Париж, и «липовый» больничный для Медведева, которому угрожает судебное следствие, и служебные связи, позволяющие «тормозить» неугодных, и женитьба на чужой жене — он удачно «использовал» отсутствие осужденного Медведева, и незаконная попытка лишить Медведева отцовства, и постоянная угроза компрометации чьей-то репутации, опорочивание чужой чести и доброго имени... Бриш — воплощение системы сделок, подменяющих подлинно социальные отношения людей. «Деловой дух» пронизывает все его поведение, включая и «поведение чувств». Один штрих: беспокоясь до истерики за дочь, ушедшую из дома (как потом оказалось, к отцу), Люба Бриш пытается найти душевную поддержку у своего второго мужа. Михаил Григорьевич в утешение приносит ей купленную им черешню... А Люба, в свою очередь, борется с желанием спросить, почем он покупал ягоды. Как видим, меркантильная сторона людских взаимоотношений — сеть разветвленная, глубоко проникшая...

В. Белов зримо, художественно емко показал социальную пагубность «явления Бриша» — нормальные человеческие понятия и представления о морали, чести, нравственности, долге, совести этот романный персонаж ставит на меркантильную основу и тем самым служит разладу, разобщению людей, заражает социальной инертностью, что ведет к распаду подлинно общественных связей.

Кстати сказать, читая прозу целого ряда журналов, начинаешь невольно думать, что инертности и силам распада люди поддаются чуть ли не охотно, а вот выступить против этого некому. Но Дмитрий Медведев выступил, отказался принимать «правила игры», несовместимые с его человеческим достоинством, высшим смыслом пребывания человека на земле. И в этом важная заслуга В. Белова, сумевшего показать в полный, естественный рост, до малейших душевных движений и поступков, живого положительного героя, обладающего живой нравственной высотой. Ум, сердце, натура героя, разбуженные страданием, неудержимо вырастают до совести личности как совести времени. Он не берет фальшивого больничного. Выйдя досрочно за тяжелую и ударную работу из тюрьмы, отказывается от возвращения в Москву, поселяется в Подмосковье (а где же еще, ведь московская земля — его родина!) у матери погибшего Грузя, как бы стремясь роднением с ней умерить ее боль, идет работать на совхозное строительство. Не прощая жене и продолжая любить ее, он приходит к дочери, помнящей его, но безропотно соглашается на условие видеться с детьми лишь с их согласия. В конце концов не он, а Бриш вынужденно навещает его — и Медведев, не понимающий, как можно украсть чужую семью, все же соглашается на «мирное решение вопроса». Он уступчив до самоотверженности — даже на процедуру лишения его отцовства он приходит тайком, чтобы не травмировать детей. Он идеален до жертвенности, хотя и не может ответить на вопрос — «сколько можно жертвовать собой!». Неразрешенным вопросом это встает между ним и Ивановым, как бы «варьирующим» в романе тему подлинно нравственного становления человека.

И все же даже не поиск идеального человека — главное в романе. Главное то, что нашлись в современном герое силы опе-

реться на родное, на душу народную. Опереться, чтобы утвердить их и в настоящем, и в том, что впереди. Правду жизни он уже не отождествляет с техническим могуществом цивилизации, бюрократическому бездушию (мастерским штрихом, обрисованному, например, в образе заведующей роно) противопоставляет духовную мощь родного. Присутствие отца в жизни Веры Медведевой, как бы ни сложилась ее судьба, уже неискоренимо. Переворот в судьбе Медведева сказался если не на судьбах, то на отношении к себе и окружающему его друзей и знакомых, а от них — связью — и незнакомых. И дело не в том, что Медведев покупает, например, цветы спившейся Наталье, которую Бриш пытается упечь на принудлечение (это как раз штрих наивно-прямолинейный и оттого недостоверный), а в том, что образ жизни и мыслей Медведева, его непосредственно близкое присутствие постоянно на уме и памяти других героев романа. Это корректирует их собственную жизнь.

В русле великих традиций русской литературы «бытовой роман» В. Белова высветил и художественно типизировал проблемы не только сегодняшнего дня, а вечные проблемы памяти, условий человеческого счастья и ответственности за него, заботы о грядущем. «Нагая проза» (Пушкин) романа вобрала в себя, кажется, все, над чем думали и думают люди нашей эпохи, по ней широко промчались ее тревожные ветры, прозвучал ее многоголосый гул, в ней надежно укоренилась наша вера. В большой степени роман В. Белова — роман-отрицание, но утверждающее начало в нем незыблемо.

«Все впереди» — словосочетание для автора неоднозначное, но в конечном счете утверждающее.

Работа В. Белова отвечает той направленности сегодняшней культуры, которая задана нашей публицистикой и критикой. Это хорошо сформулировано и подытожено С. Лыкошиным: «Мысль о человеческом счастье, несомая народом сквозь тернии всех невзгод и испытаний на протяжении веков, не она ли свидетельство его исконной мощи и духовного здоровья в борьбе с этими испытаниями». Критик прямо-таки предсказал появление произведения, способного «открывать новые грани смысла человеческой жизни», «воплощать вечные идеи в современных образах».

Выношенное, выстраданное писателями старших поколений — прямое наследство литературных преемников. Так же, как и суть явлений времени, задач настоящего. Социально активный герой и до романа В. Белова давал о себе знать на страницах ряда журналов, в том числе и журнала «Наш современник». Отрадно, что еще неизвестные широкому читателю авторы пришли с темой социальной ответственности как со своей, само собой разумеющейся. Они прямо ответили на современные требования партии, выраженные в словах М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС: «Только литература — идейная, художественная, народная — воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени».

Как преемственные выступают в новой прозе многие образы героев и героинь. Характерный пример — Евдокия из повести В. Конова «Тещина станция». Подобно Пелагее из одноименной повести Ф. Абрамова, Евдокия всю жизнь трудилась не покладая рук, пытаясь выбиться из нужды, скудости предвоенных, военных и послевоенных лет. Трудилась и в колхозе, и на своем ого-

роде, выращивая огурцы на продажу. В. Конов как бы полностью повторяет жизненный узор абрамовской героини — суровый узор «сверхтруда», потрясающий и своей трагической красотой, и теми духовными потерями в сфере родного, что несет он, едва в него проникнет микроб наживы. Для абрамовской Пелагеи ее труд обернулся жизненным крахом — все накопленное, добытое, спрятанное ею в голодные и холодные годы, в дни благополучия обесценилось, обессмыслив и целую человеческую жизнь. Не так у В. Конова. Сегодняшняя деревенская добытчица и сама не могла бы предположить, каким достатком обернется ее жизнь, вложенная в огурцы, — едва-едва не миллион накопила она! Автор и сам где-то не в силах скрыть изумление и тайную гордость за свою героиню, но причина тут глубже: вот что такое и земля наша, и труд, и целенаправленная человеческая воля, сто́ит дать ей чуть-чуть возможности развернуть инициативу! Но что делать с миллионом — этого толком не знают ни героиня, ни ее дети, ни сам автор. Ведь Евдокия по природе своей не накопительница-хищница, а истовая труженица. Именно этот драгоценный опыт труда только и может она передать детям и внукам своим как реальное богатство. Но сумеет ли она преодолеть вызванное чистоганом отчуждение между ней и ее собственными детьми, сумеют ли они по-настоящему разглядеть мать? Автор оставляет вопрос открытым. И это понятно: впервые вопрос выходит за рамки одной судьбы. Он касается и перемен на селе, и тревог городской цивилизации, и широко вставшей ныне проблемы подлинной культуры народа.

За тему культуры времени как богатства памяти народной, социальных накоплений века, аргумента в противостоянии двух мировых систем смело и широко взялся молодой прозаик С. Алексеев в романе «Слово». Судьба и современное бытование древних рукописей, старообрядческой письменной культуры, хранения и сбережения ее при Советской власти — вот неполный перечень волнующих автора тем, сюжетных ситуаций. Конечно, он во многом еще идет «по верхам», запечатлевает лишь внешнесобытийную сторону поиска, гибели и воскрешения, забвения древних рукописей. Не достигли общественно-действенного обобщения и страстные публицистические отступления автора — на темы исторические, политические, идеологические или же литературно-критические. Но главный успех роману принесли его герои — живые люди, показанные как бы на скрещении световых лучей прошлого и настоящего. Увлекательная динамичность повествования происходит почти исключительно из увлекательного воссоздания происходящего во внутренней жизни героев, их побуждений, носящих общественно-нравственный характер. Оттого и внешняя «контурность» лиц и характеров не превращает их в схемы, не мешает сопереживанию героям — подвижникам культуры родного слова.

Активность героя молодой прозы «Нашего современника» проявляется уже в прямом социальном вмешательстве в современность, действенном участии в ее событиях, «поворачивающим» их в сторону положительного результата, на службу жизнеустройству. Этот герой — человек самых разных профессий, соразмеряющий свою деятельность с государственным масштабом. Гражданственность позиции — в тесной связи с его чувством патриотической гордости, нравственными идеалами, сознанием

своей исторической ответственности. Несмотря на заметный-таки налет поведенческого прагматизма у некоторых из них, современный молодой герой уже достаточно ответственно перерабатывает опыт ближайших поколений. Так проводит свое «обследование деятельности» молодой герой одноименной повести М. Круля. Вернувшийся из армии молодой инженер-строитель Анатолий Стасевич идет — и по стечению обстоятельств, и по внутренней склонности — на ревизорскую работу в трест капитального ремонта производства. Автор вместе со своим героем и впрямь проводит обследование деятельности одной из самых обширных и трудноконтролируемых областей современного производства — строительной. Ревизия идет настолько скрупулезно, хотя и с вкраплениями ярких и «пикантных» подробностей в деле отчетности, укрывательства, приписок и т. д., что невольно вовлекает читателя в решение реальных жизненных проблем. Этим захватывающим путем автор проводит своего героя, как говорится, от и до, — захватывающим не только ум, профессиональные способности героя, но и его душу, чувство чести и социальной ответственности. По молодости герой как бы и не боится опасности нравственно покалечиться на извилистой «фискальной» (словечко героев повести) дорожке, полной ухабов. А ведь довелось покалечиться! Но герой находит в себе силы пока что как бы «зачеркнуть» невольные и в общем-то бескорыстные сделки с совестью, ибо чувствует себя — пока что! — бессильным. Да и оправдание у него есть: он остановил, списав два миллиона недостачи, «автопоезда с богатствами страны, сворачивающие в пропасть по мановению жезла в руках неучей...». Он уверен, что устоял против соблазна «сомнительных прелестей превентивного гостеприимства: прогулок на речных лайнерах, вкуса жареной медвежатины, пикников с очаровательными секретаршами и березовой гари парилок...». И главное, что он чувствует себя созревшим для подлинно государственной деятельности: «Дело в том, что проверять от имени Сергея Сергеевича я уже не могу, от своего имени, как ты, — не в моем характере, а от имени народа... Видишь ли, хочешь других умывать, прежде всего сам должен быть чист. Пока обо мне этого сказать нельзя. Далеко не ангел... Но... нового противника я уже подыскал. Серьезного, умного, опытного, сложного. Сложность в том, что его необходимо не разбить, а подвести под государеву, как говорится, руку...» Характер, созданный М. Крулем, неоднозначен. То, что сам герой уверен в том, что прошел сквозь испытания личности уцелевшим, увидел путь к разрешению социальных противоречий, — еще не значит того, что положительный герой обретен. Стасевич еще не освободился от стремления щегольнуть сомнительными историческими ассоциациями, от предрасположенности к индивидуалистическому поведению. Но, главное, он почувствовал, что его личностные устремления совпали с требованиями времени, с государственными нуждами. Он осознал свою гражданственную значимость, хотя и не проявил ее еще на новом поприще.

Проблема личной гражданственной значимости лежит в основе образов героев-журналистов в произведениях М. Петрова — рассказе «Разлад» и М. Щукина — романе «Имя для сына». Герой рассказа М. Петрова еще только открывает для себя необходимость личного вмешательства в людские судьбы — открывает,

сталкиваясь с противоречивостью ситуаций, в которых и люди предстают в противоречивом, непредсказуемом свете. Положительные оказываются оборотнями, плохие — вполне порядочными людьми, обыкновенные — подлинными героями, на которых держится земля, — таков тракторист Наливочкин, который и после разлада в колхозе «работает, что ему? Работает...». И герой-журналист понимает, что он оказался причастным и в то же время прошел мимо горького примера социального разлада.

«Столько лет справедливость нарушалась. В правление выдвигались подхалимы, хапуги, собутыльники, людей прямых, честных отовсюду выживали. А самое главное — люди привыкли жить в неправде: по липовым подрядам, поддельным путевкам, сломанным спидометрам, подкрученным весам...» Журналисту М. Петрова вместе с его героями еще предстоит учиться жить по правде.

А вот герой М. Щукина Андрей Агарин изначально не может жить иначе. С первых своих самостоятельных шагов он вступает в борьбу. И одерживает победу, в которой изначально не сомневался. Почему? Он верил в то, что его поймут и поддержат настоящие несгибаемые коммунисты. Таков в романе редактор районной газеты Савватеев. Агарин опирается на поддержку народа. Чувствует себя своим на родной земле. Именно чувство хозяина родной земли помогло ему безошибочно определить неладное в действиях и душе секретаря райкома партии Воронихина: «Крапива всего быстрее растет там, где земля в запустении... Но ведь душа, как и земля, не должны быть в запустении! Не должно в них прорастать крапивное семя!» А засеваются души чувством людского родства. По законам родства объединяет молодой Агарин силы добра: сыном и наставником увидел его крутоярский старожил Аристарх Петрович, позвавший юношу к себе затем лишь, чтобы лично испробовать его натуру на крепость, и остается счастливым от того, что в его земляке живо это наследие. Сыном видит Андрея Савватеев, а Андрей в нем — отца, его именем — Павел — назовет своего сына. С любимой женщиной, женой, с русским полем роднится Агарин, русским полем роднятся с ним и трактористы: «...ему казалось, что сейчас он соединится со всеми и со всем, что было и жило на этом поле».

В семье Агариных — матери Натальи и отца Егора — жили четыре красивые семейные легенды, которые сын берег после смерти родителей. Они — о нищей и удалой юности, о стойкой верности в любви, одолевшей все беды и обиды, о том, как сжег Егор свой новый дом, потому что его строил полицай... И самая красивая, четвертая легенда о том, на чем держится агаринский род, родное, о сказочных предках рода Агариных, в огне не горящих, не умирающих, один за другим выходящих из тайги на битву со злом... И далекий потомок их Андрей — той же народной стати. «Отец говорил, что надо жить по-людски, а жить по-людски сегодня — значит воевать... Воевать за свою веру». Этими легендами молодой писатель придал крылья своему сюжетному конфликту, вывел его за рамки частного случая, но внутренне еще не достиг конфликт романа «Имя для сына» той высоты, взлета, которыми отмечен роман В. Белова, и той жизненной конкретности, которой проникнута публицистика И. Васильева.

Именно на этом творчески жизненном материале и развивается сегодня литература, вышедшая на журнальные страницы. На том, что берет И. Васильев из жизни:

«Тогда говорили: горе в каждом доме, а теперь — беда у каждого. И как-то свыклись, притерпелись, будто и не от человека все это...»

«— Какая же это инициатива, когда (о ней. — *И. Ш.)* просят? Это как-нибудь по-другому называется...»

Вот как понимает И. Васильев мнение народное: «Согласны — молчим, а если уж не согласны — найдем способ свою власть показать...» И. Васильев знает, что жизнь полна таких сюжетов, каких ни один писатель не выдумает. Например, комбайнер, у которого несправедливо срезали заработанную сумму, в течение восьми — восьми! — лет анонимно подводит под личные штрафы директора совхоза — пока суммы не сравняются... Причем не очень обращает внимание, что под штрафы директор подпадает лишь тогда, когда проявляет полезную инициативу... Зато такой же простой мужик с гордостью ощущает себя «державным пальцем»: «Он все держит... А раз держит, то первый и под удар попадает». И если такому сказать, что это, мол, демагогия, он поправит: «Демократией это называется...»

Публицистическая мысль И. Васильева вплотную подводит нас к социальным переменам сегодняшнего дня: «Право нашло на право. Становилось ясно: Стремутка (предрайисполкома) не сумеет управлять по-иному, Глыбин (тракторист, депутат) не хочет жить по-старому».

Современность явила свои масштабы и проблемы, воплотившиеся и в писательское слово, но далеко не всегда слово это продиктовано гражданственной позицией и ответственностью писателя перед тем выбором, который диктует время.

●

Н. БУХАНЦОВ

КНИГИ И СУДЬБЫ МОЛОДЫХ

Когда мы задумываемся о современном этапе развития советской литературы, то привычная инерция нашего сознания невольно обращается к позитивным достижениям, к перечислению целого ряда произведений и имен, которые поистине составили бы бесспорную гордость любой литературы. Мы спешно начинаем выверять современную литературу именами испытанных временем писателей, стремясь определить ту единственную и неиссякаемую родниковую волну творческого вдохновения, которая дарит, которая «выносит» к заслуженному читательскому признанию новое имя художника, достойного продолжателя творческих свершений своих одаренных учителей. И что характерно: все это время чувство личной ответственности особенно обостренно и, видимо, далеко не случайно ощущается нами. Отчего так, спрашивается?..

«Говорить о молодых — это значит говорить о нас, писателях старшего поколения. Да, спрашивать надо с нас. Мы ответственны за молодую смену. Нелегкое это дело — растить будущее литературы. Писатели растут медленно, да и не по за-

казу. Но надо помнить завет Горького, который говорил, что мы должны вырастить целую армию отличных литераторов. Пока что мы этот наказ выполняем плохо. И удивительно ли, что смена идет замедленным шагом...»

Так прозорливо и мудро рассуждал о молодой литературной смене М. Шолохов.

Десять лет назад появилось известное постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», сыгравшее значительную роль в воспитании молодой смены. Сюда, естественно, примыкают и Всесоюзные совещания молодых писателей, проводимые ЦК ВЛКСМ и СП СССР в минувшем десятилетии. Пожалуй, даже неискушенный читатель сегодня без труда замечает, что в стране стало больше выходить книг молодых писателей, появляются коллективные сборники, а журналы порой даже целиком отводят им свои номера. В периодической печати — особенно в последнее время — звучат достаточно громкие дискуссии о молодых авторах, статьи о которых пишут как маститые наши критики, так, естественно, и молодые.

Как показывает жизнь, большую практическую пользу в деле становления молодых литераторов приносит кропотливая работа с начинающими в издательствах «Современник» и «Молодая гвардия», в журнале «Литературная учеба», возобновившем свой выпуск именно с памятного для каждого из нас постановления ЦК КПСС.

Наше беспокойное время требует от писателей всех возрастов обращения к сложным и противоречивым явлениям жизни. Освещение этих явлений и становится источником нравственных коллизий, и, конечно же, от писателя наших дней требуется немало смелости и решительности, гражданской принципиальности при художественном исследовании многогранного характера современника. Отправной точкой, главным идейным плацдармом в наиболее плодотворных творческих исканиях для писателей была и остается сегодня верность правде жизни, нашим социалистическим идеалам. И это не просто слова. История и современность наша подтверждают: писатель вряд ли сможет стать истинным художником, если он не причастен к общему процессу социального созидания, к судьбе своего народа.

«Главная линия в развитии литературы и искусства, — подчеркнуто в новой Программе КПСС, — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение социалистической действительности, вдохновенное и яркое раскрытие нового, передового и страстное обличение всего, что мешает движению общества вперед».

Критики и наши читатели давно заметили, что в прозе и поэзии молодых авторов доминирует тенденция к нравственно-философским исканиям. Такая тенденция, как нам думается, связана с настойчивым обращением молодых писателей к драматическим явлениям современности, что в конечном итоге способствует более многомерному раскрытию усложняющихся противоречий жизни и характера героя. Здесь имеются и определенные удачи.

На XXVII съезде КПСС, как мы знаем, к нашему искусству, к текущей литературе были предъявлены высокие и справедливые требования. Особо подчеркивалась мысль о том, что новые художественные открытия возможны при наличии у современного автора широкого кругозора, гражданской позиции, кровной

связи с народом. И сейчас, когда мы ведем речь о том, что настоящий писатель должен быть совестью своего народа, то, естественно, отмечаем в творчестве писателя четкость его идейных позиций, глубокое знание жизни, запросов и тревог своего времени. В Политическом докладе ЦК КПСС отмечалась необходимость повышения уровня идеологической работы, а писатели и есть стойкие бойцы нашего идеологического фронта. «Когда возникает общественная потребность осмыслить время, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — в особенности время переломное, оно всегда выдвигает людей, для которых это становится внутренней потребностью. В такое время мы живем сейчас».

Вот почему повседневное воспитание в молодых художниках чувства высокой гражданской ответственности за свое слово — дело крайне важное и неотложное для всех нас.

С понятным беспокойством и заботливостью именно об этом говорил в своем докладе на VIII съезде писателей СССР Г. Марков: «Между тем надо признать, что кое-где среди молодежи бытует беззаботное отношение к мировоззренческим вопросам...»

Вот где, как нам представляется, непочатый край для кропотливой воспитательной деятельности среди творческой молодежи наших комсомольских и партийных организаций. И разумеется, львиная доля наставнических усилий писателей старшего поколения также должна быть направлена на эту неотложную работу. Ведь настоящее профессиональное становление современного писателя не может считаться полноценным без обретения им социальной зоркости, без идейной зрелости и верности нашим идеалам.

Не секрет, что сегодня нам следует еще раз серьезно подумать о том, насколько молодые авторы связаны с жизнью, с теми трудовыми свершениями, которые происходят в стране. Известный мастер советской прозы Л. Леонов однажды метко заметил: «Нынешний литератор должен пойти с утра за своим героем в лабораторию, в цех, на совхозное поле. И здесь ему потребуется совершенное знание профессии своего героя, без чего он не сможет понять его психологического отношения к тому или иному явлению жизни, без чего писатель не сможет поймать ту оживляющую подробность, которая убедит читателя в достоверности происходящего».

Биение пульса жизни, величие дел и поступков нашего современника с отрадным чувством мы обнаруживаем в лучших изданиях молодых. Например, заслуживает одобрения выход коллективного сборника прозы выпускников Литинститута в издательстве «Советский писатель», появление антологии молодой советской поэзии в издательстве «Художественная литература», около трехсот сборников молодых авторов увидели свет в приложении к журналу «Молодая гвардия», регулярно читатели знакомятся с творчеством начинающих на страницах журнала «Литературная учеба» и в других изданиях.

Рядом с ярко заявившими именами таких, например, русских прозаиков, как В. Крупин, А. Жуков, В. Мирнев, Г. Баженов, Б. Екимов, Ю. Бородкин, Г. Немченко, П. Краснов, А. Буйлов, сумевших утвердить себя в российской прозе преимущественно в минувшем десятилетии, мы вправе сегодня также назвать и молодых, чье творческое дарование утверждалось, как верно за-

мечал в свое время О. Куваев, «через испытание жизни на собственной шкуре...». Разумеется, я приведу здесь лишь некоторые имена.

Когда знакомишься, например, с повестью Аркадия Кривошеина «На дальнем перекате», то невольно думаешь о том, что автору, по всей видимости, просто, что называется, захотелось отбросить наши привычные и, надо признаться, часто легковесные представления о молодом современнике, покоряющем просторы Сибири и укрощающем могучие реки... Жизненная, невыдуманная реальность в этой повести выстраивается из большого и малого, светлого и драматического. А. Кривошеин обращается к острому сюжету, суровым нравственным конфликтам. Таким мы видим и характер плотогона Бориса, смелой и душевно благородной девушки Саньки, которой выдалась нелегкая личная судьба. Жизненная убедительность характеров героев, думается, во многом объясняется тем, что сам автор долгое время работал техником-технологом, а после в качестве журналиста исколесил Сибирь, он не понаслышке знает такие всенародные стройки, как Абакан — Тайшет и БАМ. И не оттого ли сама тревога мира нашего присутствует даже в его пейзажных зарисовках: «День кончился. Молочными дымами курилась тайга. Из низин и со склонов сопок тянулись вверх столбы пара. Они были не очень высокими, эти столбы, но рядом с ними былинками казались вековые кедры. Вершина столба, клубясь, упиралась в синеву неба, расплющивалась, растекалась по ней, превращалась в белый гриб. Он рос, набухал в лучах солнца, а набрав силы, отрывался от земли, облаков и лениво отплывал в просветлевшую даль».

Прочитав этот короткий абзац, мы говорим себе: пусть же всегда над землей встает белый гриб мирного тумана, а не зловещего атомного смерча...

Уроки жизни, как мы все понимаем, несравнимы ни с какой школой и институтом. Об этом думаешь, читая увлекательно написанные рассказы Виктора Бурякова — прозаика из Липецкой области.

Примечательно в этой связи высказывание Анатолия Калинина: «Должно быть, не только у меня, кроме тех библиотечных полок, на которых давно утвердились книги классиков литературы и современных писателей, наиболее близких сердцу, есть еще и полка неизвестных пока читателю авторов, чьи рукописи год за годом как-то само собой выделялись из числа других. Полка ближайших литературных надежд. На ней обычно ждут издания интересные рукописи. Радостным проводам сопутствует праздничная встреча. Вот так праздную я теперь и выход сборника Виктора Бурякова...»

В. Буряков умеет чутко улавливать смысловые, глубинные оттенки живого разговорного языка, ему близка и понятна жизнь сельских тружеников, ибо сам он работал механизатором, закончил сельскохозяйственный техникум, сейчас живет и трудится по-прежнему рядом с героями своих будущих произведений...

Совершенно иная тематика повести Юрия Гейко «Сайга», но и здесь мы отчетливо видим некнижное знание дела, о котором решился рассказать нам молодой автор, долгое время работающий на автозаводе имени Ленинского комсомола. Он также описывает то, что самим было пережито и прочувствовано. Этим и

объясняется известная достоверность характеров героев и обстоятельств, жизненность психологических ситуаций, мотивы поведения и поступков героя.

Героев светлой души и большого гражданского мужества встречаем мы и в рассказах В. Конюхова из Новочеркасска, В. Трубина из Кургана, Н. Дорошенко из Москвы, Н. Шипилова из Новосибирска, В. Мелгалве из Риги, М. Крашенинниковой из Перми и многих других молодых прозаиков, творческое созревание которых проходит с одновременным утверждением трудовой самостоятельности, в непрекращающихся поисках, если хотите, извечного идеала добра и правды нашей действительности.

Опять же менее всего мы склонны сегодня называть имена молодых, поддерживать их первые произведения только потому, что авторы, дескать, затрагивают важный и животрепещущий материал, пытаются более или менее успешно разрабатывать актуальную тематику дня. Прежде всего мы, конечно же, стараемся учесть главное: степень собственно художественного проникновения авторов в закономерности трудовой жизни, в психологию современника. Ведь в наше время мало изобразить героя только в трудовом процессе. Важно также увидеть взаимодействие современника с обществом, учесть сложную диалектику его связей с социально-политическими, нравственными и духовными сдвигами в современном мире.

Рядом с дебютантами-прозаиками не менее оригинально и самобытно заявляют о себе и поэты. При всем различии творческих интересов их также объединяют социально-исторические условия нашей жизни, особенности трудовых биографий, обостренное чувство драматической атмосферы времени.

Запах дыма, травы, снега талого...
Воздух свеж, долог день, жизнь длинна.
Начинается с тайного, с малого —
И весна, и судьба, и страна.

Лирический герой Н. Еремина глубоко и по-своему драматично задумывается над смыслом собственной жизни, он одержим сознанием высокого и благородного действия, и поэтому не прощает себе лишней суеты и пустого времяпрепровождения, а точнее, созерцательного отношения к окружающей его действительности:

Жалко...
Снова день прошел
В праздных поисках удачи,
А ни я, ни ты еще
Дела главного не начал.
Что заставит смертных нас
Жить полней и откровенней,
Каждый день и каждый час —
Словно первый
И последний?..

Именно активным отношением к жизни, осмыслением заново всего многообразия явлений современного времени — текущего и конкретного — отмечен характер лирического героя в стихотво-

рениях А. Арипова из Узбекистана, А. Калинскакс из Литвы, А. Шекояна из Армении, В. Хохлова из Подмосковья, Л. Федосовой из Москвы, М. Зайцева из Волгограда... Список имен, разумеется, легко продолжить. Но мы сейчас далеки от мысли, так сказать, представить все имеющиеся в наличии молодые дарования... Мы всего лишь отмечаем очевидное и бесспорное явление в развитии современной многонациональной литературы молодых. Говорить и подчеркивать эту особенность целесообразно и актуально еще и потому, что в последние примерно пять лет в ряде объемных критических статей, посвященных анализу, скажем, поэзии молодых, доминирует пристальное внимание к удивительно узкому кругу так называемых «шумливо-метафористических» стихотворцев, которых иной раз даже объявляют на западный образец «наши авангардисты»... И действительно, на деле получается, что «хорошие и разные» молодые поэты простонапросто остаются за гранью критического внимания.

Прав С. Залыгин, который совсем недавно сказал: «Фантазией, изыском в модерне, сюрреализмом и даже неореализмом тут дела не решишь — если кто и поможет, так только старый, добрый классический реализм. А ведь он-то сейчас и находится в наибольшем дефиците».

К слову заметить, эта мысль, видимо, далеко не случайно оказалась созвучной и близкой таким молодым критикам, как В. Гуминский, С. Журавлев, Вад. Дементьев, В. Бирюлин, С. Дмитренко, работы которых как раз и отличаются интересом к опыту русской классики. В семидесятые годы известный критик Ю. Селезнев верно подметил эту особенность у одного из них, В. Гумипского: «Я не случайно назвал Виктора Гуминского критиком... Классика для него отнюдь не предмет для академического исследования исторического прошлого, но вечно живая, именно наша с вами, самая что ни на есть злободневная современность...»

Замечание Ю. Селезнева, как нам представляется, можно в определенной степени отнести и к названным нами выше критикам.

В постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» особо подчеркивалось: «ЦК КПСС обращает внимание Союза писателей СССР, республиканских союзов, редколлегий журналов на необходимость и впредь развивать художественную публицистику. При этом уделять особое внимание молодым литераторам».

Наиболее успешно, на наш взгляд, в минувшие годы в этом жанре выступили М. Астаренко, В. Левченко, Л. Жукова, а также молодые авторы коллективного сборника очерков «Остаюсь в деревне» — С. Макаров, В. Перегудов, И. Подсвиров, Г. Каковкин, В. Нестеренко, Б. Царев, А. Ехалов.

Уместно задуматься: удовлетворены ли мы вообще уровнем и состоянием литературы молодых? Справедливости ради, надо признать — не совсем. И обоснованные претензии к отдельным авторам и к их произведениям, по сути дела, совпадают с уже примелькавшимися претензиями ко всей нашей литературе в целом. Речь, как мы догадываемся, ведется о жгучей необходимости выхода современной литературы на качественно новые, бо-

лее высокие рубежи, особенно в воссоздании образа положительного героя времени, а также в художественном осмыслении важнейших явлений жизни. И разумеется, мы менее всего склонны к расхожему заключению, мол, плохой литературы всегда бывает больше, нежели хорошей, и это, дескать, давняя закономерность литературной жизни. Народ наш никогда не был скуден на самобытные таланты, тем более в столь благоприятное время, когда каждый молодой автор имеет, по существу, неограниченные возможности проявлять свое дарование, естественно, не отстраняя себя от насущных проблем современной действительности.

«Нам, литераторам, — говорит, например, Петр Проскурин, — время от времени необходимо задавать себе извечный изначальный вопрос: «Что такое человек? Откуда он? И куда идет?» Русская литература всегда делала человека сильнее, потому что заставляла его верить в некий идеал, в возможность совершенствования себя». И тут же писатель говорит о сложности и важности создания образа нового человека, созидателя и творца по своему духовному призванию: «Наша современная литература, на мой взгляд, более всего нуждается в героях именно положительного, созидательного звучания, но, разумеется, не в лозунгах и не в героях, которые никого ни в чем не убеждают. Положительный герой намного сложнее, чем герой отрицательный, если он действительно написан по законам диалектики, и поэтому написать его гораздо трудней, чем отрицательного героя».

Разговор о положительном герое, думается, сегодня чрезвычайно и по-прежнему актуален, ибо молодое поколение писателей (как, скажем, те же «сорокалетние»!) время от времени «заболевает» нездоровым поветрием, испытывая на себе заметное тяготение к сугубо отрицательному герою, к герою-антигерою. В некоторых современных произведениях вроде бы верно взяты жизненные факты в своем, так сказать, сложном единстве, но в итоге не расширяют подлинно реалистическую сферу познания человека и времени, уводят читателя в мир ирреальных ужасов, фантасмагорий, в лабиринты рационалистических сюжетосплетений, далеких от живой действительности и тревог современности. Более того, зачастую просто-напросто порочащих эту современность.

Положительный, полнокровно написанный герой в нашей литературе — это человек, жизнь которого не мыслится без созидания, значительных дел и событий, потому что сильная и деятельная натура требует для своего художественного, реалистического проявления соответствующих обстоятельств. И мы хорошо себе сегодня представляем, что высокие духовные, нравственные свойства советских людей могут быть показаны в границах одного типичного характера, достойно представляющего целые поколения. Это, как правило, подлинно героические характеры, цельные, мыслящие личности. И преодоление испытаний, которые выпадают на их судьбу, одухотворено глубоким осознанием общественных, народных, коммунистических целей, высших гуманистических идеалов эпохи.

Постановлением ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» предусматривалось обеспечение «притока достойной смены в сферу художественной культуры» нашего времени. И мы уже отмечали, что именно после этого постановления значительно возросло количество первых книг, гораздо чаще стали публиковаться

молодые авторы в нашей периодической печати. Ряд центральных газет и журналов организовали дискуссии о путях развития прозы и поэзии молодых. Однако сегодня мы все еще наблюдаем, к сожалению, и серьезные недостатки. Повелось почему-то так, что молодые предстают перед читателями обязательно под общей «шапкой», в одной, как говорится, обойме... Да и возраст «молодых» резко подскочил за эти годы.

«У нас много интенсивно работающих литераторов всех возрастов, — говорилось на VIII съезде Союза писателей СССР, — и это наше счастье. Такими писателями движется вперед вся громада нашей многонациональной литературы, все ее жанры».

Наверное, самое трудное в литературе, как и в любом серьезном деле, — обрести себя. Да и писатели, как мы помним, растут «не по заказу», о чем справедливо говорил М. Шолохов... Но тем важнее всю дальнейшую работу с молодыми художниками вести, как подсказывает еще раз минувший десятилетний опыт, на сочетании чуткого, уважительного отношения к ним с требовательностью. Сегодня, на переломном этапе развития нашего общества, перед молодыми художниками слова поистине открываются необычайно широкие возможности творческого совершенства, выработки собственного, неповторимого почерка в русле единого и испытанного метода социалистического реализма.

●

Татьяна ШАРОЕВА

ЖИЗНЬ — ДЕЯНИЕ

Сегодня, в Международный год мира, он по-прежнему стоит передо мной как живой на трибуне Тбилисского Дома офицеров поздней осенью 1950 года — выдающийся советский поэт, яркий новеллист, публицист, переводчик, крупный общественный деятель — и бросает в притихший зал, заполненный офицерами, солдатами Советской Армии, учащейся молодежью, набатные строки стихов о Родине, дружбе и мире. Только что вернувшийся из Варшавы со Второго Всемирного конгресса сторонников мира Н. С. Тихонов читает свои стихи:

И в прелести сияющей и тонкой
Не просто юной жизни торжество:
Все будущее в образе ребенка
Стоит и просит защитить его.

А потом переполненная аудитория вслед за поэтом скандирует ставшие советской классикой строки ранних баллад, поэмы «Киров с нами».

Да, таков он был — поэт, рожденный Октябрьской революцией, участник трех войн, — Н. С. Тихонов, плотный, мускулистый, с резко очерченными, волевыми

чертами лица, прошедший по многим дорогам Родины от Терскола и Клухорского перевала до маршрута по Туркмении, вдыхавший воздух горных вершин Гималаев, Гиндукуша, сирийской пустыни за Евфратом, берегов весеннего Средиземноморья.

Сразу же в 1922 году стали достоянием многомиллионного читателя, поднявшегося из народных глубин, взрывчатые ритмы тихоновских баллад, из книги «Брага», овеянных высокой романтикой воинского подвига, — «Перекоп», «Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях», проникновенный лиризм сказки-были «Сами» об индийском мальчике, услыхавшем имя Ленина. В студенческой аудитории, на концертах и митингах в красноармейских казармах, в рабочих клубах звучали стихи молодого поэта.

Сын питерского ремесленника, Н. Тихонов подростком наблюдал антагонизм «верхних десяти тысяч» и рабочего питерского люда в то предгрозовое время, когда начинался ленинский этап в развитии марксизма. Подростком он же испытал нравственное потрясение после Кровавого воскресенья 1905 года. Это было раннее постижение диалектики революционных боев, той, по словам Н. Тихонова, «эпической поэмы о борьбе народов за независимость», когда «история осветила меня немеркнущим светом Октябрьской революции».

Вслед за В. Маяковским Н. Тихонов имел полное право во всеуслышание сказать об Октябре — «моя революция».

В гуще революционных боев формируется тот облик писателя-интернационалиста и патриота, чья жизнь и творчество нераздельно и органически связаны с народом.

И Н. Тихонов до конца своей жизни остался верен обозначившейся еще в ранних книгах «Орда» и «Брага» трассе будущих поисков лирического героя «с марсианскою жаждою» познания жизни-деяния — на стройках социализма в многонациональном Советском государстве — в Карелии и Кабарде, Туркменистане и Грузии, Северной Осетии и Дагестане. Стихи сборников «Поиски героя», «Юрга», «Стихи о Кахетии» говорят не только об освоении нового жизненного материала, они приобретают еще и острую социальную злободневность, которая потом «во весь голос» зазвучит в книге «Тень друга», в военной публицистике.

Безусловно, особой заслугой Н. Тихонова надо считать его труднейшую работу по организации взаимосвязей национальных литератур с Советской Россией, по воспитанию в братских республиках настоящих мастеров слова. Перед нами в 30-е годы человек горьковского склада, неуемной творческой энергии, с лицом, обветренным ветрами дальних странствий. Ведь Н. Тихонов с ударной бригадой писателей в 1930 году по инициативе М. Горького исходил и объездил вдоль и поперек всю Среднюю Азию. В 1931 году он вместе с В. Эрлихом и Б. Араповым — в горах Центрального Кавказа. В 1933 году он, В. Луговской и Павленко уже в Дагестане, в Кабарде, Осетии, Ингушетии. В результате этих поездок Н. Тихонова появились сборник «Юрга», книга очерков «Кочевники», переводы стихов Г. Цадасы, К. Кулиева и других поэтов. «Весь облик Грузии любимой» стал на целые десятилетия живительным источником для творческих свершений поэта.

Н. Тихонов в своих переводах Галактиона и Тициана Табидзе, С. Шаншиашвили и Г. Леонидзе, С. Чиковани и К. Каладзе, И. и

Гр. Абашидзе добивается полноценного звучания грузинской поэзии на русском языке.

К концу 30-х годов Н. Тихонов — уже зрелый мастер поэзии, общественный деятель, без остатка отдающий себя делу развития братских литератур.

В 1935 году, с трибуны парижского Международного конгресса в защиту культуры Н. Тихонов призывает к мобилизации сил мира против надвигающейся фашистской опасности: «Ничто не остановит воли к борьбе, ничто не разорвет этого крепкого союза между поэзией и жизнью во имя лучшего будущего всего человечества».

В «железных ночах» Ленинграда он возглавляет группу писалей при Политическом управлении Ленинградского фронта. Н. Тихонов написал десятки статей, очерков, рассказов, стихов; особое значение имела поэма «Киров с нами», ставшая вершиной творчества поэта.

Такого навеки не будет
На Невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.

Хрестоматийными стали и строки тихоновских стихов о «бессмертном ленинском знамени», пламенеющем «над старой Невой», поэма о двадцати восьми панфиловцах и другие произведения.

После окончания Великой Отечественной войны голос поэта-трибуна звучит на конгрессах и встречах борцов за мир в Вене и Хельсинки, в Стокгольме, в Дели и Будапеште, в Берлине и Варшаве. Н. Тихонова — пламенного борца за мир — знали, любили и ценили П. Неруда и Ж. Амаду, Ф. Жолио-Кюри и Р. Кент, Фаиз Ахмат Фаиз и Тахим Хмаинг.

«Чужого горя не бывает», — как пронзительно сказал в своем вьетнамском цикле К. Симонов. И Н. Тихонов с миссией доброй воли открывает для советской литературы мир зарубежного Востока от берегов арабского Средиземноморья до Шри Ланки, Востока разбуженного, гневного, охваченного национально-освободительной борьбой против колониальной системы империализма.

Да, социализм и мир, мир и созидание неразрывны. Эта идея пронизывает последние книги Н. Тихонова — «Двойная радуга», «О времени и о себе».

Таким он и был до конца своих дней, один из флагманов советской поэзии.

Как прекрасно сказал М. Дудин: «За ним длинный удивительный путь исследования человеческой души и того поражающего мира, в котором эта душа живет, борется, ищет, разочаровываясь и торжествуя, тропинки к человеческому братству Земли, к человеческому счастью».

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОД ОКОМ ВСЕЛЕННОЙ

Жизнь человеческая извечно обретается «против неба — на земле», питая просторы нашего чувства, открытую беспредельность мысли. Сознанием этим насыщена философия народного эпоса, чудо-сказок. Под открытым небом лежит поле русской поэзии, ее открытая всем ветрам, всем световым волнам традиция.

Современность по-своему «узаконила» вековую, природную основу человеческого миростояния, вооружив человека новым знанием, новыми открытиями космической реальности, вошедшими в плоть и кровь сегодняшнего дня. Сегодня это повсеместно сказывается на личностных реакциях человека, смысле и форме его поступков и упований, основе его взаимоотношений с людьми и миром. Это свойство современности проявляется и в творчестве современных литераторов, хотя прочитывается по-разному у каждого. И дело, наверное, прежде всего в той степени конкретности восприятия жизни как космического явления, которую может ощутить и «поднять» тот или иной автор.

Для поэта Юрия Поройкова космическая современность — реальная задача повседневного, личностного разрешения вопросов бытия, вопросов социально-бытовых, поведенческих, духовно-патриотических, философских. Ю. Поройков — поэт, естественно ощущающий свою космическую природу, единство со всем, что есть Вселенная. Космические мотивы его лирики — слитное единство земного пейзажа с его небом и звездами, души человеческой с ее простертыми в беспредельность любовью и болью, мысли и деяния, отзывающихся в мироздании. Притом лирический герой Поройкова выдвигает на первый план не столько свою слиянность, «растворенность» во вселенском бытии, сколько собственную целостность,

Юрий Поройков. Лесов зеленый вздох. Стихи и поэмы. М., Современник, 1985.

самостоятельность действенного участника космической жизни, спрашивающего: «Зачем нужны мне, человеку, звезды?» Современность дает сегодня свой, обширный и многообразный ответ на «наивный» вопрос поэта. Да поэт и сам прекрасно знает этот ответ. Но он мучим иным. Желанием вступить в по-настоящему личностный, «человеческий» контакт со столь много говорящим ему безмолвием. В недоступных людскому слуху голосах сфер он угадывает явственную направленность их на человека, такое же, как у него, ожидание общения. Озаряется пониманием: «Вселенная настойчиво меня единственным разглядывает оком». Правда, поэт как будто еще сомневается в своей готовности к разговору взаимно важному и интересному. Да, Вселенная не заговорит первой:

И не спросить
О чем-то хочет, просто
Все обо мне уж зная
Наперед,
Окликнула
И терпеливо ждет,
Как я отвечу
На свои вопросы.

Здесь устами поэта говорит землянин, представитель человечества, которому и впрямь еще надо прежде всего разобраться в самом себе. Но недаром у человечества есть поэты, а у поэтов — свое «вселенское» знание... Оно и позволяет, как позволяло всегда, поэту воскликнуть:

Отзовись!
И у меня
Есть
Ключ
От мирозданья!

Ю. Поройков в своем понимании сущности космического опирается, безусловно, на открытия людского ума, труда, опыта. И все-таки наиболее безоговорочно он опирается на опыт духа народного, на сказку, «где, путь победный выбирая, уверен можешь быть всегда: на случай есть вода живая и мертвая там есть вода». Ключ к мирозданию поэт обретает именно на этом пути за живой и мертвой водой.

На этом же пути поэт совершает и свой, пожалуй, решающий «вселенский выбор» образа человеческого. Это выбор в пользу центральной в бытии личности человека «простого», «обыкновенного», каковым поэт видит и самого себя. Насколько именно этот образ способен вместить в себя и выразить земное, патриотическое, нравственно-философское, героико-романтическое начала жизни, — задача, упорно и страстно разрешаемая поэтом. Тут все его вопросы и все его ответы.

В основе личностного становления лирического героя Ю. Поройкова «человека вообще» — борение, и прежде всего борение с самим собой. Остро и мучительно ощущает он непосредственно явленную «дискретность» самого существа и «вещества» рода человеческого, так явственно зависящего от «часов земных» (сквозной образ лирики Ю. Поройкова). Человеческая «самость» так явственно разделяется на временно-единичное, пребывающее в собственной «малости», — и на способность человека видеть в жизни творца: «Сосна верхушку клонит в отдаленье — как будто жизнь

отбросила перо, задумавшись о чем-то на мгновенье», — на способность человека соизмерять себя с любыми вселенскими величинами, с добром и злом, правдой и неправдой, взлетом и падением... Жизнь коротка? Да: «Я — есть, живу и буду долго жить. Потом уйду и будут жить другие». Ю. Поройков никогда не отрицает доводов здравого смысла, и в этом он неизменно «благоразумен». Но зато в его понятие здравого смысла входит и такое свойство человека: «Я сыну объясняю — мой черед. И он, как я, ту истину поймет и отметет, как я тогда, с порога». Не надо, выходит, человеку малого... А иногда выходит и по-другому — нужно именно малое: «Однажды ночью проснусь от острой правды-холодка: зачем ты мне, бездонный мой источник? Мне в общем-то достаточно глотка...» Борение между малостью жизненного глотка — желания и бездонностью жизненного истока человека — вечная драма человеческого существования. И Ю. Поройков самозабвенно и отважно погружается в нее... «На жизнь мы взгляд переведем. На ямы разные и щели, которым в жизни — несть числа...»

Увы, совсем иные беды,
Иное горе здесь, увы...
За шелестением газеты
Не слышен шорох трын-
травы.

Но ты откроешь вдруг
при свете,
Впервые заглянув в углы,
Что все Кащеево бессмертье
Таится в кончике иглы.

И опять из раздирающих противоречий жизни сердце извлекается к свету сказкой: «Свернулись в сказочный клубок начала и концы дорог». Идущему за этим клубком доступно стремление: «Ты разгляди возможного предел. А после — невозможного начало», доступно умение разомкнуть «малый мир» своего единичного существования.

...Мой малый мир — лишь
жалкий слепок
С того, который груб
и терпок,
Недобр, нетерпелив, горяч,
В котором смех сменяет плач
И сохнут слезы на ресницах,
Едва лишь прозвучат слова.
В котором может вдруг
присниться,
Как бродят ночью дерева,
И падают на землю птицы,
И в землю прячется трава.

Мир малый — мир большой... И в том и в другом — истина. В поэзии Ю. Поройкова то входишь в истину, открывая и принимая ее, то «натыкаешься» на нее как на острый «угол бытия», а то и спотыкаешься об нее. Всюду при этом следуя за самим поэтом, за его поражениями, провалами, ушибами, взлетами, которые поэт являет именно в виде образов-истин, сгустков поэтической мысли. Это и образ «повинной» поэта: «Я не спорю, люди, мне не до речей. Всем нам шаг от судей и до палачей». Это и втягивающий в сеть события-переживания парадокс, зовущий нас «испытать без сожаленья всю сладость жизни в горьком привкусе победы, ставшей пораженьем». Это и трогательное: «Я не хочу обидеть никого!»... Да, стих Поройкова бывает и парадоксальным, и саркастичным, и беззащит-

но-наивным... Но всегда идущим от сути поэта, от искренности его переживаний, всегда в глубине его лирики идет непрерывный процесс борения, поиска. И свет истины озаряет слово поэта как дар его истовому стремлению к ней, к честному слову, к правде. Таким светом — целостности, величия, единства — озарен у поэта сам образ правды:

Может быть, каждый раз,
когда мы спорим,
Надо лишь перестать
отталкивать друг друга
словами
И представить, как прекрасна
правда,
Которая одна на всех,
И понять, что правда
перестает быть правдой,
Как только ее начинают
делить на кусочки,
Даже если достанется всем
поровну,
Даже если все будет
по справедливости.

Оттого, владея множеством истин, поэт не довольствуется «своей долей» правды. С тревожным волнением следит он, как «из них из всех — простых и сложных, как из пеленок, осторожно в сегодня выбиралась жизнь». А правда сегодняшнего дня целостно смыкается с вековой народной правдой жизни на земле. Смыкается, тоже вырастая из заблуждений и открытий, из озарений и поражений:

Не мог народ прожить
без хлеба.
Но и без правды, нет, не мог.
Бывало, заблуждались
все мы,
За правду принимая ложь.
То были мы, как рыбы, немы,
То говорливы невтерпеж,
Порой сгибались так же
низко,
Как поднимались высоко.
И сердце, что взрывалось
близко,
Не нарушало наш покой.
Врага в дома свои пускали,
Гоня безжалостно друзей...
О, сколько было их в опале
Незрячей совести моей!

«Мы» поэта — тоже результат процесса единения людей, прошедшего сегодня через сердце поэта, который в самом себе повторяет путь к осознанию правды единства. Лирическому «я» Поройкова случается, как говорится, заглядываться на соседа, именно с его поведением сверяя свои поступки. Но «мы» — это отнюдь не соседствующее множество. Не толпа за воротами. Это как одну из личных истин прозревает поэт: «И любопытствующий сброд, что жаждет смертного исхода — толпа. Она лишь тень народа, похожа только на народ». К чувству народа поэт идет через ощущение единства людей в высоком, великом, правдиво-земном смысле: «И прекрасны все люди, что трудятся в поле на пашнях, пеленают детей, плавят сталь и разводят сады». Все прекрасные люди вместе и есть народ, движимый единым восприятием земли и неба, единой мечтой: «И мечтаем мы все об одном, чтобы мирное небо плескалось от края до края, чтобы ночью будил нас лишь ветер да дождь за окном». И тревогу за эту обычную и общую мечту люди испытывают каждый как свою боль за другого:

Вот от плача проснулся,
И больше уже не заснуть.
Мне не проще,

Что слезы —
На той стороне океана,
И что плачет ребенок чужой,
Мне не легче ничуть.

«Мы» поэта — чувство прорастающее, достигающее той высоты, когда можно говорить о себе как о народе, слитом в том единстве, имя которому — Русь.

Вся наша Русь,
Огромна и светла,
Одной деревней
Некогда была.
Мысль не нова,
Ясна она, как день:
Мы вышли все
Из тех же деревень...
Давно уже
Живем мы без межи
Полей и человеческой
души —
Посев иной
И новые побеги,
И в том ли суть,
Где именно живем, —
В избе ли сельской,
В доме городском?
Куда важней,
Что мы за человеки!

Гражданин — это тот, кто отвечает на свои вопросы под пристальным оком Вселенной, кто отводит, «отметает» в жизни беды:

Чтоб, взглянув в глаза друг
другу,
Через судьбы и года,
Отменить могли разлуку
Мы с тобою навсегда.

Беда, разлука, поражение «отменяются» духовной силой человека, силой поэта, почерпнутой в собственных страданиях и героическом жизнелюбии как чуде жизни:

...И вот,
Когда человек поднялся
с земли
И увидел, что крылья его
сломаны,
Он стряхнул с себя пыль,
Оглянулся вокруг и
зажмурился:
Небо — чистое и высокое —
Смотрело ему прямо в глаза.
И ему отчаянно захотелось
взлететь.
Он почувствовал вдруг,
Как на спине,
Разрывая кожу,
Набухали новые крылья
И дрожали от нетерпения
руки:
Взмахнуть бы,
Оттолкнуться ногами
от земли,
И туда —
Вверх!..

Преодоление — это еще не все. Истинно гражданское деяние совершает поэт, когда раскрывает перед людьми свой идеал счастья, нравственных высот, правды, то есть идеал истинно прекрасного человека. У Ю. Поройкова таким человеком может быть любой, может быть он сам:

Ненужным можно стать,
Обидней — если лишним.
А кто сказал, что быть
Единственным нельзя?

В любовной лирике Ю. Поройкова, к сожалению, идеал героя как единственного не осуществился. Поэт познал лишь мгновения того высшего обладания жизнью и истиной, когда весь мир — это ты, потому что любим. Но зато и из поражения своего поэт вынес желание — чтобы все люди на земле оказались нужными, единственными. Вынес он и стремление — научить этому людей. И здесь поэт прямо выдвинул свой идеал человека. Этот идеал — учитель. В лю-

бом многообразном значении этого слова, но прежде всего — обыкновенный школьный учитель, который воспитывает новые поколения. Таков его учитель из поэмы «Звезда на снегу». Ю. Поройков разрабатывает его образ в личностно-лирическом плане, и пожалуй, даже подробнее и биографически конкретнее, чем собственный лирический образ. Разрабатывает его образ в ракурсах социальном, психологическом, исторически - современном, «звездно-романтическом».

...Жизнь нашего учителя
проста —
Чтоб описать — достаточно
листа,
Да как читать!
Одной строкой война,
Но юность ею вся опалена.
С наградами и вправду
небогато —
Одна медаль у бывшего
солдата,
Не принято в анкетах —
Не писал,
Что трижды умирал
и воскресал
И вновь смотрел в глаза
пустые смерти.
Таким в полку у них был
каждый третий,
Недаром взводный их любил
шутить:
«Приказ один — до самой
смерти жить!»
Ну а медаль...
Он знает, весит сколько
Медаль со следом шалого
осколка...

И человека с такой биографией поэт вновь «отправляет на фронт». Да, слово учителя для него «приравнено к штыку». Так это чувствует и сам герой поэмы, что идет в учителя, горя огнем подвижничества:

Приходит час.
О этот звездный час!
Сама судьба выстраивает
нас
Кого куда —
На правый фланг,
На левый,
Но где б ни встал ты —
Ты повсюду первый,
Открытый пуле, острому
штыку —
Лицом к врагу!

Но кто же враг учителя в его борьбе за высоты грядущих поколений? Он многолик, но трудноуловим взглядом, борьба с ним — это и борьба с косностью, застоем общественного сознания, обывательщиной, и борьба в собственном сердце, уме, борьба с привычкой поверхностного суждения и осуждения, с непоправимостью ошибок, ранящих детскую душу.

Учитель поддержал мечту юного героя поэмы, поддержал, переступив через страх неведения, через крушение твердыни собственной непогрешимости, уверенности в знании души человеческой, разочарование в юном поколении, внезапно поразившем его своей бездуховностью...

Но мысль внезапно странная
подкралась,
Что из всего огромного того,
Чем он владел,
Им передать стремился,
Им ничего не надо, ничего...

Но все это преодолел учитель, и его поддержка помогла юному герою и впрямь увидеть свою звезду на снегу, и не только увидеть, но и взять в свои руки — впервые! — звезду:

И Шкет нагнулся, камень
взял —
Звезда!

И день померк, сиянью
уступая...

Свет звезды, поднятой с земли детской рукой, вера земного учителя в единство вселенского грядущего — светлый дар поэта сегодняшнему дню. Под пристальным оком Вселенной человек стоит не в горьком одиночестве отчаяния, не в пустыне, он — любимый, с глубоким корнем, побег земли, живой, цветущий, пронизанный светом единения.

Владимир ФИРСОВ

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Две последние книги В. Свининникова привлекают к себе внимание актуальностью тем. Одна из них посвящена проблеме свободного времени, другая является сборником статей об изображении рабочего класса в документалистике, о книгах серии «Жизнь замечательных людей», о творчестве ряда видных писателей-публицистов.

Для каждого члена социалистического общества свободное время означает возможность всестороннего развития личности во всем богатстве ее общественных связей с миром.

В книге В. Свининникова «Социализм и свободное время. Право на отдых» на основе социальных исследований, опросов, аналитических выкладок показана вся сложность понятия «свободное время».

Автор увлекательно пишет о решении задач научно-технического прогресса, поставленных перед нашим обществом, задачах нового качественного сдвига во всех сферах жизни. Решить их можно, если будут мобилизованы те огромные потенциальные ресурсы, от экономических до духовных, которые накоплены советским обществом за годы социалистического строительства. И одно из главных звеньев в этом процессе — активизация человеческого фактора.

Автор подчеркивает, что в «условиях научно-технической революции нужны работники высокой квалификации, способные усваивать и перерабатывать большой объем информации, обладающие быстрой и точной реакцией, справляющиеся со сложными и ответственными трудовыми операциями, процессами, а значит, как минимум, хорошо отдохнувшие, восстановившие силы, не говоря уже о более высоком уровне образования и профессиональной подготовки».

В то же время, отмечает В. Свининников, социологические исследования, проводимые западными учеными, показывают, что среди более или менее регулярных занятий в часы досуга преобладают те, которые выполняют лишь восстановительную функцию, а

В. Свининников. Социализм и свободное время. Право на отдых. М., изд-во «Высшая школа», 1985.

В. Свининников. Из реки по имени факт. Критические заметки о документалистике. М., «Современник», 1986.

не созидательную, связанную с развитием личности.

«Цель буржуазной «социологии досуга» — отвлечь трудящихся от активной политической деятельности, решения основных общественных проблем, а поэтому она всемерно преувеличивает роль досуга в противовес труду, придает ему исключительную самодовлеющую ценность».

Досуг выглядит как сплошной праздник, вырванный из общего процесса человеческой деятельности. При этом как бы предаются забвению взаимосвязи важнейших сфер жизни человека. Подобная «новая этика», отвергающая попытку связать досуг с трудом, есть не что иное, как концепция чисто потребительского сознания, и «если довести ее до логического завершения, то окажется, что человечеству вообще не следует развиваться, оно всего достигло, нужно лишь наслаждаться».

Понятно, что марксистская постановка вопроса о сущности и предназначении свободного времени в корне отличается от буржуазной.

Досуг советских людей все больше посвящается общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству. Учеба, самообразование, воспитание детей, отдых и развлечения, творческая деятельность и любительские занятия, физкультура и спорт — на это, собственно, и уходит свободное время, которое человек использует по своему усмотрению. Отсюда сущность свободного времени в обществе зрелого социализма заключается, по мнению автора, «в добровольно выбираемой свободной деятельности, предполагающей свободное развитие сущностных сил человека... Только в этом случае интересы личности и общества совпадут максимально, только в этом случае сущность, или внутреннее содержание, свободного времени наиболее полно проявляется в способах его использования».

За годы Советской власти в нашей стране произошли значительные изменения и в объеме, и в содержании, и в структуре свободного времени, вызванные самой сущностью его в связи с упразднением частной собственности на средства производства.

Известно, что наш народ самый читающий в мире. Несмотря на то, что библиотечный фонд страны насчитывает около 6 миллиардов экземпляров, а в личных библиотеках около 35 миллиардов экземпляров, в стране остается повышенный спрос на литературу. Вспомним, в 1913 году громадная Россия с ее почти 160-миллионным населением имела библиотечный книжно-журнальный фонд всего в 46 миллионов экземпляров.

Сегодня в стране действует более 150 тысяч киноустановок, в среднем на одного жителя приходится около 16 посещений киносеансов. Нас обслуживает более 600 государственных театров. Огромную созидательную работу ведут клубы и Дома культуры — их в стране около 140 тысяч, причем 120 тысяч — сельских.

Говоря о свободном времени советских людей, невозможно обойти вопрос о физической культуре и спорте. В нашей стране для этого есть огромные возможности. Работает 4 тысячи стадионов, около 80 тысяч плавательных бассейнов, более 100 тысяч

футбольных полей, около 400 тысяч волейбольных, баскетбольных и теннисных площадок.

Автор останавливается на проблемах развития не только традиционного отдыха, но и новых его форм, в том числе семейного отдыха. Казалось бы, совсем недавно появились первые дома отдыха и пансионаты для родителей с детьми. Вначале их было всего на 25 тысяч мест, а сегодня мы имеем более 140 тысяч мест. Такой вид отдыха укрепляет семью, улучшает воспитание детей.

Человек талантлив, и у нас в стране созданы все условия для раскрытия его природных способностей. Юноши и девушки мечтают о подвигах, о преобразовании планеты. Автор приводит в книге факты: так, юный фантаст из Уфы предложил свою карту будущего преобразования Земли, где нет пустынь и ледников; школьник открыл комету; увлекшись музыкой, другой школьник собрал фонотеку из 500 записей опер, концертов и на дому устроил импровизированный лекторий. Эрудиция, интеллект вовсе не врожденные или узко профессиональные качества. Они приобретаются в неустанной работе над собой. Но для этого, конечно же, каждый должен понять великую цену времени. Свободное время, пишет автор, не самоцель. Настоящую ценность оно приобретает лишь тогда, когда рассматривается как средство развития личности.

В книге «Из реки по имени факт» писатель размышляет о таких актуальных проблемах, как воспитание чувства хозяина родной земли, верности героическим традициям народа, развитию исторической памяти. «На стыке литературы художественной и документальной, — отмечает автор, — происходит много любопытного. Дело в том, что многие писатели не укладываются в прокрустово ложе «чистых жанров». Так, один из публицистических жанров — очерк — прямо относится к документалистике. В качестве примера автор приводит серию книг «ЖЗЛ», где изображаются «образы людей, известных человечеству», и воссоздается сама их жизнь на основе законов документалистики. «В столкновение приходят правда факта и вымысел». Автором проводится глубокий анализ книг этой серии.

В главе «Делись огнем» автор подробно говорит о рабочей теме в документальной литературе, в том числе о книге В. Дюнина и В. Проскуры «Шагни первым» — об Алексее Стаханове. Книга современна тем, что «не просто дает готовые ответы, но пробуждает раздумия». В. Свининников рассказывает о людях, ставших легендами. Это писатель-боец Николай Островский, полководец, герой Сталинграда Василий Иванович Чуйков.

Обобщая журнальные очерки последних лет о Нечерноземье, автор нашел свой подход к анализу событий. Главное теперь, подчеркивает он, перевод сельского хозяйства на промышленные рельсы.

В. Свининников давно следит за творчеством писателя Ивана Васильева. Долгие годы Иван Васильев работал в старинном городе Ржеве. Статьи и очерки его запоминались: «были они не по-газетному лиричны, образно-выразительны». Как известно, литературную судьбу И. Васильева составила публицистика.

Главное для него — нынешний «бегущий день» родной, возрождающейся земли.

Обе книги В. Свининникова глубоко взаимосвязаны. По существу, их пафос можно выразить одной емкой поэтической формулой: «Не останавливалось время, лишь становилося иным». Эти слова Александра Твардовского показывают нам изменение смысла времени. Действительно, время, переживаемое нами, — ответственное!

Б. СУПОНЕВ

«...СИЛОЙ ПРАВДЫ И ЛЮБВИ...»

Знакомство с поэтом, который был твоим современником и не был открыт тобой ранее, неизменно накладывает на читателя и критика печать сожаления. Одни и те же дороги, села, города, одна и та же земля роднили его помыслы с твоими, одна боль тревожила, и одно общее тепло согревало.

Эта мысль приходит, когда обращаешься к творчеству ярославского поэта Николая Михайловича Якушева, которому в декабре 1986 года исполнилось бы семьдесят лет.

Для земляков поэта и всех тех, кто знаком с его литературным наследием, теперь уже, говоря словами самого Н. Якушева,

...трудно понять,
где кончается стих
и где начинается сердце...

Николай Якушев родился в 1916 году в семье рабочего-революционера. Воспитание, которое он получил в среде большевиков-ленинцев, навсегда оставило в нем чувство глубокого уважения к этим беспредельно честным и самоотверженным людям. Преданные делу революции, свято верившие в правоту своего дела, бескорыстные — такими поэт запомнил их на всю свою жизнь. Впоследствии, пройдя под их руководством комсомольскую школу борьбы и труда, Николай Якушев напишет:

И если по большому счету,
то знал я уголь,
хлеб,
металл,
был на любую гож работу,
охотно Ленина читал.
Не вскользь читал,
не по цитатам,
какие выгодны себе,
а как восторженный читатель,
как соучастник по борьбе.

С такими помыслами и устремлениями связаны у Н. Якушева поиски собственного языка, собственного голоса в поэзии. И голос этот, по-большевистски выверенный на высоких октавах сильного и мужественного сердца, зазвучал, призывая молодых современников:

Проживи с высокой целью
вровень,
с силой тех, кто молча
умирал,
кто окрасил чистой влагой
крови
книжек комсомольских
номера.

Николай Якушев. Лирика. Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд-во, 1985.

Проживи, чтоб бодрствовать
ночами,
каждый час считая: ты в бою!
Как прожил твой старший
брат Корчагин,
навсегда оставшийся в строю.

Порывистый и темпераментный строй якушевской поэзии с самых первых стихотворений служил идеалам нашего советского времени, откликаясь на все болевые точки нашей нелегкой и знаменательной эпохи. Отсюда у поэта и повышенное чувство ответственности перед читателем. Ведь в его жизни сначала был труд работника райкома комсомола, токаря, шахтера, инженера, журналиста, а потом уже — поэта. И весь этот богатый жизненный опыт обусловил меру ответственности поэзии Якушева.

Чтобы слово за сердце задело,
нам о правде нельзя умолчать.
Отвечать за слова, как
за дело,
если слово сдается в печать.

Правда — самое совершенное мерило человеческой совести, человеческой жизни. В жизни поэта эта правда была порою и горькой. Были годы незаслуженного забвения. Но, памятуя об идейных и нравственных устоях своего отца, Николай Якушев долгие годы работал и верил в торжество добра, не приемля обывательскую пословицу «правда у каждого своя». Его стихи, оставленные нам, еще и еще раз утверждают: «Правда у нас одна — ленинская, а иной нам не дано». Это партийная позиция поэта, его природная неподкупная честность:

Проклинаю проклятьем
жестоким
неизбывную эту вину,
если где невзначай,
ненароком
я хоть строчкой людей
обману.

Николай Якушев, кем бы он ни работал, всегда был поэтом, потому что видел поэзию в яростном и вдумчивом, самоотверженном труде советского человека. Требовал такого отношения к работе от себя и более всего ценил это в своем современнике, о котором сказал:

Но в мудрой и сдержанной
силе
шершавых ладоней его
все прошлое нашей России,
всех будущих дней
торжество.

В благородном и высоком труде нынешних поколений поэт видит наследие лучших боевых и трудовых традиций отцов и дедов, стремившихся к новой жизни и завоевавших ее: «Не клонили гордой головы и другого счастья не просили. Это точно: без таких, как вы, не было б сегодняшней России».

История. Память. Сегодняшний день. Это те истоки, которые сформировали талантливого и зоркого поэта. Н. Якушев не хранил себя от боли, не скрывал свою радость перед людьми и видел истинное счастье в судьбе коммуниста:

Когда поют «Интернационал»,
то беспартийных
не бывает в зале.

...и в судьбе патриота, гражданина:

Очень близко
Родина и Радость
существуют в русском языке.

И Николай Якушев каждой своей строкой не уставал делать главное дело коммуни-

ста и патриота — бороться за нового человека, за его душу, за его сердце. «Сердца! Да это же высоты, которых отдавать нельзя», — сказал в свое время Василий Федоров. И, вторя ему, Н. Якушев писал,

...что граница
меж добром и злом
проходит через сердце
человека.

Борьба за это сердце, как замечает поэт, и есть главная идеологическая борьба нашей эпохи, которой он принадлежит по праву борца, рабочего, поэта, коммуниста.

Каждый год в городе Андропове, где почти тридцать последних лет прожил Николай Якушев, в городской публичной библиотеке проходят чтения, посвященные его творчеству, и в 1986 году в день семидесятилетия поэта его молодые земляки вспомнят его, на мой взгляд, хрестоматийные строки:

...Если выдюжили, выстояли
силой правды и любви,
значит, были коммунистами,
настоящими людьми.

Он и был таким человеком и поэтом.

Игорь ЖЕГЛОВ

КРУГ ЧТЕНИЯ

В боях за Советскую Украину. Составитель П. Лебедев, Киев, «Музична Україна», 1984.

Рожденные в боях. Автор-составитель П. Лебедев. М., «Молодая гвардия», 1985.

Всем, кому близки судьбы песен Великой Отечественной войны, известно имя Павла Лебедева, неутомимого собирателя, исследователя и пропагандиста солдатского и партизанского фольклора. Им найдено и прокомментировано уже более десяти тысяч песенных текстов!

Книги П. Лебедева — «В боях за Советскую Украину» и «Рожденные в боях» — открываются статьями, в которых рассказывается о том, как рождались боевые песни на фронте и в партизанском тылу, как они исполнялись и вдохновляли бойцов на подвиг. Первая книга посвящена боям за освобождение Украины, ее славной истории.

В песнях отражено продвижение наших войск на Запад — от Донбасса и Харькова к Днепру, Киеву и далее — к Одессе, Карпатам, к государственной границе СССР. И это мощное безостановочное движение воссоздается в песнях во всем его драматизме: в тяжелых потерях, страданиях и муках, какие терпел народ Украины, бывший под властью фашистских оккупантов. Отсюда горькие «Песни полонянок», украинских девушек, угнанных в Германию. Отсюда песня-реквием о майоре Г. А. Рудике, павшем в бою за освобождение Харькова в 1943 году:

...И образ его сохранили
Навеки мы в сердце своем.
Мы новых героев взрастили,
Но помним в походах
о нем, —

так писал фронтовик Д. Каневский в газете 27-й армии 2-го Украинского фронта. А ныне школьники Харькова в своих музеях боевой славы свято чтут память героя и его друзей, поют эту песню.

В сборнике «В боях за Советскую Украину» есть немало песен-маршей боевых частей; песен, посвященных

связистам, артиллеристам, морякам, танкистам; песен-баллад об известных и безымянных героях. И заканчивается он на самых бодрых нотах озорными частушками с непритязательными куплетами:

Как под Богодуховом
Дали, фрицы, духу вам,
В Таганроге гнули вас
Мы в бараний рог...

(Текст капитана Л. Гориловского.)

Несколько иной характер имеет сборник «Рожденные в боях». На первый взгляд здесь представлены песни общеизвестные, вошедшие в золотой фонд советской песенной лирики. Расположенные в хронологическом порядке, по времени своего возникновения, они еще раз напоминают нам о тревожных днях 1941 года, о кровопролитных сражениях под Москвой, Ленинградом и Сталинградом, о битвах за Кавказ и Малую землю, Белоруссию и Заполярье, о радости Победы. Собранные вместе, они как будто сливаются в единую песенную симфонию. Так, о «Священной войне» говорится, когда и где впервые исполнялась эта, ставшая знаменитой, песня.

Есть в сборнике песни, истории которых легендарны, овеяны романтикой драматических эпизодов войны.

Ревут самолеты и танки
гремят,
Дымится гранит опаленный,
Врагу не сдаются тринадцать
солдат,
Последних бойцов гарнизона.

Эти первые строки песни «На стены, под знамя» напоминают нам о «Варяге»... Только здесь речь идет о защитниках Брестской крепости, которые тоже бросили вызов врагу в заведомо неравном бою. Кто из защитников крепости сложил эту песню? — задавал себе вопрос писатель С. С. Смирнов. Осталась только песня, которую, говорят, пели в гитлеровских лагерях наши военнопленные, партизаны в Белоруссии. Или взять песню, ставшую известной с 1953 года как «Баксанскую».

Помнишь, товарищ, белые
снега,
Стройный лес Баксанов,
блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку
в ней
На скалистом гребне
для грядущих дней.

Ее слова были написаны группой советских разведчиков-альпинистов, которые, рискуя жизнью, поднялись на одну из неприступных скал Кавказа, где в январе 1943 года был вражеский тыл. Там, в расщелине скалы, они спрятали свою песню в гранате с запиской — и она пролежала двадцать лет, о чем было рассказано в молодежной передаче Всесоюзного радио.

В песнях воспеваются подвиги героев и целых воинских подразделений во время Великой Отечественной войны. Один за другим перед нами проходят славные образы снайпера М. А. Пассара, разведчика В. А. Карпенко, пулеметчика П. А. Антонова, связиста В. Титаева, майора Ц. Л. Куникова, дважды Героя Советского Союза генерала армии И. Д. Черняховского, командира 383-й Шахтерской Краснознаменной стрелковой дивизии, генерала К. И. Провалова и многих

других воинов. Есть немало песен, посвященных и нашим героиням: отважной комсомолке Ане Гайтеровой, погибшей на Брянском фронте в 1942 году, санитарке Маше Старцевой, павшей смертью героя в Литве, другим девушкам-бойцам, оставшимся в истории безымянными...

Читая проникновенные лирические строки, знакомые нам в исполнении Клавдии Шульженко:

А когда не станет горя
и в помине,
И к своим любимым мы
придем опять —
Вспомним, как на Запад шли
по Украине...
Эти дни когда-нибудь
мы будем вспоминать! —

еще и еще раз невольно отмечаешь — никто не забыт и ничто не забыто!

В. ВАХРУШЕВ

Гарий НЕМЧЕНКО. Возвращение души. Роман, повесть. М., «Современник», 1984.

В любом произведении литературы заложен жизненный и нравственный опыт его создателя. Так уж получилось, что в жизнь Гария Немченко, молодого тогда журналиста, вошел однажды Новокузнецк с его строительной площадкой. И стал строящийся гигант советской черной металлургии не только частью личной судьбы писателя, но и ведущей темой его творчества. Где бы ни работал Немченко, о чем бы ни писал, он сверяет день сегодняшний с незабываемым прошлым, когда ему посчастливилось быть очевидцем и участником настоящего трудового подвига.

«Проникающее ранение» — так Г. Немченко назвал свой роман о стальном Запсибе... «Разве я не должен обо всем, чем жили мы тогда, рассказать, если так получилось: стать писателем выпало мне?» — пишет он, объясняя необходимость поделиться наболевшим.

Любая проблема, поднимаемая писателем, интересна тем, что рассматривается им в нравственном аспекте. И не случайно книге дано общее название «Возвращение души» — это размышление автора о сущности человека и его предназначении. Как говорит один из центральных персонажей романа, опытный монтажник Владимир Бастрыгин, душа требует «самого пристального внимания, и бережного к себе отношения, и каждодневной большой заботы. Только тогда она будет и спокойной и отзывчивой, только тогда и не даст тебе сбиться с дороги, какою бы трудной эта дорога ни была». И здесь прежде всего необходима огромная требовательность к себе.

Небольшой жизненный эпизод, рассказывающий о повороте в судьбе Ивана Приблудного, играет в романе совсем немалую роль, потому что вселяет веру в возможности человека. Нелегко было бригадиру Бастрыгину заставить одуматься молодого рабочего, зачастившего в винный отдел магазина. Нужны были решительные меры. И вот, отлучая Ивана от людей, от бригады, Бастрыгин пошел на определенный риск. Он дал парню возможность по-

думать о своей жизни. Одиночество бывает полезно тем, что помогает понять то, чего не замечал и не ценил раньше. Наедине с собой человеку не к кому обращаться, кроме как к собственной совести.

Гарий Немченко влюблен в свою далекую стройку, в своих героев, смелых и жизнелюбивых, верных в дружбе и неутомимых в работе, среди которых наверняка немало личных друзей и знакомых писателя. Отсюда эмоциональный настрой и раскованность повествования, объединенного личностью лирического героя, неравнодушного ко всему тому, что мешает человеку достойно жить и трудиться.

В романе «Проникающее ранение» множество героев, и они исполняют разные роли. Некоторые, как Владимир Бастрыгин, выступают рассказчиками, другие — собеседниками лирического героя. Третьим, как, например, директору металлургического завода Веденину, отведены целые главы. Кстати, глава о Веденине, «Сто шагов», несколько чужеродна в романе, она выпадает из его общей структуры именно из-за отсутствия лирического героя, глазами которого мы видели бы все происходящее, вместе с которым мы сопереживали бы самые заурядные и самые невероятные события этого романтического повествования.

Так, при всей резкости характеров, героев романа объединяет такая нравственная черта, как понятие долга и личной чести. Они из тех, кто вызывает к себе уважение умением делать свое дело и быть ответственным за него. Из тех, кто скептически относится к громким, но пустым фразам, видя за ними попытку скрыть множество объективных и субъективных трудностей.

«А какая к шутам работа, если бетонщик еще с фундамента своего не ушел, а на плечах у него примостился каменщик, раствором за воротник капает, а у него, в свою очередь, уже монтажник на ушах чудом держится, уже варит, уже и того и другого огоньком посыпает...» — говорит об обстановке на стройке и о качестве работы бригадир Владимир Бастрыгин, человек, привыкший воспринимать действительность во всей ее реальности и умеющий противостоять всем трудностям. Известно, что стройка — объект, где и сроки поджимают, и указания идут одно за другим. И вот ведь что интересно и поучительно. Не столько гонка чудовищная подкашивала рабочих, сколько черствость и нежелание понимать людей, когда «вместо того, чтобы без лишних слов ресурсами помочь или хоть пару-тройку «узелков» кому-то другому перекинуть, вдруг говорят: плохо поставлена воспитательная работа».

Да, Г. Немченко затрагивает проблему, волнующую сегодня всех, — внимание к каждому отдельному человеку приобретает первостепенное значение. Ведь умение понять другого уже само по себе неоценимо. Вспомним, как не выдержало несправедливого упрека сердце управляющего трестом Елизарова. А неизлечимо больному директору завода Веденину непривычен «щадящий режим», созданный ему женой. «Деду», так любовно называли заводчане старого директора, покой был невыносим, особен-

но в горячие для завода дни, когда готовилась установка новой домны. Он чувствует, что нужен сейчас там, на заводе, и что ему самому жизненно необходимо это, может быть, последнее для него дело...

Да, человека надо уметь понять, ведь именно человек стоит за всеми свершениями. И как важно рассмотреть сущность каждого, помочь ему познать себя, дать возможность проявиться в деле.

Кроме романа «Проникающее ранение», в книгу Г. Немченко вошла и повесть «Брат, найди брата». Ее маленькие герои Никитка и Андрюша пытаются со всей свойственной детям искренней страстью вернуть к жизни своих запивших отцов. Пронзительна по своему драматическому звучанию эта повесть, в которой писатель поднимает одну из важнейших проблем сегодняшнего дня.

Нравственные проблемы... Сегодня они приобретают все большее и большее значение. И, чутко реагируя на них, Г. Немченко смело изображает внутренний мир человека, умело сопрягая нравственные вопросы с социальными проблемами нашей действительности.

Н. ЛИСТИКОВА

Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН. Подкова дождя. Стихи. Ростовское книжное изд-во, 1984.

Егор Исаев в предисловии к сборнику коротко и точно определил характер произведений А. Тер-Маркарьяна: «Простор и жизнелюбие — вот что хочется сказать о стихах одаренного поэта».

Любовь — искренняя, горячая! — к земле, обогревшей армянского мальчика в трудные военные годы, взрастившей его, освещает особым светом многое из написанного поэтом. Воспевая дорогой сердцу край, автор избегает декларативности: картины природы, портреты людей нарисованы одухотворенно, достоверно:

Донская степь.
Выгуливают совы
Ночную темь.
С коня лишь обозришь,
Как радуга
цветастою
подковой
Пригвождена
над косяками крыш.
. . . . . .
Я чист перед тобою, степь!
Завидно
Поет в полыни лунный
коростель...
Такая тишь,
что Человека видно,
Наверное,
за тридевять земель!..

Тема нелегкого детства, пожалуй, воплощена в сборнике наиболее сильно. Начальная пора жизни лирического героя, выпавшая на суровые годы войны, запомнилась ему тем, как «бомбы бахали» и «белели в сугробах декабря кресты», как чередовались горькие приметы тревожного времени — «обозы... бараки... беженцы... бинты».

...Уже какой по счету город!
Нас письма ищут —
не найдут...
Шел сорок третий...
Очень скоро
Отца из бронзы отольют!

Сорок третий... Уже тогда от печали и горя «стали... у мамы — черными глаза». А через десятилетия его отец — такой когда-то живой, родной! — представится лирическому герою олицетворением самоотверженного защитника страны. На него-то и будет равняться сердцем взрослеющий подросток, проходя через жизненные испытания. Испытания первой любовью, сыновней преданностью матери, трудом. Именно поэтому и укоренится в душе героя чувство сопричастности к общему делу, к общей памяти:

В упор глядели со стены
портреты...
И голос мамы.
Сколько в нем вины:
— Бог даст, сынок, до осени
потерпим,
Ведь главное, чтоб не было
войны!

Стихи поэта-ростовчанина по образному строю напоминают то частушку, то протяжный напев старинной донской песни. О чем бы ни писал поэт, чувствуешь его неподдельный интерес к жизни, ее звукам, запахам, краскам.

Ал. ТРЕТЬЯКОВ

Никита ЧУДИН. Орлиное племя. Повесть. Ставропольское книжное изд-во, 1986.

Никита Чудин — старейшина кубанской прозы. В литературу его благословил Семен Бабаевский, еще в 50-е годы писавший молодому литератору: «Я рад, что у тебя получается все хорошо. Дружески советую тебе со всей серьезностью отнестись к доработке, чтобы потом, когда книга выйдет, не ругать и не упрекать себя хотя бы в малом».

Речь идет об одной из первых повестей Н. Чудина — «Живые корни», которая посвящена магистральной в творчестве писателя теме формирования юношеских характеров, борьбе с пережитками прошлого. Молодой агроном Алексей Астапов, его мать Дарья Петровна, зоотехник Таня Сердюкова — преобразователи сельской жизни, энтузиасты, наследники замечательных традиций своих отцов и дедов. Оптимистическое мироощущение присуще его героям. Цельные, щедрые душой, они не знают болезненной рефлексии, они — сами хозяева своей судьбы. Таковы секретарь райкома Сергей Береговой и парторг колхоза Чернышев — рачительные хозяева народного добра и знатоки людских душ.

Чудин воспринимает и использует историко-революционное прошлое как мощное средство воспитания нынешнего и грядущего поколений в духе патриотизма. Патриотизм он по праву рассматривает как исконную черту русского народа. Со всей полнотой эта мысль нашла воплощение в повести «Орлиное племя».

...Великая Отечественная война. Враг на подступах к предгорьям Северного Кавказа, рвется через Кубань к Баку. Надежды на скорое открытие второго фронта нашими союзниками — англичанами и американцами — все еще призрачны. Но действует невидимый — наш партизанский фронт. Под руководством краевого комитета пар-

тии на Ставрополье были созданы партизанские отряды и подпольные группы. Их возглавили секретари райкомов КПСС. Прообразами повести стали руководители краевого комитета партии и крайисполкома, комсомольские вожаки и активисты.

Единение партии и народа в годину лихих испытаний хорошо показано на примере деятельности секретаря крайкома Бурцева: «Весть о приезде секретаря облетела село. Так было всегда: люди и раньше шли к нему, чтобы увидеть, поговорить, спросить совета».

Боевые действия партизан Прикумья затруднялись отсутствием лесов, где можно было бы укрыться, сформировать базы. Плавни, балки и камыши служили убежищем ставропольским партизанам. Но они не таились в зарослях, а не щадя жизни, уничтожали фашистов. Мстит за погибших отца и брата Настя Федосеева, смело бьют врага бесстрашные подпольщики Зоя Бледных, Боря Брусинцов, Сема Федоровский. Едва ли не в каждом городе и селении, оккупированных врагом, были отважные, готовые на смертный риск комсомольцы. Листовки они подписывали грозно и романтично — «Орлиное племя». Фашисты не могли взять в толк, кто же скрывается за этим именем, никак не подозревая, что имеют дело с подростками... Это они — Михаил Коробко (в книге Коротков), Федор Гриценко (в повести Грищенко), Шура Беднова посмертно награждены медалями наравне со взрослыми партизанами.

Рухнули замыслы немецко-фашистского командования о «пятой колонне» на Северном Кавказе. Не дало эффекта и предписание гитлеровского генерала Клейста о «гуманном» обращении с кавказскими горцами: обмануть их, вбить клин в братскую семью советских народов не удалось. Рука об руку бились с врагом русские, казаки Кубани и Терека, карачаевцы, черкесы, ногайцы...

Писатель начинается с Родины. Малая родина Н. Чудина — Ставрополье. Революционная и трудовая история этого благодатного края — предмет его творческих раздумий. «По горячим следам войны краевой комитет партии посылает меня в село Благодарное. Еще дымились пожарища, а мне пришлось восстанавливать на Ставрополье мирную трудовую жизнь, — вспоминал писатель. — Я шел по земле Прикумья — и видел, какие страшные следы опустошения оставили фашистские захватчики... Земля источала слезы и народное горе. Об этом никогда нельзя забывать, всегда надо помнить...» Думается, что эти слова объясняют пристальное внимание Н. Чудина к истории родного края.

В. ЮДИН

РОМАН О МУЖЕСТВЕ РУССКИХ МОРЯКОВ

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

В августовском и сентябрьском номерах нашего журнала за минувший год был опубликован роман Валентина Пикуля «Крейсера». Обращаясь к страницам истории русско-японской войны 1904—1905 годов, автор повествует о боевых действиях владивостокского отряда крейсеров, создает образы участников этих событий.

Публикация романа не оставила читателей равнодушными, в редакцию пришло много писем, авторы которых высказывают свое отношение к нему. Указывая на достоинства и отдельные недостатки произведения, читатели отмечают прежде всего патриотическую направленность романа, историческую и художественную достоверность действующих лиц и событий.

Вот некоторые из этих откликов:

«Уважаемый Валентин Саввич! — пишет Б. В. Трофимов из города Кизил Пермской области. — Спасибо за ваш роман «Крейсера»! Вы пишете его как рассказ вашему близкому другу, с какой-то доверительной теплотой к своему читателю... Ваш роман — это обвинение царизму... Обвинение документальное и потрясающее...»

«Наш город морской, тематика книги близка военным морякам и жителям города, поэтому с поступлением номера журнала подписчикам и в книжные киоски все экземпляры были буквально разобраны... — делится своими впечатлениями о «Крейсерах» Г. Н. Рыжонок из Севастополя. — Ваша книга интересует жителей еще и потому, что в ней, пожалуй, впервые в художественном изложении повествуется о бовых действиях владивостокского крейсерского отряда в период русско-японской войны... Роман «Крейсера» читается увлекательно, легко и свободно. Раскрывая в деталях боевые действия владивостокских крейсеров, вы, вместе с тем, заставляете читателя обратиться ко всей панораме русско-японской войны — и к Порт-Артуру, и к Чемульпо, и к подготовке 2-й эскадры к подходу на Дальний Восток».

Признательность за роман «Крейсера» выражают писателю в своих письмах заслуженный полярный летчик, Герой Советского Союза И. П. Мазурук (Москва), читатель Ю. М. Горшков (Выборг), школьник Д. Дерябин (с. Конторка Павлодарской области) и другие.

В редакционной почте имеются письма, авторы которых не просто отдают дань достоинствам романа, отмечают его историческую достоверность, но и уточняют некоторые эпизоды, факты.

«...Обращаясь к вам с этим письмом, — отмечает тот же Г. Н. Рыжонок из Севастополя, — хотел бы остановиться на отдельных, на мой взгляд, спорных моментах книги. Рассказывая об обстреле крейсерами Камимуры Владивостока, вы пишете: «...под флагом Камимуры двигался «Идзумо», за флагманом равнялись шесть броненосных крейсеров: «Адзумо», «Иосино», «Асамо», «Иватэ», «Касаги», «Якумо». Насколько мне известно, «Иосино» и «Касаги» были легкими бронепалубными (но не броненосными) крейсерами...»

Далее автор письма сообщает некоторые специфические подробности об отражении атаки японских миноносцев в первом походе русских крейсеров; обращает внимание писателя на необходимость уточнить звание одного из героев романа — Реценштейна — и соединения, которым он командовал. «Был бы рад, если бы приведенные в письме уточнения, — завершает письмо Г. Н. Рыжонок, — оказались полезными и были учтены при окончательном издании книги».

Свои замечания, касающиеся специфики военного дела, высказали также читатели Ю. Н. Козявин (г. Авдеевка) и А. М. Черногор (Донецк).

О читательской заинтересованности и пристальном внимании к новому произведению В. Пикуля свидетельствует и письмо группы старших офицеров из Военно-морской академии (Мрыкин О. А., Пензин К. В., Залесский Н. А. и др.). Они считают, что писатель дает неточную оценку причин и характера русско-японской войны, неправильно изображает личность одного из реальных персонажей — Н. Л. Кладо. «Самыми черными красками, наградив всевозможными чертами... писатель изобразил конкретное историческое лицо... — Николая Лаврентьевича Кладо (1862—10.7. 1919 г.). Извращая историческую действительность, писатель пишет, что «русские моряки дружно ненавидели Николая Лаврентьевича, а профессор расплачивался с ними жесто-

кой критикой... Неоднократно В. Пикуль представляет Н. Кладо трусом...»

В письме подчеркиваются заслуги Н. Л. Кладо в годы русско-японской войны: «Статьи Н. Кладо произвели сильное впечатление на эскадре Рожественского... Участник Цусимского сражения советский писатель А. С. Новиков-Прибой в романе «Цусима» писал, что газеты со статьями Кладо читали на эскадре все, некоторые переписывали себе статьи в тетради».

Критика Морского министерства в этих статьях, по утверждению авторов этого письма, дорого обошлась Н. Л. Кладо: для начала он был посажен под арест на 15 суток, а затем по докладу управляющего Морским министерством должен был быть предан суду. Николай II на указанном докладе 2 мая 1915 года наложил резолюцию: исключить из службы без предания суду... «Бесспорно, что Н. Кладо вел критику с позиций либеральной буржуазии, но в смелости и компетентности ему отказать нельзя», — замечают далее авторы письма.

Аналогичное мнение содержится и в письме старшего преподавателя военно-морского училища Д. Эндакова из Владивостока: «...если учесть еще тот факт, — пишет он, — что лишь два человека на русском флоте глубоко знали морскую тактику: вице-адмирал С. О. Макаров и капитан 2-го ранга Н. Л. Кладо, то станет понятным, почему после гибели С. О. Макарова командующим Тихоокеанским флотом был назначен Скрыдлов, а начальником оперативного отдела штаба флота Н. Л. Кладо».

И еще одно письмо подобного содержания: «В романе крайне негативно представлен как «царский приспешник» видный историк военно-морского флота, а после Великой Октябрьской социалистической революции первый начальник Военно-морской академии Николай Лаврентьевич Кладо... — пишет А. В. Егорьева, кандидат географических наук (Ленинград). — Автор романа, видимо, не поинтересовался тем, что в то время Н. Л. Кладо был уже профессором, автором ряда научных трудов по военно-морскому искусству». Говоря о заслугах Кладо на этом поприще, не учтенных якобы автором романа, тов. Егорьева указывает, что В. Пикуль неправильно освещает и тот факт, что критика Кладо июньского похода крейсеров в Корейский пролив была направлена в адрес командиров кораблей, тогда как он критиковал командующего походом адмирала Безобразова.

В числе слабых сторон романа автором этого письма, в частности, отмечается якобы недостаточная выраженность «патриотических настроений моряков крейсеров, в том числе молодых в предвоенное время и первые дни войны», а также то, что «в романе фактически отсутствуют основные «действующие лица» войны — матросы... совершая самоотверженные поступки, даже во время смертельного боя 14 августа, представляется, что они скорее пассивные исполнители воли офицеров, чем личности сами. Не показано и отношение к матросам молодых офицеров (линии Панафидин — Шаламов для этого мало)».

Как можно заметить из текста последних писем, предъявляемые претензии к роману обусловлены главным образом неприятием авторской трактовки образа Н. Л. Кладо.

Вместе с тем в читательских письмах встречается и другая, совсем противоположная оценка романа и образа Н. Кладо. Вот, например, что пишет капитан 1-го ранга П. Буриков (Москва):

«Повествуя о событиях русско-японской войны 1904—1905 годов, автор, не расходясь в их оценке с советскими историками, дает им свою художественную интерпретацию. При этом, как всегда, В. Пикуль умеет находить новые аспекты освещения событий, привлекать малоизвестные факты, что придает его повествованию особую остроту и увлекательность. И хотя автор не ставит задачу освещения всех причин, хода и итогов войны, концентрируя свое внимание в основном на действиях владивостокского отряда крейсеров (подзаголовок дополнительно подчеркивает локальность замысла: роман из жизни юного мичмана) — в целом его произведение ярко и убедительно представляет общую картину и атмосферу тех лет...

Именно тем и интересен роман, что в диалектике развития образа главного героя мичмана Панафидина предстает зримая картина трагической судьбы многих представителей русского флота (и не только флота), ставших жертвой несправедливого социального устройства общества, гнилости самодержавия. И тем самым вытекает вывод о необходимости, неизбежности революционного переустройства жизни.

Пороки технико-экономической отсталости России, самодержавного строя с его авантюристической политикой, особо проявившиеся в русско-японской войне, стали причиной не только поражения в этой войне, трагедией многих тысяч людей. На этой почве разрастался паразитизм тех, кто наживался на войне, расцветал демагогизм других, маскировавших эти пороки, перекладывающих вину с больной головы на здоровую.

К последним, — пишет автор письма, — принадлежал Н. Л. Кладо — одно из реально существовавших лиц, запечатленных в романе. Образ этого персонажа еще раз позволяет говорить об особом умении В. Пикуля создавать живые образы на основе документа без всякого налета протокольности...

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов Кладо являлся начальником оперативного отдела штаба командующего флотом Тихого океана и принимал участие в разработке плана боевых действий владивостокского отряда крейсеров. Он также непосредственно участвовал в организации подготовки 2-й Тихоокеанской экспедиции адмирала Рожественского на Дальний Восток, всячески проповедуя идею, что это мероприятие поможет якобы России избежать поражения в войне с Японией».

Далее в подтверждение своих слов автор письма ссылается на опубликованные в свое время высказывания боевых флотских офицеров, участников русско-японской войны.

Авторитетный советский ученый Л. Г. Бескровный в труде «Очерки военной историографии России», анализируя научные взгляды Н. Л. Кладо, отмечает, что, по мнению Кладо, главной причиной гибели Тихоокеанского русского флота был якобы «нерадивый личный состав», не хотевший выполнять «высочайших предписаний». В своих трудах «Кладо не хотел видеть отсталость России, закрывал глаза на социальные вопросы и рассматривал только «чисто военную» сторону дела...».

Вышеназванные авторы писем, критикующие В. Пикуля за неточное изображение Н. Л. Кладо, ссылаются на книгу А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». В ней действительно говорится о том, что критические статьи Кладо в «Новом времени» вызывали интерес на 2-й Тихоокеанской эскадре. Но, с другой стороны, вот

какую оценку дает статьям Кладо один из героев книги Новикова-Прибоя инженер Васильев: «Чтобы победить японцев, Кладо советует двинуть на Дальний Восток все старье Балтики и посудины Черного моря. Но разве таким пополнением нашей эскадры мы достигнем равенства с японцами?.. Кладо, подсчитывая боевые коэффициенты, не принял во внимание еще целый ряд обстоятельств. Японский флот обеспечен портами, доками, мастерскими, складами. А у нас имеется единственный порт — Владивосток, но и тот необорудованный и жалкий. Надо иметь еще в виду то, что противник за эту войну успел приобрести опыт и воодушевлен одержанными победами. А что мы противопоставим этому?..» От беседы с ним, — пишет далее автор «Цусимы», — мне стало более грустно, чем от статей, прочитанных в газете. Кладо уже не казался мне крупным человеком...»

А вот что, например, пишет в своей книге «Пятьдесят лет в строю» известный русский и советский военный деятель А. Игнатьев в связи с вопросом о посылке эскадры Рожественского на Дальний Восток:

«Большая часть личного состава эскадры ознакомлялась со своими кораблями, а подчас и с самим морским ремеслом только на походе. Наконец инициатива посылки эскадры Рожественского принадлежала не морскому министерству, а новоявленным безответственным стратегам из «Нового времени», вроде Кладо».

Известно, как дорого обошлась русскому флоту авантюра с посылкой на Дальний Восток фактически небоеспособной эскадры Рожественского.

В статье «Разгром», написанной после поражения русского флота при Цусиме, В. И. Ленин так характеризовал причины и суть этого предприятия. После падения Порт-Артура, когда отчетливо обозначился военный крах России, «самодержавие видело, что несчастный исход войны равносилен победе «внутреннего врага», то есть победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам «старых сундуков». Великая армада — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь... Точно стадо дикарей, армада русских судов налетела прямиком на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот...

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно... Значение этого краха, как краха всей политической системы царизма, становится все яснее и для Европы, и для всего русского народа... Все ополчается против самодержавия — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег... и страх перед грозной народной революцией... Растет и ширится требование мира... требует немедленного созыва народных представителей даже холопское «Новое время».

Подавляющее большинство писем читателей, присланных в ре-

дакцию журнала, свидетельствует о том, что содержание и гражданская направленность романа «Крейсера» поняты ими как соответствующие ленинскому определению ситуации.

При самом доброжелательном отношении к анализу образа Н. Л. Кладо не может не возникнуть вопрос, которым задавались жертвы авантюры с посылкой эскадры: почему же столь ревностно добивался ее осуществления высококомпетентный в военно-морском деле профессор?

И вместе с тем, надо отметить, что образ Кладо в романе получился упрощенным, односторонним. Противоречивый по своему характеру и поступкам, Н. Л. Кладо был человеком более сложным и многогранным, чем он предстает в романе.

Следует отметить, что авторы писем в редакцию журнала, разбирая содержание романа «Крейсера», мало касаются художественного анализа произведения, его психологической основы. А ведь анализируя произведение, надо учитывать и его стилевые особенности. В данном случае нельзя не отметить стремление автора романа к резким портретным штрихам, даже гротесковости. Может быть, отсюда и некоторая жесткость стиля и авторских характеристик. Что касается конкретного образа Н. Л. Кладо в романе, то столь противоречивый подход в оценке его читателями, видимо, в значительной мере обусловлен неоднозначностью, сложностью этого образа.

Но художественный анализ — это уже дело профессиональной критики. Впрочем, в печати было немало положительных отзывов на роман «Крейсера», например, в газетах «Красная звезда», «Литературная Россия», в журнале «Огонек» и других изданиях.

Бывший юнга-дальневосточник, ныне подполковник Ю. М. Морозов переслал в редакцию рецензию А. Москаленко на роман «Крейсера», опубликованную в военной окружной газете. В ней, в частности, говорится: «С психологической точностью описывает автор людей того драматического времени. Главный герой романа — мичман Сергей Панафидин — образованный, тонко чувствующий, человечный, не расстающийся с любимой виолончелью. И боевого мастерства ему не занимать, и храбрости... Доброе слово сказал автор о многих реально существовавших людях, до конца выполнявших свой воинский долг: о капитане 1-го ранга Трусове, лейтенанте Зенилове и лейтенанте Иванове-13, которые — сперва первый, а затем второй — принимали на себя командование «Рюриком», талантливом ученом, авторе многих трудов капитане 2-го ранга Хлодовском, о герое другого сражения — капитане 1-го ранга Щенсновиче, который таранил своим гибнущим «Ретвизаном» японский флагман «Миказу». Следуя исторической правде, автор воссоздает эпизоды, рисующие беззаветный героизм русских моряков и солдат».

Выдержкой из этой рецензии мы и закончим обзор читательской почты, с выражением благодарности редакции журнала всем тем, кто прислал свои отзывы о романе «Крейсера».

●

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1986 ГОД

● ПРОЗА

Андреев Василий. **В теплом декабре.** Повесть — 10.
Ахмад Саид. **Чабан. Огоньки.** Рассказы — 1.
Барабашов Валерий. **Короеды.** Повесть — 8.
Барков Александр. **Таежная быль.** Рассказ — 8.
Блинов Андрей. **След на земле.** Рассказ — 12.
Буляков Денис. **Закатный час.** Повесть — 10.
Быстров Сергей. **Родной причал.** Рассказы — 5.
Ганичев Валерий. **Росс непобедимый.** Историческое повествование. Часть вторая — 6, 7, 8.
Евдокимов Дмитрий. **Центр притяжения.** Роман — 2, 3.
Жеглов Игорь. **Счастливый номер. Портрет.** Рассказы — 9.
Иванов Николай. **«Алькор» принимает вызов.** Повесть — 5.
Ильин Александр. **Несовременный человек.** Повесть — 4.
Кокоулин Леонид. **На радость...** Рассказ — 10.
Комаров Анатолий. **Дальние рейсы.** Повесть — 4.
Коптяева Антонина. **На Урале-реке.** Роман, книга третья — 1, 2, 3.
Мухамадиев Ринат. **Белые скалы.** Повесть — 9.
Пинчук Аркадий. **Женька.** Повесть — 9.
Помченко Юрий. **Расплата.** Повесть — 5.
Сейсенбаев Роллан. **Заблудившийся крик.** Роман — 11, 12.
Туинов Евгений. **Зачем приехал...** Рассказ — 7.
Федоров Василий. **Светлый залив.** Повесть — 6.
Хайрюзов Валерий. **Луговой мотылек.** Повесть — 9.

● ПОЭЗИЯ

Алексеев Олег. **Маятник судьбы.** Стихи — 8.
Алешин Николай. **Полдень жизни.** Стихи — 7.
Али Мухаммад. **Прекрасное не может быть не свято.** Стихи — 2.
Амиров Хусайнбек. **Славлю красный цвет.** Стихи — 10.
Антошкин Евгений. **Тяжелые версты.** Стихи — 11.
Беляев Михаил. **Курган.** Стихи — 1.
Бобков Сергей. **За грядущее мы в ответе!** Стихи — 2.
Вааранди Дебора. **Люди смотрят на море...** Стихи — 3.
Вальшонок Зиновий. **При свете болдинской свечи.** Стихи — 1.
Ваншенкин Константин. **Из книги «Примета».** Стихи — 5.
Вершинский Анатолий. **Округа.** Стихи — 5.

Ветлугин Иван. **Смена.** Стихи — 6.
Голов Андрей. **Зрелость.** Стихи — 8.
Гоц Геннадий. **Мир и хлеб.** Поэма — 12.
Гребенкин Александр. **По старому следу.** Стихи — 10.
Гриценко Анатолий. **Утренний след.** Стихи — 9.
Дагуров Владимир. **Понимая долю сыновью...** Стихи — 12.
Джачаев Ахмед. **Крылья гор.** Стихи — 8.
Еленков Лучезар. **Поэма о коммунистах** — 6.
Еремина Елена. **«Батальоны пылят на солнце...».** Стихи — 10.
Зайцев Георгий. **Личное дело.** Поэма — 11.
Исаев Ф. **Смерти неподвластна.** Поэма — 5.
Кааль Айра. **«В тенистом парке...».** Стихи — 3.
Карасев Евгений. **Душу чувствую твою...** Стихи — 7.
Кешоков Алим. **Твое богатство и наследство.** Стихи — 4.
Корнеев Вадим. **«В воскресенье вырубили сад...».** Стихи — 10.
Корниенко Татьяна. **«Целую детские ручонки...».** Стихи — 10.
Костров Владимир. **Песня, женщина и река.** Стихи — 11.
Кочеткова Татьяна. **Родниковый свет.** Стихи — 9.
Кузнецов Вячеслав. **Из новой лирики.** Стихи — 8.
Кудрявцев Владимир. **Скоро солнце встанет...** Стихи — 7.
Куликов Борис. **Размах.** Стихи — 5.
Кэбирли Ибрагим. **Радость песни и радость дороги.** Стихи — 9.
Лапузин Борис. **Планета в зареве тревог.** Стихи — 5.
Латынин Валерий. **Радость.** Стихи — 2.
Литвинова Татьяна. **Материнская доброта.** Стихи — 3.
Лукив Микола. **Держу на ладони зерно.** Стихи — 10.
Львов Михаил. **Письмо в молодость.** Стихи — 3.
Майн Макс. **Иду по улице России.** Стихи — 8.
Маржик Камил. **Приветствие.** Стихи — 4.
Марков Алексей. **Вихорь-атаман.** Поэма — 3.
Матчан Аман. **Под парусом звездной мечты.** Стихи — 10.
Миголь Анатолий. **Хлеб донской.** Стихи — 9.
Миршакар. **Улыбаясь рассвету.** Стихи — 1.
Михалев Геннадий. **Серп и молот.** Стихи — 9.
Михкельсон Эне. **Реквием.** Стихи — 3.
Муталлипов Абдураим. **В работе и в любви.** Стихи — 8.
Нестерова Елена. **Дети войны.** Стихи — 9.
Нестругин Александр. **«Совестливость строчки нешумливой...».** Стихи — 10.
Парпара Анатолий. **Прилив.** Стихи — 9.
Петров Виктор. **Стремнина.** Стихи — 9.
Попов Сергей. **«Над южной Россией невиданно теплый апрель...».** Стихи — 10.
Решетников Леонид. **Из новой книги.** Стихи — 7.
Рижинашвили Ушанги. **Долгий путь.** Стихи — 10.
Руденко Александр. **Поколение.** Стихи — 2.
Рыбалко Николай. **Самые высокие права.** Стихи — 5.
Серенко Галина. **Отголоски.** Стихи — 11.
Синева Альбина. **«Во мне — глухая боль...».** Стихи — 10.
Синицын Евгений. **Прокофьевым завещанное слово.** Стихи — 7.
Солоухин Валентин. **На земле предков.** Стихи — 1.
Сорокин Валентин. **Обретение.** Стихи — 5.
Сухорученко Геннадий. **Сын России.** Стихи — 9.
Тимонов Алексей. **Лесная малина.** Стихи — 10.
Тукай Габдулла. **Дождь...** Стихи — 8.

Фирсова Джемма. **Верность.** Стихи — 3.
Фролов Владимир. **Дорога времени.** Стихи — 9.
Чалов Геннадий. **От рассвета пылает строка.** Стихи — 8.
Черкашин Валерий. **Равнение.** Стихи — 4.
Шевелев Александр. **Добрая надежда.** Стихи — 6.

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Аракчеев Юрий. **В ответе — каждый** — 4.
Байдюк Иван. **Время обязывает** — 10.
Белобородов А. П. **Память сердца** — 12.
Берзиньш Имант. **Инженер — профессия творческая** — 1.
Блинов Геннадий. **Самообман** — 9.
Васильев Н. **Полководец Жуков** — 12.
Вериго Эдуард. **«Нейтральности не признаю!»** — 10.
Верченко Юрий, Селихов Ким. **Встречи в Афганистане** — 1.
Гусаков Александр. **Сладкий лимон Зайниддина** — 4.
Дарьялова Наталья. **Экология души** — 9.
Ковшова Зоя. **Эпоху творят герои** — 2.
Куликов Борис. **Ты и все живое** — 7.
Лысков Александр. **На острове** — 6.
Майоров Геннадий. **Двенадцать дней и вся жизнь** — 5.
Митрохин Валерий. **Судьба Азова** — 11.
Орлов Даль. **Мы из «Кинопанорамы»** — 6, 7.
Панов Виталий. **Елагинские миллионы** — 12.
Подопригора Г. **«Там, где тяжелее...»** — 11.
Поляничко Виктор. **Нас выбрало время** — 2.
Потехин Анатолий. **Обратный билет** — 5.
Родионов Виктор. **Сохранить планету Земля!** — 8.
Семенов Александр. **Город временного пользования!** — 10.
Синицын Иван. **Инициатива** — 11.
Суворов Владимир. **Начало звездной эры** — 4.
Ткаченко Николай. **Уроки Нерюнгри** — 3; **На переломе** — 7; **Возврати честь заводу** — 9; **Город одного хозяина** — 12.
Чердинцев В. М. **Поле наших забот** — 7.
Эрнст А. Я., Зыков Геннадий. **Право на инициативу** — 8.

● ИСКУССТВО

Алехин А. **Нужна ли грамота творцу!** — 11.
Доронин Анатолий, Лисенков Аркадий. **Что проку от «рока»** — 5.
Пархоменко Виталий. **Рок-н-ролл и классика** — 7.
Синицына Татьяна. — **О «старом» и новом народной песни** — 6.
Тюрин Юрий. **И клятву верности сдержали...** — 12.

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Байгушев Александр. **Подвиг художника** — 4.
Буганов Виктор. **«Он все испытал и все проник»** — 11.
Буханцов Николай. **Испытание нравственностью** — 7; **Книги и судьбы молодых** — 12.
Власенко А. **«...Мы в дело вкладывали наши горячие сердца»** — 10.
Гвоздева Анна. **Мужание героев** — 9.

Елизаветина Г. **«Сознавая великую цель русской литературы...»** — 2.
Ковалев Константин. **В поисках правды о себе** — 3.
Колов Сергей. **На новом рубеже** — 9.
Куликов Борис. **Пухляковские маки** — 8.
Леонов Бор. **На острие атаки** — 5.
Махмудов Амир. **Народный поэт** — 10.
Мысляков В. **Мастер сатиры** — 1.
Прокушев Юрий. **Огонь и ветер России** — 7.
Решетников Л. **Сын сибирской стороны** — 1.
Федь Николай. **Причастность** — 2. **Достоинство литературы** — 6.
Числов М. **Даль и высь таланта** — 5.
Шароева Татьяна. **Жизнь — деяние** — 12.
Шевелева И. **Звездное поле** — 5; **Обретение дерзновенности** — 8; **Необходимость выбора** — 12.
Шульженко Вячеслав. **Ответственность поиска** — 10.
Этов В. **«Я в мире — боец...»** — 6.
Яновский Николай. **Во имя труда** — 11.

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Артемов В. **На страже морских рубежей** — 5.
Баранова-Гонченко Л. **Душа горячая живет...** — 2.
Васильев Владимир. **Свой путь** — 10.
Васягин С. **Крепче брони и сильнее огня** — 5.
Виноградов А. **Приоткрывая завесу** — 4.
Воронин Сергей. **Уверенное начало** — 10.
Гагауз Л. **Я этим временем живу** — 7.
Горбачев Вячеслав. **Верность жизни** — 6.
Демин Н. **Понять человека** — 1.
Динерштейн Е. **Жизнь для книги** — 9.
Доризо Николай. **В начале пути** — 11.
Егорова Наталья. **Вглядываясь в жизнь** — 9.
Ермаков Анатолий. **Воспитание честью** — 11.
Жеглов Игорь. **Верность теме** — 3; **«Силой правды и любви...»** — 12.
Журавлев В. **Песенный настрой** — 8.
Иванова Е. **На переломе** — 9.
Игуменская В. **В глубь истории** — 8.
Калугин Виктор. **Лик времени** — 4.
Карасев Н. **Неиссякаемый источник** — 10.
Кузьмин Н. **В рядах бойцов** — 3.
Лубченков Ю. **Интересы молодых** — 7; **Механизм лжи** — 11.
Мухачев Ю. **Поучительные уроки истории** — 10.
Новиков В. **Свет классики** — 1.
Подберезкин А., Чапис А. **Самая неотложная задача современности** — 8.
Потиевский В. **Земля моя вращается во мне** — 9.
Романова Раиса. **Острота памяти** — 11.
Савко В. **Наши северные соседи** — 5.
Сергованцев Н. **Бережение человечности** — 9.
Спивак И., Зверева Л. **Пути поэзии** — 9.
Супонев Б. **О прозе Николая Задорнова** — 3; **В поисках истины** — 12.
Тверской Александр. **Дар поэта** — 7.
Федь Н. **Книга о военной прозе** — 5.

Фирсов В. **Под оком вселенной** — 12.
Фоменко Александр. **О пошлости на сцене** — 8.
Чуев Феликс. **Имена героев на поверке** — 5.
Шаталов А. **Родство** — 2.
Этова О. **Кому принадлежит будущее!** — 1.

● НАШ КАЛЕНДАРЬ

Иванов Никита. **Мастер и учитель** — 3.
Махмудов Амир. **Слово поэта** — 2.
Савельев Иван. **На линии огня** — 1.
Шошин В. **Школа поэта** — 11.

● КРУГ ЧТЕНИЯ 4, 5, 12.

● ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Роман о мужестве русских моряков — 12.

● ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ»

1 — 2, 4 —12.

Премии журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» за 1985 год — 1.

Первая страница обложки журнала: Выступает танцевальная группа хора имени Пятницкого. Фото А. Черных. Четвертая страница обложки журнала: Стремительный спуск. Фото С. Панина

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Сергей БОБКОВ, Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Владимир МАЛЮТИН, Валентин НОВИКОВ, Борис ОЛЕЙНИК, Петр ПРОСКУРИН, Владимир СЕМЕНОВ, Владимир ФЕДОСОВ, Владимир ФИРСОВ, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора).

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 01.10.86. Подп. в печ. 12.11.86. А12735.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 227.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

Вниманию предприятий и организаций!

Электронно-музыкальные инструменты и усилительно-акустические устройства к ним для Дворцов культуры и клубов можно приобрести в 1987 году. Для этого в ближайшее время следует обратиться с заявкой в местные территориальные органы Госбанка СССР.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

4214

Цена 80 коп.
Индекс 70544

ISSN 0131—2251